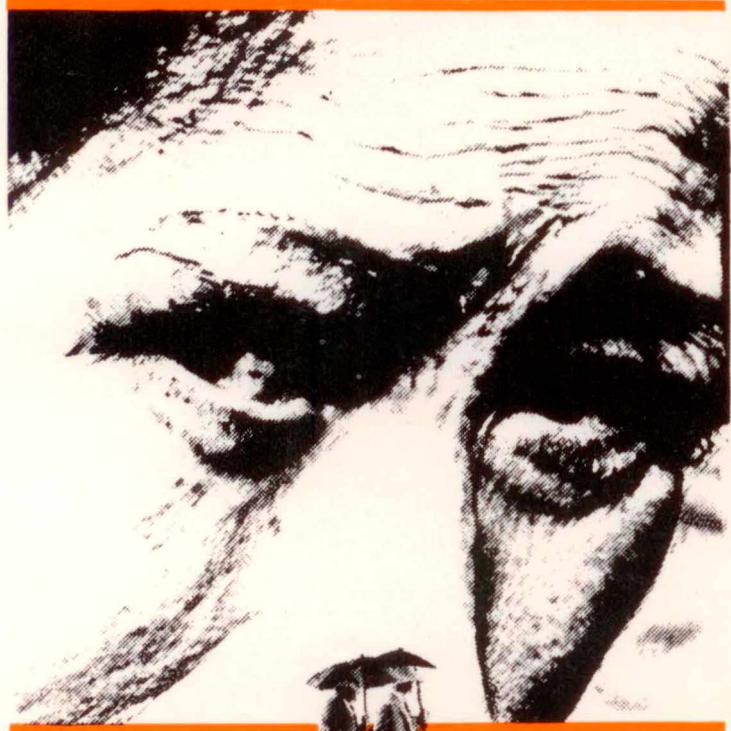

Всеволод Овчинников

Горячий пепел

Документальная повесть
Репортажи и очерки

Всеволод Овчинников

Горячий пепел

Документальная повесть
Репортажи и очерки

Москва
Издательство «Правда»
1987

О-35
ББК 66.2(О)

О $\frac{4502010000 - 68}{080(02) - 87}$ 68 — 87

© Издательство «Правда», 1987.

Часть первая
Горячий пепел
Хроника тайной гонки
за обладание атомным оружием

Часть вторая
Восхождение на Фудзи
Репортажи из Японии

Часть третья
Город у моста
Репортажи из Англии

Часть четвертая
Стихия ГОНКИ
Репортажи из разных стран

Часть первая

Горячий пепел

Хроника тайной гонки
за обладание атомным оружием

*Внукам — Антону и Анне
с пожеланием мирного неба*

День совпадений

25 апреля 1945 года войска 1-го Белорусского фронта соединились северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, завершив таким образом полное окружение Берлина. В этот же день войска 1-го Украинского фронта и союзные англо-американские войска ударом с востока и запада рассекли немецкий фронт и соединились в центре Германии, в районе Торгау.

25 апреля — в тот же самый день, когда вокруг гитлеровской столицы замкнулось железное кольцо, в день исторической встречи советских и американских войск на Эльбе, — в Сан-Франциско открылась конференция Объединенных Наций для подготовки устава всеобщей международной организации по поддержанию мира и безопасности. К ее участникам обратился по радио из Вашингтона президент США Трумэн: «Современная война с ее всевозрастающей жестокостью и разрушениями, если ей не воспрепятствовать, в конце концов сокрушит всю цивилизацию... Если мы не хотим погибнуть вместе в войне, мы должны научиться жить вместе в мире».

В таких выражениях приветствовал представителей 50 государств новый хозяин Белого дома, ставший за две недели до этого президентом США после внезапной кончины Рузвельта.

В том, что открытие конференции Объединенных Наций совпало со встречей советских и американских войск на Эльбе, миллионы людей видели тогда добрый знак. Это совпадение казалось залогом того, что, сплотившись в борьбе против общего врага, участники антигитлеровской коалиции смогут плодотворно сотрудничать и в послевоенном мире.

Но богатый событиями и совпадениями день 25 апреля 1945 года ознаменовался еще одной встречей, имевшей совсем иные последствия.

В то самое время, когда делегаты конференции Объединенных Наций слушали по радио запись речи Трумэна, сам он надолго уединился в Овальном кабинете Белого дома с двумя собеседниками. Военный министр Стимсон впервые привел тогда к новому президенту начальника «Манхэттенского проекта» генерала Гровса.

— Через четыре месяца,— начал Стимсон,— мы, по всей вероятности, завершим создание самого мощного оружия, какое когда-либо знало человечество. С помощью одной такой бомбы можно разом уничтожить целый город. Хотя это оружие создавалось совместно с англичанами, Соединенные Штаты единолично контролируют сейчас ресурсы и мощности, необходимые для его производства, и никакая другая страна не сможет добиться этого в течение ряда ближайших лет.

Затем Стимсон передал слово генералу Гровсу. И тот впервые подробно проинформировал Трумэна о «Манхэттенском проекте». Генерал рассказал, что под его началом трудятся более полутора ста тысяч человек. Вот уже третий год эта беспрецедентная по размаху программа стоимостью в два миллиарда долларов осуществляется в глубочайшем секрете.

Проект, подчиненный лишь президенту через военного министра, финансируется из особого фонда, не подотчетного конгрессу. Даже государственный департамент вплоть до Ялтинской конференции не знал о работах над атомным оружием.

Гровс рассказал о научном центре в Лос-Аламосе, где вместе с американцами трудятся всемирно известные физики, бежавшие из оккупированных Гитлером стран, а также английские и французские ученые, начинавшие атомные исследования самостоятельно.

Генерал доложил президенту, что гигантские секретные предприятия по разделению изотопов урана и производству плутония в Ок-Ридже и Хэнфорде к началу августа должны произвести достаточное количество атомной взрывчатки для трех бомб: одной урановой и двух плутониевых.

Для экспериментального взрыва Гровс рекомендовал использовать плутониевую бомбу. Он считал, что

для дальнейшего совершенствования нового оружия крайне важно применить в боевых условиях оба типа атомных бомб. Урана же будет в наличии лишь на один боезаряд...

На завершающей части доклада начальнику «Манхэттенского проекта» показалось, что Трумэн то ли не вслушивается в его слова, то ли не понимает их смысла. В том, что собеседники втолковывали новоиспеченному президенту, действительно было много совершенно неведомых ему понятий. Но Трумэн сразу же уловил суть дела и именно поэтому глубоко погрузился в размышления.

Ведь хозяином Белого дома внезапно стал недавний сенатор от штата Миссури, который летом 1941 года так сформулировал свое представление о роли США во второй мировой войне: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Став президентом США в момент, когда капитуляция гитлеровского рейха стала вопросом уже не месяцев, а дней, Трумэн оказался перед мучительной дилеммой. С одной стороны, ему не терпелось «осадить русских», проявить жесткость в вопросах послевоенного устройства в Европе. Но, с другой стороны, он опасался, как бы это не толкнуло Советский Союз к отказу от обещания, данного на Ялтинской конференции,— вступить в войну против Японии через три месяца после победы над Германией. Трумэн сознавал, что, если Красная Армия с ее боевым опытом не присоединится к союзникам на Дальнем Востоке, вторжение на Японские острова обойдется Соединенным Штатам куда дороже, чем высадка в Северной Франции.

Вот почему слова Стимсона и Гровса произвели на Трумэна прямо-таки ошеломляющее впечатление. Он почувствовал себя азартным игроком, которому на руки вдруг пришел козырной туз. Сомнения разрешились сами собой. Курс действий четко определился. Сначала на практике показать, что Соединенные Штаты стали единственным в мире обладателем нового

оружия небывалой силы. А потом, опираясь на атомную монополию, шантажировать Советский Союз, заставить его подчиниться американскому диктату.

Готовясь к встрече с советской делегацией в Потсдаме, Трумэн доверительно сказал одному из помощников:

— Если она взорвется, а я думаю, что так оно и будет, у меня наверняка появится дубина на этих парней!

Тревожные сигналы

Летом 1939 года в Париже было необычно мало иностранных туристов и на удивление много парижан. Хотя подошел сезон отпусков, почти никто не выезжал из столицы. Над душным городом как бы сгушалась предгрозовая атмосфера последних предвоенных месяцев.

Даже в студенческом кафе на левом берегу Сены не чувствовалось обычной беззаботности. Несмотря на погожий июньский вечер, многие столики пустовали. И двум посетителям средних лет не пришлось долго искать место.

Один из них был человеком столь же известным в научных кругах, сколь другой — в деловых. Это были Фредерик Жолио-Кюри, руководитель кафедры ядерной химии в Коллеж де Франс, и Эдгар Сенжье, бельгийский промышленник, управляющий урановыми рудниками в Конго.

— Господин Сенжье, я попросил вас о встрече, чтобы обсудить вопрос, связанный прежде всего с моей научной работой. Но дело это касается и судеб Франции и судеб Европы,— Жолио-Кюри на минуту умолк, устремив пристальный взгляд на собеседника.— Насколько мне известно,— продолжил он,— компания «Юнион миньер» является сейчас крупнейшим в мире поставщиком урановой руды.

— Да, по существу, единственным. Если не считать чехословацких рудников в Яхимове. Но добыча там, разумеется, не идет ни в какое сравнение с Бельгийским Конго.

— Так вот, французское правительство, будучи заинтересовано в моих исследованиях, уполномочило меня сделать вам весьма заманчивое коммерческое предложение. Франция готова целиком закупить запас урановой руды, имеющийся в Бельгии, а также приобрести исключительное право на всю продукцию рудников «Юнион миньер» в Катанге.

Сенжье усмехнулся.

— Стало быть, и вы, господин Жолио-Кюри, занялись проблемами военной авиации?

— Вовсе нет! Откуда вы это взяли?

— Видите ли, совсем недавно с таким же точно предложением ко мне обратился не кто иной, как сэр Генри Тизард. Он просил, чтобы наши переговоры оставались в секрете. Но для меня давно уже не секрет, что в Лондоне сэр Генри возглавляет управление научных исследований королевских военно-воздушных сил. Я только не пойму, какое отношение к авиации может иметь самый тяжелый из элементов. Ведь создателям самолетов нужны как раз легкие металлы. Откуда этот внезапный интерес к урановой руде?

— Если говорить в самых общих чертах,—ответил Жолио-Кюри,—уран может обрести огромное стратегическое значение. И как принципиально новый источник энергии и как взрывчатое вещество невиданной разрушительной силы.

— На нечто подобное намекал мне и Тизард. Помнится, он говорил: «Нам, англичанам, даже не так важно самим купить эту руду, как не допустить, чтобы она попала в руки противника». При этом Тизард, несомненно, имел в виду нацистский рейх. Да, Бельгии и Франции вновь грозит германское вторжение. И я, как бельгиец, могу пообещать вам: во-первых, компания «Юнион миньер» готова снабжать Францию урановой рудой, а во-вторых, она не будет продавать эту руду Германии. Но есть ли реальные причины для опасений? Ведь Гитлер вроде бы разогнал всех талантливых физиков, начиная с самого Эйнштейна?

Фредерик Жолио-Кюри молча покачал головой.

В 1935 году, вскоре после того как он вместе со своей женой Ирен Кюри получил Нобелевскую премию за открытие искусственной радиоактивности, в

Коллеж де Франс была создана кафедра ядерной химии. Ближайшими сподвижниками ее основателя и первого руководителя — Жолио-Кюри вскоре стали Ганс Халбан и Лев Коварский. Они бежали во Францию от нацистских репрессий и хорошо знали как потенциальные возможности германской науки, так и способность гитлеровского режима подчинить труд ученых своим замыслам.

В конце 1938 года мировую научную общественность всколыхнуло известие из Германии. Физики Отто Хан и Фриц Штрассман установили, что атомное ядро урана находится в состоянии неустойчивости. Оно способно расщепляться, то есть делиться на две части, выделяя при этом огромное количество энергии. Это открытие дало толчок для научных поисков и теоретических выводов в совершенно новой области. Опираясь на него, сразу несколько ученых в различных странах предсказали возможность самоподдерживающейся цепной реакции в определенной массе урана.

В начале 1939 года Фредерик Жолио-Кюри и его коллеги во Франции, а также венгр Лео Сцилард и итальянец Энрико Ферми в Соединенных Штатах почти одновременно сделали сходные выводы. Если при распаде атома урана высвобождается не один, а несколько нейтронов, каждый из которых способен в свою очередь расщеплять соседние атомы урана, то можно при определенных условиях вызвать цепную реакцию, сопровождающуюся взрывом чудовищной разрушительной силы.

В марте 1939 года Жолио-Кюри, Халбан и Коварский опубликовали в лондонском журнале «Нейчур» статью «Высвобождение нейтронов в ядерном взрыве урана». Этот научный труд свидетельствовал, что в области атомных исследований, и в частности в разработке проблем самоподдерживающейся ядерной реакции, Франция в ту пору опережала другие страны.

Незадолго до беседы с Сенжье о бельгийских запасах урановой руды Жолио-Кюри и его коллеги зарегистрировали несколько патентов, касающихся создания уранового реактора.

Из письма, которое Жолио-Кюри получил от Сциларда из Америки, явствовало, что над этими проблемами думают и ученые в других странах.

Какие же были основания считать, что Германия останется здесь исключением? Ведь там по-прежнему трудились многие известные физики, и в частности Ган и Штрассман...

Жолио-Кюри был прав в своих опасениях.

24 апреля 1939 года в имперское военное министерство Германии обратились с письмом профессор Гамбургского университета Пауль Гартек и его ассистент Вильгельм Грот. «Мы хотели бы привлечь ваше внимание к последним событиям в ядерной физике,— писали они.— По нашему мнению, они открывают возможность создания взрывчатого вещества, которое по своей разрушительной силе на много порядков превзойдет обычную взрывчатку».

26 апреля 1939 года, то есть через два дня после того, как Гартек и Грот направили военному руководству третьего рейха свой вывод о том, что «страна, которая первой поставит себе на службу достижения ядерной физики, обретет абсолютное превосходство над другими», руководитель британских военных исследований Тизард письменно рекомендовал своему правительству любыми средствами помешать Германии сосредоточить у себя запасы урана.

Не ограничиваясь официальными каналами, Тизард по собственной инициативе встретился с Сенжье, с которым несколько позже беседовал Жолио-Кюри. Оба они предостерегали главу фирмы «Юнион миньер», что, если продукция ее африканских рудников попадет к нацистам, это может привести к мировой катастрофе.

Правда, предотвратить захват гитлеровцами того урана, который уже был доставлен из Конго в Европу, так и не удалось. В мае 1940 года Бельгия была внезапно оккупирована. При этом в руки нацистов попало 1200 тонн уранового концентрата, хранившегося на обогатительной фабрике в Оолене. Это была почти половина тогдашнего мирового запаса урана.

Сам Сенжье успел покинуть Бельгию и перебраться в Нью-Йорк. Осведомленный о стратегиче-

ской ценности урана, он распорядился тайком доставить в ангольский порт Лобито всю руду, добытую за последний год на рудниках «Юнион миньер» в Катанге. С подложными документами она была погружена на два зафрахтованных фирмой судна. Эти два транспорта, имевшие, согласно судовым документам, груз смолы для фармацевтической промышленности, вышли из Лобито, имея официальным портом назначения Кейптаун. Вскоре, однако, они изменили курс и необычным маршрутом пересекли Атлантику.

Так в сентябре 1940 года была доставлена в Нью-Йорк другая половина тогдашнего мирового запаса урана. Именно эта руда послужила потом сырьем для «Манхэттенского проекта», именно из нее была изготовлена взрывчатка для первых американских атомных бомб.

Письмо Эйнштейна

Африканская руда, доставленная в Америку стараниями Сенжье, долгое время бесцельно пролежала в одном из пакгаузов нью-йоркского порта. В вашингтонских коридорах власти и даже в военном ведомстве в ту пору еще не придавали должного значения открытиям в области ядерной физики.

Первыми стали бить тревогу и стучаться в двери власть имущих европейские ученые-эмигранты, которых коричневая чума заставила покинуть родину и поселиться в Соединенных Штатах. Инициаторами этих усилий были Сцилард и Ферми.

16 марта 1938 года, как раз в тот день, когда Гитлер полностью прибрал к рукам Чехословакию (то есть захватил все, что осталось от нее после мюнхенского дележа), американский физик Пеграм поставил свою подпись под письмом следующего содержания:

«Адмиралу С. С. Хуперу, Научно-техническое управление военно-морских сил США, Вашингтон.

Дорогой сэръ!

Эксперименты в лабораториях Колумбийского университета свидетельствуют о возможности создать ус-

ловия, при которых химический элемент уран будет отдавать огромный избыток атомной энергии, и можно предположить, что это позволит использовать уран в качестве взрывчатого вещества, сила которого в миллион раз превысит любую известную взрывчатку.

Профессор Энрико Ферми, который вместе с доктором Лео Сцилардом и другими учеными работает над этой проблемой, едет в Вашингтон и позвонит Вам в управление. Если Вы пожелаете увидеться с ним, он будет рад доложить более обстоятельно о последних достижениях и открытиях в данной области.

Профессор Ферми — лауреат Нобелевской премии. В области ядерной физики нет более компетентного человека, чем он.

Искренне Ваш
Джордж Пеграм, профессор физики».

Хупер согласился встретиться с Ферми. Но убедить адмирала в возможности создания атомной бомбы, в опасности того, что подобное оружие могут первыми заполучить нацисты, ученому не удалось. Встреча с представителями вооруженных сил оказалась безрезультатной.

Тогда Сцилард и Ферми решили прибегнуть к помощи самого авторитетного из своих коллег — Альберта Эйнштейна. Создатель теории относительности был единственным из европейских ученых, чье имя пользовалось в США широкой известностью и кто мог рассчитывать на все преимущества, которые дает в Америке пресловутое «паблисити».

К тому же Сцилард и Ферми знали, что, будучи убежденным противником фашизма, Эйнштейн подержит их усилия. Когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, Эйнштейн выступал с лекциями в Соединенных Штатах. Но до него дошла иллюстрированная брошюра нацистской партии под заголовком «Противники режима». Она открывалась фотографией автора теории относительности, под которой стояла подпись «Эйнштейн — еще не повешен».

Гитлеровцы конфисковали имущество ученого под предлогом, что он оказывал поддержку коммунистическому движению. А его научные труды были публи-

чно сожжены вместе с другой «неарийской» литературой в сквере перед Берлинской государственной оперой.

Не имея возможности вернуться на родину, Эйнштейн некоторое время жил в Бельгии. Но провокации нацистской агентуры вынудили его окончательно переселиться в США.

Когда началась гражданская война в Испании, американские антифашисты, формировавшие батальон добровольцев имени Линкольна, очень нуждались в деньгах. Они попросили Эйнштейна пожертвовать рукопись теории относительности: коллекционеры готовы были уплатить за нее огромную сумму. Но рукописи этой не оказалось среди бумаг, которые ученый успел захватить с собой. Пришлось отложить все дела и восстановить ее содержание по памяти. На деньги, вырученные от продажи этой рукописи, добровольцы-антифашисты обеспечили себя оружием.

2 августа 1939 года Сцилард приехал к Эйнштейну и попросил его подписать письмо на имя президента Рузвельта, чтобы побудить Белый дом к безотлагательным действиям.

— Сейчас уже не может быть сомнения, что Европа доживает последние мирные дни,— говорил Сцилард.— Но нас тревожит, что приближение войны, грозящей вот-вот вспыхнуть, совпало с кардинальными научными открытиями, которые, в свою очередь, обязаны своим рождением вам, вашей теории относительности. Нас тревожит, наконец, то, что о военном применении этих открытий заговорила печать. Вот послушайте...

Сцилард раскрыл только что полученный из Лондона журнал «Дискавери». Его сентябрьский номер, по традиции разосланный подписчикам еще до поступления в розничную продажу, открывался статьей английского писателя Чарльза Перси Сноу.

«По мнению некоторых ведущих физиков,— писал Сноу,— в течение нескольких месяцев может быть изготовлено для военных целей взрывчатое вещество, в миллион раз более мощное, чем динамит. Уже не секрет, что начиная с весны 1939 года в лабораториях Германии, Франции, Англии, США лихорадочно рабо-

тают над расщеплением атомного ядра. Задуманное, может быть, и не удастся. Компетентные люди расходятся во взглядах на то, осуществима ли эта идея на практике. Если да, то наука впервые смогла бы разом изменить характер военных действий».

— А ведь статью Сноу могут одновременно с нами читать и члены нацистской верхушки. Относятся ли они к открытиям физиков так же скептически, как американские власти? — мрачно сказал Сцилард.

Эйнштейн слушал молча, изредка кивая головой. Коллеги не принесли ему сенсации. Сентябрьский номер «Дискавери» уже лежал у него на столе.

— Есть ли, по-вашему, какие-либо достоверные свидетельства того, что в Германии действительно развернулись ядерные исследования? — спросил он после молчаливого раздумья.

— Пожалуй, самый существенный и тревожный симптом — прекращение экспорта урановой руды из Яхимова вскоре же после того, как Чехословакия была оккупирована, — ответил Сцилард.

— Ну что ж, если Гитлер действительно вознамерился иметь атомное оружие, наш долг сделать все возможное, чтобы противники нацизма опередили его в этом, — заключил Эйнштейн. — Я готов подписать письмо Рузвельту, если это поможет делу.

Приехав в Вашингтон, Сцилард убедился, что иметь в кармане письмо Эйнштейна на имя Рузвельта — это лишь первый шаг на долгом пути. Письмо нужно было вручить лично президенту. Причем так, чтобы он должным образом оценил смысл документа и не отложил его в кучу бумаг, предназначенных для помощников.

Сцилард решил передать послание Эйнштейна через своего знакомого Александра Сакса. Этот крупный финансист был вхож в Белый дом как неофициальный советник Рузвельта. Но и у него долгое время не было подходящего случая для личной встречи с президентом.

С того дня, как Эйнштейн подписал письмо, прошло десять недель. За это время гитлеровский вермахт вторгся в Польшу. Англия и Франция объявили

войну Германии. Словом, вторая мировая война стала фактом.

Лишь 11 октября 1939 года Сакс получил возможность встретиться с Рузвельтом.

— Я пришел к вам с письмом известного ученого Альберта Эйнштейна, автора теории относительности,— начал Сакс.— Он обращает ваше внимание на возможность военного применения некоторых новых открытий в области физики атомного ядра.

Рузвельт поморщился.

— Что же пишет Эйнштейн?

Сакс вкратце пересказал суть письма.

Недавние исследования Жолио-Кюри во Франции, а также Ферми и Сциларда в Америке заставляют предположить, что в недалеком будущем уран может стать новым важным источником энергии. Весьма вероятно возможность цепной реакции в определенной массе урана. При ней высвобождалось бы огромное количество энергии, а также образовывались бы радиоактивные вещества. Это, в свою очередь, открывает путь к созданию исключительно мощных бомб нового типа. Одна такая бомба, доставленная небольшим катером во вражеский порт, уничтожила бы все находящиеся там корабли...

Судя по всему, письмо Эйнштейна не произвело на Рузвельта должного впечатления.

— Слишком уж странно звучат все эти вещи для непосвященного человека,— сказал президент.— Передайте вашим физикам, что я желаю им успеха. Но мне кажется, что на данном этапе администрации было бы преждевременно вмешиваться в это дело...

— Боюсь, господин президент, что вам не хватает «знания предмета», чтобы оценить предостережение Эйнштейна,— возразил Сакс.— Хотелось бы в связи с этим привести один назидательный пример из истории.

Сакс рассказал о том, как к Наполеону однажды явился молодой американский изобретатель Фултон и предложил заменить французский парусный флот кораблями на паровых двигателях. Они могли бы пересекать Ла-Манш при любой погоде и осуществлять десантные операции в самые неожиданные для против-

ника моменты. Корабли без парусов? Сама эта идея показалась великому полководцу настолько невероятной, что он высмеял изобретателя. По мнению британских историков, заключил Сакс, Англия была спасена от вторжения во многом потому, что Наполеон не сумел должным образом оценить изобретение Фултона.

Этот исторический анекдот явно развеселил Рузвельта. С загадочной улыбкой он что-то шепнул официанту. Тот вскоре появился с бутылкой коллекционного коньяка «Наполеон». С нарочитой торжественностью Рузвельт велел наполнить два бокала. Он чокнулся с Саксом и, вызвав своего помощника, написал на послании Эйнштейна: «Это требует действий!»

Лейтенант Аллье

Подходила к концу зима 1940 года. На западном фронте тянулось необъяснимое затишье, так называемая «странная война».

В середине февраля Фредерик Жолио-Кюри был приглашен к министру вооружений Франции. Господин Дотри, в прошлом промышленник, старался быть в курсе новостей науки и поддерживал контакт со многими учеными в Коллеж де Франс.

— Я только что получил ваше письмо, где вы предлагаете срочно опередить нацистов, внезапно проявивших интерес к норвежской тяжелой воде,— сразу же перешел к делу министр.— Позвольте представить вам господина Аллье. Он входит в правление одного из французских банков, ведущих дела с норвежскими фирмами. Добавлю, что Аллье к тому же является офицером Второго бюро. А у нас во Франции,— уточнил министр,— это то же самое, что в Германии абвер,— военная разведка. Мы считаем, что лейтенант Аллье — самая подходящая кандидатура, чтобы заняться тяжелой водой. А теперь, пржалуйста, объясните нам, на чем основаны ваши тревоги?

Жолио-Кюри вкратце изложил суть дела. Для атомных исследований нужно располагать, во-первых, достаточным количеством урановой руды, а во-вторых,

чистого графита или тяжелой воды, которые используются в реакторе как замедлители нейтронов.

В природе так называемая тяжелая вода существует в очень небольших количествах. Примерно 1 литр этого редкого изотопа на 6800 литров обычной воды. В 1934 году норвежская фирма «Норск-гидро» построила в Рьюкане первый в мире завод, производящий тяжелую воду в промышленном масштабе. Технологию ее получения разработали норвежские физики Тронстед и Брун. Оба они настроены весьма антифашистски и поэтому не замедлили известить Жолио-Кюри, что германские фирмы, которые никогда прежде не имели дел с «Норск-гидро», вдруг захотели приобрести всю продукцию завода в Рьюкане. При этом немцы крайне невразумительно отвечают на вопросы, зачем им понадобилась тяжелая вода, да еще в столь больших количествах.

После продолжительной беседы с Жолио-Кюри лейтенант Аллье вылетел в Осло и от имени своего банка начал переговоры с правлением фирмы «Норск-гидро». Норвежцы, которых тоже насторожили внезапные домогательства немцев, пошли навстречу французам. Было подписано соглашение, по которому Франция приобрела весь наличный запас тяжелой воды (185 килограммов), а также предпочтительное право на дальнейшие закупки продукции завода.

Однако во французском посольстве в Осло сотрудники Второго бюро уведомили Аллье, что нацистская агентура знает о его миссии и имеет задание сорвать ее. Чтобы переправить покупку в Париж, потребовалась тщательно разработанная операция.

Через фирму «Норск-гидро» Аллье официально заказал 26 канистр для транспортировки купленной им тяжелой воды. Однако в небольшой сварочной мастерской близ Осло его норвежские друзья изготовили дубликаты этих металлических баллонов с точно такими же надписями.

Полученные на заводе 26 канистр с тяжелой водой были уложены в пять чемоданов и помещены в багажник автомашины французского посольства. Однако на пути из Рьюкана в Осло, когда Аллье остановился по-

обедать в придорожном ресторане, чемоданы с баллонами были подменены. В другой машине, будто бы случайно оказавшейся рядом в гостиничном гараже, лежали точно такие же упакованные канистры с обыкновенной водой. Именно этот груз и был доставлен прямо к специально зафрахтованному самолету.

Аллье попрощался с пилотом — тоже сотрудником Второго бюро, который знал об операции. Самолет взял курс на юго-запад. До ближайшего французского аэродрома было 1600 километров.

Недалеко от побережья Дании пилот заметил в море германский сторожевой катер. А вскоре на горизонте появились три черные точки. Это были «мессершмитты». Они заставили французского летчика повернуть на восток и совершить посадку в Гамбурге. Француз был тут же доставлен на допрос.

— Ваше воинское звание?

— Я пилотировал гражданский самолет. На каком основании меня заставили приземлиться в Германии?

— Нам известно, что такие машины используются и для вспомогательных нужд французских ВВС. Во всяком случае, вы выполняли задание, имеющее военный характер. А Франция и Германия находятся в состоянии войны. Сообщите нам ваше воинское звание, и тогда с вами будут обращаться как с военнопленным.

— Каждый французский пилот имеет сейчас аттестацию офицера военно-воздушных сил.

— Зачем вы летали в Норвегию?

— У меня путевой лист на перевозку 26 канистр.

— Я спрашиваю об их содержимом.

В это время в комнату вошел несколько растерянный офицер.

— Мы только что вскрыли один из баллонов. Там самая обыкновенная вода,— сказал он.

— Как обыкновенная вода? А где же продукция завода в Рьюкане?

— По всей вероятности, она уже прибыла на место назначения,— усмехнулся французский летчик.

Пока Аллье демонстративно провожал специально зафрахтованный им самолет, канистры с тяжелой водой были доставлены на конспиративную квартиру,

упакованы в ящики и сданы в камеру хранения аэропорта в Осло. Два агента французской военной разведки, которые никогда раньше не вступали в открытый контакт с Аллье, погрузили их в самолет, вылетевший в Глазго.

16 марта 1940 года 185 килограммов тяжелой воды, то есть основная часть ее тогдашнего мирового запаса, были доставлены в Париж и переданы Жолио-Кюри. Это произошло за несколько недель до того, как Гитлер оккупировал Норвегию.

Комитет Томсона

10 апреля 1940 года в Лондоне в старинном викторианском здании Королевского общества собрались члены комитета Томсона. Этот субсидируемый правительством орган был учрежден, чтобы заниматься вопросами военного применения атомной энергии.

— Джентльмены! — обратился к собравшимся председатель комитета физик Джордж Томсон. — Позвольте представить вам гостя из Парижа, господина Жака Аллье. Это тот самый сотрудник Второго бюро, который по инициативе Жолио-Кюри только что осуществил блестящую операцию в Норвегии: вывез буквально из-под носа у нацистов почти весь мировой запас тяжелой воды. Наш комитет расценивает его приезд как начало важных контактов в новой области. Мы отдаем себе отчет, что благодаря открытиям, сделанным под руководством Жолио-Кюри, Франция к началу 1940 года опередила другие страны Запада в области ядерных исследований. Но, с другой стороны, для всех очевидно, что она гораздо больше, чем Англия, уязвима для непосредственного вторжения противника.

— Мне было поручено прибыть в Лондон, — взял слово Жак Аллье, — не только для того, чтобы поставить вопрос о сотрудничестве Франции и Англии в атомных исследованиях. Жолио-Кюри просил меня привлечь внимание британских ученых, а также моих коллег в Англии к германским работам в данной об-

ласти. Что представляет собой так называемое «Урановое общество»? Дискуссионный клуб физиков или финансируемую правительством научную организацию наподобие комитета Томсона? Видимо, пришла пора объединить усилия разведок Франции и Англии, чтобы разобраться в этом.

— С чего бы вы предложили начать? — спросил пожилой адмирал.

— Я привез с собой список германских ученых, которые, по нашему мнению, могут быть участниками такого рода исследований. Было бы важно проверить, продолжают ли они работать в своих университетах или как-то перегруппированы.

— В Англии сейчас немало немецких физиков, бежавших от нацизма. Они, видимо, смогут помочь нам в уточнении подобного списка, — добавил Томсон.

— Немецких физиков сейчас полно всюду за пределами третьего рейха. Но раз они убежали от Гитлера, кто же, по-вашему, может заниматься расщеплением атома в Германии? — раздался чей-то скептический голос.

— Не следует преувеличивать, — возразил Аллье. — Германская наука, безусловно, ослаблена нацистскими репрессиями. Но в целом научно-технический и тем более промышленный потенциал страны по-прежнему занимает одно из ведущих мест в мире. Что же касается физиков, то в Германии остались Отто Ган, Вернер Гейзенберг, Карл Вайцеккер и другие.

Аллье обратил внимание членов комитета на то, что с первых же дней войны имя Гейзенберга исчезло из печати. Да и вообще разделы германских научных журналов, относящиеся к ядерной физике, особенно к разделению изотопов урана, изобилуют пробелами.

На данном этапе в Германии могут идти главным образом теоретические и лабораторные исследования. О них труднее всего собрать достоверную информацию, тем более в такой специфической области, как ядерная физика. Скажем, авиационная разведка здесь практически ничем не может помочь.

В итоге заседания комитета Томсона были сформулированы главные пункты задания для британской во-

енной разведки. Прежде всего следовало установить, чем и где занимаются с начала войны шестнадцать ведущих германских физиков. Во-вторых, предписывалось взять под наблюдение существующие в Германии заводы по очистке и переработке редких металлов, особенно предприятия, связанные с ураном и торием, а также заводы по производству центрифуг и поршневых насосов.

Угольщик «Брумпарк»

Прошло ровно два месяца с тех пор, как коллектив физиков Коллеж де Франс получил в свое распоряжение вывезенную из Норвегии тяжелую воду. Работы шли своим чередом. Теперь, имея под рукой все необходимое, можно было расширять их масштаб.

16 мая 1940 года в лаборатории Жолио-Кюри раздался телефонный звонок. Министр вооружений Дотри сообщил тревожные новости. Двинувшись в обход линии Мажино, гитлеровцы прорвали фронт в районе Седана и начали наступление на Париж.

Французская столица была объявлена открытым городом. Правительство решило переехать в Бордо. Министр просил Жолио-Кюри срочно вывезти или уничтожить все документы, имеющие отношение к атомным исследованиям, а также укрыть в безопасном месте тяжелую воду.

Халбан и Коварский выехали в Клермон-Ферран, чтобы подыскать там подходящее помещение для лаборатории. Неподалеку находился городок Риом, известный своей тюрьмой для особо опасных преступников. Вот туда-то, в камеру для приговоренных к пожизненному заключению, физики сложили канистры с тяжелой водой.

Закончив сортировку своих архивов в Коллеж де Франс, Жолио-Кюри тоже покинул опустевший Париж и присоединился к своим коллегам в Клермон-Ферране. Они быстро сделали все необходимое, чтобы возобновить эксперименты с ураном и тяжелой водой на новом месте.

Однако планы ученых не сбылись. Июньским утром к их дому подъехала машина. В ней находились Аллье и научный атташе британского посольства лорд Саффолк. Этот лорд с пышными усами олицетворял собой тип эксцентричного английского путешественника, словно сошедшего со страниц Жюль Верна.

По словам Аллье, обстановка на фронте настолько осложнилась, что французское правительство решило эвакуировать из страны ученых, связанных с исследованиями военного значения, а также вывезти ряд стратегических материалов, в частности запас тяжелой воды и промышленных алмазов. По договоренности между Парижем и Лондоном лорду Саффолку поручено содействовать этой операции.

— Британское правительство,— сказал Саффолк,— придает особое значение эвакуации коллектива Коллеж де Франс. Оно готово прислать за господином Жолио-Кюри эсминец.

— Тяжелую воду действительно необходимо срочно вывезти в Англию,— заявил Жолио-Кюри.— А вот уезжать ли из Франции нам, каждый должен решить сам за себя. Для вас,— продолжал он, обращаясь к Халбану и Коварскому,— сомнений быть не должно. В Англии или в Канаде вы сможете трудиться с таким же вдохновением, как и во Франции. Что же касается лично меня, то я остаюсь. Пусть решение это подсказано скорее сердцем, чем разумом. Я должен остаться со своими друзьями, с теми, кто решил вступить в ряды Сопротивления...

— Но ведь в оккупированной Франции вы не сможете принять участие в создании оружия, которое было бы вашим главным вкладом в победу над нацизмом!

— Пусть так. Но, кроме формальной логики, есть и другие мотивы для человеческого поведения. Я вижу свое место в Париже.

— Время не терпит! — сказал Аллье.

Вместе с Халбаном и Коварским они отправились на машине в Риом. Начальник тюрьмы не хотел отдавать канистры без письменного распоряжения военного командования. Но медлить было нельзя. Аллье вы-

нул револьвер и, щелкнув предохранителем, произнес: «Вот это и есть военный приказ!»

В порту Бордо шла погрузка на корабли. Граф Саффолк хлопотал на палубе закопченного английского сухогруза «Брумпарк», многие годы возившего в Бордо уголь из Кардиффа.

Было известно, что гитлеровцы разбросали в устье Жиронды магнитные мины, способ обнаружения которых еще не был найден. На случай, если угольщик подорвется на mine или будет торпедирован германской подводной лодкой, на палубе соорудили плот и привязали к нему баллоны с тяжелой водой, а также ящики с промышленными алмазами. Следовавший за «Брумпарком» другой сухогруз подорвался на mine у самого выхода в море. Как раз это и позволило впоследствии сбить с толку нацистских ищеек.

14 июня 1940 года германские войска вошли в Париж. В Коллеж де Франс тут же нагрянули эсэсовцы. Когда они принялись выпытывать у Жолио-Кюри, куда делась вывезенная из Норвегии тяжелая вода, ученый сумел убедить их, что направлявшийся с ней в Англию сухогруз «Брумпарк» затонул в устье Жиронды, не дойдя до английских берегов.

«Урановое общество»

26 сентября 1939 года, то есть за две недели до того, как письмо Эйнштейна было вручено Рузвельту, в Берлине, в управлении армейских вооружений, было созвано совещание ведущих германских физиков. На него были, в частности, приглашены Гартек, Гейгер, Боте, Дибнер. Через некоторое время эту группу дополнили Гейзенберг и Вайцзеккер. Как видно, в первые же дни войны германская военная верхушка проявила интерес к ядерным исследованиям. На совещании было основано «Урановое общество», разработанная программа его деятельности, определены задачи отдельных научных групп.

Тем самым нацистское правительство официально утвердило «Урановый проект» как составную часть

научных исследований военного значения. В административном отношении он поначалу был более совершенен, чем аналогичные организации во Франции, Англии и США. Большинство физиков, призванных на военную службу, получили разрешение вернуться в свои лаборатории.

Научным центром «Уранового проекта» был определен Физический институт Общества кайзера Вильгельма (подобно Королевскому обществу в Англии, оно выполняло в Германии функции Академии наук).

Ректором Физического института (в ту пору одного из крупнейших в Европе научных учреждений, которым в 20-х годах руководил Альберт Эйнштейн) был назначен Вернер Гейзенберг. К участию в «Урановом проекте» были подключены физико-химические факультеты Гамбургского, Лейпцигского и Гейдельбергского университетов.

В тогдашней научной структуре Германии существовала резкая грань между исследованиями и разработками. Всем тем, что относилось к разработкам, то есть к практическому применению научных открытий, ведал имперский министр вооружений Альберт Шперер. Что же касается исследовательских работ военного значения, то их курировало управление армейских вооружений. Именно туда в конце концов попало письмо гамбургских физиков Гартека и Грота. Им занялся начальник исследовательского отдела Эрих Шуман. Будучи родственником великого композитора, он использовал это родство вполне в духе времени: сочинял военные марши. Такое увлечение служило поводом для эпиграмм, в которых на все лады рифмовались немецкие слова «физик» и «музик». Впрочем, может быть, именно написанные для вермахта марши помогли посредственному физикау стать начальником отдела в управлении армейских вооружений, а впоследствии — одной из важных фигур «Уранового проекта».

Управлению армейских вооружений был непосредственно подчинен и Физический институт Общества кайзера Вильгельма. Шуман взял на себя роль административного руководителя группы в составе Гейзенберга, Гана, Вайцеккера и других физиков, заняв-

шихся созданием экспериментального уранового котла на военном полигоне близ Берлина.

В ту пору гитлеровская Германия располагала научным и производственным потенциалом, а также материальными и финансовыми ресурсами для ядерных исследований. В области металлургии, машиностроения, электротехники германская промышленность занимала второе место в мире после американской, а в области химии даже опережала ее.

В мае нацисты оккупировали Норвегию, где тогда находилось единственное в мире предприятие по производству тяжелой воды в промышленном масштабе. Вскоре же была оккупирована Бельгия, где, как уже говорилось, был захвачен большой запас уранового концентрата.

Потребности лабораторных исследований в Германии до этого покрывались яхимовским месторождением на территории Чехословакии. (Его смоляная руда с большим содержанием окиси урана до войны шла на изготовление огнеупорных красок в керамической промышленности.) Захваченной же в Бельгии конголезской руды германским физикам хватило бы даже для расширения работ до масштабов, аналогичных американскому «Манхэттенскому проекту».

В течение 1940—1941 годов Вернер Гейзенберг и его коллеги осуществили главные теоретические и экспериментальные исследования, необходимые для создания атомного реактора с использованием урана и тяжелой воды. Они также установили, что ядерной взрывчаткой может служить не уран-238, а его редкий изотоп — уран-235.

В июле 1940 года Карл Вайцеккер теоретически установил, что уран-238 должен превратиться в атомном реакторе в новый элемент, по своим свойствам аналогичный урану-235. Таким образом, он самостоятельно открыл элемент, который американцы впоследствии назвали плутонием, и обосновал возможность его использования в качестве взрывчатого вещества.

В декабре 1940 года, как раз к тому времени, когда под руководством Гейзенберга был построен пер-

вый исследовательский реактор, фирма «Ауэргезель-шафт» освоила производство металлического урана.

В течение следующего, 1941 года его было получено две с половиной тонны. За океаном о таких количествах чистого урана тогда и не мечтали. Лишь в конце 1942 года американская промышленность смогла предоставить Энрико Ферми шесть тонн металлического урана для реактора в Чикаго.

Правда, в ту же пору в Германии был принят ряд решений, оказавшихся впоследствии роковыми для «Уранового проекта». Группа ученых во главе с Вальтером Боте сделала ошибочный вывод о непригодности графита как замедлителя в урановом реакторе. Поставить под сомнение итог проведенных Боте опытов никто не решился. Слепое преклонение перед авторитетами было тогда «ахиллесовой пятой» германской науки. Ставка целиком была сделана на тяжелую воду. А поскольку производство ее тепловыми электростанциями в Германии обошлось бы непомерно дорого, пришлось ориентироваться на ввоз тяжелой воды из Норвегии.

Другой просчет касался разделения изотопов урана. Гартек и Грот пробовали делать это в Гамбурге методом центрифугирования, но успеха не имели. Однако участники «Уранового проекта» не попытались применить хорошо известный в Германии метод термомодифузии, который разработал их соотечественник Густав Герц.

По этому методу шестифтористый уран пропускают сквозь пористую перегородку. Более легкие молекулы урана-235 проскакивают такое сито быстрее, чем молекулы урана-238. Повторяя вновь и вновь такую перегонку, можно постепенно увеличивать содержание редкого изотопа. Именно метод Герца с успехом применили для этой цели англичане, а потом — американцы. Немцы же словно забыли о нем. Почему?

Из шестнадцати германских физиков, чьи имена комитет Томсона передал британской военной разведке в качестве вероятных участников «Уранового проекта», пятнадцать действительно были таковыми. Исключением оказался лишь Густав Герц. Нацисты ли-

шили его допуска к секретным работам из-за «неарийского происхождения».

Впрочем, последствия этого выявились много позже. В те летние месяцы, когда геббельсовская пропаганда взахлеб превозносила первые победы на Восточном фронте, участникам «Уранового проекта» тоже сопутствовал успех. Они убедились, что ядерная цепная реакция действительно возможна. Приборы показали, что заложенная в реактор масса урана выделяет больше нейтронов, чем поглощает их.

Впоследствии Гейзенберг вспоминал: «В сентябре 1941 года мы увидели открывшийся перед нами путь. Он вел нас к атомной бомбе».

«Тьюб эллойс»

Работы в области расщепления атомного ядра начались в Англии лишь немногим позже, чем во Франции, и тоже при правительственной поддержке.

Как только в 1939 году профессор Имперского колледжа в Лондоне Джордж Томсон прочел статью Жолио-Кюри и его коллег в журнале «Нейчур», он тут же дал знать об этом Генри Тизарду, возглавлявшему научные исследования военного значения. Они вместе отправились на Уайтхолл за правительственной поддержкой. К их словам о том, что ядерная физика может совершить переворот в военном деле, в Лондоне отнеслись с достаточной серьезностью. Видимо, потому, что в Англию уже поступили агентурные сведения о том, что в Германии учреждено «Урановое общество».

Томсона обеспечили деньгами, предоставили в его распоряжение тонну урановой руды. А в апреле 1940 года ученый был поставлен во главе правительственного комитета по использованию атомной энергии в военных целях.

Комитет Томсона был создан накануне того периода войны, когда Англия на какое-то время оказалась один на один с гитлеровской Германией. Началась «битва за Британию» — массированные налеты фашистской авиации на Лондон. Геббельсовская пропа-

ганда трубила о броске через Ла-Манш. Военная обстановка выдвинула на передний план другие, более неотложные задачи. Причем самой срочной из них считали тогда создание радара для защиты от гитлеровской авиации.

Тем не менее как раз в дни «битвы за Британию» работы в Кембридже, Бирмингеме, Ливерпуле, которые координировал Томсон, существенно продвинулись вперед. Причем особенно значительный вклад внесли в это ученые-эмигранты. Они могли по-прежнему целиком посвящать себя атомным исследованиям, поскольку служба безопасности не подпускала иностранцев к засекреченным работам в области радиолокации, борьбы с магнитными минами, обнаружения подводных лодок, на которые были мобилизованы их британские коллеги.

Хотя многие из этих ученых перебрались в Англию еще до начала войны, их все равно держали на учете как «иностранцев из враждебной державы». Из-за этого физикам с континента пришлось пережить немало унижительных минут, когда их не допускали к документам, где излагались ими же предложенные идеи.

Халбан и Коварский, для которых Англия стала вторым после Франции прибежищем от нацизма, обосновались в Кембридже. Результаты исследований, проведенных ими вместе с Жолио-Кюри в Коллеж де Франс, явились, разумеется, огромным подспорьем для британской программы. Не говоря уже о том, что тяжелая вода, которую они перевезли через Ла-Манш после падения Парижа, обеспечила наряду с урановой рудой из Южной Африки и Канады достаточную сырьевую базу для английских исследований. На этой основе Халбан и Коварский подтвердили возможность достижения цепной реакции с помощью урана и тяжелой воды, а также существенно помогли работам по разделению изотопов урана, которые велись в Ливерпуле под руководством англичанина Чедвика.

Хотя между учеными различных национальностей сразу же установился плодотворный творческий контакт, британские власти все же относились к выходцам с континента с некоторой настороженностью и даже подозрительностью. Английские физики призывали

своих коллег философски относиться к возникавшим из-за этого неприятностям. Однако эту горькую чашу пришлось впоследствии до дна испить и им, когда сами англичане оказались точно в таком же положении в США.

15 июля 1941 года комитет Томсона представил свой доклад британскому правительству. В этом документе был впервые официально сделан вывод, что атомная бомба действительно может быть создана и что она способна сыграть решающую роль в данной войне, то есть оправдать затраченные на нее материальные и людские ресурсы. В докладе приводились расчеты критической массы урана-235, говорилось о возможности накапливать плутоний в ядерном реакторе, а также предлагался проект опытного предприятия по разделению изотопов урана.

В октябре 1941 года, в те самые дни, когда гитлеровские полчища вырвались на подступы к Москве, в Англии была учреждена государственная организация по созданию атомного оружия. Она получила кодовое наименование «Тьюб эллойс».

16-й пункт доклада

4 июня 1942 года имперский министр вооружений Альберт Шпеер провел в Берлине расширенное совещание по «урановому проекту». Кроме физиков Гейзенберга, Гана, Гартека, Дибнера, в нем участвовали фельдмаршал Мильх, генерал-полковник Фромм, ведавший поставками боевой техники для вермахта, начальник управления армейских вооружений генерал фон Леб и другие.

Возобновление интереса к «урановому проекту» со стороны нацистской военной верхушки не было случайным. К лету 1942 года стало ясно, что планы молниеносной войны против Советского Союза не осуществились. Германские войска были остановлены под Ленинградом, отброшены от Москвы.

Неудачи зимней кампании списывали на «лютые русские морозы». Но когда вновь пришло лето, вер-

махт был уже не в состоянии возобновить удары по всему фронту. Да и на юге, куда были брошены главные силы, наступление то и дело захлебывалось, требуя все новых подкреплений. Оставалось уповать на некое «сверхоружие», способное вернуть гитлеровцам стратегическую инициативу.

Рейхсминистр Шпеер начал совещание без предисловий.

— Военное руководство рейха, — сказал он, — хотело бы услышать от участников «уранового проекта» ответы на два вопроса. Во-первых, возможно ли создание атомной бомбы? И, во-вторых, когда?

Вернер Гейзенберг доложил о ходе исследований за три предыдущих года. Он начал с того, что на пути к осуществлению самоподдерживающейся цепной ядерной реакции оказалось гораздо больше трудностей, чем германские физики поначалу ожидали.

Тем не менее работы продвинулись вперед. Экспериментально доказана возможность создания уранового котла с использованием тяжелой воды в качестве замедлителя. На основании теоретических расчетов сделан вывод, что в таком котле будет образовываться новый элемент с атомным весом 239 и что это вещество способно служить атомной взрывчаткой, как и уран-235, но зато будет гораздо доступнее для получения химическим путем.

Как явствовало из доклада, германские физики видели свою задачу прежде всего в создании уранового котла на медленных нейтронах. Они считали, что в конечном счете удастся сконструировать компактный котел, где расщепление ядер урана нарастало бы лавинообразно. Атомная бомба представлялась им, стало быть, попросту взрывающимся урановым реактором.

Многие участники совещания, одетые в мундиры, впервые в жизни слышали такие термины, как расщепление атомного ядра или разделение изотопов урана. Особенно большое впечатление на военных произвели слова о том, что новое вещество, которое, по расчетам ученых, станет накапливаться в урановом котле, будет примерно в миллион раз более мощной взрывчаткой, чем динамит.

— Как мыслится военное применение уранового котла или урановой бомбы? — спросил фельдмаршал Мильх.

— Что касается уранового котла, то он мог бы служить стационарным источником энергии или двигателем на военном корабле, автономность которого сразу бы резко возросла. Если же говорить об устройстве с ядерной взрывчаткой, то оно, наверное, будет чересчур громоздким, чтобы доставить его к цели с помощью артиллерийского снаряда или самолета. Но ведь можно представить себе самодвижущуюся торпеду, которая разом уничтожила бы целую военно-морскую базу противника.

— Вы упомянули, что распад атомов урана сопровождается выделением радиоактивных веществ. Нельзя ли использовать их ядовитое излучение, чтобы заражать воздух или воду на территории противника? — спросил генерал-полковник Фромм.

Хотя вопрос этот несколько покоробил ученых, они ответили утвердительно.

— Давайте вернемся к тому, с чего мы начали, — вмешался рейхсминистр Шпеер. — Хотелось бы уточнить, сколько времени потребуется участникам «уранового проекта», чтобы создать новый вид оружия, готовый для боевого применения? Три месяца или шесть месяцев?

Гейзенберг отрицательно покачал головой. Он сослался на ограниченные возможности германской экономики. Для создания самоподдерживающейся цепной ядерной реакции нужно по крайней мере 10 тонн металлического урана, 5 тонн тяжелой воды. Ни того, ни другого в подобных количествах участники проекта пока получить не могут. До сих пор не найдено надежного способа разделения изотопов урана. К тому же этот процесс требует огромного количества электроэнергии. Словом, для создания урановой бомбы потребуются не месяцы, а годы.

— Можете ли вы назвать более конкретный срок?

— От двух до пяти лет, даже если мы получим всю необходимую материальную поддержку, — ответил Гейзенберг.

— Хорошо, я доложу фюреру о нашем совещании и извещу вас о решении насчет масштабов дальнейших работ,— заключил Шпеер.

23 июня 1942 года Шпеер сделал очередной доклад Гитлеру о проблемах военной промышленности. Информация об «урановом проекте» фигурировала в нем лишь как 16-й пункт и удостоилась одной-единственной фразы в дневнике рейхсминистра: «Коротко доложил фюреру о совещании по поводу атомных исследований и оказанном содействии».

Диверсия на «Норск-гидро»

Зимой 1942 года главный инженер фирмы «Норск-гидро» Брун вступил в контакт с участниками норвежского движения Сопротивления. Он рассказал, что оккупационные власти потребовали резко увеличить производство тяжелой воды в Рjukanе. Однажды во время ночного дежурства Бруну удалось скопировать планы размещения дополнительного оборудования, которое уже начали монтировать.

Брун просил срочно переправить эти материалы в Англию, где одним из руководителей организации «Свободная Норвегия» стал его друг Тронстед (в свое время они вместе разработали технологию получения тяжелой воды методом электролиза).

В Лондоне сразу же поняли, что сведения, поступившие от Бруна, имеют исключительную важность. Когда немцы хотели перехватить купленную Парижем тяжелую воду, это могла быть всего-навсего попытка воспрепятствовать французским экспериментам. Теперь же налицо были неоспоримые доказательства того, что нацистская Германия всерьез разворачивает атомные исследования. Поэтому задача воспрепятствовать расширению производства на «Норск-гидро» обрела военно-стратегическое значение.

Обсуждая план будущей операции с британскими военными властями, Тронстед доказывал, что бомбардировка Рjukanа нанесла бы больше ущерба гражданскому населению, чем самому объекту. По его мне-

нию, взорвать завод могла бы лишь диверсионная группа из норвежцев, хорошо знакомых с предприятием и окружающей местностью. Однако англичане заявили, что берут выполнение операции на себя. Взорвать оборудование по производству тяжелой воды было поручено двум взводам специальной авиадесантной службы («САС»).

Поскольку германская противовоздушная оборона в Норвегии была оснащена лишь звукоуловителями и не имела радарных установок, было решено доставить туда десантников на планерах. Норвежским подпольщикам предписывалось лишь встретить англичан на плато к северу от Рьюкана.

Тронстед предостерегал, что посадка планеров с десантниками и взрывчаткой будет сопряжена с большим риском: погода в центральной Норвегии очень неустойчива, а на плато много валунов и трещин. Однако доводы эти не были приняты во внимание.

19 ноября 1942 года, в тот самый день, когда Красная Армия мощным артиллерийским шквалом начала наступление под Сталинградом, два английских бомбардировщика «Галифакс», ведя за собой на буксире планеры, взлетели с одного из военных аэродромов в Шотландии.

Для королевских военно-воздушных сил это была, в сущности, первая боевая операция с применением планеров. Экипажи бомбардировщиков не имели достаточного опыта их буксировки. К тому же участникам рейда не повезло с погодой. Хотя экипажам было запрещено выходить в эфир, с борта одного из самолетов поступила радиограмма: «Попали в метель. Сбились с пути. Началось обледенение».

Пилот первого бомбардировщика полагал, что все еще находится над морем, но в действительности давно уже летел над Норвегией. Внезапно увидев перед собой отвесную скалу, он отцепил планер и попытался круто набрать высоту. Тем не менее машина врезалась в горный склон.

Весь экипаж бомбардировщика погиб. Планер разбился неподалеку. Из находившихся в нем десантников в живых осталось четырнадцать. У другого бомбардировщика из-за обледенения оборвался буксир-

ный трос, и он, оставив планер на произвол судьбы, повернул обратно на базу. Из второго взвода десантников уцелело девять человек.

На место катастрофы примчался немецкий карательный отряд, перехвативший радиосигналы англичан. Среди обломков планера нацисты обнаружили толовые пакеты и детонаторы.

Англичане, которым пришлось нести на себе раненых, не успели уйти далеко и были схвачены. Пленных доставили в военную комендатуру города Эггсунд. После краткого допроса все они были расстреляны в соответствии с приказом Гитлера о диверсантах и партизанах.

Их поспешная казнь вызвала конфликт между гестапо и абвером. Рейхсфюреру СС Гиммлеру была направлена в Берлин следующая телеграмма: «В ночь с 19 на 20 ноября вблизи Эггсунда разбились два английских планера, а также один из бомбардировщиков, которые буксировали их. На борту планеров была диверсионная группа из 35 человек. Примерно третья часть из них погибла при падении. К сожалению, военные власти расстреляли уцелевших, и теперь выяснить цель операции невозможно».

При планировании следующего рейда англичанам пришлось прислушаться к мнению Тронстеда. Было решено вывести завод из строя силами норвежской диверсионной группы, забросив в помощь подпольщикам шесть опытных парашютистов-подрывников.

Почти два месяца их тщательно тренировали на специально созданном макете завода. В разгар подготовки пришло сообщение, что окруженная под Сталинградом 330-тысячная армия Паулюса капитулировала. Весть эта вызвала всеобщее ликование.

Две недели спустя парашютистов доставили на залитый дождем аэродром. Странно выглядели они в белых маскировочных халатах и с лыжами в руках среди февральских луж мокрой шотландской зимы.

На этот раз пилот вовремя заметил сигнальные огни. Несмотря на снежную бурю, парашютисты приземлились благополучно.

Еще целую неделю объединенный отряд уточнял детали операции на местности. Гитлеровская охрана была вправе считать, что о неприступности объекта в Рьюкане позаботилась сама природа.

Гидроэлектростанция и электролизный завод были с одной стороны защищены высокой отвесной скалой, а с другой — ущельем. Подступы к нему были заминированы. Лишь в одном месте через ущелье был перекинут висячий мост, который круглосуточно охранялся. Чтобы проникнуть на завод, Тронстед и Брун предложили диверсантам воспользоваться узким тоннелем для электрического кабеля.

Операцию назначили на 27 февраля 1943 года. Двое подрывников в сопровождении двух местных подпольщиков друг за другом поползли по узкому тоннелю. Остальные члены отряда разбились на группы, чтобы прикрывать их отход.

Тоннель привел норвежцев в самое сердце завода — в цех концентрации тяжелой воды. Туда же были втянуты на канатах рюкзаки со снаряжением. Вчетвером диверсанты быстро разместили под цистернами взрывчатку и детонаторы, а также заложили шрапнель в переплетения охладительных труб.

На обратном пути пришлось тянуть за собой провода взрывного устройства. Когда до выхода из тоннеля оставалось несколько метров и трое из норвежцев уже выбрались наружу, руководитель группы подсоединил к детонаторам часовой механизм, который должен был сработать через 20 минут.

За взрывом наблюдали, укрывшись среди скал. Он раздался секунда в секунду. Тотчас же завывли сирены. Машины с охраной устремились к заводу. Однако члены диверсионной группы были уже в безопасности и вскоре благополучно добрались до шведской границы.

На другой день в Рьюкан прибыл германский верховный комиссар в Норвегии. Он приказал арестовать в городе десять заложников и предупредил, что они будут расстреляны, если местные жители не выдадут диверсантов. Однако продолжительные допросы рабочих, находившихся в момент взрыва на территории завода, не выявили никаких улик.

— Судя по участкам технологического цикла, которые выведены из строя, мы имеем дело с профессиональной военной акцией. Принимать в ответ на нее карательные меры против гражданского населения было бы не в интересах оккупационных властей,— доложил верховному комиссару представитель абвера.

В Рjukan стянули крупные полицейские силы. Но это уже не меняло дела. Производство тяжелой воды на «Норск-гидро» было надолго парализовано.

Эхо Сталинграда

Почему «урановый проект» не завершился созданием атомной бомбы? Ведь германская наука вообще и физика в частности занимали в ту пору ведущие позиции в мире, а по своему промышленному потенциалу Германия уступала лишь Соединенным Штатам.

К тому же «урановый проект» взял уверенный старт. Поначалу его участники почти на всех направлениях опережали своих соперников. Германские физики первыми завершили теоретические и экспериментальные исследования, необходимые для создания атомного реактора, действующего на уране и тяжелой воде.

Они первыми предсказали, что в урановом котле будет накапливаться новый элемент, который был потом назван плутонием, первыми наладили производство металлического урана в промышленных масштабах. Достаточно сопоставить даты и факты, чтобы убедиться: в 1940 и 1941 годах они лидировали в гонке.

Им оставалось сделать следующий шаг. Перейти от лабораторных установок к промышленным, построить заводы по разделению изотопов урана, запустить атомные реакторы, в которых шло бы накопление плутония в промышленных масштабах.

Но этого не произошло. После первых лет уверенного роста германские атомные исследования были заморожены, а потом даже стали сокращаться. Почему же «урановый проект» вдруг забуксовал?

Главной причиной этого был провал блицкрига и

коренной поворот в ходе войны, происшедший во время Сталинградской битвы.

До 1942 года, когда ставка делалась на молниеносную войну, нацистская верхушка не придавала «урановому проекту» первостепенного значения, ибо считала, что победа может быть одержана и без атомной бомбы.

Когда гитлеровские войска вошли в Париж, Гитлер дал установку не наращивать больше производство боеприпасов. Ему казалось, что Германия вступила в завершающий этап войны с таким превосходством военной мощи, что полный разгром противников рейха не потребует больших усилий.

В результате было упущено время, когда Германия действительно могла создать атомную промышленность на основе еще не тронутой бомбежками металлургии, химии, энергетики, когда она еще обладала для этого сырьевыми и людскими ресурсами.

Но после советского контрнаступления под Москвой и особенно после окружения и разгрома армии Паулюса нацистский режим был вынужден сосредоточить все силы и ресурсы на непосредственных задачах снабжения войск оружием и боеприпасами. Теперь уже не могло быть и речи о программах долгосрочных исследований. Рейху они стали попросту не по силам.

Так что, отдавая должное подвигу норвежских патриотов, взорвавших завод тяжелой воды, мужеству английских и американских летчиков, которые бомбили промышленные центры рейха, нельзя не видеть, что решающей силой, которая помешала гитлеровцам создать атомное оружие, была Красная Армия.

Давая санкцию на «урановый проект», нацистская верхушка с самого начала проявила близорукость и легкомыслие в оценке трудностей, связанных с его осуществлением. Она надеялась создать атомное оружие малыми силами без должной научной и инженерной базы.

Достаточно сказать, что на германские атомные исследования было затрачено в двести раз меньше средств, в них было занято в полторы тысячи раз меньше людей, чем в американском «Манхэттенском

проекте». Здесь тоже нашел свое проявление присущий гитлеровцам авантюризм.

К тому же в судьбе «уранового проекта» сыграли свою роль и субъективные факторы. Гитлер с явным предубеждением относился к ядерной физике. Он называл ее «еврейскими штучками», ибо за всем, что связано с теорией относительности, ему мерещился профиль Эйнштейна.

Впрочем, нацистское руководство отнюдь не целиком отказалось от поддержки «уранового проекта». Работы продолжались в прежних, то есть ограниченных, масштабах. Считалось, что они полезны хотя бы потому, что доказывают невозможность создания атомного оружия противником. Раз, мол, даже германские физики не могут решить подобную задачу, то никому другому в мире она не может быть по плечу.

8 июля 1943 года в ставку Геринга поступило следующее письмо:

«Посылаю вам для информации рейхсмаршала доклад уполномоченного по ядерной физике государственного советника профессора доктора Эзау. Как видно из доклада, за несколько месяцев дело довольно значительно продвинулось вперед. Эта работа не может за короткое время привести к изготовлению практически применимых машин или взрывчатых веществ, поэтому можно быть уверенными, что в данной области вражеские державы не могут иметь в запасе какую-либо неожиданность для нас.

С наилучшими пожеланиями. Хайль Гитлер! Ваш Менцель».

Подписавший это письмо профессор Рудольф Менцель, бригаденфюрер войск СС, возглавлял тогда все имевшие военное значение научные работы университетов Германии.

16 декабря 1944 года физик Вальтер Герлах докладывал партийлейтеру Борману: «Я убежден, что в настоящее время мы находимся значительно впереди Америки как в области исследований, так и в области разработок, хотя нам и приходится трудиться в более тяжелых условиях, чем в Америке».

Похоронный звон Квебека

6 декабря 1941 года советские войска перешли в контрнаступление под Москвой. Это означало окончательный провал гитлеровского плана молниеносной войны против СССР.

7 декабря 1941 года 350 японских самолетов внезапно атаковали Пёрл-Харбор. Своими бомбами и торпедами они уничтожили ядро Тихоокеанского флота США, находившееся на его главной базе.

Примечательно, что как раз накануне того дня, когда Соединенные Штаты перестали быть нейтральной державой и превратились в одного из участников второй мировой войны, в Вашингтоне было принято решение практически приступить к созданию атомного оружия. Для осуществления этой программы впервые были ассигнованы крупные денежные средства.

Большинство западных авторов, пишущих об истории атомной бомбы, ведут отсчет участия США в этой гонке с 11 октября 1939 года, когда Рузвельт ознакомился с письмом Эйнштейна. Все, мол, началось со знаменитых слов президента: «Это требует действий!» А между тем прошло целых два года и два месяца, прежде чем дело сдвинулось с места.

Утверждают, будто толчком для американских работ послужило нападение на Пёрл-Харбор. Дескать, пришлось занять атомные бомбы и сбросить их на Хиросиму и Нагасаки, чтобы отомстить японцам за их вероломство. Но этот пропагандистский миф опровергается тем, что решение приступить к созданию атомного оружия было (словно по иронии судьбы!) принято за сутки до атаки на Пёрл-Харбор, которая была для Вашингтона полной неожиданностью.

Призыв Эйнштейна опередить Гитлера в создании нового оружия возымел действие лишь после того, как успехи западноевропейских ученых — сначала во Франции, а затем в Англии — убедили правящие круги США, что создание атомной бомбы практически осуществимо.

Непосредственным толчком для решения, принятого в Белом доме 6 декабря 1941 года, был доклад ко-

митета Томсона британскому правительству и утвержденная на его основе программа «Тьюб эллойс».

Еще годом раньше Англия предложила Соединенным Штатам сотрудничество в обмене научной информацией, имеющей военное значение. В рамках такого обмена в США была направлена делегация во главе с Тизардом. Осенью 1941 года Англию посетили американские физики Пеграм и Юри. Они, в частности, побывали в Кембридже, Бирмингеме и Ливерпуле. В результате этих поездок американцы убедились, что англичане значительно опередили их в области военного применения новейших научных открытий — начиная от радара и кончая атомными исследованиями.

Итак, к началу англо-американского сотрудничества англичане были дающей стороной. Но в трудные дни «битвы за Британию» они все больше нуждались в помощи из-за океана. В обмен на нее Англии пришлось дать обещание поделиться с Соединенными Штатами своими научно-техническими достижениями (при этом прежде всего имелись в виду новейшие средства противовоздушной обороны, и в частности радары).

Однако если Соединенные Штаты были в ту пору еще слишком далеки от военной опасности, то для Англии война была, наоборот, слишком близка. Становилось все очевиднее, что в условиях бомбежек и воздушной разведки противника на британской территории вряд ли удастся развернуть программу «Тьюб эллойс» в промышленных масштабах.

20 июня 1942 года во время встречи с Рузвельтом близ Вашингтона Черчилль согласился перенести английские работы на другую сторону Атлантики и создавать атомную бомбу объединенными усилиями двух стран. Однако после того как руководство этим делом попало в руки Пентагона, англо-американское сотрудничество в создании атомного оружия практически утратило характер равноправного партнерства.

Работы в области атомной энергии перешли под жесткий контроль созданного в США военно-политического комитета. Участники этих работ были переведены на положение научного персонала, обязанного подчиняться строгому режиму секретности. В сущнос-

ти, английская программа «Тьюб эллойс» растворилась в американском «Манхэттенском проекте», была поглощена им.

Руководитель английских работ Джордж Томсон перебрался в Канаду и лишь иногда посещал заседания военно-политического комитета в Вашингтоне. Вскоре он убедился, что американцы многое скрывают от него. Англичанам, в частности, ничего не сказали о том, что 2 декабря 1942 года Энрико Ферми впервые осуществил в Чикаго самоподдерживающуюся цепную ядерную реакцию, открывшую путь к созданию атомной бомбы. Скрыли от британских союзников и начало строительства гигантских заводов в Ок-Ридже и Хэнфорде.

Принцип равноправного партнерства нарушался американцами столь часто, что в 1943 году Черчилль пожаловался на это Рузвельту во время конференции в Касабланке. Однако жалобы эти не были приняты во внимание.

«Вскоре после моего появления в «Манхэттенском проекте»,— вспоминает Гровс в своей книге «Теперь об этом можно рассказать»,— мы пришли к выводу, что в ближайшем будущем английские исследования в области атомной энергии будут ограничены масштабами небольшой группы ученых, лишенных существенной поддержки правительства и промышленности. При этом поток информации из США в Англию будет увеличиваться, тогда как англичане вряд ли смогут снабжать нас чем-либо, кроме результатов предварительных исследований. Поэтому мы не испытывали угрызений совести, когда решили, что не будем информировать Англию о «Манхэттенском проекте», поскольку эти сведения все равно не пригодились бы ей для ведения войны».

19 августа 1943 года Рузвельт и Черчилль подписали Квебекское соглашение, которое, в сущности, положило конец независимым британским работам над созданием атомного оружия. О том, что на ранней стадии этих исследований американцы значительно отставали от англичан и очень многое у них позаимствовали, в этом документе не упоминалось вовсе. Участники соглашения обязались не применять атомное

оружие против кого-либо без взаимного согласия, а также не передавать третьим странам какой-либо информации, касающейся создания этого оружия.

Поскольку СССР был тогда единственным государством, обладавшим экономическим потенциалом для создания атомной бомбы, Квебекская договоренность отчетливо обрела антисоветскую направленность в преддверии встречи Рузвельта и Черчилля со Сталиным в Тегеране в ноябре 1943 года.

Квебекское соглашение стало погребальным звоном по английской программе «Тьюб эллойс». У ее участников оставалась лишь возможность присоединиться к американским исследованиям. Они оказались в таком же положении, как Халбан и Коварский, когда плыли через Ла-Манш на сухогрузе «Брумпарк». Именно в те дни, когда Сталин, Рузвельт и Черчилль встретились на конференции в Тегеране, большинство работавших в Англии физиков собралось в Ливерпуле, чтобы пересечь Атлантический океан. В день отплытия парохода «Эндис» у городских властей не оказалось автомашин, чтобы перевезти в порт ученых с их семьями и багажом. В последний момент удалось нанять у частного похоронного бюро колонну катафалков. Символично, что именно на этом виде транспорта участники программы «Тьюб эллойс» и начали свое путешествие в Соединенные Штаты.

«Манхэттенский проект»

13 августа 1942 года администрация США приняла решение объединить все работы по созданию атомного оружия, образовав для этого секретную организацию под кодовым наименованием «Манхэттенский проект». Месяц спустя его начальником был назначен полковник инженерных войск Лесли Гровс.

Выпускник военной академии Вестпойнт, он занимался возведением казарм и складов на американских базах в Центральной Америке и на Гавайских островах. Единственной примечательной строкой в его послужном списке было строительство здания Пента-

гона, завершённое им вдвое быстрее намеченных сроков.

Хотя Гровс был весьма далек от ядерной физики, он с самого начала уяснил, что труднее всего будет не сконструировать саму бомбу, а наладить производство взрывчатки для нее. Именно на это ушла львиная доля отпущенных на проект средств.

Два миллиарда долларов были в ту пору огромнейшей суммой, которая позволяла вести дело с размахом. В осуществлении «Манхэттенского проекта» участвовало больше людей, чем было в рядах экспедиционного корпуса Эйзенхауэра во время высадки в Северной Франции. Когда ученые оказались перед трудным выбором: то ли сосредоточить силы на разделении изотопов урана, то ли строить реакторы, чтобы накапливать в них плутоний,— Пентагон разрешил их сомнения весьма просто. Решено было делать сразу и то и другое. Благодаря щедрому финансированию, а также умению американцев быстро подводить под научные открытия индустриальную основу в Ок-Ридже и Хэнфорде выросли крупные промышленные комплексы по производству расщепляющихся материалов.

В бесплодной пустыне на южном берегу реки Колумбия (штат Вашингтон) вырос засекреченный город Хэнфорд с шестьюдесятью тысячами жителей. Энрико Ферми руководил там проектированием и монтажом трех урановых реакторов с графитовыми замедлителями (их тогда называли урановыми котлами), чтобы накапливать в них плутоний. Подряд на строительство этих мощностей Гровс передал концерну «Дюпон» — одному из зачинателей производства пороха в Северной Америке.

Другой секретный город — Ок-Ридж с восьмьюдесятью тысячами жителей раскинулся на берегах реки Теннесси в одноименном штате. Концерн «Юнион карбайд», издавна поставлявший Пентагону взрывчатые вещества и ядовитые газы, построил там завод по разделению изотопов урана. На этот сложный и дорогостоящий процесс пришло примерно половина затрат, связанных с «Манхэттенским проектом».

Как уже говорилось, на 140 атомов урана-238 приходится лишь один атом урана-235. Чтобы повысить

содержание легкого изотопа, в Ок-Ридже применяли метод газовой диффузии, то есть многократной перегонки сквозь пористый фильтр. Однако единственное подходящее для этого соединение — шестифтористый уран — весьма активно и ядовито. Поэтому для газодиффузионной установки требовались очень устойчивые к коррозии, а также абсолютно герметичные трубы и насосы. Но еще более трудной технической задачей оказалось создание пористых перегородок. Именно эту технологию считали главным секретом «Манхэттенского проекта».

Помимо накопления расщепляющихся материалов, перед создателями атомной бомбы стояла задача: разработать конструкцию, которая обеспечивала бы мгновенное образование «критической массы» урана-235, способной вызвать цепную реакцию. Этим занималась большая группа ученых во главе с Робертом Оппенгеймером.

Гровс и Оппенгеймер

Начальник «Манхэттенского проекта» Лесли Гровс и научный руководитель проекта Роберт Оппенгеймер были полной противоположностью друг другу и по внешнему облику и по духовному складу.

Несмотря на свою тучную фигуру, Гровс всегда выглядел подтянутым и ухоженным, начиная от аккуратно подстриженных усиков и кончая начищенными ботинками. Это был типичный пентагоновец, недалекий, но напористый и педантичный, привыкший мыслить и действовать по уставу.

Гровс предвидел, что руководить учеными будет труднее, чем командовать солдатами. И когда в связи с новым назначением его пообещали произвести в генералы, он тут же сказал, что целесообразнее сначала присвоить ему это звание, а потом уже представлять его участникам проекта.

— Важно, чтобы люди, с которыми мне предстоит работать, с самого начала видели во мне генерала, а не повышенного в чине полковника,— говорил он.—

Как ни странно, длинноволосые интеллигенты придают званиям еще большую важность, чем кадровые военные...

Оппенгеймера отличала не по годам сутулая, тщедушная фигура. Хотя он носил костюмы, пошитые у лучших портных, они всегда сидели на нем мешковато, словно с чужого плеча. Отличаясь утонченными манерами и острым, ироничным умом, Оппенгеймер умел завладевать вниманием окружающих.

Сын состоятельных родителей немецкого происхождения, Оппенгеймер блестяще окончил Гарвард, а потом продолжал образование в Кембриджском университете в Англии и в Геттингенском университете в Германии. Помимо физики, он увлекался средневековой французской поэзией и древнеиндийской философией.

После возвращения в США Роберт Оппенгеймер, как и его коллега Эрнест Лоуренс, читал лекции в Калифорнийском университете в Беркли, где их считали кумирами молодежи и блестящими холостяками.

Уже с конца 1941 года Оппенгеймер не раз привлекался к консультациям о военном применении атомной энергии. Он посвятил много времени определению критической массы урана-235, а также вместе с Лоуренсом занимался опытами по электромагнитному разделению изотопов урана. Поэтому, когда американские работы над атомной бомбой стали приобретать широкие масштабы, Оппенгеймера пригласили возглавить этот многонациональный научный коллектив.

Теоретические исследования и разработки, связанные с «Манхэттенским проектом», велись в Гарварде, Принстоне, Беркли, а также в Мичиганском университете в Чикаго. В частности, именно там, в Чикаго, обосновался на жительство Энрико Ферми. Он не вылезал из Мичиганского университета, где он, однако, работал не на физическом факультете, а в металлургической лаборатории, которую ученые сокращенно называли «Метлаб». Проводившиеся там исследования были засекречены. Но жена физика знала по крайней мере один секрет: в «Метлабе» не было металлургов. Лишь несколько лет спустя она поняла, с чем колле-

ги восторженно поздравляли ее мужа в ненастный декабрьский день.

До сих пор под западными трибунами университетского стадиона в Чикаго, где когда-то помещался крытый теннисный корт, висит мемориальная доска с надписью: «2 декабря 1942 года человек впервые осуществил здесь самоподдерживающуюся цепную реакцию, чем положил начало освоению ядерной энергии».

По мере того как «Манхэттенский проект» набирал темпы, Оппенгеймер все чаще задумывался о необходимости объединить усилия различных групп ученых и сосредоточить их в одном месте. Гровс поначалу отнесся к этой идее настороженно. Он предпочитал, чтобы каждый участник проекта знал лишь порученное ему дело и оставался в полном неведении обо всем остальном.

Оппенгеймер не возражал против того, чтобы главные промышленные объекты вроде заводов в Ок-Ридже и Хэнфорде проектировались, строились и эксплуатировались совершенно независимо и даже в секрете друг от друга. Но вместе с тем он считал важным условием успеха свободное общение ученых, возможность сообща преодолевать возникающие трудности.

В конце концов Гровс согласился создать объединенный научный центр, полагая, что это поможет держать ведущих участников проекта под неусыпным надзором. Возник вопрос о местоположении такого центра. Поначалу хотели разместить его в Ок-Ридже. Но этот город находился в опасной близости от Атлантики. А курсировавшие там германские подводные лодки нередко высаживали на побережье шпионов и диверсантов. Однажды двух нацистских агентов задержали неподалеку от Ок-Риджа. Они, правда, не имели ни малейшего представления о заводе по обогащению урана, а пытались установить связь с американцами немецкого происхождения в штате Теннесси.

Другой участок был предложен в Калифорнии. Но, ознакомившись с ним, Гровс счел его неподходящим из-за соседства с крупными городами. Нельзя было исключать возможности непредвиденного атомного

взрыва и радиоактивного заражения окружающей территории. Поэтому Гровс охотно принял предложение Оппенгеймера разместить научный центр в засушливом и малонаселенном штате Нью-Мексико. Для этого был избран уединенный поселок Лос-Аламос. Кстати, туда Оппенгеймер в юности ездил лечить свои легкие.

В ноябре 1942 года к сельской школе в Лос-Аламосе проявили интерес неожиданные посетители. Сутулый, щурящийся интеллигент выступал в роли проводника. А спутником его был человек с властным голосом и военной выправкой. Это были Оппенгеймер и Гровс.

Здание школы тут же было решено конфисковать.

И вот весной 1943 года в сонный городок Санта-Фе, который когда-то был резиденцией испанских наместников в Мексике, стали съезжаться ученые. Оттуда их с соблюдением мер строжайшей секретности переправляли в Лос-Аламос по условному адресу: «Армия США, почтовый ящик 1663».

При первом посещении Лос-Аламоса Гровс поинтересовался, сколько жилых домов потребуется для научного центра. Оппенгеймер ответил, что предполагает собрать около тридцати ученых, то есть вместе с членами семей примерно сто человек. Генерал тут же увеличил эту цифру в десять раз, но, как потом оказалось, тоже ошибся. К концу войны Лос-Аламос насчитывал шесть тысяч жителей.

Два с половиной года этот населенный пункт не имел официального статуса, не значился на картах, а его жители не числились в списках избирателей.

Вся корреспонденция сотрудников научного центра подвергалась цензуре, их телефонные разговоры прослушивались. Водительские права выдавались на вымышленный адрес, а известные ученые значились в них под псевдонимами. Нильс Бор, например, фигурировал как Николас Бекер, а Энрико Ферми — как Генри Фармер.

Работали здесь и другие видные европейские физики: Ганс Бете, Рудольф Пайерлс, Отто Фриш, Эдвард Теллер. Кроме Гровса, Оппенгеймера, Ферми и Бора, никто не имел полного представления о всех

работах, проводившихся в рамках «Манхэттенского проекта».

Службу безопасности проекта возглавлял полковник Борис Паш — сын митрополита русской православной церкви в США. В военную контрразведку «Джи-2» он попал как специалист по «коммунистическому просачиванию».

Весьма примечательно, что в ту самую пору, когда американцы и весь мир восхищались героями Сталинградской битвы, когда прогремели первые московские салюты в честь побед на Курской дуге, Пентагон поставил следить за участниками «Манхэттенского проекта» такого ярого антикоммуниста и антисоветчика, как Борис Паш.

«Наша стратегия в области охраны тайны очень скоро определилась, — писал Гровс в своей книге «Теперь об этом можно рассказать». — Она сводилась к трем основным задачам: предотвратить попадание к немцам любых сведений о нашей программе; сделать все возможное для того, чтобы применение бомбы в войне было полностью неожиданным для противника; и, насколько это возможно, сохранить в тайне от русских наши открытия и детали наших проектов и заводов».

Оппенгеймер и Паш

Полковник Паш относился к Оппенгеймеру с неприязнью и недоверием. Начальника контрразведки «Манхэттенского проекта» тревожила биография ученого.

Оппенгеймер начал по-настоящему интересоваться политикой лишь после своего возвращения из Европы. Германия уже не была для него абстрактным географическим понятием. Он болезненно переживал приход Гитлера к власти, нацистские репрессии, жертвами которых оказались многие лично знакомые ему ученые. Все это в конце концов сблизило его с левыми, антифашистскими организациями в Калифорнии.

Особенно активное участие в их деятельности Оппенгеймер принимал в годы гражданской войны в Ис-

пании. Унаследовав после смерти отца крупное состояние, он регулярно делал денежные пожертвования в пользу антифашистских групп, писал и на свои средства издавал для них агитационные брошюры.

Кампания в поддержку республиканской Испании свела Оппенгеймера и с членами Коммунистической партии США. Среди них была студентка по имени Джейн Тетлок, дочь профессора английской литературы в Калифорнийском университете. Благодаря этой девушке Оппенгеймер познакомился с некоторыми видными калифорнийскими коммунистами, начал читать марксистскую литературу. Роберт и Джейн полюбили друг друга. Они были помолвлены и, по выражению Оппенгеймера, «дважды едва не поженились». Но их взаимное влечение часто прерывалось разговорами. Роберту казалось, что общественная деятельность занимает непомерно большое место в жизни Джейн, что она слишком нетерпима к тем, кто не разделяет ее убеждений. А она критиковала Роберта за идеализм либерального интеллигента.

Во время одной из таких разговоров в жизни Оппенгеймера произошел неожиданный поворот. Он познакомился с Кетрин Гаррисон, женой врача в местной больнице. Ее первый муж был коммунистом и погиб в Испании, сражаясь в интернациональной бригаде. Кетрин и Роберт внезапно воспылали друг к другу такой страстной любовью, что порвали существовавшие у них ранее связи и поженились. Это было в ноябре 1940 года. Вступив в брак, Оппенгеймер начал постепенно отходить от левых организаций и от общественной деятельности вообще.

Но вовсе покончить с прошлым оказалось нелегко. Джейн Тетлок продолжала любить его. И Роберт время от времени встречался с ней, то ли сознавая свою вину за расторгнутую помолвку, то ли потому, что и сам оказался бессильным преодолеть прежние чувства.

12 июня 1943 года Оппенгеймер под вымышленным предлогом ускользнул из Лос-Аламоса, чтобы по просьбе своей бывшей невесты навестить ее в Сан-Франциско. С тяжелым сердцем Роберт поведал Джейн, что в течение нескольких месяцев, а может

быть, и лет, они вообще не смогут видеть друг друга, ибо ему надолго придется уехать из Беркли. Он добавил, что не может ничего сказать Джейн ни о характере, ни о месте своей работы, куда ему нельзя писать даже до востребования. Через несколько месяцев после этого разговора Джейн Тетлок покончила с собой.

Оппенгеймер не предполагал, что военная контрразведка с самого начала знала о его поездке в Сан-Франциско и держала под наблюдением каждый его шаг. Тайные агенты сопровождали ученого еще в самолете. Они видели, как Роберт и Джейн пришли к ней домой. Знали, что он провел там ночь, видели, как на следующее утро она проводила его в аэропорт. Все это было запотоколировано, сфотографировано и вместе с фотокопиями перехваченных писем, записями подслушанных разговоров, было приобщено к личному досье Оппенгеймера как компрометирующий материал.

Теперь полковник Паш получил долгожданный повод действовать. 29 июня 1943 года он направил в Пентагон доклад с выводом о том, что «субъект» должен быть отстранен от руководства научным центром «Манхэттенского проекта». Паш утверждал, что контакты ученого с Джейн Тетлок могут привести к утечке секретной информации о работах в Лос-Аламосе к коммунистам, а через них — ее передаче Советскому Союзу.

В середине июля генерал Гровс получил депешу из Пентагона. В ней говорилось, что по рекомендации службы безопасности Оппенгеймер не может быть утвержден руководителем научного центра в Лос-Аламосе. Полковник Джон Лансдейл, курировавший «Манхэттенский проект» по линии военной контрразведки «Джи-2», поддержал доводы полковника Паша.

Такой оборот дела грозил Гровсу большими неприятностями. Он чувствовал, что не может обойтись без этого талантливого исследователя и организатора. Генерал сознавал, что только такой человек, как Оппенгеймер, способен объединить усилия всемирно известных ученых, составляющих мозговой центр «Манхэттенского проекта», — тех антифашистски настроенных

европейских физиков, которые уважали Роберта не только за его знания, но и за его убеждения.

Между Гровсом и Оппенгеймером состоялся серьезный разговор. Ошеломленный предъявленными ему уликами, Оппенгеймер уверял, что давно отошел от каких-либо связей с коммунистами, да и его личные отношения с Джейн Тетлок находятся на грани разрыва. Почувствовав, что наступил удобный момент целиком подчинить мягкотелого интеллигента своей воле, Гровс решил сыграть на порядочности Оппенгеймера. Он сказал, что демонстративно кладет все обвинения против ученого под сукно, хотя рискует при этом своей карьерой.

20 июля 1943 года генерал Гровс написал в Пентагон: «Считаю целесообразным немедленно оформить допуск Роберта Оппенгеймера к секретной работе, независимо от тех сведений, которыми вы располагаете о нем. Его участие абсолютно необходимо для проекта».

Гровс умело манипулировал Оппенгеймером, делая ставку то на его благородство, то на его тщеславие. Служба безопасности дала в конце 1943 года следующую примечательную характеристику на руководителя научного центра в Лос-Аламосе:

«Можно полагать, что как ученый Оппенгеймер глубоко заинтересован в приобретении мировой известности и в том, чтобы занять свое место в истории после осуществления проекта. Представляется также вероятным, что Пентагон может позволить ему осуществить это, но что он может и перечеркнуть его имя, репутацию и карьеру, если найдет это нужным. Если дать Оппенгеймеру достаточно ясно осознать такую перспективу, это заставит его по-иному взглянуть на свое отношение к Пентагону».

Подход Гровса к Оппенгеймеру, в сущности, соответствовал этой идее и в конечном счете оказался безуспешным. Либеральный интеллигент прогрессивных убеждений оказался пленником реакционной военщины, послушным орудием в ее руках.

Когда на завершающей стадии работ и особенно после капитуляции гитлеровской Германии многие коллеги Оппенгеймера воспротивились применению

атомного оружия против Японии, он не присоединился к ним. Как научный руководитель «Манхэттенского проекта» Оппенгеймер был причастен, правда, лишь в качестве консультанта, к планированию соответствующей боевой операции и выбору объектов для бомбардировки.

Совещание в Суйкося

8 июля 1942 года — в то лето, когда Альберт Шпеер доложил Гитлеру, что создание атомной бомбы требует не месяцев, а лет, и когда американский «Манхэттенский проект» поглотил английскую программу «Тьюб эллойс», — главный штаб японского императорского флота собрал в Токио, в морском офицерском клубе Суйкося, ведущих физиков страны. В числе приглашенных были Иосио Нисина из Института физико-химических исследований, Риокити Сагане из Токийского университета, Бунсаку Аракацу — из Киотского, Масаси Кikuти и Цунесабура Асада из Осакского университета.

Заместитель начальника научно-технического управления флота капитан первого ранга Иодзи Ито объявил о решении учредить комитет по использованию достижений ядерной физики. Перед ним была поставлена задача: изучить возможности военного применения атомной энергии.

Да, подобный вопрос ставился и в милитаристской Японии, хотя об этой главе атомной эпопеи пока мало кто знает. Драматическая гонка за обладание атомным оружием шла не только по обе стороны Атлантики, но и на противоположных берегах Тихого океана. С участниками «Манхэттенского проекта» незримо состязались не только германские, но и японские физики.

— Прежде чем говорить о цели сегодняшнего совещания, — обратился к ученым капитан первого ранга Ито, — мы ознакомим вас с боевой обстановкой, чтобы яснее стала задача, вставшая перед отечественной наукой.

Физики выслушали доклад, который очень мало напоминал газетные сводки, предназначенные для японского обывателя. Через семь месяцев после начала войны ход ее все явственнее оборачивался не в пользу Японии.

Начало боевых действий на Тихом океане ознаменовалось фейерверком побед. Вскоре после успешного удара по Пёрл-Харбору под контролем Страны восходящего солнца оказалась практически вся Юго-Восточная Азия: Филиппины, Индокитай, Таиланд, Бирма, Малайя, Сингапур, Индонезия. Японская военщина вплотную приблизилась к Индии на западе, к Австралии на юге, к Аляске на северо-востоке.

Но к лету 1942 года японское наступление было остановлено в юго-западной части Тихого океана. Утратив стратегическую инициативу после сражений в Коралловом море и у острова Мидуэй, Япония начала отход с некоторых захваченных территорий.

После провала «тихоокеанского блицкрига» в главном морском штабе начались лихорадочные поиски «оружия нового типа», способного изменить ход войны. Такая новинка, как наводящаяся смертником торпеда, хоть и носила название «кайтэн» (что значит «повернуть судьбу»), желанного перелома не принесла.

К тому же данные агентурной разведки давали все больше оснований считать: в Соединенных Штатах развертываются секретные работы, связанные с атомной энергией. И вот после консультаций с ведущими научными центрами японский императорский флот решил учредить комитет по использованию достижений ядерной физики. На его первом заседании ученых попросили ответить на два вопроса. Во-первых, можно ли использовать атомную энергию в военных целях? И, во-вторых, способна ли Япония создать такое оружие в ходе нынешней войны?

— Запрет на вывоз из Соединенных Штатов урана, тория и радия позволяет предположить, что там ведутся интенсивные работы в области расщепления атомного ядра,— сказал профессор Кикучи.

— Если сделать атомную бомбу возможно, мы здесь вправе говорить только о сроках! Неужели

в Великой сфере сопроцветания Восточной Азии¹ не найдется десятка килограммов какого-то там урана! — горячился капитан первого ранга Ито.

Профессор Сагане тщетно пытался остудить головы собеседников в мундирах. Он пояснил, что атомной взрывчаткой может служить не уран-238, а его изотоп — уран-235, которого в обычной урановой руде содержится в сто сорок раз меньше. Причем отделить легкий изотоп от тяжелого или хотя бы существенно повысить его долю неимоверно трудно. По подсчетам Сагане, чтобы накопить нужное количество урана-235, японцам потребовалось бы чуть ли не целое десятилетие.

Доклад Сагане вызвал тягостное молчание. Затем слово снова взял Ито.

— Все вы, ученые, прирожденные консерваторы, — сказал он. — Мы, на флоте, привыкли решать вопросы по-другому. Если требуется построить корабль к определенному сроку, мы делаем все возможное и невозможное, чтобы он вступил в строй в назначенный день.

Императорский флот только что получил тогда крупнейшие в мире линкоры «Ямато» и «Мусаси». Это были действительно первоклассные для своего времени корабли, так что самоуверенность морского офицера имела некоторые основания.

Профессор Нисина, назначенный председателем комитета по использованию достижений ядерной физики, предпочел отмолчаться. Он уже выполнял аналогичное поручение армии. А то, что генералы отчаянно конкурируют с адмиралами, было общеизвестно.

Проект «Ни»

Японская военная верхушка заинтересовалась достижениями ядерной физики еще до начала войны на Тихом океане. Первым проявил инициативу генерал Такео Ясуда. Выпускник Токийского университета,

¹ Так именовала японская пропаганда захваченные Японией территории в азиатско-тихоокеанском регионе.

он возглавлял научно-техническое управление военно-воздушных сил, а потом был начальником штаба ВВС императорской армии.

Ясуда следил за иностранной научной литературой. И внимание его привлекли статьи о том, что цепная реакция расщепления ядер урана способна привести к взрыву огромной силы. Один из бывших учителей генерала, профессор Риокити Сагане, побывал перед этим в Соединенных Штатах. Во время стажировки в Калифорнийском университете он познакомился со многими молодыми физиками Европы и Америки и был в курсе самых «модных» идей того времени. После нескольких встреч с Ясудой Сагане по просьбе генерала письменно подтвердил, что новейшие открытия в ядерной физике могут получить военное применение.

— Раз так, пусть данным вопросом как следует займутся специалисты! — заявил военный министр Хидэки Тодзио, когда ему доложили об этом в специальной записке.

На основе этого прямого указания Ясуда в мае 1941 года поручил Институту физико-химических исследований изучить вопрос о возможности разработки и создания урановой бомбы. Работы возглавил профессор Иосио Нисина, в молодости учившийся в Копенгагене у Нильса Бора.

Лаборатория Нисины служила притягательным центром для молодых научных работников Японии. Теперь по заявке Нисины свыше ста таких молодых ученых, имевших отношение к ядерным исследованиям, были освобождены от военной службы и предоставлены в его распоряжение. Физиков разместили в здании Научно-исследовательского института авиационной техники. Первые два года они в основном занимались теоретическими расчетами, изучением различных методов разделения изотопов урана, поисками урановой руды.

19 марта 1943 года коллектив Нисины принял решение отказаться от трех известных в ту пору методов разделения изотопов урана, чтобы сосредоточить все внимание на последнем, четвертом. Наиболее перспективным в японских условиях они сочли метод

термодиффузии. Группа Тадаси Такеути приступила к созданию сепаратора, основанного на этом методе. Группа Кунихико Кигоси должна была снабдить эту установку соединением урана, позволяющим отделить легкий изотоп от тяжелого. Группе Хидехико Тамаки было поручено рассчитать критическую массу урана-235.

5 мая 1943 года профессор Нисина направил командованию ВВС доклад о том, что создание атомной бомбы технически возможно. Ясуда переслал доклад Тодзио — тогда уже главе правительства. Так был учрежден сверхсекретный проект «Ни». В японском языке иероглиф «ни» означает «два». Но в данном случае знак этот выражал не порядковый номер проекта, а начало фамилии его руководителя.

Ознакомившись с выводами ученых, Тодзио вызвал начальника общего отдела штаба ВВС полковника Кавасиму.

— Слышали об атомной бомбе? Нет? А ведь эта штука может изменить ход войны. Займитесь-ка работами по ее созданию. Деньги, материалы, рабочую силу — все будете получать в первую очередь. Узнайте у физиков, в чем они нуждаются!

— Люди-то у нас есть, — усмехнулся Нисина, когда Кавасима рассказал о разговоре с премьером. — Главное, чтобы армия помогла раздобыть уран...

Так, с лета 1943 года Кавасима и его подчиненным пришлось заняться поиском урановой руды. Задача оказалась нелегкой. Известные в то время месторождения в японской префектуре Фукусима и на Корейском полуострове не оправдали надежд. А участникам проекта «Ни» только для экспериментов срочно требовалось две тонны окиси урана.

Решили обратиться за помощью к Германии. Японский посол в Берлине Хироси Осима передал нацистам просьбу о двух тоннах урановой руды. Те ответили, что сначала хотели бы узнать, зачем она понадобилась в таком количестве. Возмущенный Кавасима телеграфировал послу: «Скажите, что нам трудно понять отношение к переданной просьбе. Напомните, что Япония ведет войну против США и Англии как союзница Германии. Если вопрос не удастся решить

на рабочем уровне, желательно провести переговоры непосредственно с фюрером...»

Дошло ли дело до самого Гитлера, сказать трудно. Так или иначе, нацисты согласились. В конце 1943 года одна тонна урановой руды была направлена в Японию на борту германской подводной лодки. Правда, до места назначения она так и не дошла. У берегов Малайи лодку выследили и потопили американские корабли. А другую тонну, судя по всему, так и не послали. После Сталинграда и Курска гитлеровскому рейху было уже не до помощи союзникам.

Как раз в то время, когда в осуществлении проекта «Ни» были сделаны первые шаги, произошел курьезный инцидент, который вызвал большую тревогу у японской контрразведки. В парламенте и за его пределами много толков вызвала речь, с которой выступил депутат верхней палаты профессор Айкицу Танакадате.

— Господа депутаты вряд ли отдают себе отчет,— сказал он,— к каким последствиям могут привести недавние открытия в ядерной физике. А ведь они дают возможность создать бомбу величиной со спичечный коробок, которая будет способна пустить ко дну линкор...

Японские парламентарии скептически посмеивались. Слова профессора казались абсурдом, тем более что он вообще слыл чудаком. В разгар шовинистского словоблудия о божественном предназначении Японии депутат Танакадате не придумал ничего другого, как выступить за замену японской иероглифической письменности латинским алфавитом!

Заявление, сделанное с парламентской трибуны, попало в газеты. Пошли разговоры о спичечном коробке, способном потопить линкор. Чем отчаяннее становилось положение Японии, тем охотнее подхватывались подобные слухи. Впрочем, японская контрразведка напрасно беспокоилась, что слова чудака-профессора привлекут внимание Соединенных Штатов к проекту «Ни». Американская агентура расценила выступление с парламентской трибуны как еще одно свидетельство

того, что никаких работ в данном направлении в Японии не ведется.

«Сведения об атомных исследованиях в Японии нас мало интересовали,— вспоминает Лесли Гровс в книге «Теперь об этом можно рассказать».— У Японии не было никаких шансов располагать нужным для производства бомб количеством урана или урановой руды. Кроме того, необходимые для достижения этой цели промышленные мощности лежали далеко за пределами ее возможностей. Беседы с нашими учеными, лично знавшими ведущих ученых-атомщиков Японии, убедили нас в том, что научные кадры Японии в этой области слишком малочисленны, чтобы добиться успеха».

Руководитель «Манхэттенского проекта» был весьма близок к истине. Если он распоряжался двумя миллиардами долларов и имел под своим началом 150 тысяч человек, то японский проект «Ни» в несколько раз уступал по масштабам даже германскому «урановому проекту», который располагал в пересчете на американскую валюту лишь десятью миллионами долларов и имел около ста участников.

509-й авиаполк

Летом 1944 года, то есть еще за год до того, как участники «Манхэттенского проекта» смогли убедиться в осуществимости атомного взрыва, генерал Гровс уже начал подготовку к боевому применению нового оружия. По его рекомендации главнокомандующий военно-воздушными силами США генерал Арнольд, начальник штаба армии генерал Маршалл утвердили план операции под кодовым наименованием «Серебряное блюдо». В соответствии с этим планом началось формирование специальной авиачасти.

На авиационном заводе в штате Небраска было заказано 15 стратегических бомбардировщиков Б-29 с измененной конфигурацией бомбовых люков. Чтобы максимально облегчить самолеты, с них была снята броня и все вооружение, кроме спаренного крупнока-

либерного пулемета в хвостовой части. Благодаря этому максимальная высота полета этих «сверхкрепостей» достигла 12 тысяч метров, что делало их практически недосыгаемыми для японских истребителей.

Командиром авиачасти был назначен тридцатилетний полковник Тиббетс. Он участвовал в первых массированных бомбардировках Германии, был личным пилотом генерала Эйзенхауэра, а потом летчиком-испытателем бомбардировщиков Б-29. Их с середины 1943 года начал выпускать концерн «Боинг».

Тиббетс лично занимался подбором пилотов первого класса, которые, в свою очередь, давали рекомендации о составе своих экипажей и персонале технического обслуживания. Осенью 1944 года личный состав авиачасти Тиббетса собрался на аэродроме в Уэндовере в штате Юта. Туда же поступили специально переоборудованные «сверхкрепости», на которых экипажи сразу же начали учебные полеты.

Суть тренировок состояла в следующем. После прицельного бомбометания с высоты 10 тысяч метров самолет-носитель должен был сделать крутой разворот, чтобы за 40 секунд, пока падает бомба, удалиться по крайней мере на 13 километров.

30 декабря 1944 года генерал Гровс доложил Стимсону, что первые американские атомные бомбы будут готовы для боевого применения примерно к 1 августа 1945 года. Он сообщил также, что 509-й сводный авиаполк (как была официально названа часть полковника Тиббетса) заканчивает в штате Юта первый этап тренировок, после чего будет переброшен на Кубу, где в программу его боевой подготовки будут включены длительные полеты над морским пространством. Гровс просил Стимсона проинформировать о готовящейся операции командующего вооруженными силами США на Тихом океане.

Хлопоты Нильса Бора

Пока гитлеровский рейх сохранял стратегическую инициативу в войне, мозговой центр «Манхэттенского проекта» работал с полным напряжением сил. Но

после Сталинградской битвы, и особенно с середины 1944 года, когда стало ясно, что Красная Армия уже нанесла фашистскому зверю смертельную рану, среди ученых начались колебания. Многие усомнились: оправданно ли прибегать к атомному оружию в данной войне?

Первым против этого активно выступил Нильс Бор. Как один из первооткрывателей тайн атомного ядра, он считал своим долгом предотвратить использование ядерной энергии в военных целях. Бор добивался, чтобы эта грозная сила была немедленно поставлена под международный контроль с участием Советского Союза. Он доказывал, что, если оставить русских в неведении о новом оружии, которое скоро окажется в руках американцев, это может привести к распаду антигитлеровской коалиции, к разделению послевоенного мира на два враждебных лагеря, угрожающих друг другу ядерным оружием. К тому же Бор лучше, чем другие, сознавал, что надежды на научно-техническое отставание СССР иллюзорны. Как ученый он нисколько не сомневался в способности советских физиков создать собственную атомную бомбу. Бор предвидел как бесперспективность политики атомного шантажа, так и ее опасные последствия.

16 мая 1944 года Бор добился приема у Черчилля. Британский премьер был тогда целиком поглощен подготовкой к высадке союзников во Франции. Он неохотно согласился встретиться с ученым. На беседе было выделено всего полчаса. К тому же, когда Бор по обыкновению начал неторопливо и сбивчиво излагать свои мысли, научный советник премьер-министра лорд Черуэлл попытался помочь ему каким-то замечанием. И тут между Черчиллем и Черуэллом вспыхнула словесная перепалка, занявшая почти все время. Выпроводив Бора из кабинета, Черчилль с раздражением сказал:

— О чем он все-таки приходил беседовать со мной? О физике или о политике?

В Лондоне нашлись люди, которые охотно подхватили эту мысль. До чего, дескать, наивны эти выдающиеся ученые! Они, мол, совершенно близоруки в

политике. Нет ничего хуже, когда они начинают лезть не в свои дела. Если бы, мол, знать наперед, сколько хлопот будет с этим Бором, может быть, и операция по его похищению в свое время планировалась бы по-иному.

После оккупации Дании фашистами Нильс Бор продолжал руководить Институтом теоретической физики в Копенгагенском университете. 29 сентября 1943 года британская разведка узнала, что в Берлине подписан приказ арестовать Бора и доставить его в Германию. Участники датского движения Сопротивления решили тайно вывезти ученого из страны. С их помощью Бор 30 сентября на прогулочной лодке добрался до рыбацкой шаланды, которая доставила его в Швецию. 12 дней спустя со стокгольмского аэродрома поднялся английский бомбардировщик «Москито». В самолете не было кресла для пассажира, и датского физика поместили в бомбовый люк.

После набора высоты пилот велел Бору надеть кислородную маску. На вопрос, понял ли ученый отданное ему распоряжение, ответа не последовало. Иметь контакт с обитателем бомбового люка в полете можно было только через переговорное устройство. Но пассажир почему-то не отвечал на вопросы.

Когда «Москито» приземлился в Англии, оказалось, что 58-летний физик был без сознания. Дело объяснилось курьезно. У Бора была настолько большая голова, что наушники шлема не доставали ему до ушей. Так что он попросту не слышал ни слова из того, что говорил ему пилот, и команду включить кислород тоже.

Не знал Бор и другого: в бомбовый люк его посадили не случайно. Пилот английского бомбардировщика имел секретную инструкцию: если «мессершмитты» заставят самолет повернуть в сторону Германии, ему предписывалось открыть люк и сбросить пассажира вниз, чтобы великий физик не попал в руки нацистов.

После неудачной встречи с Черчиллем Бор начал добиваться приема у Рузвельта. 26 августа 1944 года он письменно изложил свои аргументы, чтобы придать им максимальную убедительность. Монополия на

атомное оружие, доказывал учёный,— явление временное. Попытка сохранить ее, утаивая от СССР ведущиеся работы, лишь подорвет доверие между союзниками и породит гонку ядерных вооружений, чреватую роковыми последствиями.

7 сентября Бор направил Рузвельту еще одно письмо, где он в завуалированной форме, но достаточно убедительно предостерег от близорукости расчетов на американское военное превосходство при недооценке возможностей советской науки и техники.

«Перспектива высвобождения огромного количества энергии за счет расщепления атома,— писал Бор,— бесспорно окажет глубокое влияние на будущее человечества. Но надежды, порожденные данным открытием, могут быть омрачены самыми зловещими угрозами для безопасности народов, если в надлежащее время не будет выработано международное соглашение об эффективном контроле над новым ужасным оружием... В этой связи следует учитывать, что в результате плодотворного международного сотрудничества принципы, на основе которых может быть высвобождена энергия атомного ядра, в основном были известны еще до войны и являются, таким образом, общим достижением физиков всего мира. Известно также,— продолжал Бор,— что подготовительные работы предприняты в различных странах. И хотя мы продвинулись в этом направлении дальше других, любая информация об успехах, достигнутых в США, какой бы скудной она ни была, скорее всего вызовет форсирование подобных же усилий повсеместно. К счастью, ход войны устранил возможность военного использования исследований в данной области со стороны Германии. Но следует помнить, что после ее разгрома все специальные знания и технический опыт, накопленные в этой стране, в равной степени станут достоянием всех великих держав-победительниц».

19 сентября 1944 года Рузвельт и Черчилль встретились в США. Наряду с другими военно-политическими проблемами они обменялись мнениями и по поводу предложений Бора. В секретном меморандуме об их встрече было, в частности, зафиксировано следующее:

«Предложение о том, что мир должен быть проинформирован об атомном оружии, имея в виду международный контроль над его использованием, неприемлемо. Дело это должно по-прежнему оставаться в строгом секрете. Когда бомба будет готова, она после тщательного рассмотрения всех обстоятельств может быть применена против Японии. Руководители США и Англии считают нужным провести расследование по поводу деятельности профессора Бора; необходимо убедиться, что он не несет ответственности за утечку информации, особенно к русским».

Свою неприязнь к датскому физику Черчилль еще откровеннее выразил в записке к своему научному советнику лорду Черуэллу: «Президент и я серьезно обеспокоены профессором Бором. Как случилось, что он допущен к работам? По-моему, Бора следует изолировать!»

Миссия «Алсос»

6 июня 1944 года войска союзников высадились на побережье Франции. Но еще до открытия второго фронта в Европе Пентагон учредил так называемую миссию «Алсос» — научную разведку специального назначения. Двигаясь вместе с войсками вторжения, она должна была немедленно приступить к сбору материалов по германскому «урановому проекту», а также разыскать наиболее видных ученых, принимавших в нем участие, и конфисковать запасы расщепляющихся материалов.

В более широком плане новая разведывательная организация имела целью перехватить у союзников любые сведения как об атомной программе, так и о других перспективных видах оружия, которые разрабатывались в гитлеровской Германии, и прежде всего не допустить, чтобы эти материалы попали в руки Советского Союза.

Во главе миссии «Алсос» был поставлен полковник Паш. Это назначение, связанное с выездом в Европу, должно было оторвать его от дела Оппенгейме-

ра и разрядить нежелательную для Гровса конфликтную ситуацию в Лос-Аламосе.

Поскольку миссии «Алсос» предстояло действовать в зоне военных операций, при подборе ее научного руководителя в Пентагоне решили застраховаться от возможных неожиданностей. Назначенный на этот пост голландский физик Сэмюэл Гоудсмит был достаточно эрудирован в области ядерной физики, однако не состоял в штате сотрудников «Манхэттенского проекта», не работал в Лос-Аламосе.

После того как Энрико Ферми впервые осуществил в Чикаго цепную ядерную реакцию, американцы уже не сомневались, что создание атомной бомбы практически возможно. Им также казалось, что немцы продвинулись в этом направлении гораздо дальше, ибо развернули свои исследования на два года раньше их.

Словом, о германском «урановом проекте» в Соединенных Штатах знали мало, да и это немного часто истолковывали в пользу противника.

Что имел в виду Гитлер, постоянно хвастая новым секретным оружием? Даже если у немцев еще нет атомной бомбы, в Германии, по всей вероятности, действуют урановые котлы, благодаря которым она может располагать значительными количествами радиоактивных материалов. Что, если нацисты вздумают найти им боевое применение — использовать эти ядовитые вещества против сил вторжения? Вот почему накануне открытия второго фронта в американских войсках были созданы специальные подразделения, оснащенные счетчиками Гейгера.

Недостаток информации об «урановом проекте» в Пентагоне относили за счет нацистской системы секретности. На самом же деле это было лишь следствием незначительных масштабов работ.

24 августа 1944 года на улицах Парижа ликовали возбужденные толпы. Подняв восстание против гитлеровских оккупантов, жители французской столицы освободили город и теперь готовились встретить французские войска.

Первым в Париж должен был вступить французский генерал Леклерк со своей 2-й бронетанковой ди-

визией. Вместе с ее авангардной колонной в город ворвался джип с американскими офицерами, не имевшими отношения ни к одной из строевых частей. У каждого из них за отворотом тужурки был приколот потайной значок: белая буква альфа, пронзенная красной молнией. Это была передовая группа миссии «Алсос» во главе с полковником Пашем. Еще не доехав до Триумфальной арки, где происходила церемония встречи, джип свернул в сторону. То и дело сверяясь по карте, Паш направлял водителя к зданиям Коллеж де Франс.

Список ученых, которых миссия «Алсос» должна была разыскать в освобожденном Париже, начинался с имени Фредерика Жолио-Кюри. Требовалось узнать: не участвовал ли французский физик в германском «урановом проекте», не имеет ли он каких-либо сведений об этих секретных работах и, наконец, нельзя ли переманить его в США.

Найти лабораторию Жолио-Кюри не представляло труда. Несколько вооруженных людей, весьма мало похожих на профессоров и студентов, шумно обсуждали там события дня.

— Господин Жолио-Кюри? Он ушел отсюда накануне восстания и вот-вот должен вернуться.

Пока наводили справки по телефону, один из сотрудников миссии «Алсос» подошел к полковнику Пашу и с недоуменным видом зашептал ему на ухо:

— Здесь говорят, будто Жолио-Кюри действительно изобрел какую-то новую бомбу и что сегодня об этом знает весь Париж.

Оказалось, что всемирно известный физик занимался секретным оружием совсем другого рода. Его лаборатория в Коллеж де Франс служила подпольным арсеналом. Там мастерили самодельные гранаты и мины для отрядов Сопротивления.

— Наши американские друзья интересуются бомбами, которые мы тут делали при немцах,— пояснил молодой француз подошедшему Жолио-Кюри.

— Мы хотели спросить,— уточнил Паш,— заставляли ли вас нацисты заниматься во время оккупации теми же исследованиями, которые вы начинали здесь с Халбаном и Коварским...

Этого вопроса было достаточно, чтобы Жолио-Кюри понял, с кем имеет дело.

— Три дня назад, — улыбнулся он, — когда я бросал в немецкие танки бутылки с горючей смесью собственного изготовления, у меня, помнится, вертелась мысль: подумать только, до чего я дошел! Ведь в Америке, наверное, мои коллеги тем временем делают атомную бомбу!

Жолио-Кюри рассказал о своей деятельности за минувшие годы. Вскоре после оккупации Парижа в его лабораторию явились два немецких физика: Шуман и Дибнер. Сначала они пытались лестью склонить Жолио-Кюри к сотрудничеству, потом принялись угрожать ему. Немцы требовали сообщить, где спрятана вывезенная из Франции тяжелая вода. Француз сумел ввести их в заблуждение, сказав, что она была погружена на английское судно, подорвавшееся на mine.

Поначалу Шуман намеревался вывезти в Германию циклотрон и другое оборудование, но потом было решено использовать его на месте, прислав в Коллеж де Франс немецких физиков. Их группу возглавлял Вольфганг Гентнер, весьма далекий от симпатий к фашизму. В Париж его послали лишь потому, что до войны он работал в США вместе с изобретателем циклотрона Эрнестом Лоуренсом и считался лучшим специалистом в данной области.

Гентнер догадывался об участии Жолио-Кюри в движении Сопротивления и как мог оберегал его от гестапо. Несмотря на это, нацисты дважды подвергали французского физика арестам и допросам.

Тем не менее оккупанты оставили Жолио-Кюри работать в Коллеж де Франс, где он занимался проблемой, весьма далекой от военного дела: применением меченых атомов в биологии. Но научная работа была в немалой степени прикрытием. Под носом у немцев в Коллеж де Франс мастерили радиостанции и боевое снаряжение.

После своего рассказа Жолио-Кюри стал сам задавать вопросы. И благожелательное начало беседы сменилось взаимной настороженностью. Американцев всполошила осведомленность французского физика

в вопросах, имеющих отношение к «Манхэттенскому проекту». Полковнику Пашу и его спутникам было трудно понять, что это объяснялось высокой компетентностью Жолио-Кюри в данной области науки.

Но еще больше встревожило их явно отрицательное отношение французского физика к попыткам Соединенных Штатов закрепить за собой монополию на атомное оружие. Жолио-Кюри без обиняков осудил посягательства Вашингтона на интересы союзников и заявил, что при первой же возможности изложит свои взгляды на сей счет генералу де Голлю.

Находка в Страсбурге

15 ноября 1944 года американские войска овладели Страсбургом. Операция эта несколько раз откладывалась, и полковник Паш, находившийся в передовых частях, все больше нервничал. На основе отрывочных сведений, собранных в Париже, миссия «Алсос» пришла к выводу, что значительная часть работ, связанных с германским «урановым проектом», велась в Страсбургском университете.

Группа сотрудников миссии «Алсос» во главе с Пашем проникла в город вместе с американскими танками. Найти немецких физиков оказалось нелегко. Их лаборатория занимала больничную флигель, а одетый в белые халаты научный персонал выдавал себя за медиков.

Ведущих германских физиков среди захваченных ученых не оказалось. Да и допросы их дали не так уж много. Удалось, правда, установить, что Физический институт Общества кайзера Вильгельма эвакуирован из Берлина. Пока сотрудники миссии «Алсос» пытались установить его новое местоположение, Гоудсмит наткнулся на кабинет Вайцеккера. Главные документы были, судя по всему, вывезены, но чутье криминалиста-любителя привлекло внимание Гоудсмита к папке черновых записей и беглых заметок. Две ночи он, не разгибаясь, просидел над этими бумагами. А потом пришел к полковнику Пашу и тор-

жественным тоном заявил, что миссия «Алсос», на его взгляд, уже выполнила свою задачу.

— Что же вы там нашли? Секрет германской атомной бомбы? — осведомился Паш.

— Не иронизируйте, а садитесь писать срочный доклад то ли Гровсу, то ли Стимсону, то ли самому президенту. Пишите, что сегодня в Страсбурге мы доподлинно установили: у нацистской Германии нет и до конца войны не будет атомной бомбы.

— Какие же у вас есть основания для столь категорического вывода?

— Не будь я сам физиком, не знай я действующих лиц, я бы не смог расшифровать эти заметки. В этой папке сохранилась деловая и в то же время интимная переписка ведущих немецких физиков. Этот недоступный для посторонних язык намеков, на котором ученые общались друг с другом, представляет собой бесценный документальный материал. Мне трудно объяснить вам, как я пришел к своим выводам. Можно сказать, что немцы всегда смотрели на атомную бомбу как на взрывающийся атомный котел и потому избрали не самый легкий и удачный путь к цели. Но для нас сейчас важно другое. Хотя нацистское руководство давно знало о возможности создать атомное оружие, вплоть до настоящего времени, то есть до конца 1944 года, германские ядерные исследования так и не вышли из лабораторной стадии. Раз у немцев нет атомной бомбы, значит, нам не придется пускаться в ход свою. А коли так — нашу работу здесь можно считать законченной.

— Что касается миссии «Алсос», то она просто вступает в новый этап, — возразил Паш. — Очень хорошо, что немцы не довели дело до конца. Но вы сами как-то говорили, что сделали они не так-то уж мало. Нам надо позаботиться, чтобы все это не попало в чужие руки.

— Вы имеете в виду русских?

— Прежде всего, разумеется, их, но не их одних. Раз уже Соединенным Штатам удалось первыми создать такое оружие, они должны оставаться единственным его обладателем. И пусть весь мир воочию

увидит силу этого оружия, а стало быть, мощь Соединенных Штатов...

В те дни, когда Паш и Гоудсмит рапортовали о находке в Страсбурге, у генерала Гровса возникли новые хлопоты с Жолио-Кюри. При первой же встрече с сотрудниками миссии «Алсос» французский физик прекрасно понял ее подспудную цель: закрепить американскую монополию на атомное оружие, перехватив у союзников результаты германских исследований в данной области. Жолио-Кюри сумел вступить в контакт с де Голлем и по его вызову прибыл в Лондон. Между генералом и физиком состоялась обстоятельная беседа о проблемах атомной энергии и положении Франции в этой области.

Жолио-Кюри напомнил де Голлю, что перед оккупацией Парижа Халбан и Коварский вместе с запасом тяжелой воды вывезли в Англию научные материалы относительно открытий, которые они уже запатентовали как собственность Франции.

Все это по поручению Жолио-Кюри было передано англичанам в обмен на обещание должным образом обеспечить французские интересы в области использования атомной энергии.

Когда американцы впоследствии навязали англичанам в Квебеке соглашение, запрещавшее передачу какой-либо информации по атомной проблеме третьим странам, они тем самым перечеркнули прежнюю англо-французскую договоренность.

Случилось так, что почти одновременно с Жолио-Кюри в Лондон приехал Халбан, который после отъезда из Франции сначала принимал участие в английской программе «Тьюб эллойс», а затем вместе с английскими учеными пересек Атлантику и стал сотрудником «Манхэттенского проекта». Пентагон просил британское военное министерство под любым предлогом помешать Халбану увидеться с Жолио-Кюри. Но просьба об организации такой встречи поступила от самого де Голля, и, зная строптивый нрав генерала, Черчилль не решился чинить какие-либо помехи.

«Пробив брешь в американско-английских отношениях, основанных на Квебекских соглашениях, Жолио-Кюри принялся активно ее расширять,— писал

потом Гровс.— Он дал понять, что, если Франция не будет допущена к американско-английской программе по атомной энергии, ей ничего не останется, как ориентироваться на Россию».

Оружие отчаяния

13 июня 1944 года, ровно через неделю после того, как войска союзников высадились во Франции, гитлеровцы впервые применили против Англии самолеты-снаряды. Новое секретное оружие, которым Гитлер многократно хвастал, было обозначено буквой фау от немецкого слова «фергельтунгсваффе», что значит «оружие возмездия».

После поражения под Сталинградом нацистской верхушке оставалось уповать лишь на чудо, способное вернуть Германии стратегическую инициативу. Таким чудо-оружием могла бы стать атомная бомба. Но осуществление «уранового проекта» Вернера Гейзенберга требовало времени и ресурсов. А руководство рейха не располагало ни тем, ни другим.

Иначе обстояло дело с «проектом Пенемюнде». Еще до начала второй мировой войны в Германии были начаты работы по созданию ракетного оружия. Их вели близ Берлина Вернер фон Браун, Вальтер Дорнбергер и Артур Рудольф. В 1937 году они перебрались на остров Узедом в Балтийском море. Там на месте рыбацкого поселка Пенемюнде был создан секретный полигон.

Во время совещания у рейхсминистра Шпеера, когда Гейзенберг ответил, что для создания атомной бомбы потребуются не месяцы, а годы, в Пенемюнде уже приступали к массовому производству самолетов-снарядов Фау-1. А в октябре 1942 года были осуществлены первые запуски баллистических ракет Фау-2.

К тому же в отличие от «уранового проекта», связанного с ядерной физикой, а стало быть, с ненавистными нацистам именами Эйнштейна и Бора, «проект Пенемюнде» опирался на успехи аэродинамики, а

значит, на покровительство Геринга. Ведь Фау-1 и Фау-2 предназначались для выполнения тех же оперативных задач, с которыми не смогла справиться военная авиация. Поэтому, оказавшись перед выбором — Вернер фон Браун или Вернер Гейзенберг, — как Гитлер, так и Геринг предпочли фон Брауна.

Ракетный полигон в Пенемюнде привлек к себе внимание британской разведки. Данные аэрофотосъемки были дополнены сведениями, поступившими от французского движения Сопротивления. Участница подпольной группы «Альянс» 23-летняя Жанна Русо сообщила, что на острове Узедом испытываются снаряды, способные подниматься до стратосферы и затем поражать цели, удаленные на 400 километров. По ее словам, с осени 1943 года планировалось начать обстрел Англии этими снарядами, для чего в Северной Франции строится 108 пусковых платформ. Применение нового оружия возложено на 155-й зенитный полк полковника Вахтеля, где Жанна работала переводчицей.

Донесение группы «Альянс» было подтверждено данными радиоразведки. Перехватив переговоры двух радиолокационных рот, наблюдавших за опытными запусками в Пенемюнде, англичане установили, что скорость самолета-снаряда составляет около 600 километров в час.

7 июня 1943 года — в первые дни битвы на Курской дуге — военный руководитель «проекта Пенемюнде» генерал Вальтер Дорнбергер, научный руководитель проекта Вернер фон Браун и главный конструктор двигателей Артур Рудольф были приглашены на доклад к Гитлеру. После этого ракетная программа была объявлена первоочередной для вермахта.

В ночь на 18 августа 600 английских бомбардировщиков совершили налет на Пенемюнде. Наибольший ущерб был нанесен поселку технического персонала. Под бомбами погибли более 600 иностранных рабочих. Тем же летом англичане нанесли другой, более ощутимый удар по германской ракетной программе. Они подвергли бомбардировке заводы фирмы «Цепелин» в Фридрихсхафене, где с начала 1943 года было развернуто производство баллистических ракет

Фау-2. Наконец, в сочельник 24 декабря 1943 года 1300 английских и американских самолетов забросали фугасными бомбами пусковые платформы, построенные немцами вдоль Ла-Манша.

После первого же налета на Пенемюнде создание ракетного оружия было передано под непосредственный контроль войск СС. Вернеру фон Брауну присвоили звание штурмбаннфюрера. Группенфюрер СС генерал Ганс Каммлер возглавил специальный штаб по организации серийного выпуска Фау-1 и Фау-2 под землей.

Тогда же Артур Рудольф был назначен начальником производства на «Дора-Миттельверке». Этот засекреченный эсэсовский объект представлял собой сочетание лагеря смерти и подземного ракетного завода. Его строили на месте заброшенных каменоломен у подножия горы Конштейн близ Нордхаузена, в Тюрингии.

Для проходки главного тоннеля и боковых штолен-цехов использовали узников из Бухенвальда. Каждый месяц эшелоны, доставлявшие пополнения, увозили сжигать в Бухенвальд до полутора тысяч трупов. Потом дирекция «Дора-Миттельверке» обзавелась собственным крематорием.

Подземное предприятие не перестало быть лагерем смерти и после начала серийного выпуска ракет. Люди гибли от невыносимых условий труда. За малейшую провинность эсэсовские палачи карали смертной казнью. Ферма мостового крана в главном тоннеле служила виселицей. Гитлеровцы погубили на «Дора-Миттельверке» более тридцати тысяч узников.

В общей сложности нацисты выпустили по Англии 11 300 самолетов-снарядов. Примерно 20 процентов из них взорвалось при старте. 25 процентов было сбито истребителями, столько же — зенитной артиллерией и только 30 процентов долетело до английской земли (причем из этих 3200 самолетов-снарядов 2400 попали в район Большого Лондона). Значительная часть Фау-1 взорвалась в густонаселенных кварталах. Этим оружием было убито 5500 и ранено 16 000 лондонцев.

7 сентября 1944 года гитлеровцы пустили в ход баллистические ракеты Фау-2. До конца войны было запущено 10 800 таких ракет, причем примерно половина из них взорвалась при старте или упала в море. Жертвами Фау-2 стали 13 000 мирных жителей.

Однако никакого чуда «оружия возмездия» не совершило. Пустить его в ход внезапно не удалось. Союзники не только знали о «проекте Пенемюнде», но и активно препятствовали его осуществлению. Главное же, ни Фау-1, ни Фау-2 не имели систем наведения. Они не были оружием поля боя, не годились для применения против войск противника. Лишь восьмимиллионный город на Темзе мог служить для них достаточно крупной мишенью.

Гитлер не использовал Фау-1 и Фау-2 для обстрела английских портов, служивших базами вторжения во Францию. Он требовал сосредоточить удары только по Лондону, целиком делая ставку не на военный, а на психологический эффект «оружия возмездия».

Операция «Сорока»

В конце 1944 года, когда стало ясно, что «оружие возмездия» не в состоянии поставить Англию на колени, Вернер фон Браун предложил нанести неожиданный удар по главным городам Соединенных Штатов. Идея состояла в том, чтобы обстрелять Вашингтон и Нью-Йорк межконтинентальными двухступенчатыми ракетами А-9/10. Японцы же одновременно запустили бы со всплывающих подводных лодок несколько Фау-1 по Сан-Франциско и Лос-Анджелесу.

Баллистическая ракета А-9/10, над которой в Пенемюнде шли лихорадочные работы, должна была за 35 минут пролететь 5 тысяч километров над Атлантикой и, израсходовав 70 тонн горючего, доставить к цели всего-навсего одну тонну взрывчатки (то есть такой же боезаряд, что и у Фау-1).

Поскольку при столь незначительной разрушительной силе психологический эффект особенно зависел

от точности попадания, предлагалось наводить ракеты при помощи радиосигналов, причем не с базы запуска, а непосредственно из района цели. Для этого германская агентура должна была установить специальные радиомаяки на крышах американских небоскребов и в нужный момент привести их в действие.

Гитлер ухватился за это предложение. Нацистская верхушка рассчитывала, что, если бы, скажем, удалось взорвать самый высокий в Нью-Йорке небоскреб «Эмпайр стейт билдинг», да еще предварительно сообщить, что это произойдет в определенный день и час, в городе бы началась паника. А серия таких ударов повергла бы американского обывателя в состояние такого шока, что Соединенные Штаты вышли бы из войны и антигитлеровская коалиция оказалась бы расколотой.

В ночь на 30 ноября 1944 года неподалеку от восточного побережья США всплыла германская подводная лодка с бортовым номером «У-1230». Она оставила на поверхности надувную шлюпку с двумя людьми и снова ушла на глубину. Около получаса агенты германской разведки гребли к окутанному мглой берегу. После высадки они уничтожили лодку, взяли сумки со снаряжением и разошлись в разные стороны. Так началась операция «Сорока», подготовленная отделом диверсий главного управления имперской безопасности (РСХА).

Первый из диверсантов имел документы на имя Джека Миллера. В действительности это был агент РСХА Эрих Гимпель. По специальности радиоинженер, он с 1935 года занимался шпионажем в Англии и США, был резидентом РСХА в Перу. Второй диверсант значился в удостоверении личности как Эдвард Грин. В действительности это был американец немецкого происхождения Уильям Колпаг, завербованный германским консулом в Бостоне. Колпаг окончил Массачусетский технологический институт, а потом военно-морское училище. После выполнения нескольких шпионских заданий Колпаг через Аргентину и Португалию был переправлен в Германию.

Перед операцией «Сорока» Миллер и Колпаг прошли подготовку в одной из секретных лабораторий

концерна «Сименс». Там их обучали новым методам наведения ракет на цель с помощью радиосигналов.

Диверсанты порознь благополучно добрались до Нью-Йорка. Но на этом их везение кончилось. Колпаг разыскал кое-кого из своих знакомых, чтобы устроиться на работу в нужных ему высотных зданиях. Ему показалось, что американца по имени Том Уорренс можно завербовать себе в пособники. Этот антифашистски настроенный ветеран войны сделал вид, будто согласен выполнять поручения Колпага. Но тут же сообщил Федеральному бюро расследований, что его пытается завербовать нацистский агент, затевающий какую-то диверсию.

К заявлению Уорренса в ФБР отнеслись весьма иронически.

— Видно, парня контузило в Европе, вот ему и мерещатся на каждом шагу немецкие шпионы! — ухмылялся сержант, оформлявший протокол.

Трудно было представить, что на завершающем этапе войны, когда неминуемый разгром гитлеровского рейха был очевиден, нацистам могло прийти в голову планировать какие-то диверсии на противоположном берегу Атлантики.

Уорренс все-таки настоял, чтобы Колпага арестовали. И тот на первом же допросе выдал себя и Гимпеля. Правда, местонахождения своего напарника он не знал. Каждый из агентов должен был действовать независимо, опираясь на американцев немецкого происхождения. Чтобы отыскать Гимпеля, ФБР пришлось поднять на ноги всю нью-йоркскую полицию, подключить к этой крупнейшей за военные годы облаве тысячи своих агентов.

А Гимпель между тем поселился в отеле «Пенсильвания» и уже послал в Берлин шифровку о том, что ему удалось поступить в экскурсионное бюро на верхнем этаже небоскреба «Эмпайр стейт билдинг». Он прожил в Нью-Йорке четыре недели.

Подошло рождество. Город готовился к праздникам. Нигде не было ни светомаскировки, ни других примет войны. Магазины бойко торговали подарками. В оживленной уличной толпе никто не мог подозре-

вать о диверсии, которую готовили против ньюйоркцев в далеком Пенемюнде.

Сотрудники ФБР долго выпрашивали у Колпага особые приметы и характер поведения его напарника. Арестованный вспомнил, что Гимпель имел обыкновение держать монеты не в кошельке, а в верхнем наружном кармане пиджака, куда американцы обычно вставляют платок.

В канун рождества к газетному киоску на Таймсквер подошел хорошо одетый мужчина. Не вынимая сигары изо рта, он попросил иллюстрированный журнал и, получив сдачу, сунул монеты в верхний наружный карман пиджака. Заранее проинструктированный владелец киоска тут же подал сигнал агентам ФБР.

Об аресте Колпага и Гимпеля доложили президенту Рузвельту. Он велел предать их военному суду по обвинению в шпионско-диверсионной деятельности.

Сайпан как мишень

Начался 1944 год, а японские работы над атомным оружием все еще находились в стадии лабораторных исследований. Правда, как раз в новогодние праздники участников проекта «Ни» окрылил двойной успех. Группа Такеути подготовила к испытаниям опытный образец сепаратора. А группе Кигоси впервые удалось получить шестифтористый уран.

Забыв о холодной зимней ночи, те и другие радовались как дети. Ведь именно шестифтористый уран предназначался для установки, которая «отцеживала» бы легкий изотоп от тяжелого.

Руководитель проекта отчасти разделял чувства своих молодых коллег, но был далек от ликования. Он понимал, что сделан лишь бесконечно малый шаг на пути к по-прежнему недосягаемой вершине. Чтобы создать на основе экспериментального сепаратора промышленную разделительную установку, чтобы наладить производство шестифтористого урана в необходимых количествах, требовалось решить множество технических проблем.

Да и не только в них было дело. Нисина подсчитал: чтобы получить достаточное количество урана-235 лишь для одной атомной бомбы, требовалась десятая часть всей производившейся в Японии электроэнергии, нужны были средства и материалы для строительства примерно тысячи подобных сепараторов и, наконец, урановая руда.

Штаб ВВС императорской армии: поначалу не особенно баловал вниманием свое детище — проект «Ни». Мало кто из военных всерьез верил, что атомную бомбу действительно можно создать и что ее взрывная сила и впрямь будет столь велика. Главной заботой штаба и его научно-технического управления было совершенствование боевых самолетов, увеличение их производства. Но чем хуже становилась обстановка на фронтах, тем чаще военная верхушка обращала свои взоры к науке, тем нетерпеливее становились требования к ученым: быстрее создать оружие нового типа.

Именно в ту пору премьер-министр Тодзио и профессор Нисина вступили в прямые контакты друг с другом. Между ними завязалась переписка, о которой не знали ни военное министерство, ни штаб ВВС. Премьер в генеральском мундире торопил. Руководитель проекта «Ни» пытался полемизировать с ним, приводя в ответ научные аргументы. Тодзио все чаще отзывался об ученых с нескрываемым раздражением: «Нас не интересуют научные исследования как таковые. Нам нужно оружие, готовое к боевому применению!»

Всю весну 1944 года Тодзио подхлестывал атомщиков. От руководителя проекта потребовали дважды в месяц докладывать штабу ВВС о ходе работ. Прислали военных инженеров, чтобы вести повседневное наблюдение за деятельностью научных групп.

6 июня 1944 года войска союзников открыли второй фронт в Европе. Поражение все громче стучалось и в японские двери. Непроступным рубежом были провозглашены Марианские острова. После первой мировой войны Токио управлял ими по мандату Лиги Наций. На самом крупном из них — Сайпане, кро-

ме 30-тысячного гарнизона, находилось почти 25 тысяч местных жителей, в основном японцев.

Битва за Сайпан, начавшаяся 15 июня 1944 года, стала одной из наиболее упорных на тихоокеанском театре второй мировой войны. 70 тысяч высадившихся на острове американских морских пехотинцев опирались на мощную поддержку с моря и с воздуха, но больше трех недель не могли сломить сопротивление японского гарнизона.

Тут-то Тодзио и вспомнил об ученых, которые с его ведома занимались разработкой атомной бомбы. Вот если бы сбросить ее на Сайпан, чтобы остров стал общей могилой и для атакующих и для защитников! Разговоры на сей счет не раз велись в ставке.

И на фоне их в новом свете предстает императорский рескрипт от 1 июля 1944 года. В нем говорилось, что погибшим жителям острова будет предоставлен такой же духовный статус, что и воинам, отдавшим свои жизни в бою (то есть, что таблички с их именами станут предметом поклонения в синтоистском храме Ясукуни).

Но до создания бомбы было еще далеко. Тодзио негодовал: ведь прошло два года с тех пор, как военное министерство поручило ученым взяться за эту задачу, и год с тех пор, как они ответили, что решить ее в принципе возможно!

Удержать Сайпан японцы так и не смогли. 9 июля 1944 года американцы полностью овладели островом. 18 июля правительство Тодзио, которое руководило страной с начала войны на Тихом океане, ушло в отставку.

В этот же день участники проекта «Ни» начали важный эксперимент по разделению изотопов урана. Сепаратор усовершенствовали и поместили в него 170 граммов шестифтористого урана. О ходе опыта регулярно докладывали командованию.

С того же дня, 18 июля, масштабы работ по созданию атомного оружия были существенно расширены. К поискам урановой руды, которыми до сих пор бесплодно занимался штаб ВВС, было решено под-

ключить управление армейских вооружений, точнее говоря, его 8-й научно-технический отдел со штатом более пятисот человек.

Во главе отдела был поставлен инженер-майор Йюити Ямамото, по образованию геолог. А для научного руководства был приглашен профессор Сетоясу Иимори из Института физико-химических исследований. Он в свое время учился в Оксфорде и одним из первых в Японии начал заниматься радиоактивными элементами.

Иимори спроектировал и построил две обогатительные фабрики для урановой руды, которая должна была поступать участникам проекта «Ни» из Китая и Кореи. Но с ее добычей и транспортировкой возникло много трудностей, так что оборудование стояло без дела.

Теперь решено было сосредоточить усилия в пределах самой Японии. Ухудшающаяся военная обстановка не позволяла рассчитывать на ресурсы заморских территорий. Пришлось начать добычу низкокачественной руды в префектуре Фукусима. На месторождение близ города Исикава были мобилизованы старшеклассники из окрестных школ. Пятнадцатилетние подростки с утра до вечера долбили кирками склоны карьера, выбирали из груд отколотого камня куски черного цвета и на конных повозках доставляли их на обогатительную фабрику.

Однажды профессора Иимори неожиданно вызвали с рудников в ставку. Там его принял один из членов императорской фамилии. Стараясь не запачкать рукав военного мундира, он протянул ученому кусок горной породы:

— Я больше разбираюсь в биологии, чем в геологии,— сказал он.— Но камень этот показался мне необычно тяжелым. Проверьте-ка, профессор, нет ли в нем урана?

Находка оказалась обыкновенным гранитом. Но Иимори был поражен: выходит, даже в высшем дворцовом кругу знают, что для атомной бомбы требуется уран...

Ставка на самоубийц

Правительство Ионаи, пришедшее на смену кабинету Тодзио, тоже предпочитало желаемое действительному и руководствовалось весьма сомнительными политическими установками. Во-первых, японцы надеялись, что, если нацистская Германия капитулирует, вслед за этим обострятся противоречия между участниками антигитлеровской коалиции, что помешает им перебросить силы на Дальний Восток.

Во-вторых, они считали, что окончание войны в Европе подорвет у союзников охоту сражаться на Тихом океане, тогда как у японцев боевой дух возрастет от сознания, что они оказались один на один с противником.

Наконец, в Токио полагали, что массированные бомбардировки, которым подвергалась Германия, не смогут быть повторены против Японии. Эта предпосылка была наиболее ошибочной, потому что, захватив остров Сайпан, американцы тут же начали строить там взлетную полосу для стратегических бомбардировщиков Б-29, только что появившихся на тихоокеанском театре военных действий.

24 ноября 1944 года, когда миссия «Алсос» убедилась, что у гитлеровцев нет и до конца войны не может быть атомной бомбы, когда участники операции «Сорока» плыли на подводной лодке к американскому побережью, бомбардировщики Б-29 совершили первый налет на Токио. Целью операции было уничтожить авиационный завод в Мусасино. Но поскольку он оказался скрыт облаками, бомбовый груз был сброшен на японскую столицу.

11 декабря кабинет министров призвал весь японский народ одновременно совершить молитву в честь богини солнца Аматэрасу. По преданию, в XIII веке таким способом удалось вызвать священный ветер (по-японски «камикадзе»), который разметал флот Хубилай-хана, приближавшийся к японским берегам. В Токио надеялись, что одновременная молитва 100 миллионов японцев сможет вновь создать сгусток духовной энергии, способной отвлечь от Страны восходящего солнца угрозу вражеского вторжения.

Слово «камикадзе» вошло в обиход в новом значении. Газеты и радио заговорили о добровольцах, готовых пожертвовать жизнью, направляя свои самолеты и торпеды на корабли противника. Армия и флот начали формировать отряды самоубийц.

В то время когда над Лондоном впервые появились гитлеровские Фау-1, крестьяне японской префектуры Нагано стали просыпаться по ночам словно от раскатов грома. Оклеенные бумагой оконные створки их жилищ вздрагивали от каких-то глухих взрывов. Сначала думали, что это американские бомбы. Хотя что могло понадобиться «летающим крепостям» в этой глуши? Надежно укрытый горными кряжами от обоех побережий, городок Мацумото знал о войне лишь понаслышке. Но вот старики, выжигавшие уголь на лесистых склонах, увидели, что ночное громахание сопровождается вспышками пламени на школьном дворе.

Местная школа, расположенная в двух километрах от городка Мацумото, была реквизирована для военных нужд. Старшеклассников отправили отбывать трудовую повинность, а малышей распустили по домам. Однако старикам не удалось удовлетворить своего любопытства и узнать, для кого потребовалось освободить место: не только школьная территория, но и дороги, ведущие к ней, строго охранялись. Говорили, будто там испытывают какое-то новое секретное оружие.

Среди множества фантастических слухов военного времени эта догадка соответствовала истине. В конце второй мировой войны Япония стояла на пороге создания пилотируемого самолета-снаряда — предшественника нынешних крылатых ракет.

Когда упоение легкими победами сменилось полосой военных неудач, в Токио, как и в Берлине, заговорили о чудо-оружии, способном повернуть события вспять. Гитлеровцы связывали свои надежды с аэродинамикой, с конструированием самолетов-снарядов и баллистических ракет. Японцы проявляли к Фау-1 большой интерес, пообещали в обмен на чертежи самолета-снаряда снабдить это оружие простой и дешевой системой наведения. Они предложили посадить

на Фау-1 пилота-смертника, который на завершающем этапе выводил бы его на цель.

Гитлер согласился поделиться с дальневосточным союзником некоторой документацией по «проекту Пенемюнде».

И вот в горах префектуры Нагано началось осуществление проекта «Сюсуй» («Осенние воды»). Его конструкторское бюро, лаборатории и полигоны были сосредоточены вокруг городка Мацумото. В начале мая стало ясно, что на помощь из Пенемюнде рассчитывать нечего: гитлеровская Германия капитулировала.

Первый испытательный полет японского пилотируемого самолета-снаряда окончился плачевно. Ракетный двигатель заглох вскоре же после взлета, и «Сюсуй» врезался в одну из аэродромных построек. Пилот, не имевший катапульты, погиб.

Несмотря на неудачу, работы над проектом «Осенние воды» продолжались в лихорадочном темпе. Никто уже не помышлял об использовании нового оружия для ударов с подводных лодок по Сан-Франциско и Лос-Анджелесу. «Сюсуй» стал нужен прежде всего для перехвата американских бомбардировщиков Б-29.

С целью подчеркнуть первостепенную важность проекта «Сюсуй» в Мацумото прибыл флигель-адъютант императорской ставки. Однако по иронии судьбы его визит совпал с речью императора о капитуляции. Всю последующую неделю на школьном дворе в Мацумото полыхали костры из бумажных кип. Проект «Сюсуй» так и остался тайной для большинства японцев.

Начало конца

Проснувшись 1 января 1945 года, жители Хиросимы увидели редкое для их города зрелище. Первый день нового года ознаменовался снегопадом. О снеге в Хиросиме не помнили даже старожилы. Так что был большой соблазн считать его добрым знаком. Кое-

кто, впрочем, вспоминал, что у японцев белый цвет символизирует траур. Но высказывать такие мысли вслух решались немногие. Жандармерия имела разветвленную сеть осведомителей, и авторам панических слухов грозил военный трибунал.

Вовсе не пострадавшая от бомбежек, Хиросима выглядела почти так же, как и до войны, если не считать трех похожих на просеки противопожарных полос. Они были созданы в дополнение к семи рукавам реки Ота, которые и так делили городскую территорию на части. Хиросимцев заставляли собирать основную хвою и сыпать ее в кучи вдоль городской черты. Местные власти наивно надеялись, что, если поджечь эту хвою в случае налета, клубы дыма уберегут Хиросиму от бомбардировщиков противника.

Жители Токио встретили 1945 год дрожа от холода. В городе не было топлива, в домах жгли что попало. Нужно было полдня мерзнуть в очереди, чтобы попасть в баню. Но даже там, вопреки обыкновению, люди молчали. Ни о положении на фронтах, ни о карточках, ни даже о налетах никому говорить не хотелось.

11 февраля 1945 года закончилась конференция трех союзных держав, участники которой — Сталин, Рузвельт и Черчилль — договорились о том, что через три месяца после разгрома Германии Советский Союз вступит в войну против Японии.

19 февраля американская морская пехота высадилась на острове Иводзима. В тот же день командование императорской армии впервые призвало народ быть готовым к вторжению противника непосредственно на Японские острова.

Тем временем стратегическая авиация США наращивала удары по Японии с Марианских островов. Бомбардировщики Б-29, впервые получившие массовое применение на Тихоокеанском театре военных действий, чувствовали себя неуязвимыми. «Сверхкрепости» вели бомбометание с 10 тысяч метров, тогда как японские истребители «Зеро» не могли подняться выше 8 тысяч.

Однако с военной точки зрения эффективность этих налетов была весьма низка. За четыре месяца

(с начала ноября до начала марта) Б-29 так и не смогли вывести из строя ни одного из одиннадцати главных объектов японского военно-промышленного комплекса. Тогда командующий 20-й воздушной армией США генерал Кертис Лимэй решил перейти к ночным бомбежкам с небольшой высоты, используя преимущественно не фугасные, а зажигательные бомбы.

В ночь с 9 на 10 марта эта новая тактика была впервые применена против густонаселенных районов восточной части Токио. Операция под кодовым наименованием «Молитвенный дом» началась сразу же после полуночи. Токийский залив и устье реки Сумида серебрились под луной, и светомаскировка города была бесполезной. Три эскадрильи по двенадцать бомбардировщиков сбросили первые канистры с зажигательной смесью в заданных точках. Вспыхнувшие от них пожары соединились в огненные кресты — ориентиры для трехсот «сверхкрепостей», летевших следом.

Тесно прижатые друг к другу деревянные домики вспыхивали, как солома. Переулки разом превращались в огненные реки. Обезумевшие толпы людей бежали к берегам Сумиды и ее протоков. Но даже речная вода, даже чугунные пролеты мостов стали обжигающе горячими от чудовищного жара. Над городом бушевали огненные смерчи ураганной силы. Вызванные ими турбулентные воздушные потоки швыряли американские «сверхкрепости» так, что летчики едва сохраняли управление.

За одну ночь в Токио погибло от пожаров свыше ста тысяч человек — больше, чем пять месяцев спустя в Нагасаки от атомной бомбы. Миллион с лишним горожан остались без крова. Была разом уничтожена четверть жилого фонда японской столицы. (Примечательно, что район Маруноути, где сосредоточены штаб-квартиры крупнейших банков и промышленных концернов, остался нетронутым.)

11 марта, через сутки после возвращения с операции, те же Б-29 были посланы бомбить Нагою. 13 марта они совершили налет на Осаку. 17 марта наступила очередь Кобе. На четыре крупнейших японских города за неделю было сброшено 11 000 тонн зажигательных бомб.

Утром 18 марта император Хирохито выехал из дворца в своем черном лимузине с изображением золотой хризантемы. День был ветреным. Над развалинами клубились облака пыли и пепла. Перед храмом Хатиман император остановился, чтобы выслушать доклад министра внутренних дел. Из него явствовало, что даже землетрясение 1923 года не причинило японской столице столь больших жертв и разрушений.

Удар по Токио был действительно самым безжалостным. Его можно сравнить только с разрушением Дрездена. 13 февраля 1945 года около восьмисот английских бомбардировщиков «Ланкастер» забросали этот переполненный беженцами город сначала зажигательными, а затем фугасными бомбами. На следующий день свыше трехсот американских «летающих крепостей» Б-17 в сопровождении двухсот истребителей завершили уничтожение Дрездена, известного своими историческими памятниками, а отнюдь не военными объектами. Число погибших в результате операции «Удар грома» тоже превысило сто тысяч человек.

Налетом на Дрезден, отметила сорок лет спустя западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне», Черчилль желал продемонстрировать мощь англоамериканской авиации не только поверженной Германии. Очевидно, он хотел дать понять русским, что с этой силой им придется считаться при послевоенном урегулировании в Европе. Между пожарищем Дрездена и атомной вспышкой, испепелившей Хиросиму, заключала газета, видимо, есть политическая связь...

Добавим, что трагедия Дрездена вскоре же вновь повторилась в Токио. Ни февральская операция «Удар грома», ни мартовская операция «Молитвенный дом» не диктовались военной необходимостью, зато привели к огромным жертвам среди гражданского населения. В сущности, как Дрезден, так и Токио были репетициями Хиросимы — актами устрашения, подспудно имевшими антисоветскую направленность.

25 марта правительство Японии объявило о создании «народного ополчения». В него были мобилизованы все мужчины и женщины, способные держать

в руках бамбуковые пики — единственное оружие этого японского «фольксштурма». Рост производства таких пик, которыми ополченцев учили протыкать соломенные чучела, был единственным плюсовым показателем японской экономики. Промышленное производство в стране было практически парализовано. Ее материальные ресурсы истощены до предела. Особенно остро ощущалась нехватка горючего. Истребители с пилотами-смертниками заправляли лишь настолько, чтобы они смогли долететь до цели.

25 марта 1945 года, в тот самый день, когда японское правительство приказало поголовно вооружать население бамбуковыми пиками, Эйнштейн и Сцилард вновь обратились с письмом к президенту США. Люди, которые когда-то убеждали Рузвельта включиться в атомную гонку, пытались теперь предотвратить применение нового оружия.

1 апреля американские войска высадились на западном побережье Окинавы. Силы вторжения составляли 180 тысяч при поддержке почти двух тысяч самолетов, действовавших с авианосцев. Им противостояли 69 тысяч японцев. Закрепившись на холмах в южной части острова, они сражались с отчаянным упорством.

13 апреля 1945 года японское радио сообщило о смерти президента США Рузвельта. В тот же день 160 бомбардировщиков B-29 совершили очередной налет на Токио. В течение трех часов они забрасывали город фугасными и зажигательными бомбами. Большинство зданий института авиационной технологии были объаты пламенем. Поначалу уцелел лишь корпус № 49, где размещались лаборатории проекта «Ни», и в частности сепаратор для разделения изотопов урана, сконструированный под руководством Такеути.

Сам Такеути ночевал тогда за городом. Но несколько сотрудников его группы жили по соседству с институтом и, как только начался пожар, побежали к корпусу № 49. Двухэтажная деревянная постройка чудом осталась невредимой. И когда подбежавший профессор Нисина уже подумал, что на сей раз опасность миновала, вдруг раздался взрыв и здание рухнуло. Участникам проекта «Ни» оставалось лишь на-

блюдать, как огонь пожирает следы тщетных усилий Японии занять атомное оружие.

После налетов на Токио и Осаку японские ученые практически лишились возможности заниматься разделением изотопов урана. Но на рудниках в префектуре Фукусима школьники вплоть до последнего дня войны разбивали кирками скальную породу. В мае 1945 года военное министерство формально упразднило проект «Ни».

Махнув рукой на урановую бомбу, армия судорожно уцепилась за другие новинки.

Историки недоумевают: какой смысл было направлять к западному побережью США воздушные шары с фугасами? Несколько взрывов, несколько лесных пожаров в горах — какой эффект они могли дать в последние месяцы войны? А между тем замысел был отнюдь не столь наивен. Ибо 9-й научно-технический отдел управления армейских вооружений первоначально имел в виду забрасывать таким способом на территорию Соединенных Штатов бактерии чумы и холеры, которые выращивал в Маньчжурии небезызвестный «отряд 731» генерала Исии.

В отличие от армии флот продолжал финансировать ядерные исследования. В последние месяцы войны центром их стал Киото. В лаборатории профессора Бунсаку Аракацу продолжались попытки разделять изотопы урана с помощью центрифуги. Теоретические расчеты там вел будущий лауреат Нобелевской премии Хидэки Юкава.

22 июля 1945 года главный штаб флота провел совещание с киотскими физиками. Встреча происходила на берегу озера Бива, где тогда находилась школа пилотов военно-морской авиации. Подкрепляя собственные выводы научной информацией из нейтральных стран, ученые доложили адмиралам: хотя создать атомную бомбу теоретически возможно, применить ее в нынешней войне, судя по всему, никому не удастся.

Если бы не шум гидропланов, которые то взлетали, то садились на озеро Бива, участники совещания, возможно, расслышали бы и гудение двигателей одинокого Б-29, пролетевшего над ними на большой высоте.

Это был «Грейт артист» майора Суиней, один из самолетов 509-го сводного авиаполка. Завершающий этап подготовки к операции «Серебряное блюдо» включал одиночные боевые вылеты с «тыквами» — фугасными бомбами, которые по весу и габаритам соответствовали атомным. 22 июля майор Суиней сбросил такую тренировочную «тыкву» на город Кобе. 9 августа ему же предстояло испепелить Нагасаки.

Операция «Обман»

24 апреля 1945 года — за сутки до встречи советских и американских войск на Эльбе — одна из американских механизированных частей неожиданно нарушила согласованные между союзниками границы будущих оккупационных зон и, двигаясь наперерез французским войскам генерала де Тассиньи, раньше них ворвалась в город Эхинген. Так в канун триумфального для народов антигитлеровской коалиции дня была осуществлена операция «Обман», где в роли противника Соединенных Штатов оказалась союзная им Франция.

После находок, сделанных в Страсбурге, миссия «Алсос» пришла к выводу, что секретные германские лаборатории, связанные с «урановым проектом», сосредоточены к югу от Штутгарта, вокруг города Эхинген. В Пентагоне схватились за голову: если бы знать об этом раньше, когда союзники определяли границы оккупационных зон! Эхинген оказался как раз в центре территории, которую должны были занять французы.

Гровс доложил об этом военному министру Стимсону. Посоветовавшись, они решили, что ни государственный департамент, ни главнокомандующий союзными войсками генерал Эйзенхауэр в данном случае помочь Пентагону не смогут и обращение к ним лишь усложнит дело.

«Я вынужден был пойти на довольно рискованную меру, которая потом получила название операция «Обман», — пишет в своих мемуарах генерал Гровс. — По этому плану американская ударная группа долж-

на была двинуться наперерез передовым французским подразделениям, раньше них захватить интересующий нас район и удерживать его до тех пор, пока нужные нам люди будут арестованы и допрошены, письменные материалы разысканы, а оборудование уничтожено. В необходимости всего этого меня убедили встречи с Жолио-Кюри».

Полковник Паш предложил захватить Эхинген парашютным десантом, чтобы похитить немецких ученых и вывезти ценные материалы по воздуху. Но сопротивление германских войск на западе ослабевало так быстро, что в этом отпала нужда. Операцию поручили механизированному полку, которому был придан саперный батальон.

Двигаясь вдоль восточного берега Рейна с авангардной колонной бронемашин, миссия «Алсос» проникла в район секретных немецких лабораторий почти на сутки раньше французов, арестовала группу сотрудников «Уранового проекта». Среди них был Отто Ган. Однако Вернер Гейзенберг накануне успел уехать в Баварию.

Американцы тут же начали демонтаж атомного реактора, эвакуированного из Физического института Общества кайзера Вильгельма после участвовавших налетов на Берлин. Работы эти были в полном разгаре, когда к Эхингену подошли французские танки. Обнаружив в городе незнакомую часть, они развернулись в боевой порядок.

— Что за чертовщина, капитан, на броневиках не кресты, а звезды! — воскликнул водитель головного танка.

Откинув крышку люка, командир французского танкового батальона подъехал к пещере, где американские саперы торопливо закладывали детонаторы в фундамент германского уранового котла.

— Откуда вы здесь взялись? — удивленно спросил французский капитан.

— Мы, наверное, несколько сбились с пути, — развел руками полковник Паш.

— Прошу вас все-таки объяснить, как и почему вы оказались во французской зоне! — уже гораздо суровее настаивал француз. — Ведь по соглашению меж-

ду союзниками ваш рубеж проходит в двухстах километрах отсюда.

— Главное, что мы с вами встретились на земле поверженной Германии! — примирительно сказал Паш.— Что за беда, если это произошло не совсем там, где планировали наши штабисты. Давайте-ка лучше выпьем за нашу общую победу!

Инцидент казался исчерпанным. Но когда офицеры поднимали первый тост, раздался взрыв. Французы бросились к своим танкам.

— Не беспокойтесь, это салют в честь нашей встречи! — усмехнулся Паш.

Теперь, когда даже фундамент уранового реактора был взорван, можно было двигаться восвояси.

Французы насторожились, когда узнали, что американцы увозят с собой каких-то пленных. Но, убедившись, что это были немцы, тут же утратили к ним интерес.

Дело в том, что французский танковый батальон спешил к находившемуся неподалеку замку Гогенцоллернов. Там нацисты содержали маршала Петена — бывшего главу правительства Виши, сотрудничавшего с оккупантами.

Захваченные в Эхингене германские физики думали, что их отправят за океан. Но опыт участников «уранового проекта» не представлял ценности для американцев, куда больше преуспевших в создании атомного оружия. Поэтому немцев как почетный, но бесполезный трофей передали британским союзникам.

Почти все объекты, интересовавшие миссию «Алсос», были сосредоточены на юго-западе Германии, на территории будущей французской зоны. Единственным исключением был завод фирмы «Ауэргезельшафт» в Ораниенбурге, севернее Берлина. Американская разведка еще в конце 1944 года установила, что там производится металлический уран для атомных исследований. Предприятие умышленно не бомбили. Лишь весной 1945 года, в преддверии нового советского наступления, свыше шестисот американских «летающих крепостей» забросали город бомбами, сровняли с землей заводские корпуса.

Чтобы замаскировать цель операции, такому же массированному удару был подвергнут город Цоссен, где располагался штаб вермахта. Во время этого налета был тяжело ранен начальник германского генерального штаба генерал Гудериан.

23 апреля в разрушенный до основания Ораниенбург вступили части Советской Армии.

Из Пенемюнде в Пентагон

В Пенемюнде тем временем грезил новыми замыслами. Весь конец войны фон Браун лихорадочно проектировал ракету, способную долететь от Гамбурга до Нью-Йорка. 24 января 1945 года, после пробного пуска гиганта А-9/10, он заявил, что проблема создания двухступенчатой ракеты большой дальности технически решена.

Провал операции «Сорока» побудил Дорнбергера всерьез заняться позаимствованной у японцев идеей: что если посадить на Фау-1 пилота-смертника и запустить его не с земли, а с самолета?

Начальник 6-го управления РСХА Вальтер Шелленберг приказал отделу диверсий отобрать для этой цели 250 летчиков. Имелось в виду использовать их не только для удара по Нью-Йорку или Вашингтону. В своих мемуарах Шелленберг рассказывает о планах бомбардировки промышленных объектов в глубоком советском тылу.

«Мы,— пишет он,— могли бы с бомбардировщика дальнего действия запустить самолет-снаряд Фау-1 вблизи намеченного пункта, чтобы затем пилот-смертник навел его на цель. Бомбардировке должны были подвергнуться предприятия Куйбышева, Челябинска, Магнитогорска, а также районы, расположенные за Уралом».

Только стремительное советское наступление на Одере развеяло мечты о ракетном ударе по восточному побережью США и промышленным центрам СССР за Уралом. Нацистам пришлось спешно эвакуировать Пенемюнде. На юго-запад двинулись колонны грузо-

виков с прицепами. Как раз в те февральские дни, когда в Ялте собрались руководители СССР, США и Англии, ракетчики прибыли в Нордхаузен. Круглосуточный выпуск Фау-1 и Фау-2 продолжался в подземельях «Дора-Миттельверке» в течение еще двух месяцев.

3 апреля 1945 года генерал Каммлер приказал вывезти руководящие кадры «проекта Пенемюнде» на юг Баварии, к швейцарской границе. Вскоре фон Браун, Дорнбергер, Рудольф и их коллеги сдались там 44-й пехотной дивизии США. Точнее сказать, специальному подразделению американской военной разведки, которое действовало в рамках операции «Канцелярская скрепка».

Этим планом захвата германских ракетчиков и образцов созданного ими оружия руководил генерал-лейтенант Дональд Путт. В начале апреля его люди ворвались в Нордхаузен с авангардом 3-й танковой дивизии США. Перед бегством эсэсовцы заживо сожгли в штольнях «Дора-Миттельверке» сотни узников.

— Мы нашли в лагере тысячи полумертвых людей и более пяти тысяч трупов. Они были сложены штабелями по углам цехов, валялись на соломе в бараках. Для захоронения погибших пришлось использовать саперный батальон и бульдозерами рыть братские могилы,— вспоминал потом командир дивизии генерал Т. Будинот.

Прибывший в Нордхаузен начальник научно-технического управления военной разведки США полковник Холгер Тофтой приказал демонтировать оборудование подземного завода «Дора-Миттельверке», конфисковать относящуюся к «проекту Пенемюнде» техническую документацию.

Вместе с сотней готовых ракет Фау-2 все захваченное было вывезено в Антверпен и морем отправлено в США. Американцы торопились, ибо по соглашению между союзниками Нордхаузен должен был войти в советскую зону оккупации Германии.

Уже в сентябре 1945 года сто'восемнадцать тайком вывезенных из Германии участников «проекта Пенемюнде» были доставлены на полигон Форт-Блисс в штате Техас. Перво-наперво им было поручено на-

учить персонал концерна «Дженерал электрик» обращаться с ракетой Фау-2, а затем от начала и до конца восстановить процесс ее производства.

— Немецкие Фау-2 сэкономили американской военной промышленности по крайней мере пять лет и многие миллионы долларов, которые ушли бы на исследовательские и конструкторские работы. Ведь когда эти трофейные ракеты были вывезены из Германии, мы были лишь жалкими приготовишками в данной области,— вспоминал участник операции «Канцелярская скрепка» полковник Холгер Тофтой.

В 1946 году рамки этой операции были расширены. И за несколько послевоенных лет ее участники переправили через Атлантику около восьмисот германских специалистов в области ракетной техники и других военных исследований. Как явствует из рассекреченных впоследствии официальных документов, сотрудники управления разведки при Комитете начальников штабов умышленно скрыли нацистское прошлое многих немецких ученых, чтобы обеспечить им въезд в США вопреки установленному порядку.

Дело в том, что в президентской директиве недвусмысленно говорилось: «Запрещается доступ в Соединенные Штаты любым лицам, которые — если это будет установлено командованием вооруженными силами в Европе — являлись членами нацистской партии и более чем номинальными участниками ее деятельности или активными сторонниками нацизма и милитаризма».

Но такого рода декларации составляли парадный фасад вашингтонской политической кухни, обращенный к мировому общественному мнению, и в частности к союзникам. За кулисами же руководствовались совсем иными критериями. Об этом можно судить по рассекреченной докладной записке начальника управления разведки при Комитете начальников штабов. Подписавший ее капитан ВМС Боскет Уэв рьяно доказывает, что, если ведущие немецкие военные специалисты останутся в Германии, они могут потом попасть в «потенциально враждебные страны» (под которыми явно имеется в виду Советский Союз). А это, мол, представило бы для национальной безопасности

США несравненно большую угрозу, нежели их прошлые связи с нацистами или даже симпатии к нацизму, которые они, возможно, продолжают питать. Автор докладной записки рекомендует обратиться к командованию американскими вооруженными силами в Европе с просьбой пересмотреть характеристику интересующих Пентагон лиц как «ярких нацистов», чтобы это не послужило препятствием для их въезда в США.

В соответствии с этим пожеланием были «изменены негативные данные личных досье» ста тридцати немецких специалистов, участвовавших в научных исследованиях военного значения. Благодаря такой фальсификации к переброске на базу Райтфилд (штат Огайо) был, в частности, рекомендован бывший руководитель исследований в области авиационной медицины доктор Беккер-Фрейзинг. А ведь позже, на Нюрнбергском процессе, он был приговорен к двадцати годам тюрьмы за преступные эксперименты над заключенными концлагеря Дахау. (Этот «медик», в частности, заставлял узников пить морскую воду, чтобы выяснить, насколько она губительна для человеческого организма.)

Несмотря на принадлежность к нацистской партии и тем более к СС, которую Нюрнбергский трибунал объявил преступной организацией, участники «проекта Пенемюнде» получили американское гражданство.

Фон Браун стал ведущим ракетчиком Пентагона. Непосредственно под его руководством была создана ракета «Редстоун». Да и последовавшие за ней двухступенчатые межконтинентальные ракеты «Атлас» и «Титан» можно считать потомками гитлеровской Фау-2. Развивая рожденную в Пенемюнде идею самолета-снаряда, Дорнбергер сыграл ключевую роль в создании нового вида оружия, получившего ныне название крылатых ракет. Наконец, Рудольф участвовал в работах над ракетой «Редстоун», а впоследствии имел отношение к программе «Першинг».

Тем, кто выступает в наши дни против размещения в Западной Европе американских «першингов» и «томагавков», нельзя также забывать, что у колыбели этих ракет стояли бывшие нацисты.

Ученые против генералов

8 мая 1945 года в Берлине был подписан Акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. В этот день первые подразделения 509-го сводного авиаполка прибыли на Тиниан — один из атоллов, составляющих Марианские острова. Среди кокосовых пальм и белых пляжей начали строить бараки.

Марианские острова играли тогда роль непотопляемых авианосцев для стратегической авиации США. Ежедневно поднимая в воздух по несколько сотен Б-29, командующий 20-й воздушной армией генерал Кертис Лимэй хвалился, что «вернет Японию в каменный век».

Поскольку 509-й сводный авиаполк формально входил в состав 20-й воздушной армии, была допущена преднамеренная утечка информации, чтобы объяснить роль этой воинской части. Был распушен слух, будто 509-му авиаполку поручено испытание новых крупных бомб, названных «тыквами». Они содержали заряд обычной взрывчатки весом в две с половиной тонны. Не участвуя в массированных бомбежках, самолеты Тиббетса совершали одиночные боевые вылеты, тренируясь в бомбометании непосредственно над Японией.

Тем временем рейды американских «сверхкрепостей» превращали в дымящиеся руины один японский город за другим. Генерал Гровс забеспокоился: останутся ли до конца лета в Японии неповрежденные города, на которых можно было бы продемонстрировать масштаб и характер разрушений от атомного взрыва? По его инициативе 10 мая, то есть еще за три недели до того, как было формально решено пустить новое оружие в ход против Японии, в Пентагоне собрался комитет по выбору целей для атомной бомбардировки.

Члены комитета подтвердили, что для этого лучше всего избрать крупные населенные пункты, не пострадавшие от налетов. По их рекомендации генералу Лимэю было приказано исключить из графика массированных бомбардировок четыре японских города:

В этом списке, вызвавшем недоумение американских летчиков, значились Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки.

28 мая 1945 года президент Трумэн получил из посольства США в Москве уведомление Сталина о том, что к 8 августа Советская Армия будет готова начать боевые действия против японских войск в Маньчжурии. Примечательно, что сразу после этого вашингтонская администрация поспешила официально принять решение пустить в ход атомные бомбы «как можно скорее».

Буквально три дня спустя, 31 мая, в Пентагоне собрался так называемый комитет «С-1», или Временный комитет по проблемам атомного оружия. В нем преобладали военные и политики. Ученые же были приглашены лишь с правом совещательного голоса в составе так называемой консультативной группы. Сама повестка дня была сформулирована так, будто вопрос о том, следует ли применять атомное оружие против Японии, вообще не вызывал сомнения. Представители Пентагона настаивали на необходимости пустить атомные бомбы в ход, ссылаясь на большие потери, которые американские войска вот уже второй месяц несли в кровопролитных боях на Окинаве.

Спросили мнение ученых. Оппенгеймер повторил точку зрения консультативной группы: перед боевым применением нового оружия желательно провести его предварительную демонстрацию в присутствии представителей мировой общественности. Против этого предложения резко выступил личный представитель Трумэна, будущий государственный секретарь Бирнс.

После бурной дискуссии Временный комитет пришел к следующему выводу: атомное оружие следует применить против Японии без предварительного предупреждения, пустить его в ход как можно скорее и против таких целей, которые наиболее наглядно показали бы его разрушительную силу:

Рекомендации Временного комитета держались в строгом секрете. Однако слухи о них просочились в Лос-Аламос, Ок-Ридж, Хэнфорд и Чикаго. Среди уча-

стников «Манхэттенского проекта» становилось все больше противников ими же созданного оружия.

«На протяжении 1943-го и отчасти 1944 года нас больше всего беспокоила возможность, что нацистская Германия создаст атомную бомбу раньше нас. В 1945 году, когда мы перестали тревожиться о том, что могут сделать нам немцы, мы начали беспокоиться о том, что может сделать правительство США в отношении других стран»,— вспоминал впоследствии Лео Сцилард.

Наиболее активно выступали против бомбы сотрудники металлургической лаборатории Чикагского университета. Когда-то американские работы в области расщепления атомного ядра взяли старт именно там. Но затем центр научных исследований переместился в Лос-Аламос, так что ученых в Чикаго меньше донимала каждодневная изнурительная гонка.

Вместе с Лео Сцилардом в Чикаго работал лауреат Нобелевской премии Джеймс Франк. По их инициативе группа видных ученых изложила свои выводы о последствиях боевого применения атомного оружия в обстоятельном докладе. Этот документ, известный как доклад комиссии Франка, 15 июня 1945 года был вручен военному министру Стимсону.

Авторы доклада предостерегали американское правительство от иллюзий, будто Соединенные Штаты смогут долго сохранять монополию на атомное оружие. Они напоминали о работах, проведенных в этой области французскими, английскими, германскими и советскими физиками. Они писали, что, несмотря на завесу секретности, окружающую «Манхэттенский проект», теоретические основы атомного взрыва не составляют тайны для ученых других стран.

Доклад комиссии Франка заканчивался следующими словами: «Мы считаем своим долгом выступить с призывом не применять атомные бомбы для удара по Японии. Если Соединенные Штаты первыми обрушат на человечество это слепое оружие уничтожения, они лишатся поддержки мировой общественности, ускорят гонку вооружений и сорвут возможность договориться о международном соглашении относительно контроля над подобным оружием».

Крейсер «Индианаполис»

16 июля 1945 года с американской военно-морской базы в Сан-Франциско вышел крейсер «Индианаполис». Командиру корабля было приказано доставить на остров Тиниан двух пассажиров с секретным грузом. Собственно говоря, это был даже не груз, а багаж: нечто вроде сундучка, который пассажиры аккуратно внесли в отведенную им каюту первого помощника.

Среди корабельных офицеров тут же сложилось мнение, что гости крейсера ведут себя как типичные «ви-ай-пи» — чрезвычайно важные персоны. Во-первых, они не появились к столу в кают-компании. А во-вторых, затребовали радиоперехват последних известий. Командир «Индианаполиса» счел долгом лично навестить пассажиров, чтобы вручить им подготовленный радистами текст.

Все информационные агентства начинали выпуски новостей сообщениями из Потсдама, где 17 июля была назначена встреча руководителей трех держав антигитлеровской коалиции: Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании.

Однако, к удивлению командира крейсера, гости довольно бегло перелистали эти радиокomentarии, проявив наибольший интерес к самому последнему сообщению Ассошиэйтед Пресс: «На рассвете 16 июля в пустыне близ авиабазы Аламогордо (штат Нью-Мексико) взорвался склад боеприпасов. Взрыв был настолько силен, что привлек внимание в Галлапе — на расстоянии 376 километров».

Откуда было знать командиру, что его пассажиры имеют непосредственное отношение к взрыву в Аламогордо? И уж тем более никто на крейсере не мог предположить, что взрыв этот на самом деле был первым испытанием атомного оружия; что он вовсе не случайно совпал с открытием Потсдамской конференции, как не случайно совпал с этими двумя событиями и приказ крейсеру доставить на остров Тиниан свинцовый цилиндр с ураном-235.

Откуда было командиру догадаться, что на борту у него боезаряд для атомной бомбы? Впрочем, мысль о каком-то новом оружии у него все же мелькнула.

Заметив на кителе одного из пассажиров нашивки медицинской службы, он брезгливо покосился на «сундучок» и, не скрывая неприязни боевого офицера к ученым в мундирах, произнес:

— Вот уж не думал, что мы докатимся до бактериологической войны!

Гости промолчали.

Когда впервые созданный урановый боезаряд был с величайшими предосторожностями переправлен на Тихоокеанское побережье, в Калифорнию, возникли споры о том, как доставить его на остров Тиниан: по воздуху или по морю? Самолет сулил большой выигрыш во времени. Но ученых пугала возможность аварии при взлете. Ведь если взрывное устройство в этом случае сработает, то красивейший американский город Сан-Франциско может быть стерт с лица земли.

Поэтому было решено использовать для транспортировки уранового боезаряда крейсер «Индианаполис». Командовал им капитан Чарльз Маквей III. Потомственный морской офицер, сын бывшего командующего Тихоокеанским флотом США, он уверенно поднимался по служебной лестнице.

В штабе военно-морской базы Сан-Франциско командир крейсера получил простой, но необычный приказ. Доставить по назначению «сундучок», оберегая его любой ценой. («Даже если корабль пойдет ко дну и у вас останется единственная шлюпка, она должна быть отдана для спасения груза!».) При этом никому из команды не следует ничего об этом знать.

27 июля «Индианаполис» прибыл на Тиниан. Высадив на берег неразговорчивых пассажиров с их багажом, капитан Маквей взял курс на Гуам. Там, в передовом штабе командующего Тихоокеанским флотом США адмирала Нимица, он получил приказ следовать на Филиппины.

— Будут ли для нас какие-либо указания, связанные с последними данными разведки? — осведомился командир крейсера.

— Придерживайтесь обычного маршрута, — сухо ответил офицер из оперативного отдела.

Между тем командование ВМС США знало, что к Филиппинам стянута японская группа «Тамон» из шести подводных лодок новейшей конструкции. Однако эти агентурные сведения были строго засекречены и переданы лишь Пентагону.

Не получив должного предупреждения, командир «Индианаполиса» на третий день перехода приказал прекратить движение зигзагами. Море было бурным, и маневрирование согласно инструкции отнимало много времени.

Через пять минут после полуночи 30 июля 1945 года крейсер содрогнулся от взрывов. Первая торпеда, которую выпустил командир японской подводной лодки «И-58» лейтенант Хасимото, врезалась в носовую часть, вторая ударила прямо под боевой рубкой. Восемь минут спустя «Индианаполис» стал погружаться под воду. Маквей приказал команде покинуть корабль. Выброситься за борт успели почти все. Но, поскольку спасатели подоспели лишь через трое суток, 880 членов экипажа утонули или были съедены акулами.

Капитан Маквей был подобран одним из последних. Но его злключения на этом не кончились. Трагедия «Индианаполиса» обрела в Соединенных Штатах широкий резонанс. «Потеря крейсера, гибель почти всего боевого экипажа за месяц до окончания войны является одной из самых мрачных страниц в истории американского флота», — писала в редакционной статье газета «Нью-Йорк таймс».

Чтобы снять с себя ответственность, высокопоставленные военно-морские чины решили сделать козлом отпущения капитана Маквея. 13 августа 1945 года он предстал перед следственной комиссией военного трибунала. По ее заключению «причиной гибели крейсера была отмена приказа о движении зигзагами».

Командиру «Индианаполиса» грозило суровое наказание. Но, как ни парадоксально, выручил обвиняемого не кто иной, как лейтенант Хасимото, пустивший ко дну его корабль. Вызванный на заседание трибунала в качестве свидетеля, японский подводник доказал, что потопил бы американский крейсер, даже если бы тот шел зигзагами.

Капитан Чарльз Маквей III был оставлен на службе. Но имя его по-прежнему связывалось с самой крупной морской катастрофой последнего года войны. И несколько лет спустя он застрелился, доведя число жертв «Индианаполиса» до 881.

А лейтенант Хасимото только на процессе узнал, что, если бы та же самая цель оказалась в перископе его подводной лодки неделей раньше, один из двух испепеленных атомными взрывами японских родов мог бы уцелеть.

Долина смерти

Суровое плато на северо-западе штата Нью-Мексико издавна зовется Долиной смерти. Но никогда место это столь не соответствовало своему имени, как 16 июля 1945 года, когда энергия расщепленного атома проявила здесь свою уничтожающую силу.

Пока президент Трумэн пересекал Атлантический океан на пути в Потсдам, возле отдаленной авиабазы Аламогордо в лихорадочной спешке готовилась генеральная репетиция хиросимской трагедии. Вдоль всего пятисоткилометрового пути от Лос-Аламоса до Аламогордо клубились тучи красноватой пыли, в которых непрерывной вереницей двигались тягачи с оборудованием.

На том месте, где поныне сохранилась гигантская воронка со склонами из спекшегося песка, была смонтирована тридцатиметровая стальная башня, а вокруг размещена регистрационная аппаратура. В радиусе десяти километров были оборудованы три наблюдательных поста, а на расстоянии 16 километров — блиндаж для командного пункта.

Бомбу, похожую на грушу, собирали неподалеку от башни на заброшенном ранчо. Когда монтаж был завершен, физик Моррисон на армейском джипе доставил туда из Лос-Аламоса свинцовый цилиндр с плутониевым боезарядом. Теперь дело было лишь за погодой. Но она-то как раз не благоприятствовала испытаниям.

В ночь на 16 июля разразилась гроза. Вспышки молний освещали контуры бомбы, поднятой на башню, среди стальных ферм которой виднелись три человеческие фигуры. Химику Кистяковскому и двум его помощникам предстояло покинуть башню лишь за полчаса до взрыва.

На командном пункте Оппенгеймер тщетно пытался убедить Гровса повременить хотя бы сутки. Он доказывал, что при таком ненастье ветер может неожиданно изменить направление и понести радиоактивное облако к населенным пунктам штатов Нью-Мексико или Техас.

Но руководитель «Манхэттенского проекта» не хотел слышать ни о каких отсрочках (эхо Аламогордо должно было непременно докатиться до Потсдама к началу конференции трех держав!). Гровс ограничился тем, что приказал держать наготове грузовики с солдатами на случай принудительной эвакуации соседних поселков.

Лишь незадолго до испытаний, назначенных на 5.30 утра, дождь прекратился, среди туч кое-где проглянуло звездное небо. И тут робкие предрассветные сумерки были рассеяны сильной огненной вспышкой.

«Будто из недр Земли появился свет, свет не этого мира, а многих солнц, сведенных воедино,— пишет автор книги «Люди и атомы» Уильям Лоуренс, единственный журналист, которому Пентагон поручил быть летописцем «Манхэттенского проекта».— Это был такой восход, какого никогда не видел мир. Громадное зеленое сверхсолнце поднялось за доли секунды на высоту более двух с половиной тысяч метров. Оно поднималось все выше, пока не достигло облаков, освещая землю и небо ослепительно ярким светом. Этот громадный огненный шар диаметром почти в полтора километра поднимался, меняя цвет от пурпурного до оранжевого, расширяясь, увеличиваясь, пришла в действие природная сила, освобожденная от пут, которыми была связана миллиарды лет.

Вслед за огненным шаром с земли поднялось громадное облако. Сначала это была гигантская колонна, которая затем приняла формы фантастически огромного гриба. Громадная гора, рожденная за нес-

колько секунд (а не за миллионы лет), поднималась все выше и выше, содрогаясь в своем движении.

В течение этого очень короткого, но кажущегося необычайно долгим периода не было слышно ни единого звука. Потом из этой тишины возник громовой раскат. В течение короткого времени то, что мы видели, повторилось в звуке. Казалось, тысячи мощных фугасных бомб разорвались одновременно и в одном месте. Гром прокатился по пустыне, отозвался от гор Сьерра-Оскуро. Эхо накладывалось на эхо. Земля задрожала под ногами, как будто началось землетрясение».

Когда грибовидный столб рассеялся, создатели и заказчики нового оружия устремились к месту взрыва на танках, выложенных изнутри свинцовыми плитами. Перед их глазами лежала поистине Долина смерти.

Разрушительная сила бомбы оказалась равной двадцати тысячам тонн обычной взрывчатки. Стальная башня испарилась. Песок вокруг спекся в стекловидную корку.

Даже невозмутимый Ферми был настолько потрясен увиденным, что на обратном пути в Лос-Аламос не мог вести свою машину.

Когда Лоуренс принялся допытывать Оппенгеймера вопросами о том, что тот думал в момент взрыва, создатель атомной бомбы мрачно посмотрел на журналиста и процитировал ему строки из священной индийской книги «Бхагавадгита»:

Если блеск тысяч солнц
Разом вспыхнет на небе,
Человек станет Смертью,
Угрозой Земле.

В тот же день за ужином среди тягостного молчания своих коллег Кистяковский произнес:

— Я уверен, что перед концом мира, в последнюю миллисекунду существования Земли, последний человек увидит то же, что видели нынче мы.

Зато военные руководители «Манхэттенского проекта» ликовали. Генерал Лесли Гровс и его заместитель генерал Томас Фарелл незамедлительно соста-

вили две телеграммы, предназначенные для отправки в противоположные концы земли.

Одна из них ушла в Сан-Франциско с приказом крейсеру «Индианаполис» срочно доставить на остров Тиниан урановый заряд для «Малыша» — второй атомной бомбы, смертоносную силу которой предстояло испробовать уже на жителях какого-нибудь японского города. Другая телеграмма была направлена Трумэну в Потсдам.

Аламогордо и Потсдам

С 17 июля по 2 августа 1945 года близ Берлина состоялась Потсдамская конференция руководителей СССР, США и Англии. 16 июля в Аламогордо был осуществлен первый экспериментальный атомный взрыв. 6 и 9 августа подобные же бомбы испепелили Хиросиму и Нагасаки.

Когда сопоставляешь эти даты, бросается в глаза очевидное стремление подождать первое испытание атомного оружия к началу встречи «большой тройки», а к концу ее приурочить уничтожение атомными бомбами японских городов.

— На нас оказывалось невыносимое давление, чтобы испытать атомный боезаряд до того, как руководители трех стран соберутся в Потсдаме, — рассказывал Роберт Опенгеймер.

— Могу засвидетельствовать, что 10 августа всегда было для нас некоей мистической предельной датой, к которой мы любой ценой и при любом риске должны были завершить работу над бомбой, — заявлял участник «Манхэттенского проекта» Филипп Моррисон.

«Для ученых, незнакомых с деталями Ялтинского соглашения, 10 августа было «необъяснимым мистическим рубежом», но для политических лидеров США это была дата вступления СССР в войну, обещанная союзникам», — отмечает изданная в Японии «Белая книга о последствиях атомной бомбардировки».

Хотя западные державы множество раз нарушали обещания об открытии второго фронта в Европе,

у них не было сомнения, что Советский Союз сдержит свое слово. Отсюда и лихорадка: успеть до 10 августа. «По мнению историков, изучавших документы того периода, взрывом атомной бомбы США рассчитывали не только продемонстрировать свою силу на пороге новой эры международной политики. Они хотели также молниеносной победой предупредить вступление СССР в войну и тем самым отстранить его от участия в послевоенном урегулировании на Дальнем Востоке», — пишет Мишель Рузе в книге «Роберт Оппенгеймер и атомная бомба». Создать иллюзию, будто не удар Красной Армии, а американские атомные бомбы вынудили Японию капитулировать, продемонстрировать устрашающую мощь нового оружия перед послевоенным миром, чтобы повелевать им, — таков был замысел Трумэна.

В июне Лео Сцилард записался на прием в Белый дом. В качестве доверенного лица президента его принял Бирнс — будущий государственный секретарь. Как писал потом Сцилард, Бирнс не утверждал, что атомное оружие необходимо пустить в ход, чтобы нанести Японии военное поражение. По его словам, в Вашингтоне тогда были прежде всего озабочены развитием событий в Восточной Европе. Точка зрения Бирнса, отмечал Сцилард, состояла в том, что само наличие у США таких бомб и демонстрация их силы должны были сделать Россию более податливой в Европе.

«Демонстрация боевых возможностей бомбы», — пишет американский историк Г. Алпровиц в книге «Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам», — была нужна, чтобы заставить русских принять американский план послевоенного мира. И прежде всего навязать им свою позицию по основным спорным вопросам — по американским предложениям, касающимся Центральной и Восточной Европы».

Что же касается генерала Гровса, то на сей счет он высказался потом в конгрессе вовсе без обиняков, с солдатской прямолинейностью:

— Уже через две недели после того, как я принял на себя руководство «Манхэттенским проектом»,

я никогда не сомневался в том, что противником в данном случае является Россия и что проект осуществляется именно исходя из этой предпосылки.

После капитуляции гитлеровской Германии между Вашингтоном и Лондоном шел спор относительно сроков встречи «большой тройки». Черчилль настаивал на том, чтобы провести ее как можно скорее, пока из Европы еще не выведены американские войска. Трумэн же, наоборот, тянул время, считая, что после испытания атомной бомбы, назначенного на середину июля, ему будет легче оказывать нажим на Советский Союз.

Изменив свое прежнее предложение о том, что три лидера могли бы встретиться 30 июня, Трумэн телеграфировал Черчиллю, что хотел бы отложить конференцию еще на две недели. Британский премьер, не понимавший причин этих отсрочек, был вне себя. В каждом слове его ответной телеграммы сквозит нетерпение: «Я считаю, что 15 июля, повторяю — июля, месяц, идущий вслед за июнем, является очень поздней датой. Я предложил 15 июня, повторяю — июнь, месяц, идущий перед июлем. Но если это невозможно, почему не 1 июля, 2 июля, 3 июля?»

7 июля 1945 года президент Трумэн отправился в Европу на встречу «большой тройки». Прежде чем подняться на борт крейсера «Огаста», он подписал несколько документов, предназначенных для опубликования от имени президента в его отсутствие. В числе этих бумаг с пометкой «начало августа» был текст официального заявления «О бомбе нового типа, сброшенной на Японию».

«Когда я был вынужден отправиться в Потсдам, — писал Трумэн в своих мемуарах, — подготовка к испытанию атомной бомбы в Аламогордо, в штате Нью-Мексико, проводилась с максимальной быстротой. И во время поездки в Европу я с нетерпением ждал сообщений о результатах».

Вечером 16 июля 1945 года, как раз накануне открытия Потсдамской конференции, Трумэну была доставлена депеша, которая даже после расшифровки читалась как заключение врача: «Операция сделана сегодня утром. Диагноз еще неполный, но результаты

представляются удовлетворительными и уже превосходят ожидания. Доктор Гровс доволен».

Пятью днями позже в Потсдам прибыл специальный курьер из Пентагона с подробным отчетом об испытательном взрыве в Аламогордо. Военный министр Стимсон поспешил к президенту и прочитал ему послание начальника «Манхэттенского проекта». «Доклад Гровса чрезвычайно взбудрил Трумэна. Он сказал, что такая весть придала ему совершенно новое чувство уверенности»,— записал тогда Стимсон в своем дневнике.

«Уверенность» эта тут же дала о себе знать на очередном заседании Потсдамской конференции. «Трумэн выглядел совершенно другим человеком, споря с русскими в самой резкой и решительной манере»,— вспоминал Черчилль.

После того как с докладом Гровса ознакомили и британского премьера, Трумэн и Черчилль договорились не упоминать об атомной бомбе в ультиматуме, который они адресовали Японии из Потсдама, то есть в Потсдамской декларации.

Вашингтонские летописцы любят повторять, будто атомные бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки лишь после того, как Япония отказалась капитулировать на условиях этого документа. Такое утверждение, однако, противоречит фактам.

Еще 23 июля, то есть за четыре дня до опубликования Потсдамской декларации, из Вашингтона в Потсдам был передан на утверждение президента США проект составленного Гровсом приказа командующему стратегической авиацией генералу Карлу Спаатсу: «После 3 августа, как только погодные условия позволят совершить визуальную бомбардировку, 509-му сводному авиаполку 20-й воздушной армии надлежит сбросить первую спецбомбу на одну из следующих целей: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки».

24 июля из Потсдама в Пентагон была передана зашифрованная радиограмма: «Директива Гровса утверждена президентом». Это означало, что приказ об атомной бомбардировке Японии вступил в силу. В тот же день Трумэн решил вскользь сказать Ста-

лину, что у Соединенных Штатов появилось новое оружие огромной разрушительной силы.

Когда после очередного заседания его участники прощались на ступеньках дворца Цецилиенхоф, Трумэн подошел к Сталину и произнес несколько фраз.

— Ну как? — нетерпеливо спросил Черчилль, наблюдавший за ними со стороны.

— Он не задал мне ни одного вопроса, — удивленно ответил президент США.

27 июля, в тот самый день, когда текст Потсдамской декларации был передан по радио на японском языке, крейсер «Индианаполис» доставил на Тиниан урановый заряд для первой атомной бомбы, которую предстояло применить в боевых условиях.

31 июля 1945 года заместитель Гровса генерал Фарелл рапортовал с острова Тиниан о готовности бомбы, самолетов и экипажей.

Просвет в облаках

5 августа 1945 года в штаб 509-го сводного авиаполка были вызваны шесть членов экипажа бомбардировщика с бортовым номером 82: командир бомбардировщика Люис, бортинженер Дазенбери, бортмеханик Шумард, радист Нельсон, радиометрист Стиборик, стрелок Кэрон.

— Нам предстоит первыми сбросить на Японию сверхмощную бомбу нового типа, — начал инструктаж полковник Тиббетс. — Ввиду особой важности задания самолет поведу я сам. Люис будет исполнять обязанности второго пилота. Старший штурман полка Ван Кирк и старший бомбардир Фериби заменят на этот рейс штатных членов экипажа. С нами полетят также три человека, которые будут заниматься бомбой: Парсонс, Джеппсон и Бесер. Представляю вам их, а они пусть познакомят нас с «пассажиром» из бомбового отсека.

Капитан первого ранга Парсонс рассказал, что, хотя новая бомба весит меньше пяти тонн, разрушительная сила ее равна 20 тысячам тонн обычной взрывчатки, то есть бомбовому грузу четырех тысяч

«сверхкрепостей». Чтобы дать представление о характере подобного взрыва, Парсонс показал фотографии, сделанные три недели назад в Аламогордо. Увидев эти снимки, члены экипажа поняли, почему 509-й авиаполк так долго тренировали бомбометанию с большой высоты и уходу от цели крутым виражом на максимальной скорости.

Тиббетс рассказал, что в операции будут участвовать семь бомбардировщиков. Один заранее послан на остров Иводзима для возможной замены какого-нибудь из самолетов сопровождения.

Три Б-29 полетят впереди, один из них курсом на Хиросиму, другой — на Кокуру, третий — на Нагасаки. Они должны разведать погоду над каждым из этих городов и дать окончательную рекомендацию о выборе цели. Наконец, еще два бомбардировщика будут следовать рядом с самолетом-носителем, чтобы сфотографировать результаты бомбардировки и сбросить над целью контейнеры с аппаратурой.

Накануне вылета Тиббетс дал «сверхкрепости» под номером 82 имя своей матери — Энола Гей. Вместе с заместителем начальника «Манхэттенского проекта» генералом Фареллом он безотлучно следил за погрузкой «Малыша», как называли создатели урановой бомбы свое детище.

Тревожила возможность аварии при взлете. Уже не раз бывало, что, стартуя с Марианских островов, Б-29 взрывались с бомбами на борту. Случись такое теперь, от Тиниана не осталось бы и следа. Поэтому окончательную сборку взрывателя бомбы решили произвести уже в воздухе.

В 2 часа 45 минут утра 6 августа «Энола Гей», освещенная снопами прожекторов, сдвинулась с места и начала разбег. В полете к ней присоединились бомбардировщики майора Суиней и капитана Марквордта. Несколько часов тройка шла над сплошным слоем облаков. Тиббетс беспокоился, возможно ли будет прицельное бомбометание.

Жители Хиросимы знать не знали об уготованной им участи. Всю весну и лето 1945 года они прислушивались по ночам к гулу сотен американских «сверхкрепостей», пролетавших мимо на огромной высоте.

30 июня 1945 года массированной бомбардировке был подвергнут расположенный поблизости город Куре. Почему же Хиросима до сих пор не извела кошмара воздушных налетов?

На сей счет по городу ходили самые различные слухи. Одни говорили, что «би-сан» (так японцы именовали Б-29) щадят Хиросиму потому, что многие американцы японского происхождения — выходцы из этого города. Другие считали, что янки боятся попасть в расположенный где-то поблизости лагерь американских военнопленных. Третьи утверждали, будто в Хиросиме живет кто-то из родственников президента США.

Понедельник 6 августа 1945 года начался, как и другие дни войны. После двух ночных воздушных тревог мало кто обратил внимание на третью. Ее объявили в 7 часов 09 минут утра, когда высоко над Хиросимой появился один-единственный Б-29. Это был самолет «Стрэйт флаш» майора Изерли. Глазам летчика открылся город, как бы окруженный белым нимбом. В сплошном покрывале облаков как раз над Хиросимой оказался просвет диаметром в двадцать километров. Изерли радировал Тиббетсу: «Облачность меньше трех десятых на всех высотах. Рекомендация: первая цель» (потом Изерли будет терзаться мыслью о том, что этой радиограммой он вынес приговор Хиросиме).

В 8 часов 14 минут 15 секунд раскрылись створки бомбового люка, и «Малыш» устремился вниз. Еще 47 секунд над Хиросимой мирно светило солнце. За эти 47 секунд люди успели забыть об удаляющемся гуле трех «сверхкрепостей». Будничные утренние заботы владели горожанами вплоть до мгновения, когда беззвучная вспышка вдруг разом превратила Хиросиму в горячий пепел.

Экипаж «Энолы Гэй»

Автоматические стеклянные двери предупредительно распахиваются перед каждым входящим. Только августовский зной не может переступить этот порог.

Холл «Хиросима гранд отеля» — это доведенный до совершенства комфорт. Невидимые машины нагнетают прохладу, невидимые плафоны мягко рассеивают свет. Столь же мягко откуда-то струится музыка. Уютные кресла располагают к неге. А вышколенные официанты проворно и бесшумно разносят те же студено-горячительные смеси, что и в любом другом первоклассном отеле мира.

Здесь явно знают толк и в самом трудном из «коктелей»: умеют смешать в должной пропорции международный комфорт с искусно отмеренной дозой местного колорита.

Деревянными балками под потолком нечего поддерживать в железобетонном здании. Их назначение — напоминать о специфике японского зодчества, о тех архитектурных памятниках, которые турист видит на экскурсиях. А эта решетка, что отделяет холл от главного входа? Между чугунными прутьями кое-где разбросаны прямоугольники бугристой меди. Они подсвечены лампочками, которые попеременно вспыхивают там и тут. Огоньки среди краснеющей меди напоминают об остовах разрушенных домов, о чудовищном пекле, когда пузырилось, бугрилось, закипало все вокруг — черепица, камень, металл, живое человеческое тело.

Модернистская конструкция у входа намекает на главную достопримечательность, которая должна привлекать туристов в испепеленный японский город.

Первоклассный сервис — это предупредительность. И вот возле символической решетки разложены специально изданные для туристов брошюры: «Как была сброшена атомная бомба на Хиросиму».

Среди участников этой операции, пожалуй, наиболее известно имя майора Изерли. Газеты много писали о том, как терзаемый муками совести американский летчик слал письма и деньги осиротевшим хиросимским детям, добивался, чтобы его заключили в тюрьму, пока власти не упрятали его в сумасшедший дом.

Но ведь самолет «Стрэйт флэш», который вел Изерли, лишь разведал погоду. Бомбу доставил к цели экипаж бомбардировщика «Энола Гей». Что чув-

ствовали эти двенадцать человек, когда увидели под собой город, превращенный ими в пепел?

Изданная для туристов брошюра представляет собой документальный рассказ об атомной бомбардировке, записанный со слов ее участников.

ЛЮИС. Трумэн был тогда в Потсдаме и хотел, чтобы мы сбросили бомбу 2 или 3 августа. Но мы никак не могли вылететь из-за погоды. Ждали взлета и нервничали, так что пришлось очень мало спать эти три или четыре дня.

СТИБОРИК. Прежде наш 509-й сводный авиаполк постоянно дразнили. Когда соседи досветла отправлялись на вылеты, они швыряли камни в наши бараки. Зато когда мы сбросили бомбу, все увидели, что и мы лихне парни.

ЛЮИС. До полета весь экипаж был проинструктирован. Тиббетс утверждал потом, будто бы он один был в курсе дела. Это чепуха: все знали.

ДЖЕППСОН. Примерно через полтора часа после взлета я спустился в бомбовый отсек. Там стояла приятная прохлада. Парсонсу и мне надо было поставить все на боевой взвод и снять предохранители. Я до сих пор храню их как сувениры. Потом снова можно было любоваться океаном. Каждый был занят своим делом. Кто-то напевал «Сентиментальное путешествие» — самую популярную песенку августа 1945 года.

ЛЮИС. Командир дремал. Иногда и я покидал свое кресло. Машину держал на курсе автопилот. Нашей основной целью была Хиросима, запасными — Кокура и Нагасаки.

ВАН КИРК. Погода должна была решить, какой из этих городов нам предстояло избрать для бомбежки.

КЭРОН. Радист ждал сигнала от трех «сверхкрепостей», летевших впереди для метеоразведки. А мне из хвостового отсека были видны два Б-29, сопровождавших нас сзади. Один из них должен был вести фотосъемку, а другой — доставить к месту взрыва измерительную аппаратуру.

ТИББЕТС. Кресло бомбардира установлено впереди пилотского. Мне легко было дотянуться до плеча Ферибби. У нас с ним было заведено, что я держал штурвал до последних 60 секунд, а потом он брал управление на себя.

ФЕРИББИ. Мы очень удачно, с первого захода, вышли на цель. Я видел ее издали, так что моя задача была простой.

НЕЛЬСОН. Как только бомба отделилась, самолет развернулся градусов на 160 и резко пошел на снижение, чтобы набрать скорость. Все надели темные очки.

ДЖЕППСОН. Это ожидание было самым тревожным моментом полета. Я знал, что бомба будет падать 47 секунд, и начал считать в уме, но, когда дошел до 47, ничего не произошло. Потом я вспомнил, что ударной волне еще требуется время, чтобы догнать нас, и как раз тут-то она и пришла.

ТИББЕТС. Самолет вдруг бросило вниз, он задрезжал, как железная крыша. Хвостовой стрелок видел, как ударная волна, словно сияние, приближалась к нам. Он не знал, что это такое. О приближении волны он предупредил нас сигналом. Самолет провалился еще больше, и мне показалось, что над нами взорвался зенитный снаряд.

ҚЭРОН. Я делал снимки. Это было захватывающее зрелище. Гриб пепельно-серого дыма с красной сердцевинкой. Видно было, что там внутри все горит. Мне было приказано сосчитать пожары. Черт побери, я сразу же понял, что это немыслимо! Крутящаяся, кипящая мгла, похожая на лаву, закрыла город и растеклась в стороны к подножиям холмов.

ШУМАРД. Все в этом облаке было смертью. Вместе с дымом вверх летели какие-то черные обломки. Один из нас сказал: «Это души японцев возносятся на небо».

БЕСЕР. Да, в городе пылало все, что только могло гореть. «Ребята, вы только что сбросили первую в истории атомную бомбу!» — раздался в шлемофонах голос полковника Тиббетса. Я записывал все на пленку, но потом кто-то упрятал все эти записи под замок.

ҚЭРОН. На обратном пути командир спросил меня, что я думаю о полете. «Это похлестче, чем за четверть доллара съехать на собственном задку с горы в парке Кони-айленд», — пошутил я. — «Тогда я соберу с вас по четвертаку, когда мы сядем!» — засмеялся полковник. — «Придется подождать до получки!» — ответили мы хором.

ВАН КИРК. Главная мысль была, конечно, о себе: поскорее выбраться из всего этого и вернуться целым.

ФЕРИБИ. Капитан первого ранга Парсонс и я должны были составить рапорт, чтобы послать его президенту через Гуам.

ТИББЕТС. Никакие условные выражения, о которых было договорено, не годились, и мы решили передать телеграмму открытым текстом. Я не помню ее дословно, но там говорилось, что результаты бомбежки превосходят все ожидания.

Обезглавленный Христос

Прошла всего одна ночь после пресс-конференции в штабе 20-й воздушной армии, где полковник Тиббетс рассказывал журналистам об уничтожении Хиросимы, восседая рядом с командующим стратегической авиацией США генералом Спаатсом.

Экипажи семи «сверхкрепостей», участвовавших в операции, едва успели отоспаться, когда, к

удивлению майора Суиней, его вновь назначили в боевой вылет. Причем на сей раз вместо контейнеров с приборами бомбардировщику «Грейт артист» предстояло сбросить «Толстяка» — такую же плутониевую бомбу, что была взорвана на башне в Аламогордо. Как возможные объекты бомбардировки в приказе теперь назывались не три, а два японских города: главная цель — Кокура, запасная — Нагасаки.

Полет, намеченный на субботу, внезапно перенесли на четверг, 9 августа. Суиней чертыхался, да и многие штабные офицеры недоумевали, к чему такая спешка. Зачем пускать в ход вторую бомбу, когда у Вашингтона не было времени оценить, как Токио прореагировал на первую?

Трумэн торопился, потому что в ночь на 9 августа Советский Союз вступил в войну против Японии. В то самое утро, когда в Маньчжурии под ударами советских танковых соединений обратилась в бегство Квантунская армия, Б-29 майора Суиней вновь поднялся в воздух с острова Тиниан.

Второй полет с бомбой проходил вовсе не так гладко, как первый. Начиная с того, что взрыватель «Толстяка» нельзя было собирать в воздухе, как это было сделано с «Малышом». Оставалось гадать, что произойдет с бомбой в случае аварии при взлете. По мнению специалистов, нельзя было исключить заражения большой площади радиоактивным плутонием, да и опасности мощного ядерного взрыва. Кроме того, буквально в последний момент в бомбардировщике майора Суиней была обнаружена утечка бензина. Наконец, погода была отнюдь не самой благоприятной. Сводка предсказывала ее дальнейшее ухудшение. Тем не менее генерал Фарелл решил все же не откладывать операцию.

Ради экономии горючего основная тройка Б-29 должна была встретиться не над островом Иводзимой, а непосредственно у берегов Японии. Во время полета над океаном исчез из видимости Б-29 майора Гопкинса, которому было поручено фотографирование взрыва. Выходить в эфир майору Суиней было запрещено. Пришлось потерять целый час, пока все три «сверхкрепости» были наконец в сборе.

Самолеты метеоразведки сообщили о хорошей погоде как над Кокурой, так и над Нагасаки. Взяли курс на главную цель. Но в последний момент ветер над южной Японией изменил направление. Густая пелена дыма над горевшим после очередной бомбежки металлургическим комбинатом Явата ушла в сторону и заволокла город.

Майор Суиней сделал три захода, но прицельное бомбометание было невозможно.

— Ничего не поделаешь! Хоть горючего в обрез, идем на запасную цель, — объявил он экипажу.

Так решилась участь Нагасаки.

Над ней тоже было облачно, но в просветах все же просматривались контуры залива, вдоль которого тянется город. В 11 часов 02 минуты утра «Толстяк» взорвался над одной из многочисленных в Нагасаки церковей примерно на два километра севернее точки прицеливания.

О возвращении на Тиниан не могло быть и речи. Еле-еле, буквально на последних литрах горючего дотянули до запасного аэродрома на Окинаве. Посадочная полоса была занята, а на отчаянные радиogramмы с просьбой освободить ее никто не отозвался.

Пришлось дать залп всеми имевшимися на борту ракетами. Лишь этот фейерверк (означающий по кодовой книге «Дым в кабине. Идем на вынужденную посадку. На борту убитые и раненые») возымел действие. «Грейт артист» тяжело плюхнулся на бетон посередине полосы. К самолету со всех сторон устремились пожарные и санитарные машины.

— Где убитые и раненые? — выпалил санитар, вбежавший по аварийному трапу.

Суиней из последних сил стянул с себя шлем и, показав на север, мрачно произнес:

— Остались там, в Нагасаки...

Четыре с лишним века этот порт служил в Японии воротами христианства. Миссионеры строили там церкви, звали на путь истинный и пугали муками ада. Но всей их фантазии о дьяволе не хватило бы и на

тысячную долю того, что сотворил с городом христианин Трумэн.

Атомная бомба взорвалась над собором, который воздвигли возле тюрьмы, чтобы звон колоколов помог преступникам каяться. Взрыв, однако, не пощадил никого: ни грешников, ни праведников, ни самих богов.

Обезглавленный каменный Христос и донныне стоит там среди развалин, опровергая собственную проповедь в том, будто в мольбах можно обрести спасение.

Для следующей войны

6 августа 1945 года в 8 часов 16 минут утра японская радиовещательная корпорация обратила внимание, что радиостанция Хиросимы в эфире не прослушивается. Вслед за этим на токийском железнодорожном узле обнаружили, что телеграфная линия, проходящая через Хиросиму, вышла из строя. Полностью прервалась связь с этим городом и по военным каналам генерального штаба. Дежурные офицеры были озадачены: ведь сведений о крупном американском налете не поступало.

Лишь утром 7 августа в ставку верховного главнокомандующего пришло краткое донесение 2-го армейского корпуса: «Хиросима полностью уничтожена одной-единственной бомбой. Возникшие пожары продолжают распространяться».

Как только с этим донесением познакомились в генеральном штабе, туда был срочно вызван руководитель проекта «Ни». Офицер, посланный за профессором Нисиной, столкнулся в дверях его дома с репортером официального агентства Домэй. Тому срочно требовался ответ: верит ли профессор сообщениям американского радио о том, что на Хиросиму сброшена атомная бомба?

Нисина уклонился от ответа. Но, увидев на следующий день испепеленный город с самолета, пришел

к выводу, что, судя по всему, так оно и было. Ничто, кроме атомной бомбы, не могло причинить подобных разрушений.

По кускам оплавившейся черепицы Нисина вычислил температуру взрыва. А силуэты людей и различных предметов, которые отпечатались на гладких каменных поверхностях, позволили ему довольно точно определить высоту, на которой взорвалась бомба.

Физик собрал образцы почвы на разных расстояниях от эпицентра, чтобы определить их радиоактивность. Четыре месяца спустя все тело Нисины покрылось волдырями. Как он и предполагал, это был результат остаточной радиации.

Ученые, участвовавшие в «Манхэттенском проекте», настоятельно просили генерала Гровса разбросать над Японией листовки, которые предостерегали бы об опасности радиоактивного излучения, возникающего при атомном взрыве. Американские военные власти не хотели этого делать. Они опасались, что такое предостережение побудит людей сравнивать атомное оружие с химическим. Поэтому Пентагон пытался поначалу попросту отрицать, что атомные бомбы способны вызывать у людей лучевую болезнь.

12 августа 1945 года министерство обороны США опубликовало официальный доклад о применении атомного оружия. В нем, в частности, говорилось: «Военное министерство подчеркивает, что бомбы были взорваны на такой высоте, чтобы сделать воздействие ударной волны максимальным и чтобы радиоактивные вещества захватывались восходящими потоками раскаленного воздуха и рассеивались на больших пространствах, не нанося никому вреда».

В Хиросиме Нисина встретил коллег, которых срочно откомандировал туда главный морской штаб. Это были профессор Аракацу из Киото и профессор Асада из Осаки. Так при обследовании атомного пепелища впервые объединили свои усилия японские ученые, которых прежде разобщало соперничество армии и флота.

Вернувшись в Токио, трое физиков, опять-таки вместе, были приглашены в ставку. Они ожидали вопро-

са: похоже ли увиденное ими на результат атомного взрыва? Но речь пошла совсем о другом.

— Можете ли вы, ученые, сообща напрячь силы, чтобы сделать атомную бомбу за полгода? Мы объявили бы ведущих участников работ погибшими при бомбежках, устроили бы каждому фиктивные похороны. А в действительности вывезли бы вас в префектуру Нагано. Там, в горах близ Мацусиро, в гранитных породах оборудована подземная цитадель для императора. Если американцы высадутся, армия и народное ополчение постараются любой ценой продержаться шесть месяцев. И если бы за это время у вас подоспела бомба, даже без средств доставки, мы взорвали бы захваченный противником плацдарм и изменили в свою пользу ход войны...

Физики слушали молча. Слышно было, как с бетонных сводов бункера капала вода, Невежественный фанатизм военной верхушки был столь же непостижим для ученых, как теория относительности для генералов и адмиралов.

— При нынешних условиях,— проговорил Нисина,— нам не хватило бы не то что шести месяцев, а и шести лет. У нас нет ни урана, ни электроэнергии. У нас вообще нет ничего...

Но люди в мундирах словно говорили на другом языке. После того как ученые покинули ставку, им еще долго виделись горящие как в бреду глаза адмирала Тойотаро Тамуры из главного морского штаба, слышались его слова:

— Работы все равно надо продолжать, чтобы успеть сделать бомбу если не для этой, то для следующей войны!..

Первый очевидец

Вечером 2 сентября 1945 года с Токийского вокзала отправился переполненный поезд. Хотя он считался пассажирским, в нем, как и в обычных эшелонах, преобладали люди в военной форме. По-военному

был одет и единственный оказавшийся в этой давке иностранец. Соседи по вагону смотрели на него с удивлением.

Но еще больше удивились бы коллеги этого человека, если бы узнали, что корреспондент лондонской «Дейли экспресс» Уилфред Бэрчетт не стал, как все, добиваться аккредитации на линкор «Миссури». А вместо того, чтобы присутствовать при подписании акта о капитуляции Японии, отправился в Хиросиму. Билет Бэрчетту удалось купить без помех. Старые правила передвижения иностранцев уже не действовали, а новые еще не вступили в силу.

Утром 3 сентября Бэрчетт сошел с поезда в Хиросиме, став первым иностранным корреспондентом, который увидел этот город после атомного взрыва.

Вместе с японским журналистом Накамурой из телеграфного агентства Киодо Цусин Бэрчетт обошел бескрайнее красноватое пепелище, побывал на уличных пунктах первой помощи. И там же, среди развалин и стонов, отстучал на машинке свой репортаж, озаглавленный: «Я пишу об этом, чтобы предостеречь мир...»

«...Почти через месяц после того, как первая атомная бомба разрушила Хиросиму, в городе продолжают умирать люди — загадочно и ужасно. Горожане, не пострадавшие в день катастрофы, погибают от неизвестной болезни, которую я не могу назвать иначе, как атомной чумой. Без всякой видимой причины их здоровье начинает ухудшаться. У них выпадают волосы, на теле появляются пятна, начинается кровотечение из ушей, носа и рта.

Хиросима, — писал Бэрчетт, — не похожа на город, пострадавший от обычной бомбежки. Впечатление такое, будто по улице прошел гигантский каток, раздавив все живое. На этом первом живом полигоне, где была испытана сила атомной бомбы, я увидел невыразимое словами, кошмарное опустошение, какого я не встречал нигде за четыре года войны».

3 сентября 1945 года, на другой же день после капитуляции Японии, нахлынувшие в Токио иностранные журналисты услышали следующее: «Все, кому

выпало умереть, умерли. И от последствий взрывов в Хиросиме и Нагасаки больше не страдает никто».

Это заявление сделал генерал Томас Фарелл, заместитель начальника «Манхэттенского проекта». Хотя оснований для такого утверждения у Фарелла не было никаких (он сам ступил на японскую землю лишь накануне и даже издали не видел испепеленных городов), слова его разошлись в печати как официальное мнение американских ученых.

Когда 7 сентября Бэрчетт вернулся в Токио, его окликнул на вокзале знакомый военный корреспондент.

— Бэрчетт! — прокричал он.— В пресс-клубе только о тебе и говорят. Пойдем быстрее в отель «Империал». Там начальство проводит инструктаж в связи с твоей статьей о Хиросиме...

По дороге Бэрчетт узнал, что 5 сентября его репортаж был опубликован в «Дейли экспресс» и перепечатан другими европейскими газетами. Американцы негодовали. Цель пресс-конференции в отеле «Империал» заключалась именно в том, чтобы опровергнуть эту статью. Ученый в генеральской форме утверждал, что бомбы, разрушившие Хиросиму и Нагасаки, были взорваны на большой высоте, дабы избежать последствий радиации. Так что ни о каких заболеваниях не может быть и речи.

— Господин генерал, а вы лично были в Хиросиме? — спросил Бэрчетт. Получив отрицательный ответ, журналист рассказал, что видел там своими глазами, и попросил объяснений.

Заместитель начальника «Манхэттенского проекта» генерал Фарелл отвечал с вежливой снисходительностью — как специалист, дающий разъяснения непосвященному. Он утверждал, что люди, увиденные Бэрчеттом в больнице, пострадали от ударной волны и ожогов, обычных при любом мощном взрыве. Видимо, японские врачи не обладали достаточными знаниями, чтобы их вылечить. Возможно, у них не было необходимых лекарств. Генерал выразил сомнение, что горожане, оставшиеся невредимыми при взрыве, могли потом стать жертвами каких-то его последствий.

— Почему же гибнет рыба в реке, протекающей через город? — спросил Бэрчетт.

— Вероятно, из-за взрыва или перегрева воды.

— Даже спустя месяц?

— Наверное, приливная волна вновь и вновь возвращает ее вверх от устья.

— Но меня возили на окраину города. И я видел, как живая рыба, плывшая вниз по течению, через несколько секунд погибала.

— Боюсь, что вы стали жертвой японской пропаганды, — резко оборвал генерал и дал понять, что пресс-конференция окончена.

Вскоре после того, как Бэрчетт побывал в Хиросиме, военное министерство США направило туда группу аккредитованных при Пентагоне журналистов во главе со штатным летописцем «Манхэттенского проекта» Лоуренсом. Больных и умирающих им, разумеется, не показали, а лишь провезли через город, чтобы дать представление о разрушительной силе бомбы. Вскоре газета «Нью-Йорк таймс» поместила репортаж Лоуренса под заголовком: «Никакой радиоактивности на развалинах Хиросимы».

Похищение улик

Получилось так, что правду о лучевой болезни, порожденной атомным взрывом, впервые раскрыла своим соотечественникам одна из красивейших женщин Японии — актриса Мидори Нака. Прославленная исполнительница главной роли в «Даме с камелиями» гастролировала в Хиросиме с театром «Цветущая сакура». Актеры жили в гостинице, находившейся всего в 700 метрах от эпицентра взрыва.

Из семнадцати членов труппы тринадцать были убиты на месте. Мидори Нака чудом осталась цела. Выбравшись из развалин, она доползла до реки, бросилась в воду. Течение отнесло ее на несколько сот метров от пылающего города. Люди, которые вытаскивали женщину из воды, порадовались за нее: ни единого ранения, даже царапины!

Актрису узнали. Благодаря содействию ее почитателей она была первым же военным эшелонотом отправлена в Токио. 16 августа Мидори Нака была доставлена в клинику Токийского университета. Ее взялся лечить профессор Масао Цудзуки, крупнейший в Японии специалист в области радиологии.

У больной стали выпадать волосы, резко снизилось число белых кровяных шариков, тело покрылось темными пятнами. Ей многократно делали переливания крови. Но 24 августа Мидори Нака скончалась.

До профессора Цудзуки уже доходили слухи о загадочных последствиях трагедии Хиросимы и Нагасаки. Но то были отрывочные сведения, полученные из вторых или третьих рук. Теперь же он стал непосредственным свидетелем участи Мидори Нака. Течение ее болезни, результат вскрытия тела окончательно убедили японского радиолога, что атомный взрыв может вызывать лучевую болезнь.

К такому же выводу пришел профессор Сейдзи Охаси, который, как и физик Иосио Нисина, был направлен в Хиросиму по поручению военных властей. 21 августа он представил правительству доклад. Там делался вывод о том, что рвота и кровавый понос, от которых страдали многие жители Хиросимы и Нагасаки, представляли собой не эпидемию дизентерии, как считали местные врачи, а симптомы лучевой болезни.

В ту пору правдивые вести об атомной трагедии стали появляться и в японской печати. «Хиросима — город смерти. Даже люди, оставшиеся невредимыми при взрыве, продолжают умирать», — писала «Асахи» 31 августа 1945 года.

После долгих лет милитаристской тирании тиски военной цензуры наконец разжались, но лишь на несколько недель. На смену пришла цензура американских оккупационных властей. С середины сентября всякое упоминание о жертвах атомных взрывов вдруг исчезло со страниц японских газет. Исчезло не на неделю, не на месяц, а на целых семь лет.

Около трехсот тысяч хибакуса, то есть людей, пострадавших от атомных взрывов, стали как бы кастой отверженных. Никто не мог публично выразить им сострадание, помочь им.

Даже в литературе и искусстве хибакуса стали запретной темой. Единственной посвященной им книгой, избежавшей цензуры оккупационных властей, был сборник стихов Синое Сиода (она впоследствии скончалась от лучевой болезни). А единственным местом, где стихи эти удалось напечатать без ведома американцев, оказалась городская тюрьма.

Женщина уговорила знакомого надзирателя размножить рукопись в 150 экземплярах на тюремном печатном станке. Так дошли до читателей строки:

Где-то там, в небесах,
 опрокинули чашу яда.
На дымящийся город
 пролился он черным дождем.

Неподалеку от Хиросимы, в Удзине, в помещении бывшей прядильной фабрики, группа японских медиков-энтузиастов оборудовала госпиталь для людей, пострадавших от атомного взрыва. Его главным врачом стал профессор Охаси. Теперь у него накапливалось все больше данных о том, что лучевая болезнь проявляет себя прежде всего как прогрессирующее поражение костного мозга и крови.

14 октября 1945 года в Удзину нагрянула американская военная полиция. По приказу оккупационных властей госпиталь был закрыт. Истории болезней и другая медицинская документация были конфискованы и отправлены в США.

По мнению историка Имабори, осенью 1945 года американцы умышленно использовали японских медиков для сбора научных данных на местах взрывов, так как считали эти районы еще опасными из-за остаточной радиации. Основания к тому, видимо, были, ибо два известных хирурга, долго работавших среди развалин Хиросимы и Нагасаки, вскоре умерли от белокровия.

С японскими кинематографистами оккупационные власти поступили так же, как и с врачами: сначала не мешали вести съемки, а потом отобрали весь материал.

Группа операторов во главе с режиссером Акирой Ивасаки прибыла в Хиросиму вскоре же после взрыва. Всю осень трудились они среди развалин и пеп-

ла, а в декабре перебрались в Нагасаки. Съёмки уже подходили к концу, когда операторы были арестованы военной полицией США и на самолете доставлены в Токио. Одновременно американцы совершили налет на киностудию, обыскали дом Ивасаки. Все материалы к фильму были конфискованы. Режиссера заставили под присягой подтвердить, что нигде больше не осталось ни метра отснятой пленки.

Не раз потом оккупационные власти повторяли обыски, засылали на студию своих агентов. Но они так и не узнали, что Ивасаки и его коллеги, рискуя жизнью, тайно отпечатали копию фильма и спрятали ее.

Охотники за трупами

18 ноября 1946 года министр обороны США Форрестол направил президенту Трумэну послание. Ссылаясь на доклады специалистов, побывавших в Хиросиме и Нагасаки, он предложил создать в Японии американский научный центр по изучению воздействия атомных взрывов на человеческий организм. «Такие исследования, — подчеркивал Форрестол, — будут иметь огромное значение для Соединенных Штатов как единственная в своем роде возможность проанализировать медицинские и биологические последствия радиоактивного облучения». В середине 1947 года мэру Хиросимы объявили, что правительство США решило разместить в городе персонал комиссии по изучению последствий атомного взрыва.

Организация эта, которую японцы вскоре привыкли называть по сокращенному названию «Эй-би-сиси», открыла свою клинику. Больных возили туда на новеньких джипах, а после бесплатного обследования на машинах же доставляли домой.

Некоторых пациентов настойчиво уговаривали остаться в стационаре. Но хиросимцы вскоре заметили, что такие предложения обычно делали безнадежно больным, которые через непродолжительное время расставались с жизнью на американской больничной койке. Так что роль стационара, в сущности, состояла

в том, чтобы поставлять трупы для анатомического обследования.

Заметили японцы и другое. Заокеанские медики проявляли особый интерес к трупам хибакуся. На другой день после кончины очередной жертвы атомной бомбы к дому умершего подъезжал джип. Иностранцы через переводчика просили передать им тело для «научных исследований». В ту пору мало кто решался отказать оккупационным властям. Один профессор горько пошутил, заявив представителям «Эй-би-си-си»:

— Это, наверное, первый случай в истории, когда в качестве трофеев победители забирают трупы...

В январе 1951 года «Эй-би-си-си» переместилась в новое помещение на холме Хидзияма. Там, если верить заявлению оккупационных властей, была открыта наиболее современная и хорошо оборудованная клиника в Восточной Азии. Но суть дела не изменилась. Врачи тщательно осматривали больных, досконально обследовали их с помощью новейшей аппаратуры, брали на анализ кровь, спинномозговую жидкость, но не прописывали никаких лекарств, не назначали процедур, даже не давали советов.

— Мы не лечебное, а научно-исследовательское учреждение. Наш персонал не имеет права заниматься медицинской практикой в Японии. Практическое лечение мы предоставляем японским врачам,— так отвечала администрация «Эй-би-си-си» на недоуменные вопросы пациентов и их родственников.

Чем же тогда занимались эти люди на холме Хидзияма, под белыми халатами которых хиросимцы вскоре распознали военные мундиры? Первые пять лет в центре их внимания находилась «программа изучения наследственности». В городах, разрушенных атомными бомбами, было обследовано 75 тысяч молодых людей. В Японии тогда существовала карточная система. Кормящим матерям полагался специальный паек. Так что для американцев не представляло труда брать под наблюдение жительниц Хиросимы и Нагасаки с пятого месяца беременности.

Кроме основной программы, велись и другие исследования. Например, по программе «ПЕ-18» две с

половиной тысячи детей в Хиросиме и Нагасаки сравнивались с таким же числом контрольных детей, чьи родители переселились в эти же города уже после войны. По программе «ПЕ-52» обследовались дети, матери которых в августе 1945 года были на третьем месяце беременности. Темой программы «ПЕ-49» было изучение детей, находившихся в момент взрыва на расстоянии менее тысячи метров от его эпицентра. Существовала и другая классификация — по болезням. За ее индексами проступала картина страданий, выпавших на долю хикакуся: «ХЕ-39» (рак крови), «ОГ-31» (бесплодие), «СУ-59» (келлоидные шрамы от ожогов).

С 1975 года клиника на Хидзияме стала именоваться американо-японским центром по изучению последствий радиации. Но и после смены вывески суть осталась прежней. Персонал в белых халатах интересуется недугами хиросимцев в такой же мере, как конструкторы снарядов изучают пробойны на мишенях.

— Пожалуй, никогда еще в истории медицины, — замечает западногерманский публицист Роберт Юнг, — такое большое количество людей, как больных, так и здоровых, не подвергалось столь тщательному медицинскому обследованию в пределах определенной территории и на определенном отрезке времени. Однако позорно само по себе уже то, что деятельность «Эй-би-си-си» финансировалась комиссией по атомной энергии, основная задача которой состояла в совершенствовании американского ядерного оружия.

Японская общественность, таким образом, наблюдала, как представители страны, испепелившей Хиросиму и Нагасаки, с научной добросовестностью исследовали последствия своей акции. Это толкало японцев к выводу о том, что между сбрасыванием бомб и изучением последствий атомных взрывов существует причинная связь.

Японцы невольно задавались вопросом: не состояла ли одна из целей атомных бомбардировок в том, чтобы жертвы ее могли дать американским ученым в мундирах материал для дальнейшего совершенствования нового бесчеловечного оружия?

Свое мнение о подлинных причинах трагической гибели Хиросимы и Нагасаки убедительно высказали члены Общества жертв атомных бомбардировок. В брошюре «Хибакуся» они пишут: «К середине 1945 года Япония потеряла все свои морские и воздушные силы, ее военный потенциал практически иссяк. На конференции в Ялте союзники договорились о том, что Советский Союз вступит в войну против Японии в начале августа, через три месяца после капитуляции нацистской Германии.

Поэтому американские атомные бомбы были пущены в ход не для того, чтобы «сократить агонию войны и спасти жизни многих тысяч людей», как об этом говорил президент Трумэн, а чтобы «обрести превосходство над Советским Союзом в послевоенном мире», как откровенно заявлял военный министр Стимсон.

Была еще одна, скрытая цель — испытать возможности атомной бомбы ради подготовки дальнейшего применения этого оружия. Хиросима и Нагасаки были избраны мишенями для опытов над живыми людьми. Именно поэтому США объявили сведения о жертвах атомных бомбардировок военной тайной».

Двадцать целей

25 октября 1945 года президент Трумэн изложил «двенадцать моральных принципов», которые якобы составляют основу внешней политики Соединенных Штатов в послевоенном мире. Первый пункт этого заявления гласил: «Мы не стремимся ни к территориальной экспансии, ни к эгоистическим преимуществам. Мы не имеем планов агрессии в отношении какого-либо государства, большого или малого».

Тем временем в штате Нью-Мексико началось строительство завода для массового производства атомных бомб. В Соединенные Штаты прибывали все новые группы германских инженеров и техников. Ведущие концерны военно-промышленного комплекса США спешили завладеть техническими достижениями нацистского вермахта и люфтваффе. Наибольшим

спросом у американских производителей боевой техники пользовались бывшие сотрудники исследовательских отделов гитлеровского министерства авиации.

3 ноября 1945 года — меньше чем через три месяца после уничтожения Хиросимы и через два месяца после капитуляции Японии — на рассмотрение комитета начальников штабов США поступил доклад № 329 объединенного разведывательного комитета. Его первый параграф гласил: «Отобрать приблизительно двадцать наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории».

При выборе целей рекомендовалось учитывать возможности нового оружия, то есть иметь в виду площадь эффективного поражения районов с высокой концентрацией материальной части и живой силы. В докладе цинично отмечалось, что использовать атомные бомбы против полевых войск и транспортной сети не рационально.

«Двадцать наиболее выгодных целей для атомных бомб,— говорилось в докладе,— представляют собой индустриальные центры, в которых сосредоточено много научно-исследовательских учреждений, специализированных промышленных предприятий, ядро государственного аппарата. Этот подбор обеспечит максимальное использование возможностей атомного оружия».

В списке намеченных целей фигурировали Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль.

3 декабря объединенный разведывательный комитет представил доклад № 329/1, где предложенный план был уточнен и дополнен. Предусматривалось, что вместе с Соединенными Штатами в нападении на Советский Союз примет участие и Соединенное Королевство. Так что для бомбардировки СССР могут быть использованы также авиабазы на территории Англии и ее заморских владений.

«Советский Союз,— констатировали авторы доклада,— в ближайшем будущем не может напасть на

континентальные Соединенные Штаты. Советские заморские операции практически исключаются, так как у СССР нет значительного военно-морского флота. Для того чтобы действовать против Соединенных Штатов, Советскому Союзу надо было бы перевезти свои войска за 4 тысячи миль и воевать с противником, располагающим мощным военно-морским флотом, сильной авиацией и десятикратным превосходством в производстве стали».

На взгляд вашингтонских стратегов, наступил самый удобный момент для вероломного удара по вчерашнему союзнику. Советский Союз заплатил за победу двадцатью миллионами человеческих жизней. Потери Соединенных Штатов во второй мировой войне составили четыреста тысяч человек.

Гитлеровцы разрушили 1710 советских городов, вывели из строя 32 тысячи промышленных предприятий. На территорию Соединенных Штатов не упала ни одна вражеская бомба. Индустриальный потенциал страны не только не пострадал, но неизмеримо возрос благодаря военным заказам. В конце войны на долю США приходилось почти две трети мирового промышленного производства, в том числе половина выплавки стали. Три четверти мирового запаса золота было сосредоточено в американских банках. К этому небывалому сочетанию мощи и богатства добавилось еще и атомное оружие. В Пентагоне были уверены, что Соединенные Штаты будут монопольно владеть им по крайней мере 10—15 лет.

Так созрел чудовищный по своему коварству замысел: нанести атомный удар по Советскому Союзу, прежде чем он успеет залечить нанесенные войной раны, устранить последнюю помеху к безраздельному господству Соединенных Штатов над послевоенным миром. Идея эта стала предметом обсуждения в правительственных кругах США сразу же после того, как в Белом доме сменился хозяин, и особенно после встречи Трумэна со Стимсоном и Гровсом.

19 мая 1945 года, через 10 дней после того, как над Москвой прогремел салют в честь Победы, заместитель государственного секретаря США Джозеф Грю писал: «Если что-либо может быть вполне опре-

деленным в этом мире, так это будущая война между СССР и США».

Это не было болезненным бредом рехнувшегося на антисоветизме чиновника-одиночки. Преданные гласности секретные документы Пентагона свидетельствуют, что в первые же месяцы после общей победы над гитлеровской Германией и милитаристской Японией военное руководство США начало всерьез готовиться к нападению на своего союзника.

Главную роль в этой подготовке играл комитет начальников штабов США. Возглавлял его адмирал Уильям Леги, начальник штаба при главнокомандующем вооруженными силами США. В состав комитета входили начальник штаба армии генерал Джордж Маршалл, главнокомандующий ВВС генерал Генри Арнольд и главнокомандующий ВМС адмирал Эрнест Кинг.

Непосредственно комитету начальников штабов подчинялись такие органы, созданные из представителей разных видов вооруженных сил, как объединенный разведывательный комитет и объединенный комитет военного планирования. Именно они вели практическую подготовку атомного удара по Советскому Союзу.

14 декабря 1945 года объединенный комитет военного планирования издал директиву № 432/Д. К соучастникам нападения на СССР в этом документе причислены Англия, Франция и Турция. Авиации дальнего действия предписывалось использовать базы на Британских островах, в Италии (Фоджа), в Индии (Агра), в Китае (Чэнду), на Японских островах (Окинава).

«Единственным оружием, которое США могут эффективно применить для решающего удара по основным центрам СССР, являются атомные бомбы, доставляемые самолетами дальнего действия,— говорилось в директиве № 432/Д.— На карте к приложению «А» указано двадцать основных промышленных центров Советского Союза и трасса Транссибирской магистрали — главной советской однопутной линии коммуникаций. Карта также показывает базы, с которых сверхтяжелые бомбардировщики могут достичь

17 из 20 указанных городов и Транссибирской магистрали. Согласно нашей оценке, действуя с указанных баз и применив все имеющиеся в наличии 196 атомных бомб, Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он в конечном счете оказался бы решающим».

Заключительный параграф директивы № 432/Д показывает истинную цену не прекращающихся по сей день ссылок на мнимую «советскую угрозу». В нем говорилось: «В настоящее время Советский Союз не располагает возможностью нанести аналогичные разрушения промышленности Соединенных Штатов. Когда же СССР создаст стратегическую авиацию с бомбардировщиками радиуса действия в 5 тысяч миль и атомную бомбу, он будет в состоянии нанести ответный удар и решающее преимущество Соединенных Штатов будет сведено к нулю».

Итак — бить первыми, бить, пока Советский Союз еще не оправился от жертв и разрушений, пока экономическое и военное превосходство Соединенных Штатов еще наиболее очевидно, бить «со всех азимутов», предварительно окружив СССР кольцом американских баз. Такова была суть стратегии Пентагона в 1945 году. Причем уже тогда в ней содержались главные элементы современной военной доктрины США: ставка на первый удар и средства передового базирования, развернутые на территории союзников.

«План Баруха»

5 марта 1946 года Черчилль в присутствии Трумэна выступил в Вестминстерском колледже американского городка Фултон. Эту речь принято считать публичным провозглашением «холодной войны» против СССР, открытым призывом к созданию антисоветской военно-политической коалиции. Черчилль разглагольствовал о «железном занавесе», который будто бы опустился над странами Восточной и Юго-Восточной Европы, ратовал за союз между США и Англией, подкрепленный атомным оружием.

Но первый послевоенный год ознаменовался и событием диаметрально противоположной направленности. 19 июня 1946 года Советский Союз предложил Комиссии ООН по атомной энергии «Проект международной конвенции о запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии в целях массового уничтожения». Участники такой конвенции должны были взять на себя три обязательства. Во-первых, не применять атомного оружия ни при каких обстоятельствах; во-вторых, запретить его производство и хранение; в-третьих, уничтожить его запасы в трехмесячный срок.

29 октября того же года СССР внес на рассмотрение 1-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции, в которой говорилось, что сокращение вооружений «должно включать в качестве первоочередной задачи запрещение производства и использования атомной энергии в военных целях». Вопреки клевете западной пропаганды этот проект предусматривал установление международного контроля в рамках Совета Безопасности ООН.

Основные идеи советского предложения были воплощены в резолюции 1-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 14 декабря 1946 года. Международное сообщество рекомендовало Совету Безопасности ускорить рассмотрение конвенций, предусматривающих запрещение атомного и других видов оружия массового уничтожения, а также мер контроля, которые обеспечивали бы использование атомной энергии исключительно в мирных целях.

Советская инициатива 1946 года открывала возможность пресечь ядерную гонку еще в зародыше, сберечь гигантские средства, поглощаемые каждым ее витком, который к тому же нес ее участникам не новую степень безопасности, а новую степень опасности.

В наши дни вашингтонские политики объясняют «ядерное замораживание» неприемлемым, утверждая, будто оно закрепило бы неравновесие в пользу СССР. Но как при подобной логике объяснить, почему были отвергнуты советские предложения в 1946 году, когда явное, а не мнимое превосходство было на стороне Соединенных Штатов?

Вашингтон противопоставил тогда советской инициативе демагогический демарш с так называемым «планом Баруха». Летом 1946 года представитель США в Комиссии ООН по атомной энергии Бернард Барух внес на рассмотрение этого органа американские предложения. Чтобы придать им вес в глазах международной общественности, к их разработке был привлечен ряд видных ученых во главе с Оппенгеймером.

Цель американского проекта состояла не в том, чтобы запретить атомное оружие, а в том, чтобы закрепить монопольное обладание им за Соединенными Штатами. В «плане Баруха» предлагалось создать международный орган по атомной энергии, который находился бы под полным контролем США и единолично распоряжался сырьевой, производственной и научно-исследовательской базой атомной промышленности во всех странах.

Еще в разгар войны руководство «Манхэттенского проекта» задалось целью прибрать к рукам мировые запасы расщепляющихся материалов. «В начале 1943 года,— писал генерал Гровс,— мы пришли к выводу, что нам следует составить справку о распределении залежей урановых и ториевых руд во всем мире. Мне казалось совершенно очевидным, что обеспечение Соединенных Штатов Америки на будущее запасами материалов, которые могут служить источниками атомной энергии, является нашим долгом».

Предлагая передать «международному органу» контроль над расщепляющимися материалами, Соединенные Штаты уже заручились правом закупать всю добычу урана в Бельгийском Конго. Соглашение на сей счет вступило в силу в декабре 1944 года.

Созданная по инициативе Гровса карта главных месторождений урана и тория во многом предопределила направления империалистической экспансии США в послевоенные годы. Достаточно вспомнить, например, об активности американских неокolonизаторов в Конго или Намибии.

Американские предложения о передаче атомной энергии под международный контроль были, разумеется, чистойшей демагогией. Уже при подготовке

«плана Баруха» госдепартамент подчеркивал: «План вовсе не требует, чтобы США прекратили производство атомных бомб — ни после того, как он будет предложен, ни после учреждения международного органа».

Комитет начальников штабов оговаривал «план Баруха» следующим условием: «Атомная бомба должна оставаться сердцевинной американского арсенала, и система контроля должна быть разработана таким образом, чтобы предотвратить создание атомного оружия русскими».

24 сентября 1946 года специальный помощник президента США Клиффорд представил в Белый дом доклад, озаглавленный «Американская политика в отношении СССР». «Советский Союз, — говорилось в этом документе, — трудно одолеть, ибо его промышленность и природные ресурсы рассредоточены. Однако он уязвим для атомного и бактериологического оружия, для дальних бомбардировщиков. Следовательно, Соединенные Штаты должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну. Любые переговоры об ограничении вооружений следует вести неторопливо и осмотрительно, постоянно помня, что запрет на применение атомных бомб и других видов наступательных вооружений дальнего действия значительно ограничил бы мощь Соединенных Штатов». Читая эти слова сейчас, поневоле думаешь: уж не ими ли поныне руководствуются американские представители на всех переговорах, связанных с обузданием ядерной гонки?

Битая карта

Ветры «холодной войны» дули все сильнее. 12 марта 1947 года была провозглашена «доктрина Трумэна». Предоставление экстренной военной помощи Греции и Турции должно было послужить прологом антикоммунистического «крестового похода». Составной частью политики «сдерживания коммунизма» стал и «план Маршалла», выдвинутый 5 июня 1947 года.

Нуждам данной политики отвечала реорганизация государственного руководства США, проведенная в

конце того же года: Был учрежден Совет национальной безопасности во главе с президентом, создано Центральное разведывательное управление.

В одном из первых документов Совета национальной безопасности — меморандуме № 7, изданном 30 марта 1948 года, — говорилось: «Разгром сил мирового коммунизма, руководимого Советами, имеет жизненно важное значение для безопасности Соединенных Штатов. Этой цели невозможно достичь с помощью оборонительной политики. Поэтому Соединенные Штаты должны взять на себя руководящую роль в организации всемирного контрнаступления с целью мобилизации и укрепления наших собственных сил и антикоммунистических сил несоветского мира, а также в подрыве мощи коммунистических сил».

Несколько месяцев спустя, летом 1948 года, западные державы спровоцировали так называемый «берлинский кризис», проведя в своих зонах оккупации Германии сепаратную денежную реформу. Использование новой валюты в западных секторах Берлина грозило вызвать экономический хаос в советской зоне.

В конце июня советская военная администрация ввела ограничения на перевозки в Берлин с Запада. Одновременно были предусмотрены меры по снабжению западных секторов города из советской зоны. Импералистические круги подняли крик о «блокаде». Якобы ради спасения берлинцев был создан «воздушный мост».

Воспользовавшись этой шумихой, Пентагон положил начало развертыванию в Западной Европе американских ядерных сил передового базирования. На аэродромах Восточной Англии, с которых союзная авиация еще недавно наносила удары по гитлеровскому рейху, появились девяносто американских бомбардировщиков Б-29 — в ту пору единственных носителей атомных бомб.

Так была начата практическая подготовка к осуществлению плана «Хафмун». Объединенный комитет начальников штабов утвердил этот документ 21 июля 1948 года. При наличии военных баз, говорилось в нем, Соединенные Штаты смогут вскоре же после начала войны предпринять стратегические военно-воз-

душные наступательные операции против жизненно важных центров России. Район Москвы, бомбардировка которого дала бы наибольший моральный эффект, находится в пределах досягаемости самолетов Б-29, базирующихся на Британских островах или в районе Каир — Суэц. Главные промышленные центры Урала и Кузбасса могут быть достигнуты с баз, расположенных в Индии. Поэтому для ведения максимально эффективной воздушной войны нужно иметь базы в Англии, на Ближнем Востоке и в Индии.

Кстати сказать, Пентагон не считал нужным держать подобные замыслы в тайне. Главные установки плана «Хафмун» были публично изложены в статье «Белая звезда против красной звезды», опубликованной в журнале «Ньюсуик» в том же 1948 году.

«Американская стратегия исходит из создания баз вокруг сферы влияния русских с последующим нанесением ударов с воздуха, — писал «Ньюсуик». — США имеют лишь два вида оружия, способного противостоять многомиллионной армии русских: стратегическую авиацию и атомную бомбу. Сторонники ВВС утверждают, что уничтожение главных городов в европейской части России сломает хребет Советской Армии. Они говорят, что современная война под силу лишь индустриально развитой нации, а Советская Армия утратила бы способность сражаться вскоре после уничтожения русской промышленности с помощью атомных бомб. США не намерены перебрасывать войска в Европу и сражаться по принципу «солдат за солдата», — заключал журнал. — Наполеон и Гитлер допустили подобную ошибку и были проглочены Россией, имевшей колоссальные людские резервы. Американские стратеги предпочитают замкнуть петлю военно-воздушных баз вокруг России и постепенно стягивать ее».

Черчилль призывал к атомной войне против СССР, если Москва не пойдет на уступки в «берлинском кризисе». В октябре 1948 года он выступил с речью, которую за океаном впоследствии называли «незаслуженно забытой». Бывший британский премьер заявил: «Было бы неразумно полагать, будто в нашем распоряжении неограниченное время. Мы должны вступить в

схватку и достичь окончательного решения, пока западные страны опираются на атомную мощь,— и до того, как русские коммунисты тоже овладеют ею».

4 апреля 1949 года было объявлено о создании Организации Североатлантического договора (НАТО). Ее членами стали США, Канада, Англия, Франция, Италия, Португалия, Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Исландия. Три года спустя к ним присоединились Турция и Греция, а еще через три года ФРГ.

«Подписав Североатлантический договор, мы создали военный союз, целью которого является война с Советской Россией»,— констатировала газета «Нью-Йорк дейли ньюс».

Рождение антисоветской коалиции встревожило миролюбивую общественность. Рост военной угрозы побудил миллионы людей к активным действиям. 20 апреля 1949 года в Париже собрался Первый Всемирный конгресс сторонников мира. (Поскольку французские власти отказались выдать визы многим делегатам, заседания конгресса одновременно проходили и в Праге.)

Одним из основателей движения сторонников мира стал Фредерик Жолио-Кюри. Выступая на открытии Парижского конгресса, он сказал: «Наш долг осудить применение атомной энергии в военных целях, заклеймить это извращение науки и присоединиться к тем, кто предлагает объявить атомное оружие вне закона».

Американская пропаганда все еще лицемерно превозносила мнимые достоинства «плана Баруха», а президент Трумэн доверительно заявил на совещании в Белом доме 14 июля 1949 года: «Я пришел к выводу, что мы никогда не установим международного контроля. А поскольку достичь этого нельзя, то в области атомного оружия мы должны быть сильнее всех».

По мере того как в антисоветскую коалицию вовлекалось все больше стран, а у Пентагона накапливалось все больше атомных боезарядов, расширялись и масштабы запланированного нападения на СССР.

По плану «Троян» объектами атомного удара должны были стать уже не 20, а 70 советских городов. На Москву намечалось сбросить 8 атомных бомб,

на Ленинград — 7. Начало военных действий было назначено на 1 января 1950 года.

Почему же превентивный, то есть упреждающий, атомный удар по Советскому Союзу так и не был нанесен? Прежде всего потому, что количество атомных боезарядов и средств их доставки, которыми в ту пору располагал Пентагон, не могло гарантировать победного исхода конфликта. Одно дело — массовое истребление мирных жителей, а другое — эффективное поражение военных и промышленных объектов. Мощностъ, точностъ, да и число тогдашних атомных бомб были недостаточными для этого.

Командование ВВС подсчитало, что вероятность потерь при осуществлении плана «Троян» превысит 55 процентов участвующих в каждом вылете самолетов (во время бомбардировок Японии они не составляли и 2 процентов).

Решено было накопить для атомного удара еще больше сил и сделать соучастниками нападения на СССР еще больше стран. Для этого требовалось время. 19 декабря 1949 года комитет начальников штабов утвердил план «Дропшот». Начало военных действий было перенесено в нем на 1 января 1957 года. Зато предусматривалось, что вместе с Соединенными Штатами в войну вступят все страны НАТО.

На первом этапе конфликта планировалось сбросить 300 атомных бомб на 100 советских городов. Затем с запада и юга на советскую территорию должны были вторгнуться 164 дивизии НАТО, в том числе 69 американских. Завершающий этап плана «Дропшот» предусматривал оккупацию СССР и других социалистических стран Европы.

И на сей раз правящие круги США не только не скрывали, но даже афишировали свои замыслы. Наглядным примером того может служить специальный номер американского журнала «Кольерс», подготовленный в сотрудничестве с Пентагоном и госдепартаментом. Американский солдат у карты Советского Союза, территорию которого пересекает надпись «оккупировано»; создание штаба оккупационных войск в Москве; переименование Ленинграда в Петроград; выборы с участием «великорусских монархистов» и

«украинских сепаратистов» — это не только бредовые фантазии «Кольерса», но и конечные цели плана «Дропшот», популярному изложению которых, в сущности, и посвящен специальный номер журнала.

Его редакционная статья поныне звучит весьма актуально, напоминая язык, каким администрация США пытается разговаривать в наши дни с неугодными ей режимами — например, на Кубе или в Никарагуа. «Советское правительство,— писал «Кольерс» в 1949 году,— должно изменить свои взгляды и свою политику. Если этого не произойдет, то, несомненно, придет день, когда это правительство исчезнет с лица земли. Кремль должен принять решение. И если советские руководители не изменятся, им следует понять, что свободный мир будет бороться. Будет бороться и победит».

Но тут произошло событие, которое остудило пыл пентагоновских стратегов. 3 сентября 1949 года американский бомбардировщик Б-29, совершавший патрульный полет над северной частью Тихого океана, обнаружил повышенную радиоактивность в верхних слоях атмосферы. Проверка данных, в которой участвовал Оппенгеймер, не оставила сомнений: Советскому Союзу потребовалось всего четыре года, чтобы лишить Соединенные Штаты монополии на атомное оружие.

Теллер и «супербомба»

— Что же нам теперь делать? — такими словами, выражавшими растерянность и смятение, прореагировал президент Трумэн на известие о советском атомном взрыве. Почти три недели в Белом доме даже не решились публиковать это сообщение, опасаясь, что оно вызовет панику среди американцев.

Впрочем, ответ на риторический вопрос президента очень скоро определился: как можно быстрее заиметь водородную бомбу, чтобы вновь вернуть Соединенным Штатам военное превосходство, возможность шантажировать Советский Союз.

Еще в разгар работ по осуществлению «Манхэттен-

ского проекта» ученым, которые трудились в Лос-Аламосе, стало ясно, что атомная бомба способна послужить как бы запалом для несравненно более мощного взрыва, создать условия для атомного синтеза, то есть слияния легких ядер, при котором выделяется гигантское количество энергии.

Во время атомного взрыва под воздействием нейтронов происходит распад тяжелых ядер урана или плутония. При этом развивается температура в несколько миллионов градусов, которая и открывает возможность воспроизвести процесс слияния атомов водорода, бушующий в недрах Солнца.

В Лос-Аламосе этой идеей больше всех был одержим Эдвард Теллер. Еще летом 1942 года на совещании у Оппенгеймера он впервые высказал мысль о возможности использовать атомную бомбу как детонатор термоядерного взрыва, то есть как спичку, которая зажгла бы огонь атомного синтеза.

Теллер родился и вырос в Венгрии. Потом учился у Бора в Дании, получал американскую стипендию из фонда Рокфеллера, а в 1935 году переселился в США. Будучи на четыре года моложе Оппенгеймера, Теллер завидовал его славе и авторитету, не разделял его политических взглядов, осуждал нерешительность в вопросе о том, стоит ли применять атомное оружие против Японии.

В Лос-Аламосе Теллера иронически прозвали «апостолом супербомбы». Он действительно был рьяным сторонником политики атомного шантажа, поборником опоры на американское военное превосходство. Узнав о советском атомном взрыве, Теллер тут же потребовал ускорить работы над «супербомбой».

29 октября 1949 года под председательством Оппенгеймера собралась консультативная группа комиссии США по атомной энергии. Восемь ведущих американских ученых должны были ответить на вопрос: следует ли Соединенным Штатам безотлагательно приступить к созданию водородной бомбы? За это ратовали Теллер и Страусс (оба они не являлись членами консультативной группы).

Все другие участники заседания заняли противоположную позицию. Особенно резко высказались про-

тив создания водородной бомбы физики Ферми и Раби. Они призвали президента Трумэна публично отказаться от создания термоядерного оружия и предложить Советскому Союзу принять на себя такое же обязательство.

Мнение остальных шести членов консультативной группы, включая Оппенгеймера, было хотя и менее категоричным, но тоже отрицательным. «Мы считаем, что следует тем или иным путем избежать создания термоядерного оружия. Мы против того, чтобы Соединенные Штаты выступили инициатором его разработки. В отказе от супербомбы мы видим путь к предотвращению ядерной войны».

Однако «апостол супербомбы» и его покровители не успокоились. Дело дошло до того, что по распоряжению из Вашингтона было конфисковано и уничтожено несколько тысяч экземпляров научного журнала «Сайентифик америкэн». Власти пошли на этот шаг потому, что физик Бете, один из авторов теории синтеза легких ядер, обращался через журнал к американским ученым с призывом выступить против создания водородной бомбы.

31 января 1950 года в здании госдепартамента собралась группа членов Совета национальной безопасности: министр обороны Джонсон, государственный секретарь Ачесон, председатель комиссии по атомной энергии Лилиенталь. Двумя голосами против одного (возражал Лилиенталь) они приняли решение: рекомендовать президенту издать приказ о срочном создании водородной бомбы. В этот же день президент Трумэн объявил американскому народу: «Я предписал комиссии по атомной энергии продолжать работу над всеми видами атомного оружия, включая водородное».

Решение Трумэна особенно встревожило тех, кто до конца сознавал его последствия. Двенадцать ведущих американских физиков во главе с Бете выступили с возмущенным заявлением: «Эта бомба — не оружие войны, а средство массового истребления. Применить ее — значит погрязнуть все нормы морали».

Идея дальнейшего совершенствования ядерного оружия была осуждена Постоянным комитетом Все-

мирного конгресса сторонников мира, который собрался на свою очередную сессию в Стокгольме. 19 марта 1950 года Жолио-Кюри первым поставил свое имя под документом, который за последующие полгода подписали около 500 миллионов человек. В этом кратком и емком призыве, вошедшем в историю как Стокгольмское воззвание, говорилось:

«Мы требуем безоговорочного запрещения атомного оружия — оружия запугивания и массового уничтожения.

Мы требуем установления строгого международного контроля для проведения в жизнь этого запрещения.

Мы считаем, что правительство, которое первым применит против какой-либо страны атомное оружие, совершит преступление против человечества. Такое правительство следует считать военным преступником. Мы призываем всех людей доброй воли во всем мире подписать это воззвание».

28 апреля правительство Бидо сместило Жолио-Кюри с поста верховного комиссара Франции по атомной энергии, который он занимал с первых послевоенных лет. Перед ученым захлопнулись двери научно-исследовательского центра в форте Шатильон, где он незадолго до этого ввел в действие первый во Франции атомный реактор. В жизни и деятельности французского физика начался новый этап. 22 ноября 1950 года он возглавил Всемирный Совет Мира, созданный по решению Варшавского конгресса миролюбивых сил.

Начавшаяся в 1950 году война в Корее вызвала новую вспышку антикоммунистической, антисоветской истерии. 1 ноября 1952 года на атолле Эниветок в Тихом океане было проведено испытание американского водородного устройства. Мощность первого термоядерного взрыва составила 12 мегатонн.

В том же году, когда Теллер стал кумиром воинствующих кругов, Оппенгеймер был отстранен от руководства консультативной группой комиссии по атомной энергии. Но худшее для него было еще впереди.

20 августа 1953 года официальный Вашингтон был вновь повергнут в такое же состояние, как и в

1949 году. ТАСС распространил сообщение из Москвы, в котором говорилось: «На днях в Советском Союзе в испытательных целях был произведен взрыв одного из видов водородной бомбы».

Консультанты из комиссии по атомной энергии вскоре доложили президенту Эйзенхауэру, что Советский Союз не только догнал Соединенные Штаты в разработке нового оружия, но и продемонстрировал свое научно-техническое превосходство. Он взорвал не громоздкое экспериментальное устройство, а транспортбельную водородную бомбу.

Вновь вашингтонских правителей взволновал вопрос: «Что же нам теперь делать?» Вспомнили об унаследованной от нацистов идее самолета-снаряда, способного за полчаса пересечь Атлантику или Арктику. Решено было форсировать разработку межконтинентальных баллистических ракет. Их ведущим конструктором по-прежнему был Вернер фон Браун. Вместе с ним трудились и другие бывшие участники гитлеровского проекта «Пенемюнде».

Группа перспективных исследований при комитете начальников штабов внесла предложение рассмотреть возможность «преднамеренного ускорения войны с СССР в ближайшем будущем», пока советский термоядерный потенциал не превратился в реальную угрозу для США.

Именно на фоне такой очередной вспышки антисоветской истерии и было раздута «дело» Оппенгеймера.

Обвиняемый Оппенгеймер

21 декабря 1953 года Роберт Оппенгеймер, только что вернувшийся в Принстон из командировки в Англию, готовился провести рождество и Новый год с женой и детьми. Телефонный звонок из Вашингтона неожиданно нарушил семейные планы. Председатель комиссии по атомной энергии адмирал Страусс настаивал, чтобы Оппенгеймер немедленно, до наступления рождественских праздников, прибыл в столицу.

Когда ученый вошел в кабинет адмирала, Страусс был не один. Рядом с ним стоял генерал Николс из

службы безопасности. Одиннадцать лет назад именно он вместе с Гровсом впервые беседовал с Оппенгеймером о его участии в «Манхэттенском проекте». Все еще ничего не подозревая, физик выразил удивление: кому и зачем мог понадобиться его отчет о поездке в Англию перед Новым годом?

— Речь пойдет не об отчете. Есть дела поважнее,— холодно сказал Страусс.— Президент Эйзенхауэр распорядился лишить вас допуска к секретной работе.

Оппенгеймеру был вручен перечень обвинений, подготовленный генералом Николсом при участии ФБР. Двадцать три параграфа в этом длинном списке касались его контактов с коммунистами. Но больше всего поразил ученого 24-й параграф. В нем утверждалось, что якобы именно этими связями объясняются возражения Оппенгеймера против создания водородной бомбы, будто бы именно его энергичное сопротивление таким работам замедлило появление водородного оружия в арсенале Соединенных Штатов.

23 декабря, в день, когда у американцев наряжают рождественские елки, агенты службы безопасности явились в дом Оппенгеймера в Принстоне и изъяли всю документацию, относящуюся к деятельности комиссии по атомной энергии.

Вот как резюмировало агентство Ассошиэтед Пресс обвинения, выдвинутые против ученого: доктор Оппенгеймер в начале войны поддерживал постоянные связи с коммунистами. Он был любовником коммунистки и женился на бывшей коммунистке. Он щедро давал коммунистам деньги с 1940-го и вплоть до 1942 года. Он принимал бывших коммунистов на работу в Лос-Аламос. Он давал противоречивые показания Федеральному бюро расследований о своем участии в коммунистических митингах в первые дни войны. В 1949 году, возглавляя консультативную группу комиссии по атомной энергии, Оппенгеймер активно выступал против создания водородной бомбы. Он продолжал вести агитацию по этому проекту даже после того, как президент Трумэн подписал приказ приступить к работам по созданию водородного оружия.

С 12 апреля по 6 мая 1954 года в здании комиссии по атомной энергии проходили слушания по делу Оппенгеймера. Формально они представляли собой административное расследование. Но на самом деле эти слушания обрели форму судилища, какие устраивала тогда комиссия по расследованию антиамериканской деятельности.

Представитель комиссии по атомной энергии Робб вел себя как прокурор, уличающий преступника в государственной измене. Бывшего научного руководителя «Манхэттенского проекта», которого еще недавно превозносили как «отца атомной бомбы», теперь изображали как «лицо, представляющее угрозу для национальной безопасности США», как человека, который сознательно пытался подорвать американское превосходство в области ядерных вооружений.

Двадцать четыре ведущих ученых были привлечены к даче свидетельских показаний по делу Оппенгеймера. Девятнадцать высказались против предъявленных ему обвинений. Пять в той или иной степени поддержали их, причем с самыми резкими нападками на Оппенгеймера выступил Теллер.

— Я бы предпочел, чтобы работой по обеспечению жизненных интересов страны руководил другой человек, которого я понимаю лучше и которому, следовательно, я доверяю больше,— сказал он.— Я чувствовал бы себя в большей безопасности, если бы государственные дела находились в других руках... Благоразумнее было бы признать его неблагонадежным.

Судилище над Оппенгеймером вел специально созданный трибунал из трех человек. Перекрестные допросы обвиняемого, показания свидетелей продолжались больше трех недель.

Но и после слушаний решение по делу пришлось вновь и вновь откладывать из-за того, что члены трибунала никак не могли прийти к общему мнению. Один из них выступил за то, чтобы полностью оправдать Оппенгеймера. Двое других сформулировали «решение большинства». Они констатировали, что обвинять Оппенгеймера в государственной измене нет оснований. Однако в своих личных связях ученый игнорировал требования безопасности, что, дескать,

могло нанести ущерб интересам страны. Поведение Оппенгеймера в связи с разработкой водородной бомбы, заключили авторы приговора, ставит под вопрос его дальнейшее участие в правительственных программах военного значения.

Другими словами, Оппенгеймеру ставили в вину, что он не проявил должного усердия ради создания «супербомбы». Его обвиняли не в том, что он совершил, а в том, чего он не сделал.

Радист Кубояма

1 марта 1954 года, когда заканчивалась подготовка к рассмотрению «дела» Оппенгеймера, радиоактивный пепел американской водородной бомбы, взорванной над атоллom Бикини, застиг в Тихом океане японских рыбаков.

В этот день особая оперативная группа военно-морских сил США выставила заслон из десяти кораблей в пятидесяти километрах к востоку от Бикини. Сделано это было скорее с целью не допустить постоянных наблюдателей, чем из-за боязни радиоактивных осадков. Согласно прогнозу погоды, предполагалось, что грибовидное облако взрыва будет отнесено на север. Однако из-за неожиданной перемены ветра оно стало быстро распространяться на восток.

На кораблях защелкали счетчики Гейгера. Прозвучал сигнал боевой тревоги. Личный состав укрылся в трюмах. Были пущены в ход автоматические шланги, предназначенные смывать радиоактивную пыль. Пришлось отключить вентиляцию. И пока корабли не вышли из-под отравленного облака, люди задыхались от тропической жары в герметизированных помещениях.

Японская рыболовная шхуна «Фукуру-мару» каждую весну уходила на промысел тунца. На сей раз улов был неважный. Уже готовясь в обратный путь, рыбаки поставили сети в ста сорока километрах к востоку от Бикини. Шхуна находилась вне запретной зоны (значительно восточнее ее границы), и патрульная служба ее не заметила.

Взрыв услышали перед рассветом. Над океаном разнесся низкий могучий грохот. Он не походил на раскаты грома. Это был скорее шум грандиозного обвала: будто за горизонтом обрушились небеса. Небо заволокло дымкой. А через три с половиной часа на шхуну посыпалось что-то вроде тонкой рисовой муки.

Все это было так зловеще непохоже ни на одно из знакомых рыбакам природных явлений или стихийных бедствий, что они наскоро выбрали сети и повернули домой.

До рыбацкого порта Яидзу было две недели пути. Уже в эти дни у рыбаков начали проявляться признаки лучевой болезни. Кожа покраснела, покрылась волдырями, как от ожогов. Все чаще донимали приступы тошноты.

На шхуне было 23 человека. Прямо с причала их повезли в больницу. Судьба этих рыбаков взбудоражила японцев больше, чем любое другое послевоенное событие. Свыше полугода страна только и говорила, что о «пепле смерти». Газеты, радио, телевидение изо дня в день писали о первых жертвах водородной бомбы, помещенных в два токийских госпиталя.

Легко представить себе поэтому, какой взрыв возмущения вызвал поступок директора «Эй-би-си-си» Джона Мортонна. Он официально предложил перевести рыбаков в его хиросимскую клинику на холме Хидзияма.

На протяжении многих лет американские власти убеждали японцев, что «Эй-би-си-си» создана не для лечения, а лишь для научного обследования пострадавших. Так что приглашение жертв Бикини в Хиросиму можно было лишь истолковать как желание американских «врачей» из Пентагона получить новый материал для своих наблюдений — на сей раз в лице пострадавших от водородной бомбы.

В Яидзу есть скромная могила, где на каменной плите написано имя: Айкити Кубояма. Там похоронен член экипажа «Фукурю-мару», скончавшийся от лучевой болезни через полгода после взрыва над атоллom Бикини.

На шхуне Кубояма был радистом. Сколько раз приходилось ему принимать призывы о помощи, слы-

шать в эфире тревожные голоса людей, застигнутых буйной, слепой стихией величайшего из океанов! Он выполнил долг до конца, самой своей смертью передав людям сигнал бедствия.

«Пусть я буду последней жертвой ядерного оружия!» — сказал Кубояма перед смертью. Его оборвавшаяся жизнь явилась грозным предостережением. Она напомнила, что Хиросима и Нагасаки — это не только кошмар прошлого, не только достояние истории, что «пепел смерти» — ядовитое порождение ядерной гонки — угрожает людям и в дни мира. Она напомнила о мегасмертях, которыми могут обернуться лихорадочно накапливаемые мегатонны. Именно с той поры ненависть японского народа к грибовидной тени, нависшей над будущим человечества, приобрела форму массового движения.

Домохозяйки Токио начали собирать подписи под требованием поставить ядерное оружие вне закона. К осени 1954 года под этим документом подписалось более тридцати миллионов японцев. В августе 1955 года в Японии состоялась первая Международная конференция за запрещение ядерного оружия. Участь «Фукурю-мару» всколыхнула волну антивоенных выступлений во всем мире.

Бикини и Дьенбьенфу

13 марта 1954 года, в день, когда шхуна «Фукурю-мару» вернулась в порт Яидзу из своего рокового рейса, вьетнамские патриоты начали штурм Дьенбьенфу. Эта крепость, лежащая среди гористых джунглей на северо-западе Вьетнама, стала последним оплотом французских колонизаторов. Окруженные там войска генерала де Кастри оказались в безнадежном положении.

В те мартовские дни в Вашингтоне и Париже рассматривали вопрос о совместной интервенции в Индокитае, инициаторы которой хотели бы привлечь к участию в ней и Лондон. Именно тогда впервые обрела хождение пресловутая «теория домино»: если, мол, коммунисты завладеют Индокитаем, то следом падут Таиланд, Малайя, Индонезия и тогда, дескать, под угрозой окажутся Филиппины, Тайвань, Япония...

В конце марта 1954 года Совет национальной безопасности США обсуждал план операции «Стервятник» — американского удара по Вьетнаму в случае капитуляции французов. Для массированной бомбежки долины Дьенбьенфу намечалось использовать 60 стратегических бомбардировщиков Б-29 с баз на Филиппинах. Отдел «Джи-3», ведающий планированием тайных операций, настаивал на том, что «изменить обстановку в районе Дьенбьенфу может только атомное оружие». Для этого предлагалось сбросить на долину шесть атомных бомб с самолетов авианосной авиации. Операция «Стервятник» не снималась с повестки дня вплоть до открытия Женевской конференции 26 апреля 1954 года.

Примечательно, что тогдашний британский премьер Черчилль весьма отрицательно отнесся к подобным замыслам. Об этом свидетельствуют протоколы кабинета министров, рассекреченные тридцать лет спустя. «События, происходящие в далеких джунглях Юго-Восточной Азии,— заявил он,— мало трогают англичан. Зато они хорошо знают, что, поскольку в Восточной Англии базируются американские самолеты с атомными бомбами, война означала бы превращение Британских островов в мишень для аналогичного оружия».

Но Вашингтон продолжал подхлестывать ядерную гонку. В Пентагоне заговорили о размещении в Западной Европе ракет средней дальности «Тор» и «Юпитер». Одновременно продолжалось наращивание стратегической авиации. К середине 50-х годов Соединенные Штаты создали основу существующей ныне цепи баз вокруг Советского Союза. Ставка делалась на то, чтобы обеспечить военное превосходство США за счет сил передового базирования.

Но и эти расчеты оказались тщетными. 4 октября 1957 года вашингтонские власти в третий раз пережили шок. Советский Союз первым в мире вывел на орбиту искусственный спутник Земли. Его запуск означал, что СССР располагает ракетами межконтинентальной дальности, так что Соединенные Штаты больше не вправе рассчитывать на географическую неуязвимость.

Уповать на атомную бомбу как на козырного туза, видеть в ней залог главенствующей роли США в послевоенном мире — этот расчет с самого начала был иллюзией. Однако, подобно азартным игрокам, واشингтонские стратеги вновь и вновь повышали ставки в игре. Они цеплялись то за одно, то за другое техническое новшество в надежде использовать его как ключ к военному превосходству. Утратив монополию на атомную бомбу, ухватились за водородную. Потом сделали ставку на подводные ракетноносцы, потом — на ракеты с разделяющимися головными частями, потом — на нейтронное оружие, потом — на милитаризацию космоса.

Каждый новый виток ядерной гонки начинал Вашингтон. И всякий раз его инициаторы оказывались в таком же положении, что и Трумэн со своей обанкротившейся политикой атомного шантажа.

Именно военно-стратегический паритет открыл реальную возможность повернуть вспять эту опасную спираль, раскрутить ее в обратном направлении. Надо было прежде всего лишить воинствующие круги США возможности шантажировать СССР, чтобы затем встать на путь ограничения и сокращения ядерных вооружений. Именно равенство сил вынудило администрацию США пойти в 70-е годы на ряд соглашений с СССР. Ядерный паритет между Советским Союзом и Соединенными Штатами — это историческое завоевание реального социализма, залог успехов прогрессивных сил современности в борьбе за предотвращение ядерной войны.

Тени на мосту

6 августа 1945 года по одному из хиросимских мостов шли девять человек. Мы никогда не узнаем, куда спешили они этим знойным утром. Мы никогда не узнаем их имен. Эти люди сгорели, испарились, растаяли в воздухе. Вспышка смертоносного света отпечатала на каменных плитах лишь их тени. Они были короткими. Атомное солнце вспыхнуло над ними почти в зените. Потому что именно на мост Айои, на центр

хиросимской дельты, наводил перекрестие своего прицела бомбардир Фериби.

Мост Айои имеет форму буквы Т. От середины главного пролета под прямым углом отведен другой мост, так как река Ота разделяется ниже на два рукава. Эти два протока омывают вытянутый клин, на котором теперь разбит Парк мира. А напротив, у моста Айои, оставлен в неприкосновенности остов здания с оголенным куполом и пустыми глазницами окон — Атомный дом. Он должен напоминать о том, как выглядел центр Хиросимы после взрыва.

Нужно, впрочем, иметь в виду, что сохранили единственный каменный остов, уцелевший среди сплошного пепла,— остатки стен и купола торгово-промышленной палаты у моста Айои. Несколько выгоревших изнутри коробок банковских зданий, каркас универсама Фукуя — вот и все, что возвышалось над землей. «Яблоко» мишени, в которое целил Фериби, на два с лишним километра вокруг окрасилось в ровный серый цвет. Так выглядела «зона сплошного поражения».

В городе, население которого составляло перед катастрофой около 350 тысяч человек, уцелело лишь восемь процентов жилищ. Тогда, после всепоглощающего пламени, после черного дождя, который окропил бескрайнее пепелище, горожанам казалось, что эта мертвая, спекшаяся земля никогда не оживет, что ни одна былинка не пробьется сквозь смертоносный пепел.

Сейчас там, где был эпицентр трагедии, разбит Парк мира. Он занимает всю северную часть острова Накадзима. По его аллеям гуляют молодые пары. Возле клумб под присмотром матерей играют дети. На тенистых скамейках одиноко сидят старики. Здесь много зелени. Но это не торжествующая поросль городского парка, а зелень хорошо ухоженного кладбища.

Каждый день в Парке мира выстраиваются ряды экскурсионных автобусов. Возле моста Айои, перед Атомным домом торгуют сувенирами, открытками, как перед любым другим историческим памятником. Школьные экскурсии и путешествующие молодожены деловито фотографируются на фоне развалин. Возрожденный из пепла город словно утверждает мысль:

пусть лишь руины Атомного дома остаются здесь в напоминание о том, что не должно повториться!

Впрочем, в предрассветный час по камням моста Айои, на котором отпечатались тени погибших, скользят и другие человеческие силуэты. Они появляются из переулка напротив, когда еще закрыт туристский павильон, пусты стоянки экскурсионных автобусов, когда сквозной контур развалин едва проступает на фоне неба. Их путь на биржу труда лежит через Парк мира. Безмолвной вереницей проходят они мимо памятника, словно тени минувшего,— еще живые люди, для которых роковой миг растянулся на десятилетия страданий. Это не литературный образ, не метафора. Возле моста Айои многие десятилетия гноился незаживающий шрам Хиросимы — «атомная трущоба».

Среди груд ржавого железа, пустых бутылок, связок газет и другого мусора прятались лачуги. Стены из старых ящиков, крыши из придавленных камнями обрывков толя и битой черепицы. Тягостный запах гниющих отбросов. И здесь вынуждены были доживать свои дни люди, изувеченные атомным взрывом.

Само возникновение «атомной трущобы» было похоже на болезненный бред. Она разрасталась по ночам. Лачуги строили в темноте без ведома и разрешения городских властей. Единственное, что придавало трущобе какую-то легальность,— лечебные книжки ее обитателей. Лишь в графе «место жительства» официально признавалось существование «улицы Айои».

В Хиросиме насчитывается около ста тысяч хибакуса — людей, переживших атомный взрыв. Каждому из них выдана лечебная книжка с указанием, на каком расстоянии от эпицентра он находился. Именно этими метрами, а не числом прожитых лет меряют свой век коренные хиросимцы.

В сознании приезжего слово хибакуса обычно связывается с больничной койкой. Лишь при виде лачуг у моста Айои начинаешь понимать, что болезнь терзает этих людей вкуче с нуждой: чем сильнее недуг, тем сильнее переплетается он с лишениями. Среди поденщиков — людей, обивающих пороги хиросимской биржи труда, большинство составляют именно хибакуса.

Почему это происходит? Почему именно те, кто пережил атомный ад, оказались на социальном дне? Тому есть много причин. Подорванное здоровье не позволяет этим людям иметь постоянную работу. Им не на кого и не на что опереться. Они потеряли близких, лишились имущества. А если что и уцелело, то давно ушло на врачей и лекарства.

Ведь бесплатное лечение хибакуса ввели под нажимом общественности лишь в 1957 году — через двенадцать лет после трагедии. С тех пор каждый человек, переживший взрыв, должен дважды в год проходить специальное обследование. При симптомах лучевой болезни ему назначают курс лечения.

Однако регистрируются для обследования далеко не все. Многие предпочитают скрывать, что они хибакуса. Запрет, окружавший само это слово в годы американской оккупации, деятельность комиссии по изучению последствий атомных взрывов — все это толкало пострадавших замкнуться в своем горе, усиливало их отчужденность. На собственном опыте они убедились: людей, переживших взрыв, неохотно берут на работу, с ними избегают жить под одной крышей, тем более вступать в брак.

Таково это трехмерное, трехликое горе. Мало сказать — физические муки. Мало сказать — бремя нужды. Они, хибакуса, обречены быть еще и кастой отверженных.

И не случайно некоторые из них в минуты отчаяния завидуют судьбе тех девяти пешеходов, которые шагали августовским утром через мост Айои. Быть в трех тысячах метров от центра катастрофы, чтобы после многолетних страданий оказаться в трехстах; обитать как живые тени там, где их земляки когда-то погибли мгновенно, отпечатав на камне свои силуэты...

Огненная река

Бой городских часов Хиросимы похож на тревожный набат. И звучат эти куранты не в полдень, а в 8 часов 15 минут утра. Изю дня в день, из года в год на-

поминают они о мгновении, когда навечно прикипели к циферблату стрелки других, случайно уцелевших среди пепла наручных часов. Навек, как эти спекшиеся стрелки, отпечатался роковой миг и в человеческих сердцах.

6 августа, 8 часов 15 минут утра.

Как жгуче солнце в день и час, когда над Хиросимой вспыхнул огненный смерч!

Никогда человеческое тело не бывает столь раскрыто и незащищено, как в эту самую знойную пору года. И нет часа более многолюдного, чем этот, когда город высыпает на улицы, начиная трудовой день.

«Выбор момента сделал тепловой эффект взрыва максимальным». Эта фраза из боевого донесения особенно доходит до сознания, когда августовским утром смотришь на Хиросиму с того места, над которым взорвалась атомная бомба. Понимаешь тут и другое. Пентагон не случайно избрал жертвой город, с трех сторон окруженный горами. Требовалась мишень, равная по форме и размерам силе первой атомной бомбы.

По подсчетам авторитетных японских специалистов, в Хиросиме погибло более 240 тысяч человек. В Нагасаки — около 80 тысяч. Сказались особенности рельефа, воплощенные в самих географических названиях. Слово «хиросима» буквально означает «широкий остров». Слово «нагасаки» — «длинный залив». Город, расположенный в речной дельте, пострадал больше, чем другой, вытянувшийся вдоль извилистого ущелья.

6 августа к Парку мира с рассвета движутся вереницы людей. Эта река рождается и течет стихийно. Организованные шествия и церемонии последуют позже. А пока каждая поминальная свеча, каждая белая хризантема оставляется перед памятником в знак чьей-то личной утраты.

Глядишь, как растут груды цветов, похожие на снежные сугробы, и, словно откровение, доходит простая истина: кроме тех чувств, с которыми человечество отмечает 6 августа, для жителя Хиросимы эта дата окрашена еще и личной скорбью. Именно тогда большинство семей потеряли родных и близких, именно с того дня многие стали калеками.

Люди стоят перед памятником, склонив обнаженные головы. Вокруг седловидной бетонной арки оставлена площадка, засыпанная речной галькой. Пожалуй, лишь количество этих камешков дает представление о числе имен, которые следовало бы написать на одной из самых зловещих могил нашей планеты.

Над безмолвной площадью неистовствует лишь хор цикад. Но вот глухо ударяет бронзовый колокол. Ему вторят заводские сирены. И разом взлетают в небо сотни голубей, словно разнося на своих крыльях звуки хиросимского набата.

Памятник в Парке мира задуман так, что человек, стоящий перед ним, как бы заглядывает в прошлое. Бетонное седло отделяет от взора сегодняшнюю Хиросиму. Под сводом виден лишь вечный огонь, полыхающий позади памятника, а еще дальше в струях горячего воздуха зыбко колыхнется оголенный купол Атомного дома.

Руины Атомного дома долго оставались нетронутыми. Среди опаленных смертью стен вился плющ, гнездились птицы. Год за годом все новые морщины бороздили эти израненные взрывом камни, как и лица свидетелей атомного взрыва. И вот в японских официальных кругах начали поговаривать о том, чтобы вовсе снести Атомный дом. Дескать, вид его лишь будоражит души тяжкими воспоминаниями. Да к тому же сам! развалины настолько обветшали, что могут вот-вот рухнуть.

В ответ на подобные суждения в Хиросиму со всех концов Японии хлынул поток протестующих писем. Их авторы предлагали начать общенациональный сбор пожертвований на увековечение руин. Сотни тысяч людей были единодушны: пусть нельзя разглядеть следы невзгод на лицах хиросимцев, но нельзя допустить, чтобы пережитое ими стерлось из памяти народов!

Как раз в те годы, когда на реликвии Хиросимы лег тревожный отсвет вьетнамского пожара, возле оголенного купола, который по-прежнему возвышается над мостом Айои, была установлена каменная плита с надписью: «Атомный дом. Развалины здания, над которым 6 августа 1945 года взорвалась в воздухе

первая в истории атомная бомба. Эта бомба погубила более двухсот тысяч человеческих жизней и испепелила город в радиусе двух километров. Чтобы передать потомкам правду об этой трагедии, в предостережение человечеству, на добровольные пожертвования проведена реставрация руин, дабы сохранить их на века».

Давно отстроился заново город в устье реки Ота. Косметика рекламных огней умело прикрыла шрамы минувшей войны. Но есть день, когда неон новой Хиросимы меркнет. Ярче его начинает пламенеть сама река, словно превращаясь в поток раскаленных углей. В сумерках тысячи людей молча спускаются к воде. На крестовину из двух щепок каждый ставит зажженную свечу, прикрытую бумажным колпаком, и пускает ее вниз по течению. Таким обрядом японцы издавна отмечают день поминовения. Им стало теперь каждое 6 августа.

Сколько мыслей рождает эта огненная река, эти мириады фонариков, каждый из которых олицетворяет человеческую жизнь, оборванную атомным вихрем! Зыбкий свет свечей ложится на мемориальные руины у моста Айои, и кажется, что они все еще раскалены пожаром.

Да, пепел Хиросимы и сейчас горяч. Годовщину трагедии ежегодно чтут не только те, кто понес в ней личные утраты. Со всех концов Японии сходятся в этот день к Хиросиме марши мира. Вместе с их участниками зажигают поминальные фонарики на берегах реки Ота и посланцы народов мира.

Пепел Хиросимы — не просто священная реликвия. Он стал цементом для той стены, которую возводят народы, чтобы преградить путь термоядерной катастрофе.

По решению Всемирного Совета Мира с 6 по 13 августа ежегодно проводится Неделя действий за запрещение ядерного оружия и солидарности с жертвами атомных бомбардировок. Не только осиротевшие хиросимцы, не только их соотечественники, — вся большая семья, имя которой Человечество, повторяет в этот день клятву, высеченную на каменном надгробье в хиросимском Парке мира: «Спите спокойно, это не повторится!»

Часть вторая

Восхождение на Фудзи

Репортажи из Японии

Восхождение на Фудзи

Сквозь бег облаков
Открывает мне Фудзи
Свои сто лиц...

Здесь, у озера Кавагути, сложил эти строки великий живописец прошлого Хокусái, создавая свою прославленную серию «Сто лиц Фудзи».

Бетонное кольцо автостреды опоясывает гору, соединяет, как жемчужины ожерелья, все пять озер, лежащих у ее подножия. Автобус мчится среди просвеченных солнцем сосновых лесов. Бархатные бабочки кружатся над нетронутой травой опушек. Прямо к бетону дороги клонит колосья созревающий рис. Женщины срезают и укладывают в корзины тугие, мутные гроздья винограда.

Но все это лишь первый план, лишь рамка, за которой глаз все время жадно ищет главное — Фудзи. И лица ее, раскрывающиеся одно за другим, действительно неповторимы. То она предстает перед нами как серый призрак, плавающий в дымке утреннего тумана, то щедро удваивает свою красоту в глади озер, то — после заката — докрасна раскаляет края своего кратера отблесками ушедшего дня.

— Фудзи — вулкан правильной конической формы. Ее вершина поднимается на три тысячи семьсот семьдесят шесть метров. Это самая высокая и самая красивая гора в Японии...

Девушка-экскурсовод смущенно опускает на колени микрофон. Да, обыденные человеческие слова здесь слишком бедны. Но легко ли найти другие? Легко ли объяснить, почему столь знакомая, даже примелькавшаяся на открытках гора, представ перед глазами, вдруг заставляет сердце учащенно биться?

Чем же больше всего изумляет Фудзи? Может быть, сочетанием своего величия с гордым одиночеством?

Первая вершина Японии возвышается как бы на ровном месте. Горы вокруг есть, но небольшие и стоят на почтительном расстоянии, не решаясь заслонить, исказить ее безупречных очертаний.

Форма Фудзи поражает уже на географической карте. Ее горизонталы — отметки высот — это концентрические окружности, равномерно густеющие от подножия к вершине. Даже не верится, что такой идеально правильный конус мог быть порождением одной из самых необузданных в природе стихий.

Как же велики дремлющие в недрах горы силы, если даже кратковременные пробуждения их столь грозны! Во время последнего извержения, произошедшего два с половиной века назад, улицы Токио (он тогда назывался Эдо) были засыпаны пятнадцатисантиметровым слоем пепла. А ведь от города до вулкана больше ста километров.

Фудзи волнует своей картинностью в высоком смысле этого слова. Кажется, перед тобой не явление природы, а произведение искусства, некий обобщенный образ, созданный творческим воображением художника.

Можно понять японских поэтов, утверждающих, что созерцание этой горы рождает чувство внутреннего очищения, стремления к самоусовершенствованию. Взглянув на Фудзи, не сомневаешься, что именно восхищение ее красотой легло в основу присущего японцам культа природы.

Несколько миллионов человек ежегодно посещают эти места, превращенные в государственный заповедник. Суеверное паломничество превратилось в прочную традицию. И трудно сказать, что больше радует здесь в такой вот прозрачный день: близость национальной святыни или простор нетронутой природы, соседствующей с мирным золотом полей...

Автобус вдруг резко тормозит, прижимаясь к обочине. Из-за поворота вырывается колонна коричневатозеленых грузовиков с зажженными фарами. Они вихрем проносятся по оцепеневшему шоссе. В глазах остаются только огромные белые буквы, написанные на каждой машине: «Боеприпасы».

Хочется на миг зажмуриться, хочется убедить себя в том, что все это могло лишь привидеться на дороге, проложенной ради того, чтобы священная гора раскрывала перед человеком свои сто лиц.

Фудзи — она по-прежнему перед нами. Но как раз к ней-то и свернули грузовики со снарядами. Там, на фоне воспетых поэтами склонов, полощется на шесте звездно-полосатый флаг. У поворота на проселок, где еще не улеглась пыль, белеет щит: «Американская зона. Вход воспрещен японским законом».

Сколько раз приходилось читать о том, что американцы используют склоны Фудзи для военных маневров. Но, оказавшись здесь, ощущаешь эту запретную черту заново — так, будто она острым ножом прорезана по живому телу.

Как же больно сознавать японцу, что весь этот девственный простор — от «границы земли и неба», где нет ничего, кроме пепла да застывшей лавы, и вплоть до подножия — принесен в жертву чужеземному богу войны.

Четверть миллиона человек взбираются ежегодно на главную вершину Японии. У пятой станции — на половине пути — обычно отдыхают, любуются расстилающимися внизу лесными долинами. Нам любоваться было трудно, а еще труднее вслушиваться в шум сосен, который, как говорят, напоминает здесь морской прибой. Священная гора содрогалась от канонады. Чуть ниже по склону были отчетливо видны орудейные вспышки, облачка разрывов.

Подножие дремлющего вулкана давно уже накалено кипением человеческих страстей. С прошлого века бьются окрестные жители за свои давние права обширного пользования здешними лугами и лесными угодьями. С 1707 года тих кратер Фудзи. Но не раз за это время склоны вулкана покрывались дымом. Когда крестьянам не давали вывезти заготовленный хворост, они поджигали поленницы и брались за рогадины. И вот эти грозные знаки народного гнева, приводившие в трепет феодалов, вновь запыхали на взгорьях.

Щиты с надписью «Американская зона» отсекали население не только от топлива, но и от травы, без которой здесь невозможно земледелие: местные почвы, сложенные из вулканического пепла, почти бесплодны, если их щедро не удобрить компостом. Лишившись всего этого, крестьяне получили взамен новые бедствия. Поредевшие леса уже не в силах сдержи-

вать талые воды, что сочатся весной из-под снеговой шапки горы. Не встречая былой преграды, эти ручьи превращаются в бешеные грязевые потоки, которые обрушиваются на рисовые поля как раз во время всхода рассады.

Хотя я прошел лишь половину древней паломничьей тропы, даже подъем с середины склона нельзя назвать пустяковой прогулкой. Тем более, когда весь опыт альпинизма ограничивается детскими воспоминаниями о грудке шлака у котельной во дворе старого ленинградского дома.

Кстати, именно эта грудка все время вставала в памяти, когда я карабкался по бесконечному склону японской горы, увязая ногами в пористых острых осколках и въедливом вулканическом пепле.

Фудзи — это тысячекратно увеличенный отвал шлака: та же фактура, тот же цвет — от темно-серого до буроватого, та же крутизна. Впрочем, точнее будет сказать, чем выше, тем круче. Дает о себе знать чуть заметный прогиб склонов, который так любил подчеркивать на своих картинах бессмертный Хокусай.

За пятой станцией остался шум сосновых лесов. За шестой — исчезли всякие следы растительности. Но чем более безжизненным выглядит склон, тем многолюднее он становится. Попутчиков столько, что вполне можно обойтись без проводников.

Между седьмой и восьмой станциями назначен ночлег. В приземистой хижине из лавовых глыб постояльцу дают миску горячего риса, несколько ломтиков соленой редьки, сырое яйцо, место на нарах и пару одеял.

С восьми вечера до часу ночи полагается спать. Но где там! Ощущение такое, будто ты улегся не в горном приюте на высоте 3300 метров, а на перроне вокзала или у дороги, по которой гонят гурты скота. Словно копыта, цокают по камням сотни посохов, звякают бубенчики, привязанные к каждому из них, чтобы путник не заблудился в тумане. Ни на минуту не стихают топот, свистки, крики лоточников. Как из вокзального громкоговорителя, доносятся голоса проводников, перекликающихся с помощью карманных раций.

Давно стемнело, а люди все идут и идут. Поистине армия на марше через горный перевал (если учесть, что по воскресеньям на Фудзи поднимается до тридцати тысяч человек, в таком сравнении не будет большой натяжки).

Пора двигаться дальше. Вклиниваюсь в строй, и в глазах начинает рябить от пляшущих по камням лучей карманных фонариков. Лучше уж смотреть не под ноги, а по сторонам, тем более что зрелище того заслуживает. Ночное шествие выглядит как сплошная вереница огней, которая начинается где-то у подножия и, извиваясь, зигзагами уходит в немыслимую высь к звездам.

За девятой станцией начинает светать. Прибавляю шаг: не пропустить бы восход! Однако общий темп движения, наоборот, спадает. Торопить впереди идущих бесполезно: им некуда поставить ногу. В предрассветных сумерках видно, что оставшийся отрезок тропы сплошь забит людьми, которые движутся к вершине со скоростью очереди за газетами.

Самое время присмотреться к попутчикам. Впору удивиться: до чего же пестр их круг!

Модно подстриженные девушки несут гитару и проигрыватель. Нестройный хор седовласых мужчин юношески задорно поет пол-латыни студенческую песню (врачи-однокурсники дали зарок совершить это восхождение на выпускном вечере тридцать лет назад). Учитель рассказывает в микрофон колонне заспанных школьников о природе вулканов. К словам его почтительно прислушивается экскурсия крестьянок с Хоккайдо. Для двух молодых пар восхождение на Фудзи заменяет свадебное путешествие. («Мы оба работаем на шахте, вот и решили: не все же лазать вниз, надо хоть раз и наверх забраться. По крайней мере будет что вспомнить и нам, и невестам тоже».)

Какое удивительное смешение всех возрастов, всех слоев общества, всех уголков страны! Пять миллионов экскурсантов приезжают каждый год к подножию Фудзи. Четверть миллиона человек ежегодно совершают восхождение на вершину.

Легко понять, какое смятение вызвала в стране весть о том, что безупречные очертания горы — из-

любленный образ японского искусства — находятся под угрозой.

Гора-святыня, гора-символ разрушается. Даже издали, из окна экспресса Токио — Осака, на темном конусе Фудзи видна вертикальная белая полоса. Это остатки снега на теневой стороне Большого провала, который глубоким трехкилометровым шрамом прорезает западный склон.

А уж взобравшись на Фудзи, можно обследовать ее рану почти вплотную. Если пройти на запад по кольцевой тропе, опоясывающей гору на уровне пятой станции, выше по склону видишь ущелье, похожее на разинутую пасть. Начинаясь у самой вершины, у самой кромки кратера, оно постепенно расширяется до пятисот метров, а перед чертой лесов сужается вновь, уходя оврагом вплоть до подножия.

Сравнение Фудзи с гигантским отвалом шлака можно отнести не только к поверхности, но и к структуре этой вулканической горы. В японских летописях упоминается восемнадцать ее извержений, последние из которых произошли в 800-м, 864-м и, наконец, в 1707 году.

Когда стоишь перед Большим провалом, кажется, что его дно поминутно простреливают пулеметные очереди: то тут, то там взметываются облачка вулканической пыли от падающих камней. Даже в ясную безветренную погоду из тела Фудзи здесь высыпается по шестьсот тонн грунта в сутки.

Но оползни и обвалы неизмеримо учащаются весной, когда из-под снеговой шапки горы сочатся талые воды, а также в пору осенних тайфунов, когда ливневые потоки катят вниз глыбы застывшей лавы, загрождая ими речные долины у подножия.

Специалисты утверждают, что, если не принять срочных мер, Большой провал скоро прорежет кромку кратера.

Еще десять шагов. Еще пять. Вершина! Наконец-то удалось ступить ногой на высшую точку Японских островов, чтобы увидеть с нее восход над Страной восходящего солнца.

Внизу в волнах розового света плавают горные цепи — еще более невесомые, чем гряды облаков над

океаном. На высоте 3776 метров сами собой приходят возвышенные мысли. Но, забравшись на Фудзи, лучше любоваться окрестными далями, чем приглядываться к самой вершине.

Фудзи похожа здесь уже не столько на отвал шлака, сколько на свалку. Повсюду разбросаны ржавые консервные банки, пестрые обертки, пустые бутылки. Год от года становится все мельче двухсотметровый кратер, вынужденный мириться с участью мусорной ямы.

На гребне кратера друг против друга расположились храм, похожий на торжище, и купол метеостанции, похожий на храм.

И если служба погоды устремлена к небесам, то служителей храма волнуют дела сугубо земные. Не следует думать, что они негодуют по поводу осквернения святыни. Храм боится потерять возможность находиться на человеческом потоке, который делает Фудзи золотой горой — пусть даже она становится при этом похожей на свалку. На вершине храм бойко торгует сувенирами, открытками, кока-колой по шестикратной цене. На станциях путникам предлагают пиво («Имейте в виду: чем выше, тем дороже!».)

Но, подсчитывая барыши, храм с растущим беспокойством оглядывается на бурную деятельность туристских фирм. Чего только не предпринимают они, чтобы вывернуть карманы экскурсантов еще у подножия! Возле автобусных остановок вырос целый городок аттракционов и макет Фудзи в одну тысячную натуральной величины.

Священная гора не любит показываться людям. Из Токио, например, она бывает видна в среднем лишь двадцать два дня в году. Так что если вам не повезло с погодой, можно сняться на фоне макета — никто не отличит!

Ведущие фирмы соревнуются в строительстве платных автомобильных дорог по нижней, более пологой части склона. Если следом появятся фуникулеры, храм с его бизнесом окажется вытесненным на небеса. Возбужденное храмом судебное дело на право владения вершиной Фудзи как раз и имеет целью защи-

титься от конкуренции священным правом частной собственности.

Белый купол метеостанции делает ее похожей на астрономическую обсерваторию. Но стоит там не телескоп, а параболическая антенна одного из самых высоких в мире радаров. Отсюда смотрят не на звезды, а шарят лучами по тихоокеанским просторам. Отсюда можно обнаружить око очередного тайфуна за двадцать часов до того, как бедствие обрушится на побережье.

Радар, смонтированный на вершине Фудзи,— центр метеостанций страны. А служба погоды в Японии — почитаемое дело. Поэтому за трудом и бытом шести человек, посменно зимующих на горе, следят с тем же чувством, что у нас за полярниками на дрейфующей льдине. Тридцатиградусные морозы, разреженный воздух, бураны, из-за которых врач вынужден на расстоянии лечить тяжелобольного советами по радио,— вся эта романтика трудного, но нужного людям дела явилась пищей для множества репортажей и очерков. «Душа моего отца чиста, как снега Фудзи»,— с гордостью писал в школьном сочинении сын работника метеостанции.

Но вот о куполе на гребне вулканического кратера заговорили совсем с другим чувством. Управление радаром осуществляется по радио. Люди на горе лишь смотрят за исправностью оборудования. Но стало известно, что изображение с экрана автоматически передается не только в Токио, но и на военные базы США.

К чему вести судебную тяжбу, кому принадлежит вершина Фудзи — храму или государству, если склоны горы, которая представляет собой национальную святыню, отданы в чужие руки.

Много легенд и преданий связано с Фудзи, но потопки наверняка сложат о горе еще одну. Это будет сказ о том, как далекие от политики крестьяне домыто усаживались на полигоне, ворча на комаров и словно вовсе не замечая ни американских снарядов, ни японских полицейских.

Фудзи поныне остается национальным символом Японии. И будь жив великий Хокусаи, он написал бы

ее сто первый лик. Он изобразил бы не только взрывы, рвущие тело горы, но и безоружных людей, которые загромождают своими телами боевые мишени.

Картина великого художника сумела бы, наверное, напомнить и о том, что гора, символизирующая собой японский народ,— это вулкан дремлющий, но не потухший, вулкан, который еще может показать свою силу.

Заключенный тюрьмы Абасири

Не могу отвести взгляда от двух одуванчиков. Когда они начинают желтеть на тюремном дворе — значит, приближается Первомай. Спасибо весне! Я знаю, как далек ее путь до Абасири, как спешит она согреть своим дыханием заиндевелые стены камеры. Но даже ей не под силу растопить иней седины на моей голове. Мой застенок возводили под кандалный звон еще в ту пору, когда Вы скрывались от царских жандармов. «Сегодня съел шесть чернильниц», — шутили Вы в Петербургской тюрьме, окуная перо в молоко, чтобы послать на волю слово правды. Спасибо Вам! Ваше слово разбивает оковы и рушит темницы, с ним не чувствуешь себя одиноким даже в одиночной камере...

Эти строки адресует Ленину человек с железной волей воина, чуткой душой поэта. Японскому коммунисту Кунидзи Мураками было двадцать девять лет, когда его бросили за решетку. За годы заточения он поседел добела, но его цельная, чистая, светлая натура в неприкосновенности сохранила любовь к жизни, к людям. Свидетельство тому — поэтический сборник «Белая хризантема».

Вот строки, написанные 1 мая 1961 года. По-новому волнует в этот день заключенного квадрат синевы за прутьями решетки.

На майское небо гляжу,
из острога,
Мне радостный праздник
подарен.
До неба с земли
проложил дорогу

Мой брат, коммунист -
Гагарин.
Хотел бы и я оглядеть
с этой выси
Планету от края до края,
Когда ее алыми бликами высветил
Безбрежный пожар
Первомай.

У Мураками есть стихи, на которые сложены мас-совые песни — они звучат на митингах и маевках. И есть строфы глубоко лирические. Поэт посвящает их акадѳмбо — маленькой красной стрекозе, что порадовала его праздничным утром: залетѳла в тюрьму и доверчиво уселась на арестантскую куртку, словно присланный друзьями алый бант демонстранта. Мураками воспеваѳ хризантему, которая цветѳт вопреки заморозкам, давая людям пример стойкости и жизнерадостности.

Как и за что попал этот человек с широкой, любвеобильной душой в самую мрачную тюрьму Японии, предназначенную для закоренелых злодеев и убийц?

21 января 1952 года в городе Саппоро произошло таинственное убийство полицейского инспектора Сиратори. Американские оккупационные власти тут же окрестили его «делом рук коммунистов», использовали как повод для репрессий. Ведь выступления против войны в Корее слились тогда на севере Японии с насущными жизненными требованиями. Население Хоккайдо осталось на зиму без угля, реквизированного американцами для военных нужд.

Мураками приѳехал в Саппоро и стал там секретарем городского комитета Компартии Японии осенью 1951 года. Накануне новогодних праздников он возглавил шествие, участники которого уселись на снегу перед городской управой с лозунгами: «Долой войну в Корее! Дайте топлива нашим семьям!» Расправой над демонстрантами руководил тогда полицейский инспектор Сиратори.

Какие же, однако, были основания обвинить коммуниста в убийстве полицейского?

Вечером 21 января инспектор Сиратори возвращался на велосипеде после выпивки в баре. На глухой, занесенной снегом улице его нагнал другой велосипе-

дист, с ходу выстрелил ему в спину и умчался в ночную тьму.

Террористы в Японии крайне редко прибегают к огнестрельному оружию, издавна предпочитая нож. Стало быть, найти убийцу, показавшего себя одновременно виртуозным велосипедистом и метким стрелком, было бы куда проще, возьми полиция за это по-настоящему.

Действительно, из первых же свидетельских показаний довольно отчетливо сложилась версия: во-первых, убил Сиратори профессиональный гонщик, а в прошлом уголовный преступник Адзумадэ (их видели ехавшими рядом на велосипедах в день убийства). Во-вторых, нанял гонщика для этой цели председатель кредитного общества Сато, который хотел избавиться от полицейского инспектора, докопавшегося до каких-то его спекуляций. Вскрылась и такая немаловажная деталь: незадолго до преступления домой к Сато частенько наведывались агенты «Си-ай-си» — американской военной контрразведки...

Однако, как только за дело взялась чрезвычайная следственная комиссия, весь ход разбирательства был круто изменен. Адзумадэ был освобожден из-под стражи и бесследно исчез. Отпустили домой и Сато, который вскоре же при весьма загадочных обстоятельствах «покончил жизнь самоубийством». Три года чрезвычайная следственная комиссия заметала следы преступления и фабриковала поклеп на невинных людей. Три года коммуниста Мураками не столько допрашивали, сколько запугивали: отрекись от компартии, или казнят как убийцу.

После подобных методов следствия один из коммунистов, арестованных вместе с Мураками, сошел с ума, а другой уступил нажиму. Он показал, будто бы секретарь горкома Мураками поручил студенческой ячейке убийство Сиратори и даже обучал молодежь стрельбе из пистолета на горном перевале.

Все обвинение против Мураками как «организатора террористического акта» (назвать его убийцей при всем старании было нельзя, ибо вечером 21 января он выступал перед многолюдным собранием) строилось на том, что пуля, извлеченная из тела полицей-

ского Сиратори, и две другие пули, найденные после многократных тщетных поисков на перевале (одна — девятнадцать, а другая — двадцать семь месяцев спустя), были якобы выпущены из одного и того же пистолета.

Лишь на основании подобных «улик» коммунист Мураками был 7 мая 1957 года приговорен к пожизненному заключению, а 31 мая 1960 года, после рассмотрения дела в суде второй инстанции, — к двадцати годам лишения свободы.

Вспоминается день 21 января 1963 года, когда начальник следственной тюрьмы в городе Саппоро решил мне свидание с Кунидзи Мураками.

— ...Сорок шестой! — кричит полицейский и хлопывает дверь.

Пока мы парами пересекаем двор, нас считают, словно ребятишек, возвращающихся с прогулки. Оглядываем тюрьму. Ни сторожевых башен, ни колючей проволоки. На первый взгляд все кажется даже патриархальным. Главное здание с деревянным крыльцом напоминает захолустную железнодорожную станцию. Надзиратели своей формой и свистками на цепочках смахивают на кондукторов.

Несколько минут томительного ожидания в конторе. Закапанные чернилами столы. Один тюремщик щелкает на счетах, другой прикладывает печатки к каким-то бумагам, третий сортирует почту. Самая обыкновенная канцелярия. Если бы не кабинка у стены вроде телефонной будки, где адвокат беседует с молодым уголовником. Если бы не надпись мелом на грифельной доске: «Сегодня под стражей 308».

Это уже далеко не новая выдумка буржуазии — приписывать уголовные преступления людям, которые живут для других, жертвуют собой ради счастья простых тружеников. В Соединенных Штатах были Сакко и Ванцетти, в Германии — Макс Гельц, в Японии — это Кунидзи Мураками.

Вот он наконец перед нами. Моложавая коренастая фигура. Вязаная куртка обтягивает крепкие плечи. Рано поседевшие волосы юношески непокорны. Но главное — лицо. Что написано на нем? Спокойствие, но без отрешенности отшельника. Воля, но без фана-

тической одержимости. Светлый, живой, одухотворенный взгляд.

— Ну и гостей сегодня у меня! Неужели это только одна из групп? — улыбается Мураками.

В каждую годовщину событий, которые привели его за решетку, в Саппоро съезжаются люди со всей Японии. Делегаты бесчисленных комитетов содействия освобождению Мураками собираются, чтобы провести общественное расследование дела на месте, своими глазами увидеть фальшь, нелепость обвинения и еще шире разнести правду об этом по стране.

Пожимая протянутые руки, Мураками ободряюще оглядывает каждого. Он лучше всех понимает состояние людей, оказавшихся перед невинно осужденным узником одиночной камеры, и старается шутками разбить колючий комок, который неволью подкатывает к горлу каждого из нас.

— Расскажи, как тебя кормят, — деловито осведомляется поденщик из Кобе.

Землистое лицо, голова обмотана шарфом, изношенная спецовка. Этот, видно, по себе знает, что такое голодная спазма. Нелегко же было его друзьям насобирать медяков, чтобы прислать сюда своего делегата!

— Ничего, друзья! Благодаря вашей помощи, как видите, не исхудал, хотя порой боюсь: не превратиться бы от здешней моркови в зайца. Морковь дают изо дня в день, из месяца в месяц. Как, по-вашему, уши у меня еще не отросли?

Все смеются. Улыбается и полицейский у двери. Только другой, что стоит возле Мураками, продолжает, насупившись, строчить в блокноте.

— Газеты получаешь? — проталкивается вперед юноша с токийского почтамта.

— Хотели было лишить меня прессы. Преступникам, дескать, нельзя читать про убийства, налеты, грабежи, а в газетах обо всем этом столько, что надзиратели не успевают вырезать. Тут я их и припер к стене. Ах, вот, значит в чем дело! Тогда давайте мне «Акаха́ту». Она как раз уголовщиной меньше всего интересуется. Так и получилось, что коммунистическую газету мне разрешили читать раньше других.

Кунидзи рассказывает о камере. Четыре квадратных метра пола, остальное — заиндевевшие стены, кованая дверь, параша, под потолком — оконце с пятью стальными прутьями. Режим для заключенных не менялся тут с прошлого века. Единственное, что отвоевал для себя коммунист ценой бесчисленных протестов и настойчивых требований, — возможность читать и писать. Он добился разрешения заменить тусклую лампочку более яркой и не гасить ее после восьмичасового отбоя. Добился права держать на полу книги, тетради, конверты. Настоял, чтобы принесли крохотный столик. Сидя на циновке, он пишет за ним, прилягая к стене.

По мнению надзирателей, в камере стало теснее, но заключенный видит, как раздвинулись ее стены. В одиночке не осталось места для одиночества, для томительной праздности, которая превращает узника в живой труп. Читать и писать — значит мыслить и трудиться, жить интересами мира, находящегося по ту сторону тюремной решетки. Таков каждый день Мураками, до краев наполненный неотложными делами.

В Токио есть центральный совет содействия освобождению Мураками. Комнатка чуть больше тюремной камеры, напоминает почтовый вагон. Люди с трудом передвигаются среди бумажных кип. Тут издают свою газету и рассылают 35 тысяч ее экземпляров по местным комитетам содействия. Тут создали фильм о деле Мураками. Сюда текут бесчисленные зеленые конверты с синей каймой (денежные переводы общественных пожертвований).

Но душой этой подлинно национальной кампании всегда был сам Мураками. Подъем, проверка, обтирание мокрым полотенцем, тридцатиминутная прогулка, каждую минуту которой Мураками использует, как спортсмен на тренировке. Утром надо успеть разложить по конвертам и подготовить к отправке написанные накануне письма. В десять надзиратель забирает почту. И тут же кидает новую увесистую пачку конвертов. О каждом письме надо сделать запись в тетрадь: от кого, когда поступило; что написано в ответ. Для коммуниста эта переписка — работа с мас-

сами. Открытку от железнодорожников с Хоккайдо он шлет, добавив от себя несколько строк, железнодорожникам Кюсю. Не одна тысяча людей стали активистами комитетов содействия благодаря именно этим письмам из тюрьмы.

В половине двенадцатого приносят обед, а в три тридцать — ужин. Тюремщики спешат разделаться с работой до пяти часов.

— Вот тут-то и выручают передачи. Пока пишу или читаю до полуночи, жую что-нибудь из присланного друзьями.

— Холодно ли в камере?

Не стоит спрашивать! Зима на Хоккайдо самая настоящая — с метелями и морозами. Тут, как привыкли в Японии, жаровней с древесным углем не обойдешься. Каково же, если даже нет и этого? Ничего нет, кроме жестянки с горячей водой, вроде больничной грелки, которую приносят дважды в день.

— За столько лет к чему не приспособишься! — отшучивается Мураками.— Только писать трудно-ва-то. Чернила замерзают.

Мураками вынимает из кармана томик с портретом Ильича на обложке.

— Что помогло мне выстоять? Конечно, жизненная закалка, революционный опыт. Но главное — это.

Свет ленинских мыслей, отблеск кремлевских звезд проникают сквозь тюремное окошко, словно целительные солнечные лучи. Они не дали завянуть душе, запертой в темнице. Они помогают крестьянину-недоучке расти. Казалось бы, слову «кругозор» не поместиться в одиночной камере. Но кругозор Кунидзи Мураками расширился за годы заключения.

— Время истекло! — врывается в беседу голос тюремщика.

Все смолкают, и вдруг — что это? Словно откуда из-под земли поднимается и растет мелодия. Полицейский захлопнул блокнот и уставился в потолок. Песня в тюрьме — вещь неслыхайная. Но она, как видно, стала традицией свидания с необычным узником. Поют, не разжимая губ. Лишь последние слова в полный голос.

— Отлично,— улыбается Мураками.— Только припев, по-моему, нужно резче, как лозунг. «Свободу Кунидзи, на волю Кунидзи!» — дирижирует он сжатым кулаком.

Нас снова считают при выходе. Захлопывается дверь. Тяжело гремит засов...

Мы оба верили при встрече, что зима 1963 года будет для Мураками последней в неволе. Со всех концов Японии стекались тогда в верховный суд объемистые пачки подписных листов. Около восьмисот тысяч человек поставили свои имена под требованием оправдать безвинно осужденного. По просьбе защиты криминалисты СССР и Чехословакии научно доказали фальшивость «вещественных улик». Ибо если бы две пули, на которых строилось обвинение, действительно пролежали две зимы среди скал горного перевала, их никелированная поверхность была бы разрушена коррозией.

17 октября 1963 года я с трудом пробился сквозь толпу и прошел сквозь цепи охраны в отделанный темным резным деревом зал верховного суда в Токио. Заседание, которого с нетерпением ожидала страна, длилось буквально несколько секунд. На нем была произнесена одна-единственная фраза: «Апелляция Кунидзи Мураками отклоняется».

Это означало, что после одиннадцати лет пребывания в следственной тюрьме Саппоро для Мураками был уготован перевод в тюрьму Абасири. Камеры там не отапливаются вовсе. Даже летом в них по неделям не просыхают полотенца, а зимой, когда метет пурга с Охотского моря, температура падает до тридцати градусов ниже нуля. К тому же заключенному резко ограничили право переписки, запретили передачи.

Единственный раз ворота тюрьмы распахнулись перед Мураками 8 июня 1965 года, когда его отпустили на четыре часа, чтобы похоронить мать.

Тысячам людей в Японии была знакома и по-родственному близка эта восьмидесятилетняя крестьянка — вдова батрака, мать коммуниста. Она приезжала из деревни на каждое из ста тридцати судебных заседаний. Она до последней минуты верила, что правда

одолеет клевету, и, услышав приговор, пыталась покончить с собой.

Мы долго беседовали с ней в тот день, когда вместе встречались с Мураками в тюрьме Саппоро. «Об одном прошу судьбу,— сказала она, прощаясь,— хоть бы раз перед смертью сесть дома за стол с Кунидзи и покормить его...»

Мечте этой не суждено было сбыться.

— Ты прожила восемьдесят два года, и лишь смерть принесла тебе покой,— сказал Мураками перед траурной урной.— Теперь ты можешь отдохнуть от забот.

Сын оказался достойным матери.

Многолетняя борьба против ложного обвинения завершилась победой. В ноябре 1969 года судебные власти были вынуждены освободить Мураками на поруки. И немалая заслуга в этом принадлежит ему самому — коммунисту, который с первого до последнего дня пребывания в тюремной камере оставался не узником, а борцом.

Гимн солидарности

Рука Оми Комаки потянулась к кисточке с тушью, уверенными штрихами подчеркнула в тексте строки:

«Тяжелое противоборство с вооруженными силами империализма и белогвардейщины советские рабочие и крестьяне вели при братской поддержке международного пролетариата, трудящихся всего мира. Во многих странах создавались комитеты «Руки прочь от Советской России!»... Интернациональная солидарность трудящихся прошла историческую проверку в огне социалистической революции».

Если бы все люди, к которым относится эта фраза, могли воочию увидеть сегодняшний день Страны Советов!

Оми Комаки думал об этом, когда в канун 50-летия Октябрьской революции впервые побывал у стен Зимнего. Именно с этой мыслью бросил он тогда в Неву букет цветов — от себя, от погибших друзей, от

всех, для кого судьба колыбели Октября стала проблемным камнем интернациональной солидарности.

Пятидесятая годовщина. А ведь память отчетливо хранит и первую: круглые афишные тумбы Парижа, палые листья на тротуарах, людской водоворот возле спусков в метро, перед которыми они, соратники Анри Барбюса, раздают прохожим воззвания от 7 ноября 1918 года.

Оми Комаки поступил в Парижский лицей как сын депутата парламента. Считая себя либералом, отец хотел, чтобы его сын проникся модными тогда в Японии идеями французских просветителей. Но после смерти богатого отца лицей оказался не по карману.

Оми пришлось перекочевать на юридический факультет университета, самому зарабатывать на жизнь. Изменился круг друзей, изменились и взгляды. Увлечение творчеством Анри Барбюса, а затем и знакомство с писателем привело японского студента в группу «Кларте».

Беседуя с Анри Барбюсом, вслушиваясь в рассказы его друзей, побывавших в красной Москве, жадно читая книгу Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир», Оми Комаки пытался совместить образ революционной России со страной, которую он видел воочию.

Летом 1910 года он ехал в Париж по Транссибирской магистрали, останавливался в Москве. Запомнились гигантские медные самовары на станциях, лоточники с калачами, упитанные городовые; запомнились бородатые приказчики в Охотном ряду, безлюдная Красная площадь, где богомолки крестились на купола, а извозчик показал место, где какой-то из царей казнил какого-то из бунтовщиков.

И вот теперь эта страна, словно факел, подняла перед человечеством свое пламенное сердце.

Продолжая переписываться с Анри Барбюсом и после возвращения на родину, Оми Комаки основал в Японии группу «Танэмáку хито» («Сеятель»). Как и французская «Кларте» («Свет»), она видела свою цель в том, чтобы объединить творческую интеллигенцию сознанием ее ответственности перед обществом, крепить и развивать дух солидарности с надеждой человечества — Советской Россией.

На страницах своего журнала группа «Сеятель» первой в Японии опубликовала призыв Анри Барбюса, Анатоля Франса, Бернарда Шоу, Эптона Синклера, Андерсена-Нексе, Максима Горького и других выдающихся деятелей мировой культуры о сборе средств в помощь голодающим Поволжья.

Их сразу же поддержал тогда журнал «Мусан кайкю» («Пролетарий»), который редактировал Сёити Итикава. Рука об руку делали они первые трудные шаги в этой кампании. Японцы — народ отзывчивый к чужой беде, но многие попросту боялись репрессий.

Разбить эту стену могло только известное имя, и «Сеятель» вместе с «Пролетарием» обратились к прославленной певице Миуре Тамаки. Дать концерт в пользу русских трудящихся она тотчас же согласилась, однако этому категорически воспротивился ее антрепренер — итальянец, получавший с каждого выступления солидную долю сбора. Пришлось изобразить всю затею как рекламную, уговорив на роль устроителя газету «Йомиури», разумеется, без упоминания о «крамольных» журналах.

Приближалась пятая годовщина Октября. И в группе «Сеятель» родилась идея, тут же встретившая поддержку «Пролетария»: пусть именно в этот день в Японии впервые прозвучит гимн международной солидарности — «Интернационал».

Слова и ноты «Интернационала» Оми Комаки тайком привез из Парижа. Легче всего было бы разучивать песню с граммофонной пластинки, но даже во Франции продажа их еще с военных лет была запрещена.

В группе «Сеятель», однако, не было недостатка в талантах. Актер Такамару Сасаки переложил строфы пролетарского гимна на японский язык. Популярный певец Рюкити Савáда взялся быть хормейстером. Собирались по несколько человек то у одного, то у другого, разучивая куплет за куплетом. А последнюю репетицию Сёити Итикава предложил устроить в редакции «Пролетария».

Тут же пришлось решать нелегкий вопрос о времени и месте. Замысел состоял в том, чтобы исполнить «Интернационал» публично. А чтобы снять зал для

какого-либо собрания, требовалось разрешение полиции.

Чтобы сбить полицию с толку, решили, во-первых, перенести собрание с 7 на 5 ноября; во-вторых, представить его как «литературный вечер» и, в-третьих, арендовать не зрительный, а банкетный зал вроде тех, где акционерные общества устраивают ежегодные попойки для своих пайщиков. Несколько известных писателей от имени группы «Новая литература» подали такую заявку и получили разрешение.

В назначенный день, однако, перед зданием с утра шныряли шпики. А войдя внутрь, Оми Комаки прежде всего увидел длинный ряд начищенных жандармских сапог.

— Любителей литературы оказалось больше, чем мы ожидали,— усмехнулся Сёити Итикава.

Оми Комаки заглянул в переполненный зал и тоже не мог сдержать улыбки. Зрелище было истинно театральным, если не сказать комичным. На сцене восседали жандармы: фуражки с затянутыми на подбородке ремешками, свистки, портупей, сабли и... разутые ноги в носках. А что им было делать? Японец остается японцем. Не лезть же сапогами на покрытый циновками пол!

— Выходит, все-таки пронюхали.

Сёити Итикава кивнул.

— Писатели, упомянутые в афише, арестованы — кто дома, кто здесь, у входа. Ждать их нечего. А незваных гостей все равно не переждешь. Так что пора!

Еще чувствуя ободряющее рукопожатие друга, Оми Комаки поднялся на помост, прошел сквозь строй сидящих жандармов и остановился у края сцены. Он окинул взглядом обращенные к нему лица, никелированные ножны жандармских сабель, которые насто-роженно блеснули у стен зала при первых же его словах:

— Друзья, встретим 7 ноября...

Сзади угрожающе заскрипели стулья, и, набрав полную грудь воздуха, оратор поспешно продолжал:

— ...пятую годовщину советской революции...

Помост задрожал от топота. Дюжие руки вцепились в Комаки, поволокли его за кулисы. Но послед-

ним усилием оторвав стиснувшие его горло пальцы жандарма, он все же успел выкрикнуть последние слова:

— ...пением «Интернационала»!

Это было сигналом. Зал поднялся, и четыреста голосов грянули разом. Жандармы по одному отрывали людей от тесно сомкнутого поющего строя. Но песня росла и крепла, перекрывая свистки и истошные выкрики: «Собрание запрещено, всех под арест!»

Участников «литературного вечера» скопом доставили в полицейский участок. На допросе Оми Комаки вместо удостоверения личности предъявил пропуск в министерство иностранных дел, где он временами подрабатывал переводами из французской прессы. Жандармы были озадачены: если в газеты попадет, что сотрудник подобного ведомства замешан в политическом деле, министру грозят неприятности вплоть до отставки. Боясь переусердствовать, они отпустили обладателя пропуска домой до «дальнейшего расследования».

Оказавшись на свободе, Оми Комаки прежде всего разыскал своего приятеля из «Джапан адвертайзер» — наиболее либеральной газеты того времени — и рассказал о случившемся.

На следующее утро в этой газете, выходявшей на английском языке, появилось лаконичное сообщение:

«По случаю пятилетия Советской России вчера в Японии был впервые публично исполнен «Интернационал».

В тот же день министерству иностранных дел донесли, что проживающий в Йокогаме внештатный корреспондент РОСТА слово в слово передал содержание этой заметки по телеграфу в Москву. Оми Комаки узнал об этом от знакомых в МИДе и поспешил поделиться радостной вестью с Сёити Итикава, который каким-то чудом успел скрыться и избежать ареста.

Никогда еще не видел Оми Комаки своего друга таким восторженно счастливым. Лицо его по-детски сияло, когда он повторял:

— Вот замечательно, если в Москве узнали! Ты даже не представляешь, на скольких языках поют там сейчас «Интернационал»!

Оми Комаки не знал тогда, что слова эти говорит не просто его личный друг, редактор прогрессивного журнала «Пролетарий» — союзника «Сеятеля». Не знал, что между весной, когда они вместе вели сбор в помощь голодающим Поволжья, и осенью, когда они сообща готовились отметить пятилетие Октября пеннем «Интернационала», произошло важное событие.

15 июля 1922 года родилась Коммунистическая партия Японии, а Сёити Итикава стал одним из ее руководителей. Оми Комаки не знал тогда, что первой практической задачей, за которую взялись японские коммунисты сразу же после учредительного съезда, стала организация массового движения под лозунгом «Руки прочь от Советской России!». Теперь уже не разрозненные усилия энтузиастов, а политика новорожденной партии привела к успешному созданию Лиги борьбы против интервенции в России, сплотившей воедино представителей интеллигенции, группировавшихся вокруг журнала «Сеятель», профсоюзы, молодежные и крестьянские организации.

Лишь много позже узнал Оми Комаки, что 13 ноября 1922 года пролетарский гимн звучал в Москве действительно на множестве языков: именно в тот день делегаты IV Конгресса Коминтерна аплодировали докладу Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции».

Первое пятилетие родины Октября... Сколько взоров устремлялось тогда к Стране Советов с участием, тревогой, надеждой — да, прежде всего с надеждой.

Именно эти чувства встают из-за усеченных цензурой строк «Сеятеля». Второй номер журнала был посвящен Советской России. И, перечитывая редакционное посвящение, Оми Комаки подумал, что оно похоже на его речь перед исполнением «Интернационала», на выкрик человека, которому зажимают рот:

«Максиму Горькому:

Если бы суждено ей было пасть, она бы уже погибла (вычеркнуто девять знаков). Четыре года торзуют и топчут Красную Россию, однако она по-прежнему стоит на своем месте (вычеркнуто двадцать один знак). Это — неоспоримый факт.

Многие писатели хулили эту дикую страну (вычеркнуто четыре знака). Хотя в наш век каждый подлинный художник должен воспевать всякую (вычеркнуто два знака).

Максим Горький как художник всегда был на стороне восставших рабов.

Мы не имеем свободы много говорить о революционной России. Но сегодня, когда мировая реакция исходит ложью и ненавистью к ней, мы восхваляем Максима Горького как сторонника пролетариата и тем самым целиком выражаем наши собственные чувства.

Редакция журнала «Сеятель», 7 ноября 1921 года».

Оми Комаки написал эти строки, когда Стране Советов исполнилось четыре года.

Когда через много лет он побывал у стен Зимнего и бросил в Неву свой букет, перед глазами его были Анри Барбюс, засыпанный землей Парижской коммуны, и Сэити Итикава, погибший в японской тюрьме; Сэн Катаяма и Джон Рид, чьи имена он прочел на Кремлевской стене. Всех их объединяла любовь к земле Москвы, к родине Октября.

«Именно так!» — думал Оми Комаки над подчеркнутыми словами. О том, что сделали зарубежные друзья Страны Советов в самые трудные для нее годы, пожалуй, лучше не скажешь:

«Интернациональная солидарность трудящихся прошла историческую проверку в огне социалистической революции».

Они знали Зорге

— С первой же встречи мне больше всего запомнилось его рукопожатие: крепкое, ободряющее, уверенное...

Слушая своего собеседника, я гляжу на тонкие, нервные руки, не раз изведавшие тяжесть кандалов, и поднимаю глаза на его лицо. Мало, очень мало осталось в Японии людей, знавших Рихарда Зорге по

Шанхаю и Токио в его легендарной роли. Один из них сидит теперь передо мной.

7 ноября 1930 года группа смельчаков распространила среди моряков японского флота в Шанхайском порту антивоенные листовки. В группе был и молодой японец по фамилии Каваи.

Он участвовал в тех памятных демонстрациях, лозунгом которых было «Руки прочь от России!», в знаменитом инциденте в университете Васэда, когда прогрессивное студенчество устроило obstruction японскому военному министру. Революционный подъем двадцатых годов в соседнем Китае волновал тогда многие юные сердца. И Каваи отправился в Китай с мечтой стать сподвижником Сунь Ятсена и вступить в ряды Народно-революционной армии.

Но в ту пору Чан Кай-ши уже предал дело революции и топил ее в крови. Массовые аресты коммунистов прокатились вскоре и по Японии. Стала вырисовываться новая опасность. Японский милитаризм готовил нападение на Китай, чтобы завладеть сырьевыми ресурсами страны, вплотную придвинуть свои дивизии к родине социализма — Советскому Союзу и, используя военный угар, окончательно задушить демократию в Японии.

Каваи, работавший тогда в еженедельнике «Шанхай чжоубао», хорошо понимал это. Вместе с группой японских и китайских патриотов он создал интернациональное «общество противников японо-китайской войны». Смелость Каваи на демонстрации 7 ноября 1930 года обратила на себя внимание.

— Ты мог бы сделать очень много, неизмеримо больше для того самого дела, которому теперь себя посвятил. Но ради этого придется забыть обо всем остальном. Согласен? — спросил как-то у Каваи его сверстник Одзаки, шанхайский корреспондент газеты «Асахи».

В условленный день — это было вскоре после 18 сентября 1931 года, когда японские войска вторглись в Маньчжурию, — они встретились возле почтамта за рекой Сучжоу-хэ, где жило тогда много японцев. Шофер такси свернул на Нанкин-лу и остановился перед рестораном «Таохуалоу».

В комнате на втором этаже ждал иностранец. Его тонко очерченное волевое лицо выглядело моложавым, но глубокие складки уже пролегли вдоль лба и у щек. Глаза смотрели внимательно и успокаивающе.

— У вас, говорят, много друзей в антивоенном обществе? — спросил он без всяких предисловий. — Интересно, что думают люди там, в Маньчжурии, где война уже началась. Не смогли бы вы съездить туда от «Шанхай чжоубао»?

Каваи почувствовал: новая, огромная ответственность ложится на его плечи. Мысли вихрем закружились в голове. Встреча произошла неожиданно. Но можно ли назвать ее случайной? Разве не идейная убежденность привела его на новый путь? Мог ли он думать тогда, что тут, в Шанхае, перед ним сидит внук соратника Карла Маркса, автора «Капитала», которым он зачитывался со студенческих лет!

А новый знакомый, оставшийся незнакомцем, уже прощаясь, говорил в напутствие:

— Главное — не торопитесь. Спокойно. Шаг за шагом. Ну — полагаюсь на вас!

И крепко сжал его ладонь своей сильной рукой. Всегда в тревожные минуты вспоминал потом Каваи это пожатие.

«Тот человек», как они с Одзаки называли его между собой, умел доверять людям и потому рождал в них безграничное доверие к себе. Отсюда и его способность создавать вокруг атмосферу спокойствия, уверенности, заражать этими чувствами окружающих.

Они виделись еще несколько раз до весны, пока от друга, работавшего в жандармерии, Каваи не узнал, что имя его занесено в «черный список» и за ним начата слежка. Незадолго до этого газета отозвала Одзаки в Токио, и тот вынужден был уехать.

— Трудно будет без вас обоих, — сказал Зорге, — но оставаться здесь нельзя. Возвращайтесь в Японию и вы. Откройте какую-нибудь лавчонку да займитесь год-другой торговлей. А там осмотритесь.

Они распрощались, но встреча эта оказалась не последней.

...Десять лет спустя им суждено было свидеться в токийской тюрьме Сугамо. Заключенных выводили на

прогулку партиями по пять человек. Крутые поля крестьянских соломенных шляп «амэгаса» почти скрывали их лица. Но высокую, широкоплечую фигуру нельзя было не узнать.

Зимой 1943 года по камерам разнеслась весть: Гитлер объявил траур в связи с разгромом армии Паулюса под Сталинградом. В этот самый день Каваи снова увидел Зорге в тюремном коридоре. Тот отстал от своей пятерки и в радостном возбуждении говорил что-то тюремному надзирателю. Поравнявшись, Каваи снял амэгаса, и их взгляды встретились. Лицо Зорге сияло. Оно светилось той же верой и силой, что так запомнились в прежних встречах.

— Этот взгляд остался в памяти, как его последнее крепкое рукопожатие...— заключил Каваи.

Имени Ханako Исии не было в списках тех, кто помогал легендарному советскому разведчику Рихарду Зорге. Но эта седеющая японская женщина тоже совершила подвиг! Шесть лет, прожитых рядом с Зорге, и еще двадцать три долгих одиноких года, целиком посвященных памяти любимого человека, отданных тому, чтобы люди вокруг узнали о нем, смогли принести цветы на его могилу...

Ханako впервые встретилась с Зорге 4 октября 1935 года. Ресторан «Золото Рейна», где она тогда прислуживала в зале, славился немецкой кухней. Тут всегда было полно иностранцев. Видные коммерсанты, журналисты были его завсегдатаями.

Хозяин, господин Кетель, почтительно беседовал за столиком с незнакомым, широкоплечим мужчиной и, заметив Ханako, послал ее за шампанским.

— Этому господину сегодня исполнилось сорок лет,— сказал он.— Будь внимательна к гостю, Агнесс! В такой день надо быть веселым...

Девушки в «Золоте Рейна», носившие для удобства посетителей европейские имена, славились образованностью, искусством развлекать гостей изысканной и остроумной беседой. Но Ханako чувствовала себя на этот раз как-то скованно. Лицо Зорге показалось ей суровым и замкнутым. А взгляд даже испугал.

Сидя напротив и осторожно придерживая рукав кимоно, она подливала вино. Гость молча курил и небрежно ворошил рукой свои чуть вьющиеся каштановые волосы.

— Люди веселятся в день рождения, а вам, наверное, скучно у нас, — вымолвила наконец японка.

— Сколько тебе лет? — голос иностранца прозвучал неожиданно тепло.

— Двадцать три.

— Вот если тебе доведется встретить сорок так же далеко от родных мест, как мне, — поймешь, что это за событие.

Несколько дней спустя Зорге встретил Ханакo в магазине граммофонных пластинок и дружески улыбнулся ей.

— Ты так старалась скрасить мое сорокалетие, что придется тебя наградить, — пошутил он. — Бери в подарок любую пластинку.

Ханакo выбрала запись итальянского певца Джильни. Зорге — «Героическую симфонию» Бетховена.

Потом они часто слушали ее вместе. Зорге глубоко откидывался в кресле, забывая о сигарете, целиком захваченный вихрем бушующих страстей. А японке казалось, что бетховенская музыка написана специально для того, чтобы раскрыть перед ней душу этого человека, помочь понять и оценить ее красоту.

Уйдя из «Золота Рейна», Ханакo стала брать уроки пения. Как-то она спросила Рихарда:

— Верно ли говорят, что из всех языков итальянский самый музыкальный и певучий?

Зорге посмотрел на нее долгим взглядом:

— Самые красивые песни, девочка, русские.

Ханакo обрадовалась: среди ее любимых пластинок была «Дубинушка» Шаляпина. Она стала спрашивать о русских народных напевах. Но Зорге резко оборвал разговор и ушел наверх, сказав, что ему надо работать.

Такое, впрочем, случалось редко. Зорге был прекрасным и неутомимым рассказчиком. Японка часто не знала, чему больше удивляться: тому ли, как много знает этот человек, или тому, как много вещей его интересует. Ханакo была начитанной для девушки сво-

его поколения. Она увлекалась французской и русской литературой. Но Зорге своими расспросами часто ставил ее в тупик. Он восхищался стихами из «Манъюсю», штудировал японский эпос — «Кодзики», «Гэндзи моногатари».

— Не читала? Прочти обязательно,— строго говорил он.— Чтобы любить родину, надо знать ее старину.

Зорге скупал сборники народных песен — поэзию земледельцев и рыбаков. Собирал цветные гравюры. Но не красавиц художника Утамаро, которыми обычно только и интересуются иностранцы, а бытовые сцены, которыми славен Хиросигэ.

Глазам Ханako был открыт Зорге — журналист и востоковед. Но эти профессии не были лишь «крышей» для отвода глаз, а важнейшими слагаемыми успеха Зорге-разведчика. Лучшим ключом к нужным секретам была его признанная эрудиция. Именно она толкала людей (и в германском посольстве, и в журналистских кругах) на откровенность с ним. Эта эрудиция позволяла определить достоверность слухов, важность сведений и порой по крупицам собрать полную картину. Эта эрудиция давала возможность не только узнавать, но и оценивать, предвидеть. Зорге, по его собственным словам, никогда не отводил себе роль почтового ящика для сбора и передач фактов и фактиков. Изображать этого человека то ломающим голову над разгадкой похищенных шифрограмм, то играющим в прятки с сыщиками, значит снижать его образ до шаблонов заурядного кинодетектива.

— Родись я в другую, менее бурную эпоху, наверняка стал бы исследователем,— говорил как-то Зорге.

Дома Ханako чаще всего видела Рихарда за машинкой. Свет настольной лампы очерчивал его неподвижную спину, а пальцы летали по клавишам, как у пианиста-виртуоза. Он любил работать один, но однажды сам подвел Ханako к столу, на котором лежала высокая стопка исписанных листов:

— Видишь? Трехсотая страница. Не молодец ли Зорге? Кончает книгу о Японии. Неплохая будет книга. А могла бы быть еще лучше. Трудно, ох, как трудно порой подбирать слова.

С весны 1941 года стало все больше неотложных дел, и Зорге вовсе не притрагивался к стопке, прижатой тяжелой пепельницей. Так и пролежала она до ареста.

Где-то теперь эти страницы?

До самого конца войны Ханako Исии ничего не знала о судьбе Зорге. Только в октябре 1945 года, когда из тюрем были выпущены остальные осужденные, ей стало известно, что он повешен.

Газеты лишь коротко упомянули об этом. Некоторое время спустя Ханako случайно увидела на витрине журнального киоска броский заголовок: «Тайны дела Зорге — Одзаки».

...7 ноября 1944 года, в день 27-й годовщины русской революции, читала Ханako, приговор о повешении был приведен в исполнение в тюрьме Сугамо.

Когда утром в одиночную камеру вошел начальник тюрьмы и спросил имя, время и место рождения осужденного, Зорге понял, что наступил его последний час. В сопровождении конвоиров они прошли по гулкому коридору, пересекли тюремный двор, свернули за угол, где среди высоких стен было скрыто бетонное здание казней.

Первым ввели туда Одзаки. По обычаю он склонился перед нишей, где несколько свечей освещали позолоченную буддийскую статую.

«Жизнь и смерть — одно и то же для того, кто полагается во всем на милость будды», — слышались из темноты слова монаха.

Осужденный вскинул глаза, словно хотел возразить что-то, но тут же снова опустил их, зажег ритуальные свечи.

Следующим был черед Зорге. Он не остановился перед нишей, а сразу прошел в пустую камеру без окон, с виселицей посередине. Под ней не было ни табурета, ни ступеней. Лишь люк в бетонном полу, на крышку которого ставили осужденного. В ту последнюю минуту, когда тюремщики уже надели петлю и вот-вот должен был провалиться квадрат пола под ногами, Зорге улыбнулся и крикнул по-японски: «Собизэто! Секигун! Кёсансюги! — Советский Союз! Красная Армия! Коммунизм!»

Официальный медицинский акт засвидетельствовал, что сердце приговоренного оказалось на редкость сильным: пульс пропал лишь через 8 минут. Но всех, кто присутствовал при казни, еще больше поразила сила духа этого человека.

Останки Одзаки были переданы его жене. А тело иностранца, поскольку у него не могло быть родственников в Японии, закопали где-то среди общих могил в Дзосигая.

Последние строки брошюры взволновали Ханако глубже всего. Как обезумевшая, бродила она по кладбищу для неопознанных и бездомных, между рядами заброшенных холмиков, прижималась ладонями к высохшей траве и повторяла имя любимого человека, словно звала его.

Но именно в этот момент отчаяния жизнь вдруг снова обрела смысл. Найти останки Зорге, похоронить его, как подобает, рассказать людям о том, что это был за человек,— вот ее долг.

В один из журналов Ханако отдала 200 страниц своих воспоминаний «Зорге как человек». Но уже в начале 1949 года американцы опубликовали так называемый «доклад Уиллоби». Начальнику разведывательной службы генерала Макартура было поручено подать дело Зорге так, чтобы само слово «коммунист» выглядело синонимом понятий «предатель» и «шпион». Вашингтону, писали тогда американские газеты, хотелось тем самым «взорвать солидный антисоветский заряд в холодной войне».

Японская печать остерегалась выходить за рамки «доклада Уиллоби». Но сенсационные факты о советском разведчике вызвали такой интерес, что коммерческие соображения взяли верх. Журнал решился напечатать часть записок Ханако Исии, а в июне 1949 года они вышли отдельной книгой.

Не прошло и месяца, как за Ханако приехали трое американцев. Усадив женщину в машину, которая медленно кружилась вокруг парка, они принялись допытываться, почему при первом знакомстве Зорге называл ее Агнесс.

Хоть Ханако и была прежде далека от политики, она сразу поняла, в чем дело. Она знала из газет, что

Маккарти раздувает теперь клевету против знакомой Зорге по Шанхаю, известной американской писательницы Агнесс Смедли, направляя удар против Коммунистической партии США.

Агенты уехали, ничего не добившись. Но в сердце Ханако осталась тревога: все чаще сталкивалась она на пути к цели с другими враждебными силами. Она вновь поспешила на кладбище в Дзосигая, и зритель на этот раз порадовал ее. Чтобы освободить землю, недавно сжигали останки из непосещаемых могил. В одной из них покойник был похоронен лежа, не по-японски. Помня просьбу женщины, его оставили на прежнем месте. С помощью друзей Ханако сумела купить участок земли на кладбище и захоронить урну с прахом Зорге...

«Исполненная благодарности к людям,— пишет Ханако Исии в своих воспоминаниях,— я вернулась домой, подошла к фотографии Зорге, рассказала ему обо всем. И мне показалось, что я слышу в ответ его голос:

«Когда встречаешь смерть, самое главное — с чем умираешь, что сумел сделать для счастья людей. Не может быть человеколюбив тот, кто не любит свою Родину. Одзаки — японец. Смедли — американка. Я — наполовину немец. Защищая Советский Союз, мы, коммунисты, любим все человечество. Но для каждого из нас дорога родная земля, судьба своего народа...»

Так заканчивает Ханако Исии книгу своих воспоминаний. Читая слова, написанные ею от имени Зорге, видишь, что эта женщина не только сберегла память о дорогом ей человеке, но и поняла то главное, что сделало его героем.

Обвиняемые по делу Первомай

Кровь, что пролилась в тот день, каждый год вновь напоминает о себе: она проступает на полотнищах первомайских знамен, окрашивает их своим цветом.

Много лет прошло со времени побоища в центре Токио, на площади перед императорским дворцом. Но для японских тружеников «кровавый Первомай» 1952 года и поныне больше, чем история: это их сегодняшний день, сегодняшняя борьба. На долгие десятилетия затянулся судебный процесс.

— Первомай 1952 года выражал собой протест против увековечения американской оккупации, против сохранения военных баз США на японской земле,— рассказывает бывший металлист Окамото, которого остальные двести шестьдесят подсудимых избрали своим вожаком.

Мы беседуем в комнате, заваленной кипами листовок и брошюр.

Поминутно звонит телефон, и девушка за соседним столом снимает трубку со словами:

— Первомай слушает.

Так сокращенно именуется общество содействия обвиняемым по делу о Первомае. В открытое окно видно, как на плоской крыше соседней больницы среди сохнувших халатов и полотенец репетирует хор из нескольких десятков врачей и сестер. Звуки «Интернационала» врываются в нашу беседу, напоминая о том, что Первомай в Японии от рождения был днем международной солидарности.

Окамото рассказывает, что до войны пропеть «Интернационал» ему довелось лишь раз: подростком-подмастерьем он участвовал в первомайской демонстрации 1935 года, после которой праздник труда, мира и братства был запрещен милитаристской кликой. Едва тирания военщины пала, как праздник возродился вновь, причем местом массовых манифестаций стихийно стала площадь перед императорским дворцом. Ее назвали Народной. Сюда с 1946 года стали стекаться трудящиеся Токио на общегородскую маевку.

Но как только в 1950 году началась война в Корее, американские оккупационные власти запретили демонстрации перед императорским дворцом.

28 апреля 1952 года вступил в действие Сан-Францисский мирный договор, который увековечил пребывание на японской земле американских войск — уже

как «союзников». Демонстрация, состоявшаяся три дня спустя, стала выражением чувств, переполнявших тогда людей.

С отменой оккупационного режима юридически утрачивал силу и запрет проводить демонстрации перед императорским дворцом. Однако правительство упорно отказывалось признать это. Вот почему около пятидесяти тысяч человек — участников первомайского митинга — двинулись к центру города с лозунгом: «Верните Народную площадь!».

Стянутые ко дворцу полицейские отряды особого назначения не пытались преградить демонстрантам путь на площадь. «Надо заманить мышь в мешок», — гласил секретный приказ начальника полиции.

Поджидая, пока подтянутся задние ряды, люди рассаживались на лужайках, закусывали, пели песни. Руководителям колонн было объявлено: через полчаса провести заключительный митинг (на нем по традиции трижды скандируют лозунги демонстрации) и разойтись.

Однако не прошло и десяти минут, как черные каски, маячившие по краям площади, сомкнулись в сплошное кольцо. В центре Токио среди бела дня загремели выстрелы. Забросав демонстрантов гранатами со слезоточивым газом, полицейские открыли по ним огонь из пистолетов. Пулей в спину был убит рабочий Масáo Такахáси. Студенту Хирóси Кóндó нанесли дубинкой смертельную рану в голову, когда он пытался спасти упавшую рядом женщину. Около тысячи демонстрантов окропили своей кровью место маевки, в том числе двадцать три получили пулевые ранения.

Опомнившиеся от неожиданности люди дали отпор. В ход пошли дровяки знамен, камни. Разгневанная толпа перевернула и сожгла тринадцать автомашин, сбросила в крепостной ров перед дворцом несколько американских солдат и японских полицейских.

Демонстрацию, подвергшуюся полицейской расправе, назвали «бунтом». Тысяча двести тридцать ее участников были арестованы, из них двести шестьдесят человек отданы под суд.

Так началось «дело о Первомае», целью которого было спровоцировать новую волну репрессий.

Многолетняя битва, которую развернули обвиняемые по делу о Первомае, пронизана духом этого пролетарского праздника, духом солидарности и братства. Рабочие пожертвования в фонд «первомайцев» составили внушительную сумму. Лучшие адвокаты страны добровольно взяли на себя их защиту. И все же носить имя подсудимого в течение многих лет — не легкое бремя.

Когда арестованные демонстранты — кто через три месяца, кто через год — вышли из предварительного заключения, лишь тринадцать человек смогли вернуться на прежнюю работу. А тех, кому удавалось устроиться на новую, вскоре же увольняли под негласным нажимом полиции.

Особенно много выстрадал из-за этого обвиняемый Такэо Сига, который прежде сам был полицейским. Он начал службу в разгар американских бомбежек. Каждую ночь приходилось извлекать из-под развалин изуродованные тела, и Сига глубоко возненавидел войну. Поэтому, прочитав Стокгольмское воззвание, он начал собирать под ним подписи своих сослуживцев, за что был немедленно уволен в отставку.

Как и другие участники «кровавого Первомая», оказавшиеся под арестом, Такэо Сига получал ободрительные письма и передачи. Незнакомая студентка, связавшая для него теплый шарф, стала потом его женой и спутником на трудном жизненном пути.

— А меня, как избрали руководителем группы обвиняемых, так и пришлось из металлиста стать юристом, — шутит мой собеседник Окамото. — День за днем ходил по адвокатам да по рабочим собраниям: выступал, собирал пожертвования. Денег на процесс требовалось много, о себе думать было некогда. Спал тут же в конторе, питался сам не знаю на что. А ведь на плечах у меня была еще жена с сыновьями: одному пять, другому два. Теперь оба уже выросли, работают. Но когда прохожу мимо игрушечного магазина, до сих пор щемит сердце: никогда за

все их детство не мог купить своим детям ни одной игрушки...

Шесть с половиной миллионов тружеников выходят ежегодно на улицы японских городов с пением «Интернационала», чтобы провести в день 1 Мая боевой смотр сил и готовности отвоевывать и защищать добытые в упорной борьбе права. Оно неотвратимо, как весна,— это майское цветение. Оно словно дает ответ на стихи Токуко Кондо — матери студента, погибшего на демонстрации в центре Токио:

Мой сын убит,
накройте тело флагом.
Пусть ткань вберет в себя
всю кровь по капле,
Чтоб от нее
другие флаги заалели.

Черные корабли

Утро над бухтой Симóда было тихим и прозрачным, как всегда после ненастья. В горах жужжали шмели, ошалевшие от цветения жасмина. Женщины ворошили бурые охапки водорослей, разложенных для просушки на прибрежных камнях. На бетонном волноломе, что как мост протянулся к середине бухты до острова Бегущей собаки, еще не было видно экскурсантов. Лишь старая рыбачка пекла на углях витые раковины, подливая воду в их булькающее нутро.

Грохот орудий расколол тишину. Прямо на Симоду шли два американских эсминца.

Старуха ахнула и замерла с наклоненным чайником в руке. Угли яростно зашипели.

Проезжий почтальон спрыгнул с велосипеда и тоже устоялся на море.

— Не узнала разве: «черные корабли». Напоминают, чтобы не забыли,— усмехнулся он.

Эсминцы Седьмого флота салютовали Симоду в память о майском утре 1854 года, когда паровые фрегаты «Миссисипи» и «Сасквеханна» стали на якорь возле острова Бегущей собаки. Момент этот увековечен на старинной картине, которую показывают тури-

стам в храме Рёсендзи: горожане в панике бегут кто куда, волоча узлы со скарбом.

«Город был охвачен смятением. Японцы были повергнуты в страх вооружением и размерами американских «черных кораблей», как они прозвали поразившие их паровые суда, которые вошли в бухту против ветра. Под угрозой орудий американских кораблей у правителей Японии не было иного выбора, как подписать договор с Соединенными Штатами» — так описывает историк появление эскадры commodora Перри, посланного силой взломать запертые двери Японии.

Симода был первым портом, открытия которого добился американский commodor. А церемония встречи Перри с японскими властями произошла в храме Рёсендзи. О ней можно судить по картине другого, уже американского очевидца, оригинал которой находится в Вашингтоне, а фотокопия выставлена на месте события.

...Перед храмом ошестинившийся ружьями строй американских моряков, рядом — гаубица, за ней по двору катят еще две, бьют барабаны. Офицер подает команду обнаженной саблей. А напротив группа японцев в старинных кимоно. Можно подумать, что здесь зачитывается не договор, а приговор.

Добавим, что историка, которого мы цитировали выше, не обвинишь в антиамериканской тенденциозности, ибо это не кто иной, как бывший посол США в Японии Рэйшáуэр.

Нужно быть начисто лишены чувства юмора, чтобы перелицевать Перри в некоего благодетеля Японии, а приход «черных кораблей» отмечать как день американо-японской дружбы!

Еще в годы оккупации стараниями генерала Маккартура над бухтой Симода появилось аляповатое сооружение в стиле вашингтонской псевдоклассики — орел, распластавший крылья над надписью: «Памятник открытия страны». Не забывайте, мол, что Япония без Перри — все равно что Америка без Колумба.

Затем перед памятником установили еще одну каменную плиту с многозначительным добавлением:

«Фундамент японо-американского союза был заложен в Симоде. 19 мая 1960 года».

Вся суть заключена в дате. Нет, это не очередной День «черных кораблей». Для японских патриотов это просто черный день. 19 мая 1960 года двести шестьдесят членов парламента от правящей либерально-демократической партии, собравшиеся в зале нижней палаты, в отсутствие представителей оппозиции стоя проголосовали за торопливо прочитанный проект резолюции. Так был ратифицирован «договор безопасности», узаконивший пребывание на японской земле американских военных баз.

Первый неравноправный договор, который Перри силой навязал Японии в 1854 году, и «договор безопасности» 1960 года. Кто бы предполагал, что люди, вздумавшие обелить «черные корабли», сами проведут такую историческую параллель!

Стоило ли поднимать рекламную шумиху вокруг имени Перри? В порты Японии навевываются новые «черные корабли» — атомные подводные лодки.

В Сасебо японцы издавна приезжали любоваться красотой девяноста девяти островов. Бессчетные зеленые холмы встают из лазурной глади моря, образуя кружевной узор проливов.

Как вопиюще чужд этой картине вторгнувшийся в нее инородный штрих — длинное тело атомной подводной лодки! Черное и блестящее, оно появилось среди рыбацких лодок на глади залива как некое недоброе чудище. Сверху, словно птицы, ищущие поживы возле хищника, кружились полицейские вертолеты.

Да, это был действительно «Морской дракон», ибо именно так называлась первая американская атомная подводная лодка, зашедшая в японский порт Сасебо.

Это был первый из новых «черных кораблей», который подошел к берегам Японии после настойчивых домогательств Пентагона и вопреки не менее упорным протестам японских патриотов.

Еще с ночи по дорогам, ведущим к Сасебо, двигались вереницы полицейских грузовиков. Все наличные силы префектуры Нагасаки были удвоены за счет соседних префектур Фукуока, Сага, Кумамото и стянуты в Сасебо. Вместо обычных мундиров на по-

лицейских были черные каски и такие же холщовые комбинезоны — полевая форма, своего рода спец-одежда для таких вот страданных дней.

«Морского дракона» встретили подобающим ему «драконьим танцем» — знаменитым «зигзагом», когда колонны демонстрантов уже не идут, а бегут в ногу, извиваясь, как исполинские змеи.

Перед проволочной оградой американского военноморского штаба пестрые ряды столкнулись с черным полицейским строем. Мелькали каски, трещали бамбуковые флагштоки. Возле белой санитарной машины кому-то торопливо делали перевязку. Серый «джип» увозил арестованных. По радио передавали обращение губернатора префектуры Нагасаки. Он убедительно просил жителей Сасебо «сохранять спокойствие и здравый смысл».

Но совместимо ли спокойствие со здравым смыслом здесь, в той самой префектуре, где стоит памятник жертвам грибовидного взрыва? Атомная смерть обрушилась на жителей Нагасаки с неба. Могут ли они оставаться спокойными, увидев ее рядом вынырнувшей из-под воды?

Ледяное безмолвие толпы встретило в свое время Перри, когда он под прикрытием гаубиц высаживался на японском берегу. Окажись теперь коммодор на борту «Морского дракона», он узнал бы, что такое гневный голос Японии.

Судьба Микурадзимы

Зимнее море отсвечивало холодной сталью. Возле костра, разложенного у прибрежных скал, торопливо раздевались два человека. Они сложили одежду в непромокаемый мешок, в последний раз протянули к огню руки и бросились в ледяную воду.

Толпа на берегу молча следила за тем, как с дрейфовавшего в отдалении судна пловцам бросили канат и по одному подняли их на борт.

Почти все население острова Микурадзимы вышло провожать старосту Хиросе и почтаря Куримото. Ка-

кая же нужда заставила двух ходоков среди зимы вплавь добираться до проходящего парохода, чтобы попасть в столицу?

Накануне жителей Микурадзimy будто громом поразило известие: их остров приговорен.

Его хотят превратить в мишень для американских бомб.

Микурадзима лежит в 220 километрах южнее Токио. С борта самолета остров видится таким, каким облюбовали его когда-то перелетные птицы: темный выпуклый камень, вправленный в лазурь моря серебряным кольцом рифа.

Микурадзима — это вершина подводной горы. Вулкан, поднявшийся когда-то из океанских глубин. Это одинокая глыба диаметром в пять километров, всегда опоясанная кипящей пеной. Ни бухточки, ни песчаной косы — лишь утесы, о которые бьются рассерженные волны.

Ни одно судно не может пристать к острову даже в тихую погоду. А как подует западный ветер, к берегу не подойдешь и на шлюпке. Окрестные воды, соседствующие с теплым течением Куроисио, богаты рыбой. Но никто из жителей не выходит перед рассветом ставить сети. На Микурадзиме нет ни одной рыбацкой лодки — некуда пристать, нет порта, где можно было бы укрыться от непогоды.

Этот маленький мир весь состоит из крутых каменных склонов. Вместо возделанных полей — клочки огородов. Вместо дорог — змеящиеся то вверх, то вниз тропинки. Есть тут один велосипед, купленный по просьбе детворы. Но дальше школьного двора на нем никуда не выедешь.

Судя по найденным на острове древним керамическим сосудам, люди селятся здесь уже много веков. Чем же живут они на пятнышке суши, где невозможно ни земледелие, ни рыболовство?

Единственное богатство Микурадзimy — девственный самшитовый лес. Мужчины валят кряжистые, неподатливые деревья. Женщины на спинах перетаскивают короткие бревна к берегу. Когда возле острова один-два раза в месяц останавливается судно, население от мала до велика спешит на берег. Ибо нет

дела, более важного и трудного, чем с помощью канатов и шлюпок переправить на корабль самшитовые плоты, древесный уголь и принять товары для местной лавочки.

С расчетом на тысячелетия творит свою работу океан, обтачивая выступы скал. Медленно растет дерево веков — самшит. И, словно повинуюсь тем же законам, смиряло здесь свой бег само время. Годы катились чередой, как морские волны, почти не оставляя следов. Глухо донесся слух, что остров собираются включить в государственный заповедник. Зачем? Сам океан позаботился о том, чтобы сохранить здесь в заповедной нетронутости не только природу, но и жизнь людей.

Пришла как-то весть, что принят закон о помощи отдаленным островам. Она впервые породила мысль о возможности каких-то перемен в привычном укладе. Появились надежды, ожидания: вот если бы правительство помогло построить на острове порт, проложить дорогу!

Одни верили в это больше, другие меньше. Но никто не мог ожидать, что вмешательство извне в уединенную жизнь острова будет в то же время означать конец этой жизни. Едва ли пробуждение подводного вулкана взволновало бы островитян больше, чем сообщение, что их Микурадзиме суждено стать полигоном для американских самолетов.

Американцы... Было бы неверно сказать, что жизнь острова никогда не имела ничего общего с этим словом. В 1863 году шторм вышвырнул на скалы возле Микурадзимы парусник «Викинг» со звездно-полосатым флагом на одной из трех своих мачт.

Тогдашние правители Японии строжайше запрещали какое-либо общение с иностранцами. Но даже суровое повеление властей не могло удержать островитян от того, что казалось им естественным долгом. Они бросились на помощь потерпевшим кораблекрушение и спасли всех, кто был на борту: 481 американца вместе с капитаном Бенджамином Смитом.

Разместить, одеть, накормить всех их было делом нелегким: население островка разом утроилось. Для

неожиданных гостей освободили половину всех имевшихся домов и целых три месяца делились с ними скудными запасами. Прощаясь, американцы говорили, что никогда не забудут своих спасителей. В память об этом чугунный брашпиль с «Викинга» был установлен в храме, который считается хранителем благополучия острова.

Чем же хотят теперь отблагодарить микурадзимцев потомки капитана Смита? Неужели целый остров с его лесами и селениями должен быть принесен в жертву богу войны?

О превращении Микурадзимы в полигон заговорили после переброски на американскую авиабазу Йокота сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков F-105. Самолеты эти приближаются к цели на бреющем полете и лишь над объектом атаки круто взмывают вверх.

Боевые учения летчиков с Йокоты и прежде дорого обходились окрестным жителям. Около двухсот бомб падало за пределами полигона Мито, по соседству с которым, как на грех, расположен японский институт ядерных исследований. Отрабатывать на сверхзвуковых скоростях новый способ бомбометания рядом с действующим атомным реактором оказалось уж чересчур рискованно. Так был вынесен приговор Микурадзиме.

«Кто услышит, кто поймет тревогу и смятение жителей безвестного одинокого острова среди шума, суеты, многолюдия столицы?» — думали староста и почтарь, отправляясь в Токио. Они считали себя двумя просителями от 283 островитян. Но, добравшись до Йокоты, увидели, что того же требуют сто тысяч человек от имени миллионов.

Двое японцев, с детства привыкших к величию океанских просторов, были потрясены безбрежностью этого людского моря, тысячеустым кличем, похожим на прибор: «Вон F-105 с японской земли!», «Не допустим превращения Микурадзимы в полигон! Янки, убирайтесь домой!»

Сто тысяч демонстрантов собрались в тот день возле Йокоты. Но разве можно одной лишь этой цифрой выразить величие бескрайней толпы, которая

превратила опутанный колючей проволокой аэродром в остров среди гневно бушующих волн!

Колонну окрестных жителей вел учитель Мицуру Гото. Во все концы Японии разошлась брошюра «Шум самолетов», которую написал от руки и размножил на ротаторе этот человек. Много выходит в Японии прекрасно изданных книг. Но редкая из них способна так всколыхнуть сердца, как эти десять страниц, отпечатанных вручную на грубой сероватой бумаге.

Учитель Гото не добавил ни слова от себя. Он просто собрал отрывки из школьных сочинений своих учеников. «Шум самолетов» — это крик детской души, истомившейся от постоянной близости крылатой смерти. Это выраженная языком ребенка мечта о тихом небе. Мечта, столь понятная тысячам японцев, которые и теперь, в дни мира, вынуждены постоянно видеть перед собой хищный лик войны, слышать ее голос.

Колючая проволока авиабазы Йокота вплотную подходит к поселку Акидзима. Пилотам реактивных бомбардировщиков, наверное, хорошо знаком гребень длинной крыши, что выделяется среди тесной неразберихи домишек и переулков как раз за взлетной полосой. Это и есть начальная школа номер два, где учителемствует Мицуру Гото.

Когда громада бомбардировщика, едва оторвавшегося от земли, низко пронесется над школой, кажется, будто небо, вдруг расколотое на куски страшным ударом, тяжелыми глыбами рушится на землю. Стены содрогаются от грохота, пол ходит ходуном, как при землетрясении. В такие минуты нельзя понять, говорит ли учитель или только шевелит губами. Да если бы он и мог перекричать этот немислимый гул, разве дошли бы до класса его слова?

У Гото сжимается горло, когда он видит, как бледнеют детские лица, вздрагивают губы, как инстинктивно втягиваются в плечи склоненные головы. Ведь все это, как кошмар, уже прошло перед ним в детстве, в годы войны. Когда на Японию падали американские бомбы, его учеников не было на свете.

Возможно, и не стоило бы рассказывать им про случай с американским реактивным истребителем на Окинаве — он врезался в школу, расположенную по соседству с аэродромом, и в пламени взрыва сторело много детей. Но дирекция получила указание: извлечь урок, принять меры предосторожности. И вот каждый месяц звучит по коридорам сигнал учебной тревоги, и все, от первоклассников до престарелых педагогов, спешат выполнять инструкцию: как можно скорее выскочить из здания и отбежать от него подальше.

Только не самообман ли это? За оградой, на территории базы есть другая, американская школа.

Когда там начинает выть сирена, светлоголовые веснушчатые мальчишки также высыпают на улицу. Но их тренируют не просто разбежаться по сторонам, а быстро взбираться по трапу на транспортный самолет, который всегда стоит наготове.

Поселок Акидзима не фигурирует в туристских путеводителях. Но по воскресеньям туда часто приезжают большие группы людей. И всегда перед этой молчаливой, сосредоточенно слушающей толпой можно видеть фигуру учителя Гото.

Он ведет гостей вдоль проволочных заграждений. Налево, между густо рассыпанных крестьянских домов втиснуты лоскутки ячменных полей, формой, цветом да, пожалуй, и размерами напоминающие разостланные циновки. А направо разительным контрастом раскинулся простор аэродрома Йокото. Сколько земли в краю безземелья обречено на бесплодие там, за колючей проволокой!

Поход обычно заканчивается у школы. Страницы брошюры «Шум самолетов» здесь словно оживают. Дети сами читают отрывки из своих сочинений, а взлетающие и садящиеся бомбардировщики напоминают гостям, что небо над Акидзимой никогда не бывает тихим.

Хоть и часты аварии при взлете и посадке, отнюдь не в них главная опасность, исходящая от баз. Гнездилище носителей водородных бомб — это магнит, который в случае использования их для агрессии навлечет на себя первый же грозный ответный удар. Те, что обосновались за колючей проволокой в чужой

стране, отдают себе отчет в этом. Они готовятся за несколько минут поднять в воздух не только боевые машины, но и свои семьи.

А японцы — где искать им спасения на собственной земле?

Слово «Микурадзима» с тревогой зазвучало на устах не только потому, что народу дороги судьбы 283 соотечественников. Участь острова, приносимого в жертву чужеземному богу войны, напомнила, что опасность стать мишенью угрожает всей Японии.

Восемь углов под одной крышей

Каково место Японии в современном мире? Какова ее новая роль? Что нужно ей для того, чтобы выступать на международной арене действительно как великой державе?

Эти естественные раздумья приобретают в Японии отнюдь не отвлеченный характер. Они стали острой политической проблемой, ибо на них пытаются спекулировать. Кое-кто старается вбить в головы молодежи, что быть мировой державой Японии мешает отсутствие неких «национальных целей». Дескать, выкорчевали из умов милитаризм и шовинизм, но ничего другого взамен не насадили. Вот и возникла «духовная пустота», помеха национальному самосознанию...

Здоровое чувство национальной гордости расцветает на почве доброжелательства и уважения к другим народам. Но у тех, кто кричит об «идейном вакууме», на уме другое. Именно по настоянию этих кругов вновь объявлен государственным праздником день восшествия на престол мифического императора Дзимму, а 11 февраля 660 года до нашей эры стало считаться датой основания японского государства.

Прогрессивная общественность возражала не только потому, что этот взятый из легенд факт оспаривается наукой.

«Вплоть до конца войны,— писала газета «Иомиури»,— японских детей учили не историческим фактам,

а мифам. Их учили, что Япония — священная земля, управляемая никогда не прерывавшейся династией потомков Дзимму. Их заставляли заучивать девиз Дзимму: «Восемь углов мира под одной крышей».

Идея, заложенная в этом девизе, составляла духовную основу агрессивной, империалистической, воинствующей, ультранационалистической Японии.

Народу внушали, что божественное предназначение Страны восходящего солнца — собрать «восемь углов мира под одной крышей» (то есть объединить под властью Японии все страны света).

За шовинистический угар, за алчные планы «Великой восточной Азии» пришлось расплачиваться дорогой ценой...

Солдаты уходят на войну. Тот, кто шагает во главе колонны, вместо винтовки несет на плече двухметровую деревянную ложку, всю исписанную иероглифами. Это увеличенная до гигантских размеров самодзи — круглая лопаточка, какими в японских семьях раскладывают рис из котла в миски. Подарить большую самодзи — значит выразить пожелание: загрести добычу лопатой. С таким напутствием провозжали войска.

А вот встреча. Тот же строй, та же походная форма, только без винтовок. Что несут солдаты вместо них? Бережно, словно только что полученную награду, каждый прижимает к груди аккуратный белый ящичек. Колонна награжденных? Нет, это возвращаются домой останки тех, кто погиб на заморских фронтах. Три миллиона урн, обтянутых белым траурным крепком, — вот трофей, который принесла японскому народу война.

Оба этих снимка помещены в изданном газетой «Майнити» фотоальбоме «История Японии в войне». Страницы его бесценны не только самой своей документальностью. В книге собраны как раз те снимки, которые наиболее правдиво отразили лицо войны и потому были скрыты от взоров народа: цензура ставила на них клеймо «Запрещено».

Со времени вторжения в Маньчжурию в сентябре 1931 года и до капитуляции в сентябре 1945 года в «Майнити» скопилось 24 038 таких фотографий, кото-

рые газета не могла опубликовать. Однако сотрудники редакции тайком хранили их, желая сберечь запрещенные кадры для истории, для будущих поколений.

Расправы над чужими пленными и брустверы из трупов своих солдат.

Горящие японские города и бездомные жертвы налетов, бредущие с узлами неведомо куда.

Все это летопись того, как от девиза «собрать восемь углов мира под одной крышей» в 1940 году военщина довела страну до культа самоубийств в 1945-м.

Фабриканты оружия гребли барыши большой лопатой. Но народу пришлось дорого расплачиваться за девиз Дзимму. Цена эта определена и подсчитана не пером историков, а выписана на семейных могильных плитах.

Вот лишь одна из таких бесчисленных надписей на кладбище, расположенном неподалеку от монумента Дзимму:

Хисасада Кавакубо,

*28 лет, летчик, сбит над Амоем (Южный Китай)
16 мая 1938 года.*

Сабуро Кавакубо,

27 лет, подводник, погиб в южной части Тихого океана 12 июля 1944 года.

Сиро Кавакубо,

24 года, летчик, убит американской бомбой на аэродроме острова Трак 30 апреля 1944 года.

Теруо Кавакубо,

23 года, моряк-смертник, взорвался вместе с торпедой у берегов Новой Гвинеи 12 января 1944 года».

Живым в этой семье остался лишь пятый из сыновей — Хидео Кавакубо, который во время войны был еще школьником и вместе с одноклассниками отбывал трудовую повинность на военных верфях Сасебо.

«К погибшим братьям я отношусь с благоговейным уважением, как к людям, которые сделали все, что требовал тогда от них долг,— пишет Хидео.— И все же, спрашивая себя сейчас, в чем был смысл

этих жертв, я могу думать о судьбе братьев лишь как о напрасно загубленных молодых жизнях. Я считаю, что единственный способ оправдать тяжкие утраты минувшей войны — это посвятить свою жизнь миру, миру без войн».

Как раз в то время, когда вышел юбилейный фотоальбом, на страницах японской печати развернулась дискуссия о том, что следует знать о минувшей войне подрастающему поколению.

Профессор Сабуро Иенэга, автор учебника «Новая история Японии» для старших классов, демонстративно подал в суд на министерство просвещения за то, что оно добивается внесения в текст все новых и новых поправок. Суть изменений — постепенный отход от оценки минувшей войны как преступного акта со стороны тогдашних правителей Японии — милитаристской клики.

Мысль, которая поначалу исподволь протаскивалась между строк, возможно, и не наделала бы такого шума, если бы тенденция эта не обнажилась вдруг совершенно наглядно. По договоренности с министерством просвещения издательство «Сёсеки» вздумало заменить иллюстрации в разделе «Война и жизнь населения». Вместо женщин, томящихся в очереди за продовольственным пайком, появилась фотография совсем иного плана: премьер Тодзио отечески утешает детей павших воинов.

Страница учебника попала в газеты, вызвала поток негодующих писем.

«Что хотят внушить учащимся этой иллюстрацией? — писал в газету «Асахи» школьник Кёйко Хёмма из города Сендай. — Я хорошо помню снимок Дальневосточного военного трибунала, который, кстати, тоже отныне изъят из учебника. Учитель рассказывал, что главные военные преступники понесли на этом суде должное наказание. Был приговорен к смертной казни и Тодзио. Неужели мы должны теперь смотреть на него как на героя? Можно ли позволить нам расти без знания ужасов войны?»

Учителя верны клятве

Все шестьсот тысяч,
Как один, верны клятве.
Это мы, это мы — Никкёсо.

Где только не услышишь гимн Всеяпонского профсоюза учителей «Никкёсо»! Его поют стоя, взявшись за руки, сомкнув плечи и раскачиваясь в такт.

...Дальняя юго-западная оконечность острова Сикбуку. Прибрежный поселок, весь завешанный гирляндами вяленой рыбы. Ветки цветущей вишни заглядывают в распахнутые окна школы, оттуда в весеннем воздухе далеко разносится пение. Учителя прощаются с выпускниками. Ну что ж, можно верить в этих подростков! Вон с каким упоением вторят они песне своих воспитателей:

Небо окрашено заревом рассвета.
Для молодежи укажем верный путь.
Это мы, это мы — «Никкёсо».

Учителя прощаются и друг с другом. Как всегда, в конце марта, когда в Японии завершается учебный год, отделы народного образования объявляют очередную перетасовку преподавательских кадров: одних — отсюда туда, других — оттуда сюда, чтобы не слишком глубоко пускали корни за пределами школы.

Ну что ж, даже год-другой на одном месте не проходит бесследно. Вон вполголоса подпевают пожилые женщины, что работают у сетей. Пусть разъедутся из поселка знакомые учителя, останется Союз вдов-рыбачек, созданный по их совету, чтобы противостоять произволу местных воротил.

...Глубокие снега префектуры Иватэ. Березовые рощи, где дымятся редкие костры углежогов. Затерявшаяся между сугробами школа. Поленица длинной во всю стену. В каждой из двух комнат занимаются по три класса, не считая малышей, копошащих-

ся возле железной печки. Старшие привозят их изда- лека на санках: дома оставить не с кем. Здешним школьникам привычно сидеть за партой с двухлетним карапузом, привязанным за спиной.

Двое преподавателей — муж и жена — живут тут первый год, но уже успели завоевать не только серд- ца детворы.

— Кроме трудностей, работа в таких глухих ме- стах имеет и свои преимущества,— говорят они.— На школьного учителя в разобщенных горных селениях привыкли смотреть как на учителя жизни. К нему идут за советом, просят разрешить спор. Такое дове- рие — и большая ответственность, и готовый мост к людям. Мы начали с вечеров для сельской молодежи: пока беседуем о прочитанных книгах, спорим. Здеш- ние лесовладельцы уже бросают на нас косые взгля- ды, грозят пожаловаться, что, мол, ведем в школе «красную пропаганду». Ну что ж, перебросят в дру- гое место — мы и там останемся самими собой.

Взглянешь на их озаренные лица и до глубины души чувствуешь, какая это могучая общественная сила — шестьсот тысяч наставников молодежи, объ- единенных клятвой: «Никогда больше не пошлем на- ших учеников на поле боя!».

Именно под этим девизом родился после войны Всеяпонский профсоюз учителей. Люди, воспитавшие поколения пилотов-смертников, с болью осознали тра- гизм своей причастности к превращению школы в сле- пое орудие милитаристских сил, которые довели стра- ну до национальной катастрофы. Ведь именно разду- ванию шовинистического угара служил пресловутый рескрипт «О верности трону, созданному одновремен- но с небом и землей», или идея о «божественном предназначении» Японии: «Собрать восемь углов ми- ра под одной крышей».

Все эти устои старой школы были в корне отверг- нуты сразу же после капитуляции. Взамен их были провозглашены мир, демократические свободы, ува- жение к человеческой личности. Была введена систе- ма выборности местных органов народного образова- ния, а учителям предоставлена свобода политической деятельности.

Когда несколько лет спустя, с началом войны в Корее, американские оккупационные власти попытались изменить курс в вопросах народного просвещения, им уже противостояла мощная организованная сила в лице Всеяпонского профсоюза учителей.

«Никкёсо» неизменно борется против нажима со стороны властей, пытающихся сковать политическую деятельность учителей и взять под контроль содержание школьных программ.

В 1958 году по всей Японии прокатилась широкая волна протестов против так называемой переаттестации учителей, под предлогом которой власти пытались учинить в школах «чистку от красных». Особенно острой была борьба в префектурах Кёти, Ивэте и Киёто, где во время забастовок преподавателей и школьников доходило до столкновений с полицией.

В бурном 1960 году школьные учителя — в первых рядах борцов против военного союза Вашингтон — Токио. Именно тогда министр просвещения заявил:

— Раз «Никкёсо» выступает против «договора безопасности», значит, это не профессиональный союз, а политическая организация. Пока он не прекратит заниматься политикой, учинять стачки и демонстрации, пока он не вычеркнет марксистские лозунги из своей программы, министерство просвещения не будет признавать его как профсоюз.

Защитить демократические принципы народного образования от посягательств реакционных кругов — вот позиция, на которой непоколебимо стоит Всеяпонский профсоюз учителей. Не раз предпринимались попытки внести раскол в его ряды. Уйма денег была потрачена, чтобы сколотить в противовес ему некую «педагогическую лигу», «учительское общество». Но все эти раскольнические организации захирели, так и не завербовав последователей.

«Никкёсо», который объединяет в своих рядах восемьдесят процентов преподавателей первых — девярых классов и пятьдесят процентов преподавателей десятых — двенадцатых классов, остается влиятельнейшей силой в народном образовании. Он остается силой, формирующей умы и сердца почти двадцати миллионов японских школьников.

Носители девиза «Никогда больше не пошлем наших учеников на поле боя» поют в своем гимне:

Все шестьсот тысяч,
Как один, верны клятве.
Это мы, это мы — «Никкёсо».

Стихия и труд

...Когда бог Идзанаки спускался с небес, чтобы отделить земную твердь от хляби, он ударил своим всемогущим копьём по зыбко колыхавшейся внизу пучине. И тогда с его выдернутого назад копья упала вереница капель, образовав изогнутую цепь островов.

Сотворение Японии, которому посвящена давняя легенда, еще не завершено. Капли, упавшие с исполинского копья, еще не застыли окончательно. Молодая суша из конца в конец вздулась волдырями вулканов, то и дело ходит ходуном из-за землетрясений.

Японцам приходится жить словно на вздрагивающей спине, которую выставил из пучины океанский дракон. Вулканические извержения и подземные толчки для них — не редкая трагическая случайность, а скорее нечто неизбежное, как жара летом или холод зимой.

Все это воспитало в японском характере стойкость к внезапным ударам судьбы. Бог удачи Дарума — разновидность ваньки-встаньки в японском народном искусстве — олицетворяет собой девиз: «Семь раз упасть — восемь раз подняться».

Вереница окаменевших капель, что, по преданию, упали со всемогущего копья, заканчивается на юге вулканом Сакурадзима. Эта огнедышащая гора воплощает собой соединение ярости и ласки, необузданность разрушительных и созидательных сил природы, соседство первозданного хаоса с упорством человеческого труда.

Во время последнего извержения огненные потоки лавы заставили шаг за шагом отступать яростно вскипавшее море. В этом противоборстве враждебных стихий родилась тихая бухта, названная Атласной.

Склоны Сакурадзимы напоминают фантастический неземной пейзаж. Это не нагромождения валунов, какие оставляет ледник, и не осыпи. Это не скалы — не скажешь, что их кололи. И не утесы — непохоже, чтобы их тесали.

Кажется, какой-то великан яростно резал лопатой и еще яростнее швырял из кратера гигантские комья глины, которые налипали друг на друга, искривлялись, корежились и твердели. Эти изгибы и выгибы, отпечатавшие следы буйства стихий, обрываются в ласковую гладь залива. Здесь, в рожденной извержением бухте, люди умудрились теперь выращивать жемчуг.

А с мертвым юго-западным склоном соседствует царство зелени. Окаменевшие лавовые потоки превращены в ступени террас для плантаций мандаринов и бивы. Кажется, будто деревья усыпаны большими белыми цветами, но цветы эти бумажные. Таким кулечком садовод оберегает каждую завязь. Тут вызревают самые ранние в Японии фрукты, которые уже в апреле вывозят на продажу.

Япония — это страна, где природа и человек состязаются в неистовстве. Здесь постоянно дает о себе знать необузданность стихийных сил. Но здесь же на каждом шагу видишь следы упорного труда — нечеловечески человеческого.

Природа здесь не только жестока, но и скупа. Пять шестых японской земли составляют крутые горные склоны. И лишь одна шестая остается человеку — тут и поля, возделанные словно клумбы, и города, и заводы. Япония столь же гориста, как и Швейцария, но ее равнинная часть заселена в пять раз плотнее. Порой кажется, что несметная рать гор захватила эту страну для себя, оттеснив людей к побережью.

Потребовался поистине подвиг бесчисленных поколений земледельцев, чтобы превратить горные склоны в уступчатые террасы рисовых полей, в чайные и тутовые плантации; чтобы, возделав каждый клочок земли, кормить сто двадцать миллионов человек, имея на всю страну лишь шесть миллионов гектаров пашни.

Даже воды внутренних заливов заштрихованы темными полосами, словно борозды вспаханных полей. Это плоты, к которым под водой привязаны корзины с жемчужными раковинами. Жемчуговодство олицетворяет собой способность японцев находчиво восполнять скупость недр своей страны.

Ведь жемчужина, выращенная человеком, как и крохотный транзисторный телевизор, на который затрачено ничтожное количество сырья, олицетворяет собой ценности, созданные будто бы из ничего, — это овеществленный труд и разум.

Остановимся на перекрестке улиц Токио. Окинем взглядом фасады современных зданий, потоки автомашин, толпы людей — все то, что составляет бурное кипение жизни крупнейшего города мира. С трудом укладывается в голове, что металл, из которого созданы стальные эстакады над улицами, каркасы небоскребов, кузова бесчисленных автомашин, целиком привезен в виде руды из других стран.

Нефть, которая приводит в движение автомобильные потоки и турбины электростанций, заливающих город рекламным сиянием, доставлена гигантскими танкерами из-за морей. Каждый грамм хлопка или шерсти в одежде людей на улице тоже откуда-то привезен.

Япония, которая по выплавке стали вплотную приблизилась к СССР, которая по выпуску автомашин опередила Соединенные Штаты, которая спускает на воду половину всех строящихся в мире судов, вынуждена ввозить 80 процентов необходимого ей промышленного сырья и почти 30 процентов продовольствия. Она стала третьей индустриальной державой мира, будучи богата лишь одним видом ресурсов — трудом.

Чтобы существовать в подобных условиях, Японии приходится быть гигантским обрабатывающим заводом и одновременно — торговой фирмой. Как можно дешевле приобрести сырье и, обогатив его вложенным трудом, как можно выгоднее сбыть в виде готовой продукции.

Потерпев поражение в войне, Япония лишилась своих колоний, возможностей эксплуатировать недра

захваченных земель, рабский труд корейских и китайских рабочих. Кое-кто считал, что экономика бывшей метрополии окажется нежизнеспособной. Но подобные прогнозы не сбылись.

В отличие от других капиталистических государств Япония приступила к послевоенному восстановлению, не испытывая нехватки в квалифицированных кадрах. Вернулись на родину люди, накопившие управленческий опыт на заморских территориях. К тому же многие отрасли, работавшие на военные нужды, например, металлургия, судостроение, оптика, сохранили костяк опытных специалистов. Наряду с высоким общеобразовательным уровнем молодежи в целом все это обеспечило промышленности достаточный приток квалифицированных кадров.

Что касается отсутствия собственного сырья, то, по мнению японских предпринимателей, на каком-то этапе это даже помогло их стране совершить стремительный рывок вперед. Япония, считают они, смогла сосредоточить все силы на создании самых новых и перспективных отраслей индустрии именно потому, что у нее не висели гири на ногах добывающие отрасли — наименее рентабельные, наиболее трудоемкие и капиталоемкие.

Избавив себя от обременительных расходов на модернизацию рудников, шахт, железнодорожных перевозок, японские монополии сделали ставку на морской транспорт, на его новые возможности, открывшиеся с созданием крупнотоннажных судов и механизацией погрузо-разгрузочных работ.

Бедная полезными ископаемыми, Япония богата... побережьем. Это оказалось огромным преимуществом для страны в условиях удешевления морских перевозок. Извилистая береговая линия Японских островов создает благоприятные условия для того, чтобы почти каждое промышленное предприятие, перерабатывающее импортное сырье в экспортную продукцию, имело собственный порт.

Если старые металлургические заводы строились вблизи угольных шахт Кюсю или Хоккайдо, то теперь они создаются «на воде». С одной стороны насыпного участка оборудуется приемный порт, где руда,

уголь и другое сырье прямо с судов поступают в обработку. А на противоположной стороне отвоёванной у моря территории создается отгрузочный порт, куда после завершения технологического процесса поступает готовая продукция.

Став продолжением цехов, порты сократили до минимума нужду в железнодорожных перевозках. Япония почти не знает товарных поездов. Подсчитано, что доставить тонну коксующегося угля морем из Австралии в Японию дешевле, чем по железной дороге из Рура в Лотарингию.

Как удалось Японии совершить в 1955—1980 годах стремительный рывок вперед и стать третьей ведущей индустриальной державой мира? Какие факторы послужили здесь скрытыми пружинами?

Самое распространенное объяснение: высокая степень эксплуатации, дешевизна рабочей силы в Японии. Это, безусловно, главная причина. Но было бы упрощением считать ее единственной, сводить все лишь к ней. Ведь тогда закономерно рождался бы вопрос: почему подобная же дешевизна рабочих рук не привела к подобным же результатам во многих других странах Азии, Африки, Латинской Америки?

Нередко слышишь также: все дело в том, что японцы усердны как труженики и воздержаны как потребители. Пожалуй, вернее было бы сказать, что в Японии уровень производства повышается гораздо круче, чем уровень потребления, производительность труда растет быстрее, чем зарплата. Такое объяснение выглядит более полным, но и его нельзя считать исчерпывающим.

— Из-за того, что Англию бомбили немецкие «Юнкерсы-88», а Японию — американские сверхкрепости «Б-29», англичанам после войны пришлось заниматься восстановлением поврежденных предприятий, а мы сразу же взялись строить новые, делая к тому же упор на самые перспективные отрасли промышленности, — говорят японские дельцы.

Заново построить завод на пустом месте легче, чем восстанавливать старый. Если, конечно, располагать деньгами. Но, прежде чем пояснить, откуда взя-

лись эти деньги в разрушенной, поверженной стране, хочется отметить еще одно обстоятельство.

Когда японцы говорят, что, разрушив старое, война расчистила место для нового, эту фразу можно понимать и в широком смысле. С разгромом японского милитаризма были разбиты многие оковы, сдерживавшие развитие производительных сил.

После капитуляции в стране была проведена земельная реформа, которая ликвидировала помещичье землевладение. Вступило в действие новое трудовое законодательство, было узаконено существование профсоюзов.

Особый вопрос — почему американские оккупационные власти пошли на подобные меры. Они хотели, во-первых, уничтожить опору милитаристских кругов в лице помещичьего класса; а во-вторых, лишить японских промышленников такого важного козыря, как дешевизна рабочей силы. Воссоздавая в Японии профсоюзы, американцы радели о своих интересах в конкурентной борьбе.

Но вот оккупированная Япония, на которую американцы поначалу смотрели как на поверженного тихоокеанского соперника, стала играть в политике США совсем иную роль. Она оказалась ближней тыловой базой в тех войнах, которые американский империализм развязал в Азии — сначала в Корее, а затем во Вьетнаме.

Через пять лет после капитуляции еще лежавшая в руинах Япония вдруг стала прифронтовой полосой корейской войны. Американцам надо было срочно организовать снабжение войск, ремонт боевой техники. Тут-то и пролился на Японию золотой дождь интендантских заказов. Три миллиарда долларов было впрыснуто в организм частного предпринимательства. Без такой инъекции потребовалось бы, наверное, лет десять, чтобы сдвинуть с места парализованную разрухой японскую экономику.

Первой отраслью, в которой Япония завоевала мировое первенство, стало судостроение. Можно напомнить, что еще в годы второй мировой войны под японским флагом ходили два крупнейших в мире линкора — «Ямато» и «Мусаси». Но можно напом-

нить и другое. Вплоть до середины прошлого века японцам разрешалось строить лишь деревянные шаланды грузоподъемностью не более сорока кулей риса. Спускать на воду более крупные суда было запрещено, дабы пресечь всякое общение с внешним миром.

Но вот сильное землетрясение 1855 года застало у берегов Японии русский фрегат «Диана». Корабль был разбит гигантской волной и затонул. Команде удалось спастись. Русские моряки попросили позволения построить небольшую шхуну, чтобы вернуться на родину. Власти не только дали им такое разрешение, но и прислали лучших плотников.

Внезапный интерес к зарубежному опыту был следствием происшедших незадолго до того событий. У художника Хиросигэ в серии «Пятьдесят три станции Токайдо» есть картина под названием «Канагава». Хиросигэ изобразил тихую бухту, рыбацьи паруса, задумчивые зеленые холмы — место нынешней Иокогамы. Именно там незадолго до «Дианы» появилась американская эскадра коммодора Перри. «Черные корабли», как их прозвали в народе, возвестили об угрозе вторжения заморских колонизаторов.

Перед страной встала срочная необходимость создавать современный флот. Судьба «Дианы» давала удобный случай поучиться. Любопытно, что чертежи, по которым строилось первое в Японии килевое судно, были сделаны рукой русского морского офицера Можайского — будущего изобретателя самолета.

Ровно сто лет спустя — в 1955 году — Япония стала первым кораблестроителем мира. В бухте Канагава, которую когда-то рисовал Хиросигэ и где японцы впервые увидели «черные корабли», были спущены на воду морские гиганты водоизмещением в сто, триста, а затем и пятьсот тысяч тонн.

Здесь, как и в ряде других отраслей, японцам удалось чутко предугадать перспективную тенденцию. Когда греческий судостроитель Онасис первым рискнул строить танкеры водоизмещением в 100 тысяч тонн, лондонская «Таймс» отнеслась к этому скептически. Она писала, что такие гиганты «никогда не перестанут быть лишь ничтожной долей в мировых судостроительных программах». Японцы приняли это к

сведению и занялись закладкой доков, способных строить танкеры водоизмещением до 500 тысяч тонн. Они смело пошли по новому пути, взяв в расчет новые возможности морских перевозок и удаленность большинства промышленных государств от мест нефтесудобучи.

В 1955 году, то есть как раз в ту пору, когда Япония вышла на первое место в мире по судостроению, в США появился первый приемник на транзисторах. Однако перспективность этого события в радиотехнике прежде американцев оценили японцы. Буквально несколько месяцев спустя фирма «Сони» выпустила в широкую продажу карманный радиоприемник. Он положил начало «буму транзисторов» — массированному прорыву на мировой рынок совершенно нового вида продукции с маркой «Сделано в Японии».

Если в предвоенные годы Япония сумела заполнить рынки Азии своими текстильными товарами благодаря их дешевизне, то нынешняя популярность японских товаров в США и Западной Европе прежде всего опирается на их качество.

— Как вам удается опережать зарубежных конкурентов? — спросил я однажды президента фирмы «Сони».

— Не столько нашей изобретательностью, сколько умением распознавать неиспользованные возможности чужих изобретений, — усмехнулся Масару Ибука.

Президент «Сони» любит повторять, что теряет интерес к продукции, как только она перестает быть новинкой. Едва выпуск миниатюрных радиоприемников на транзисторах освоили другие японские компании, «Сони» сделала ставку на цветные телевизоры. Благодаря их высокому качеству и надежности она сумела победить в конкурентной борьбе даже американские фирмы, которые специализировались на телевизионной технике еще с довоенных лет.

Подобную же роль «Сони» сыграла и в распространении портативных счетных машин, а также видеоманитофонов. На пороге 70-х годов Масару Ибука рассказывал мне, что мечтает об электронном калькуляторе величиной с японские счеты «соробан».

Замысел этот уже претворен в жизнь. Теперь на уме у президента «Сони» — съемочная видеокамера размером с любительский киноаппарат.

Видеомагнитофоны уже вошли в японский быт. Так что любители загородных прогулок могут смотреть записанные по их выбору воскресные телепередачи в другие дни, а любители спорта, побывав на стадионе, повторять дома записанный с телеэкрана репортаж.

От умения быстро и дешево строить танкеры-гиганты водоизмещением в полмиллиона тонн до успехов на поприще микроэлектроники, олицетворяющей завтрашний день наукоемких производств, — таков диапазон японской индустрии.

Устойчивость велосипеда

— Японцы усердны как труженики и воздержаны как потребители...

Возвращаясь к этой фразе, заметим, что за соотношением потребления и накопления действительно кроется одна из пружин совершенного Японией рывка. Как, за счет чего удастся японским предпринимателям из года в год выделять примерно вдвое больше средств на обновление оборудования и расширение производства, чем их американским и западноевропейским конкурентам?

Поначалу им помогла набрать темпы более высокая степень эксплуатации наемного труда, чем в других странах капитала. Еще в середине 60-х годов зарплата рабочих в обрабатывающей промышленности страны была в семь раз ниже, чем в США, и в три раза ниже, чем в Англии. Лишь в последующем она стала постепенно приближаться к западноевропейскому уровню и в 80-х годах превзошла его. Однако производительность труда в Японии все это время росла быстрее, чем зарплата, и более высокими темпами, чем у ее конкурентов.

В Токио любят доказывать, что разговоры о дешевизне рабочей силы в Японии давно устарели. И все-

таки труд в этой стране поныне дешев — дешев в сопоставлении с его качеством, квалифицированностью, добросовестностью.

Японии присуща еще одна весьма своеобразная черта: низкому уровню личного потребления в этой стране сопутствует весьма высокий уровень личных сбережений.

Японцев отнюдь не назовешь людьми скаредными, прижимистыми, мелочно расчетливыми. На взгляд американцев, они даже легкомысленно относятся к деньгам. Тем не менее японская семья откладывает в виде сбережений около 20 процентов доходов — примерно втрое больше, чем английская или американская.

Быть столь рачительными японцев вынуждает сама жизнь. Деньги прежде всего необходимо откладывать на старость из-за японской системы социального обеспечения, вернее сказать, из-за отсутствия таковой. Ведь уходя в отставку в 55 лет, японский труженик обычно получает не пенсию, а единовременное пособие — по месячному окладу за каждый проработанный год. Этого, конечно, недостаточно, чтобы прожить остаток лет.

Приходится также откладывать деньги на образование детей, поскольку оно, во-первых, очень дорого, а во-вторых, имеет решающее значение для их карьеры. Традиция заботиться о сбережениях порождена и многими другими причинами: это дороговизна медицинской помощи; быстрый рост квартирной платы, а также цен на землю; это обычай тратить непомерные суммы на свадьбы и похороны, постоянная угроза стихийных бедствий.

С другой стороны, иметь сбережения японцам помогают некоторые местные особенности оплаты труда. По существующей традиции наниматели несколько занижают ежемесячные выплаты с таким расчетом, чтобы труженик в течение года получал не 12, а, к примеру, 15 окладов. Два из них выдаются в форме наградных перед Новым годом, а еще один — в середине лета. Часть этих денег семьи используют для каких-то сезонных покупок, но от половины до двух третей обычно откладывают в форме сбережений.

Итак, японские труженики подталкивают машину частного бизнеса, во-первых, тем, что в сравнении со своей производительностью мало получают, а во-вторых, тем, что не тратят, а оставляют в банках пятую часть своих и без того заниженных доходов.

А японские предприниматели? Проявляют ли они такую же склонность ограничивать себя, откладывать на завтрашний день деньги, которыегодились бы и сегодня? Совсем наоборот. Им присуща диаметрально противоположная черта: готовность постоянно быть по уши в долгах.

Впрочем, сказать «по уши», пожалуй, даже недостаточно. Долги японских фирм обычно вчетверо превышают размер их капитала. Но ведь в Соединенных Штатах и Западной Европе нормальной считается обратная пропорция. Может ли японская корпорация сохранять устойчивость, если ее финансовая структура подобна перевернутой пирамиде?

— Может,— отвечают японские дельцы,— если ее, как велосипед, хорошенько разогнать.

Действительно, такая финансовая акробатика предполагает высокие скорости — без них она просто невысказима. Получая ссуды под весьма большие проценты, японский предприниматель вынужден искать самые радикальные пути повышения производительности труда, вновь и вновь переоснащать цехи, даже если ради этого приходится еще глубже залезать в долги.

Средний возраст станков в обрабатывающей промышленности Японии не превышает пяти лет. Во-первых, благодаря этому на внутреннем рынке страны постоянно поддерживается производственный спрос, а во-вторых, повышается эффективность производства. Японцы иронически прозвали такую экономику «велосипедной»: чтобы сохранить равновесие, нужно мчаться вперед.

Зависимость японских предпринимателей от банков помогает правительственным органам регулировать направления и темпы развития экономики. Огромная и постоянная задолженность японских фирм — это как раз те вожжи, с помощью которых правительство способно управлять частным бизнесом.

Понижая или повышая размер ссудного процента, то есть делая кредиты то доступнее, то недоступнее, центральный банк Японии как бы нажимает на разные педали экономической машины страны, то ускоряя, то тормозя ее движение.

Японская экономика чем-то напоминает знаменитый Сад камней в Киото. Утесы крупных заводов с ультрасовременной организацией производства возвышаются над морем песчинок — мелких и мельчайших предприятий, основанных подчас на ручном труде надомников. Каковы же последствия своеобразного соседства «утесов» и «песчинок»? Что это, пережиток прошлого, помеха для более быстрой и полной модернизации японской индустрии? Или это одна из национальных особенностей, которая выгодна монополиям, помогает им выжимать больше прибылей из труда рабочих и легче побеждать конкурентов на мировом рынке?

Экономисты отмечают, что даже после рывка вперед, который Япония совершила с середины пятидесятых годов, удельный вес мелких и средних предприятий в ее экономике остается значительно более высоким, чем в других развитых странах.

Около 60 миллионов человек, составляющих в 80-х годах рабочую силу Японии, для наглядности можно округленно поделить на пять примерно равных частей. Лишь первая из них, занятая на крупных предприятиях, в полной мере может быть отнесена к категории современного промышленного пролетариата. Вторая часть трудится на средних предприятиях (до 300 рабочих на каждом), третья — на мелких предприятиях (до 30 рабочих), четвертую часть составляют люди, занятые в семейном производстве (кустари и мелкие торговцы), наконец, пятую, самую малочисленную, — земледельцы и рыбаки.

Средние и мелкие предприятия дают почти половину промышленной продукции ведущей индустриальной державы мира, в том числе около трети японского экспорта.

Возникает вопрос: как могут мелкие и средние предприятия соседствовать и тем более состязаться с крупными? Разве не обречены они на неминуемую ги-

бель в конкурентной борьбе, где, как говорится в японской поговорке, «большая рыба глотает малую, малая глотает креветку»?

Из года в год сообщается о банкротстве сотен мелких компаний, а также о слияниях крупных фирм в еще более мощные корпорации. На основе этого был правомерен вывод, что слой песчинок интенсивно размывается и что утесы монополий вот-вот сомкнутся краями, образовав однородный фундамент японского капитализма.

Однако слой песчинок не исчезает. В чем тут причина? Не в том ли, что каменные глыбы чувствуют себя устойчивее на такой подушке?

Соседство «утесов» и «песчинок» позволяет монополиям сочетать преимущества современного производства с дешевизной рабочей силы на мелких предприятиях, поставляющих наименее сложные, но зато наиболее трудоемкие детали. Мелкий производитель в Японии давно уже перестал быть кустарем-одиночкой. Его рабочие руки обычно привязаны к целой системе производственных связей.

Внутренние районы Японии, некогда славившиеся шелководством, после войны обезлюдели. Тутовые плантации пришли в упадок. В горных селениях остались одни старики и старухи. Но монополистический капитал нашел способ использовать даже такие весьма слабосильные рабочие руки.

Агенты крупных птицефабрик предлагают престарелым крестьянам брать для выращивания цыплят. Все необходимое для этого оборудование поставляется в кредит. Рабочие монтируют на усадьбах клетки для птиц, кормушки, желоба. Специальные грузовички-фургоны развозят из инкубатора цыплят. Такая птицеферма не требует большого ухода, а бумажные пакеты с комбинированными кормами регулярно доставляются с фабрики.

С подобными примерами сталкиваешься в Японии на каждом шагу. В местах, прославленных своим фарфором, где-нибудь в Кутани или Сацума, у гончарной печи рядом с вазами классических форм можно вдруг увидеть какие-то предметы явно индустриального на-

значения, — изоляторы, изготовленные по заказу крупной электротехнической компании.

Концерн «Тоёта» — крупнейший в японском автомобилестроении. Ядро его состоит из головной компании и дюжины примыкающих к ней фирм. Их заводы представляют собой вполне современные предприятия не только по уровню производства, но и по условиям труда. Рабочие получают там относительно высокую зарплату. Но не они одни участвуют в создании каждой сходящей с конвейера автомашины. До сорока процентов вложенного в нее труда выполняется где-то за заводской оградой.

Головные предприятия концерна занимаются исследовательскими работами, проектированием новых моделей и, разумеется, конвейерной сборкой. Что же касается выпуска деталей и узлов, то он почти целиком перелagается на субподрядчиков. А уж как выкручивается этот мелкий производитель, по сколько часов в день работают у него люди — никого не интересует.

Соседство «утесов» и «песчинок», точнее говоря, их своеобразная взаимозависимость, показывает, что излюбленной формой предпринимательства в Японии стал концерн. Структуру его японские дельцы любят сравнивать с очертаниями горы Фудзи. Сверкающая снежная шапка — головная монополистическая фирма — опирается на расширяющееся книзу основание из средних, мелких, мельчайших предприятий, а в последнем слое — кустарей-надомников.

Ультрасовременная Япония кончается не так уж далеко от вершины, пожалуй, там же, где проходит по Фудзи граница снегов. А ниже, на добрые две трети пути до подножия, попадаешь как бы в иной мир, в другой век. Люди там не знают, что такое восьмичасовой рабочий день, выходные по воскресеньям, что такое техника безопасности, что такое коллективный договор с предпринимателем. Две трети японских рабочих, которые не объединены в профсоюзы, как раз и трудятся в основном на средних и мелких предприятиях.

Крупной японской компании выгодно иметь много субподрядчиков, но нет расчета «проглатывать» их.

Ведь чем меньше людей имеет капиталист в штате своей фирмы, тем легче ему сопротивляться нажиму профсоюза, тем ограниченнее результаты борьбы трудящихся за свои права.

Связи с мелкими предприятиями позволяют крупным компаниям снижать издержки производства. Зато при кризисных толчках именно слой «песчинок» служит тем буфером, который принимает на себя удар и позволяет «утесам» монополистического капитала сохранять устойчивость.

Напрашивается вывод, что существование множества средних и мелких предприятий оказалось в условиях Японии не помехой для модернизации индустрии, а одной из скрытых пружин этого процесса. Устремившиеся ввысь «утесы» во многом обязаны своим величием соседству «песчинок».

Наняты пожизненно

Каждую весну, едва состоятся выпуск в школах и институтах, по всей Японии проходят церемонии, напоминающие приведение к военной присяге новобранцев очередного призыва. Японские фирмы набирают новичков не для заполнения каких-то конкретных вакансий, а как бы впрок — по такому же принципу, как армия ежегодно пополняется призывниками, которых еще предстоит обучать и распределять по частям и подразделениям.

Японский труженик приходит к нанимателю, чтобы установить с ним отношения, очень похожие на пожизненный брачный контракт. Важность подобного шага в человеческой судьбе действительно сравнима только со свадьбой, с выбором спутника жизни, ибо сменить работу значит для японца примерно то же, что сменить жену. Даже если это и случается, то лишь как исключение, причем исключение нежелательное.

При первом и нередко единственном найме на работу японец думает не столько о зарплате, сколько о положении и престиже фирмы, с которой он связывает судьбу.

Оговоримся сразу, что система пожизненного найма существует лишь на крупных предприятиях. Она охватывает примерно пятую часть всей рабочей силы Японии. При спадах производства крупные фирмы могут обходиться без увольнений, ибо, привлекая к выпуску продукции целые цепочки субподрядчиков, они не включают их в свои штаты.

Структура японского концерна, как уже говорилось, подобна очертаниям горы Фудзи. И система пожизненного найма может существовать у ее вершины именно потому, что действие ее не распространяется вплоть до подножия.

Да и там, где она существует, система пожизненного найма вынуждает японца мириться с тем, что на протяжении первых пятнадцати — двадцати лет трудовой жизни ему явно недоплачивают. При этом его убеждают, что у молодого человека, дескать, и потребностей меньше. Зато, мол, потом, когда деньги будут ему гораздо нужнее, в течение последних десяти — пятнадцати лет стажа, зарплата его будет превышать фактическую производительность.

Благодаря системе пожизненного найма японские предприниматели не жалеют средств на повышение квалификации своих рабочих, на обучение их многим смежным профессиям. Они уверены, что плодами этих затрат не воспользуются конкуренты.

Именно вследствие системы пожизненного найма труженики не привыкли видеть в технических новшествах угрозу остаться без работы. Японские профсоюзы в отличие, скажем, от английских не противятся внедрению новой техники. Когда какая-нибудь профессия устаревает, фирма должна обеспечить рабочим переквалификацию.

Наконец, система пожизненного найма сводит к минимуму текучесть рабочей силы. Она способствует сохранению на предприятиях не только духа семейственности, выгодного нанимателю, но и атмосферы взаимной доброжелательности. Японцы шутят, что на сослуживцев надо смотреть как на родственников собственной жены: нравятся они или нет — никуда от них не денешься. А раз суждено оставаться в одном коллективе всю трудовую жизнь, нельзя забывать, что

испортить отношения с человеком легче, чем снова их наладить.

При японской системе найма скорость продвижения по службе у всех почти одинакова — она определяется прежде всего выслугой лет. Так что молодежь после школы или после вуза оказывается как бы перед различными эскалаторами, которые движутся с неодинаковой скоростью и поднимают на разные этажи.

Если не считать Советского Союза, Япония располагает наиболее эффективной и массовой системой народного просвещения. Практически все японские дети получают обязательное образование в объеме девяти классов. А в 80-х годах Япония опередила большинство капиталистических стран по охвату молодежи полным средним образованием. Почти 90 процентов учащихся оканчивают среднюю школу второй ступени, тогда как в 1955 году до двенадцатого класса продолжали учиться лишь около 50 процентов школьников.

В Японии больше университетов, чем во всей Западной Европе. В стране насчитывается около двух миллионов студентов высших и средних специальных учебных заведений.

Как и в других капиталистических странах, система образования служит в Японии классовым фильтром, механизмом для воспроизводства элиты общества. Дело не только в том, что карьера японца практически предопределяется тем, начал ли он свой трудовой путь с высшим, средним или неполным средним образованием (что уже само по себе сулит совершенно разные жизненные орбиты).

Ключом к успешной карьере служит не диплом сам по себе. Важно, какой именно университет человек окончил. Резкая грань между средним и высшим образованием дополняется, стало быть, неофициальной, но общепризнанной градацией между однородными учебными заведениями. И вот эта-то градация как раз и несет в себе классовый характер.

Перворазрядные коммерческие фирмы и государственные учреждения предпочитают пополнять свой персонал выпускниками перворазрядных университе-

тов, которые пользуются в Японии неоспоримым преимуществом перед обладателями других дипломов.

Питомником правящей элиты считается Токийский университет. Его выпускники — главные кандидаты на ключевые посты в стране. Они составляют 80 процентов высокопоставленных чиновников, 40 процентов ведущих бизнесменов. В деловом мире много людей, кончавших университет Кэйо, среди политических деятелей — воспитанников университета Васэда.

Ранг учебного заведения предопределяет и угол восхождения человека по служебной лестнице, и уровень его личных связей на всю остальную жизнь, то есть социальный слой, в котором ему предстоит вращаться.

Так что дети именитых родителей предпочитают сдавать вступительные экзамены в Токийский университет по три, пять раз, чем идти во второразрядный вуз. Ведь после его окончания они оказались бы на эскалаторе, который вовсе не доходит до верхних этажей.

Все это обостряет конкуренцию среди поступающих. Существует пословица: «Будешь спать четыре часа — попадешь, будешь спать шесть часов — провалишься».

Причем экзаменационная горячка носит в Японии затяжной, как бы хронический характер. Некоторые преимущества при поступлении в Токийский университет дают перворазрядные средние школы. Чтобы попасть в них, тоже нужно пройти трудный конкурс. Есть даже привилегированные детские сады, открывающие путь в перворазрядные начальные школы. Таким образом, японец чуть ли не с шести лет вступает в полосу так называемого экзаменационного ада. И, разумеется, на каждом этапе состоятельные родители имеют несравненно больше возможностей хорошо подготовить своих детей к экзаменам, нанимая для них репетиторов.

Огромных затрат требует не только подготовка к экзаменам, но и само обучение, особенно в частных вузах. Ведь быть принятым — значит получить право посещать лекции и сдавать экзамены. А уж где жить, на что питаться, студент должен заботиться сам.

Одно из самых ходких в университетской среде слово «арбайто», занесенное из немецкого языка в предвоенные времена, означает не работу вообще, а именно приработок на стороне, без которого не мыслится студенческая жизнь.

Для абсолютного большинства японской молодежи учиться — значит одновременно подрабатывать себе на жизнь. Различие может быть лишь в том, что для одних «арбайто» — это дополнение к помощи родителей, а для других — единственный источник средств к существованию.

Самый старый, можно сказать, классический вид «арбайто» — быть репетитором. Из-за экзаменационной горячки спрос на них есть всегда. Но одними уроками, даже если давать их ежедневно, теперь не проживешь. Кроме основной «арбайто», приходится подыскивать еще и другие. Чем только не приходится заниматься будущим юристам, инженерам, врачам! Они нанимаются заталкивать пассажиров в вагоны метро и электрички, моют автомашины на заправочных станциях, упаковывают товары в магазинах, обходят дома, разыскивая неплательщиков по счетам за воду или газ.

Трудно бывает в пору экзамена, когда для «арбайто» не остается времени. Трудно в апреле и октябре, когда, кроме текущих расходов, надо вносить полугодовую плату за обучение. Однако для студента, который сам себе зарабатывает на жизнь, нет ничего хуже, чем заболеть.

Высшее образование в Японии стоит дорого. И хотя цена его продолжает расти, тяга к университетскому диплому не ослабевает. Ведь это — единственный канал социальной мобильности, единственный шанс помочь детям подняться на ступеньку выше по общественной лестнице.

В Японии, по существу, имеет место финансирование высшего образования самим народом, простыми семьями, которые вкладывают в него значительную часть своих средств. Почти целиком за счет этих трудовых сбережений, а не за счет государственного бюджета существуют частные японские университеты, где обучается три четверти студентов.

Забытая заповедь

Автострада между Киото и Осака огибает опустевший выставочный городок «Экспо-70». Смотришь на Башню солнца, на рукотворное небо, возведенное архитектором Танге над площадью фестивалей, и вспоминаешь девиз «Прогресс и гармония для человечества», под которым страны мира старались показать свой сегодняшний день и заглянуть в завтрашний.

Нельзя не задуматься над словами этого девиза применительно к самой Японии. Вырваться в первую тройку мировых индустриальных держав, уступая лишь Соединенным Штатам и Советскому Союзу,— это, конечно, прогресс. Однако поставить рядом слово «гармония» можно лишь со знаком минус. Это прогресс за счет гармонии.

Авторы «Одноэтажной Америки» называли когда-то Соединенные Штаты богатырем с маленькой головой, подчеркивая, что стремительному экономическому росту там сопутствовало обеднение духовной жизни страны. Про Японию этого сказать нельзя. Бурная модернизация не снизила роли духовных ценностей в жизни японского народа. Японию точнее было бы сравнить с человеком, который чрезмерно увлекся наращиванием мускулов в ущерб сердцу, кровеносным сосудам, печени и почкам.

Японские предприниматели радели лишь о расширении производственных мощностей, но чем гуще становился лес заводских труб, тем болезненнее сказывалось отставание социальных тылов, давали о себе знать нездоровая концентрация индустрии и населения в отдельных районах, загрязнение природной среды промышленными отходами.

Японские дельцы куда щедрее, чем их западные соперники, вкладывали средства в обновление техники и технологии. Зато они были до неразумности скупы в затратах на все то, что обслуживает производство и самого труженика. Рывок индустрии к переднему краю научно-технического прогресса был совершен за счет отставания транспортной сети, коммунального хозяйства, жилищного строительства.

Наращивание производственных мощностей дошло до критического рубежа, когда новым заводам не стало хватать не только земли, воды, но даже воздуха. Ведь Япония не только густонаселенная, но и гористая страна. Если не брать в расчет непригодные для освоения крутые склоны, окажется, что на каждом квадратном километре японских равнин производится примерно в двадцать раз больше продукции, чем в США. Это сопоставление показывает, сколь остра для Японии проблема «когай», то есть загрязнения природной среды промышленными отходами.

К началу 80-х годов стало очевидным, что Япония в основном исчерпала те преимущества, на которые она опиралась в первые послевоенные десятилетия: дешевая и образованная рабочая сила; дешевое привозное сырье и топливо; доступная по сходной цене зарубежная технология, ставка на новые виды продукции для прорыва на мировые рынки.

Обострение социальных проблем, которыми в угоду росту производства слишком долго пренебрегали; повышение зарплаты до уровня западноевропейских стран; вздорожание нефти, руды — все это затормозило развитие экономики и внешней торговли Японии.

С территорией «Экспо-70», именовавшейся «городом будущего», соседствует Амагаса́ки. Одно из мест, которые убедительно демонстрируют отрицательные последствия перекосов, навязанных стране монополистическим капиталом. Амагасаки — это прежде всего чудовищная теснота. Это место, где земля оседает, потому что для промышленных нужд из почвы выкачано слишком много грунтовых вод. Наконец, это воздух, отравленный дымами тысяч труб, родивший новую болезнь — «астму Амагасаки».

Амагасаки — лишь одно из звеньев тихоокеанского индустриального пояса, который тянется от Токио до Кобе и дальше на юг. Здесь на площади пять тысяч квадратных километров вынуждены жить и трудиться около шестидесяти миллионов человек.

Площадь Японии не так уж мала. Это полторы Англии. Однако японская земля на пять шестых состоит из почти непригодных для освоения горных склонов. Хотя плотность населения в Японии меньше,

чем в Бельгии или Голландии, теснота здесь остро ощущается потому, что половина населения страны сгрудилась на полутора процентах ее территории.

В результате Япония доныне представляет собой поразительный контраст перенаселенных равнин, где жилища и цехи теснят и без того крохотные пашни,— и просторов нетронутой земли.

Существует представление, что необжитые просторы остались лишь на Хоккайдо. Но японская целина не только там. Она всюду. Чтобы увидеть ее, достаточно лишь отклониться от цепочки перенаселенных человеческих муравейников, образующих тихоокеанский индустриальный пояс. Глазам откроются лесная глушь, пенящиеся реки, ширь альпийских лугов, вулканические озера, дремлющие среди безмолвия вековых бородатых елей. Такова северо-восточная и центральная части Хонсю, таков юг Сикоку и юг Кюсю.

Порой даже не верится, что находишься в той самой стране, где города и поселки срослись воедино, где борозды полей и огородные грядки упираются в заводские корпуса; где о тесноте напоминают даже сиденья в автобусе или кресла в кинотеатре, даже окна и двери, которые не открываются, а раздвигаются...

Однако границы этой малознакомой нам Японии очень запутанны и извилисты. В отличие от Италии с ее четким разделением на индустриальный север и аграрный юг экономические зоны здесь как бы совмещены, перемешаны. И в подобном же близком противоречивом соседстве находятся два лица, два бедствия Японии: перенаселенность и безлюдье.

Казалось бы, бурное индустриальное развитие послевоенных десятилетий должно вести к более равномерному размещению производительных сил, к освоению необжитых мест. Однако происходит обратное. Там, где людей много, население растет быстрее всего. Там, где их мало, оно уменьшается.

Обостряющаяся перенаселенность тихоокеанского индустриального пояса порождает и диаметрально противоположную беду: глубинные районы, на которые приходится две пятых сельскохозяйственных ресурсов страны, все больше страдают от недонаселенности.

Казалось бы, что человек, ставший теперь куда более сильным в своем противоборстве с природой, человек, которому нынче по плечу срывать целые горы и отвоевывать у моря полосы суши, способен далеко превзойти своих предков в освоении родной земли.

Однако, хотя в стране имеется лишь шесть миллионов гектаров пашни, то есть примерно по гектару на двор, японское крестьянство почти не осваивает новых земель. Посевные площади сокращаются. И не только из-за того, что их съедает бесконтрольный рост городов и промышленное строительство. Даже освоенные земли, даже поля, которые возделывались многими поколениями, все чаще оказываются заброшенными, ибо их некому обрабатывать.

Крестьяне сознают, что и в родных местах многое можно сделать, чтобы поднять доходы. Но, чтобы осваивать горные склоны, создавать сады, виноградники, парниковые хозяйства, разводить свиней или птицу, нужны деньги. А когда весь капитал состоит из пары мозолистых рук, приходится исходить из того, что в цехе или на стройке этими руками можно заработать больше, чем на поле. Высадив рассаду или сжав рис, в города уходят вереницы сезонников.

Обезлюдившие сельские районы — такая же горькая реальность современной Японии, как скученность половины населения страны на полутора процентах ее территории.

Нельзя сказать, что Япония живописна лишь там, где природа ее осталась нетронутой. Разве не волнуют душу созданные поколениями уступчатые террасы рисовых полей, шелковый блеск воды между шеренгами молодых стебельков? Или чайные плантации, где слившиеся кроны аккуратно подстриженных кустов спускаются по склонам, словно гигантские змеи? Или похожие на шеренги солдат мандариновые рощи, где возделаны и засажены даже междурядья?

Ухоженность, отношение к полю как к грядке или клумбе — характерная черта Японии, один из элементов ее живописности. А разве не красят пейзаж бетонная лента Мэйсинской автомагистрали между Нагоей и Кобе или гордый изгиб моста, перекинувшегося через озеро Бива?

Человеческий труд способен приумножать красоту природы пропорционально разумности его приложения. Но именно там, где облик Японии в наибольшей степени изменился, бросается в глаза поспешное изменение разума и красоты, особенно вопиющие в стране, где народ столь ценит и понимает прекрасное.

Япония являет собой сейчас как бы двойкий пример для человечества: и положительный, и отрицательный. С одной стороны, своим жизненным укладом японцы опровергают домыслы о том, будто современная цивилизация обедняет духовную жизнь человека, заслоняет от него мир прекрасного — и в природе, и в искусстве. С другой стороны, облик Японских островов тревожнее других уголков земли предостерегает в наш век против губительных последствий неразумного природопользования.

Первая из семнадцати заповедей Сиотóку — одного из наиболее почитаемых в Японии государственных деятелей древности, чей портрет красуется сейчас на денежных знаках, — гласит: «Гармония превыше всего». Социальные последствия «ускоренного экономического роста» свидетельствуют о том, что гармония в развитии страны оказалась поспешной ради близорукой корысти монополий.

В 80-х годах японские правящие круги заговорили о необходимости совершить еще один поворот в экономической стратегии страны, вновь радикально изменить структуру производства и экспорта.

В свое время японский производственный потенциал, основой которого с довоенных лет служила легкая промышленность, был переориентирован на тяжелую и химическую индустрию.

Теперь взят курс на преимущественное развитие наукоемких производств при сдерживании энергоемких и материалоемких отраслей, включая даже те, которые вывели Японию в первую тройку индустриальных держав (например, черная металлургия, судостроение, нефтехимия, бытовая электротехника).

Новая экономическая стратегия имеет в виду вынести за пределы Японских островов часть производственных мощностей — особенно те, что потребляют много материалов и топлива, занимают много земли

или сильно загрязняют воздух. Курс, попросту говоря, взят на то, чтобы по возможности экспортировать «когай» за моря. Проектируются, например, танкеры, которые станут плавучими нефтеперегонными заводами. Они сделают свое дело на долгом пути от Персидского залива, оставляя дым и копоть на океанских просторах, вместо того чтобы окуривать японское небо.

Другой, более распространенный путь — приобретать рудники и строить предприятия за рубежом. Японские предприниматели стали все чаще вкладывать капиталы в других странах — чтобы более надежно обеспечить потребности в сырье, чтобы использовать дешевизну рабочей силы, а нередко и чтобы обходить таможенные барьеры. (Если, скажем, телевизор фирмы «Сони» сошел с конвейера в Ирландии, в странах «Общего рынка» его можно продавать беспошлинно.)

Ставка делается на то, чтобы Япония все больше становилась конструкторским бюро и главным сборочным цехом, куда поступали бы полуфабрикаты и детали из цехов-филиалов, расположенных в других государствах. Нетрудно видеть, что монополии хотели бы распространить выгодное им сочетание «утесов» и «песчинок» за пределы японских рубежей.

Итак, если прежде Япония экспортировала овеществленный труд, то в дальнейшем основой японского экспорта должен стать овеществленный разум.

Лишние люди

— Год от года пустеет село. Неужели и вправду проклятие нашего сословия висит над нами? — жалуется староста.

В деревне Окицу живут люди, причислявшиеся прежде к сословию «эта». Трудно представить себе, чтобы остатки дофеодальных кастовых различий могли дожить до века электроники, а ведь дожили!

Давно уже жители Окицу не имеют ничего общего с ремеслом скотобоев и кожевников, которое некогда

считалось презренным. Но никто из соседних деревень не сядет с ними за один стол, тем более не породнится семьями. Пусть кастовая дискриминация отменена законом — людей сословия «эта» неохотно берут на работу, а если и нанимают, платят меньше, чем другим.

Поселков, вроде Окицу, не так уж много среди японских деревень. И все же судьба его не исключение. Наоборот, она символична.

Из поколения в поколение передавался здесь завет предков: «Земледелие — основа государства». Сам император почитается первым из земледельцев и по традиции каждый год собственноручно засекает крохотное рисовое поле возле своего дворца.

Крестьянам издавна вбивали в головы, что пахать землю — занятие куда более высокое, чем торговля или ремесла. И вот оказалось, что две трети этого «почетного сословия» — лишние люди, некая новая каста отверженных, вроде оставшихся от средневековья «эта».

Мучительный процесс расслоения крестьянства в Японии уже не назовешь стихийным. Он искусственно подхлестывается. Суть политики, которую для благозвучия именуют «улучшением структуры деревни», состоит в том, чтобы сократить сельское население на две трети.

— Это позволит, как говорят у нас в Японии, «одним камнем убить двух птиц», — поясняли мне чиновники министерства сельского хозяйства и лесоводства. — С одной стороны, дает развивающейся индустрии необходимую ей рабочую силу, а с другой — может расширить рамки сельскохозяйственного производства, сделать его более товарным, переместить упор с зернового хозяйства на животноводство, выращивание овощей, фруктов. Словом, рационализировать сельскую экономику, которая все больше отстает от промышленного развития Японии.

Кто станет оспаривать преимущества крупного хозяйства? Они очевидны. Как бесспорно разумен, особенно в условиях Японии, переход от зерна к высокодоходным товарным отраслям.

Дело в том, что суть процесса, который сам по себе отвечает развитию производительных сил, находится в противоречии с формами его осуществления.

Сельское население хотят сократить на две трети. Такая цифра взялась не случайно. Это не что иное, как удельный вес бедноты среди крестьян. Курс, следовательно, взят на то, чтобы дать простор для роста кулацких хозяйств за счет ускоренного разорения их маломощных соседей, которые пошли бы к ним в батраки, а частью вовсе покинули бы деревню.

— Нужна свежая струя, которая отмыла бы гравий, снеся прочь пыль и песок,— философствуют столичные экономисты.

Но подлинные цели «улучшения структуры деревни» разглядеть нетрудно. Это, во-первых, расчет на то, чтобы окулачить село, вырастить фермерский класс, который стал бы надежной политической опорой правящих кругов,—своего рода «столыпинская реформа». И это, во-вторых, расчет на то, что волна разорившихся выходцев из деревни разбавит собой ряды пролетариата, собьет цены на городской труд и подорвет силы организованного рабочего движения...

В Японии пять крестьянских дворов из шести не могут прокормиться со своего надела и вынуждены искать заработки на стороне.

Когда-то слово «декасеги» — «отхожие промыслы» — касалось прежде всего младших сыновей. В японской деревне исстари господствовало право первородства. Отцовскую землю нельзя было делить. Ее целиком наследовал старший сын. Взамен он должен был не только обеспечить спокойную старость родителей, но и принимал на себя обязанности отца по отношению к остальным братьям и их семьям.

Судьба младших сыновей считалась незавидной. Им надо было искать счастья где-то на стороне. Теперь отхожие промыслы стали уделом и старших сыновей.

— Земледелие становится у нас уделом матушки, дедушки и бабушки,— сетовал однажды министр сельского хозяйства.

Мозоли на женских и стариковских руках не главная забота авторов «новой аграрной политики».

Встревожены они прежде всего тем, что отток лучшей части рабочей силы в города не сопровождается соответствующим сокращением числа хозяйств. Даже фактически перестав быть земледельцем, японский крестьянин не хочет расставаться со своим отчим домом и предпочитает кочевать между ним и городом. И оттого, что сельская глушь расположена в Японии всего в нескольких часах езды от промышленных центров, деревни большую часть года становятся еще безлюднее.

Если в начале 60-х годов в сельском хозяйстве Японии было занято 13 миллионов человек, то к началу 80-х годов цифра эта сократилась втрое. Причем две трети оставшихся крестьянских дворов не могут прокормиться со своего надела и получают главную часть доходов от заработка на стороне.

Глубинная часть префектур Киото, Окаяма, Хиросима. Живописный край лесистых гор и возделанных долин. Сама природа, сам образ жизни олицетворяли тут исконную Японию. После страдной поры на поливных рисовых полях мужчины уходили в горы выжигать уголь, женщины выращивали тутовый шелкопряд.

Эта часть страны, обращенная к Японскому морю, называется «Сан-ин» («В тени от гор»). Сейчас такое название трактуется уже отнюдь не как поэтическая метафора, а как образ края, оказавшегося в тени экономической, в тени социальной.

Плантации тутовника были вырублены в годы войны, а возрождению шелководства помешал новый соперник — нейлон. Потом бытовые электроприборы подорвали спрос на древесный уголь, без которого японская семья прежде не могла прожить и дня. Одних же доходов от рисоводства крестьянам недостаточно, чтобы сводить концы с концами.

За последнее десятилетие здесь словно вымерли после какой-то неведомой эпидемии целые волости.

Ездишь проселочными дорогами — и дивишься: до чего красиво стоят эти покинутые села! Добротные, просторные дома под островерхими камышовыми крышами хранят подлинные черты национального водчества. Усадьбы кажутся обитаемыми. Мандариновые деревья усыпаны оранжевыми плодами. На ого-

родных грядках что-то зеленеет. Зайдешь в дом — по стенам аккуратно развешан инвентарь, на полках — старинная домашняя утварь, возле очага запасен хворост. Все оставлено, словно хозяевам пришлось внезапно спастись бегством.

— Когда село опустеет больше чем наполовину, — говорит староста, — обычно уже некому продать ни дом, ни землю, ни имущество. Вот и бросают все как есть.

Действительно, процесс этот подобен образованию оврагов: начинается исподволь, а приводит к катастрофическим оползням, которые ничем не остановишь. Сначала из села исчезает молодежь. Даже девушки, которые уезжают на фабрики заработать себе на приданое, вопреки традициям не возвращаются в родные места играть свадьбы.

Приходит в упадок система поливного земледелия. Созданные трудом многих поколений уступчатые террасы рисовых полей требуют постоянного ухода — причем не только за самими посевами, но и за всем сложным комплексом оросительных и паводкозащитных сооружений.

Из-за сокращения налоговых поступлений органам местного самоуправления не под силу поддерживать в порядке дороги, мосты, содержать врачей, учителей. Даже сельские пожарные дружины приходится, как в годы войны, формировать из пожилых крестьянок.

В поселках становится все меньше детворы. Вспоминается заснеженный школьный двор без единого человеческого следа, скрип пустых качелей под ветром. Три года в этой шестиклассной школе был всего один ученик и один учитель. Наконец ее пришлось вообще закрыть.

Когда в селе из полусотни дворов остается пять-шесть семей, даже тем, кому некуда уходить, жить на прежнем месте становится невмоготу.

От японцев часто слышишь, что тишина, безлюдье, одиночество — самая недоступная роскошь в их стране. Когда ходишь по безмолвному «поселку призраков» среди покинутых крестьянских усадеб, когда видишь поросшие сорняками, занесенные песком рисовые поля, трудно совместить это с укоренившимся

представлением о Японии, как о перенаселенной стране, где вроде бы ни один клочок земли не пропадает зря.

Миллионы перепаханных человеческих судеб — такова цена «улучшения структуры деревни»: политики, которая обрекает две трети японского крестьянства на участь «лишних людей».

Итай-итай

Этот судебный процесс впервые предупредил Японию о новой общенациональной проблеме, которая обретает характер стихийного бедствия.

Крестьяне Тоямской равнины у северного побережья Японии обвинили компанию «Мицүи киндзюку» в заражении реки Дзиндзу отходами свинцово-цинкового рудника, из-за чего среди окрестных жителей появилась таинственная болезнь итай-итай.

Драматическая предыстория судебного процесса — это рассказ о том, как рисоводы волости Футю, префектуры Тоёма, помогли местному врачу Хагино в полный голос сказать стране о виновнике открытой им болезни.

Первым из двадцати восьми истцов слово на суде получил крестьянин Аояма. Бросая гневные взгляды на ответчиков — представителей правления рудника, он сказал:

— От болезни итай-итай умерла моя мать. Последние пятнадцать лет она не могла шевельнуться от боли. Кости при этом заболевании слабеют настолько, что простой кашель может вызвать переломы ребер. Когда я поднял тело матери, чтобы положить ее в гроб, явственно слышался хруст ломающихся костей. В моей деревне после таких же мучений погибло шестнадцать человек, а всего в волости — сто девяносто. У некоторых из них доктор Хагино находил до семидесяти переломов. Раз причина болезни теперь раскрыта, компания «Мицуи киндзюку» должна быть привлечена к ответственности!

— Прежде меня считали высокой, а теперь мой рост сократился на тридцать сантиметров, и я стала похожей на горбунью, хотя и без горба,— со слезами говорила сорокавосемилетняя крестьянка Комацу.— Я не могла ходить, и муж носил меня в больницу за спиной, словно ребенка. Пусть правду о наших мучениях узнают все.

В префектуру Тояма я приехал за два дня до начала процесса в окружном суде. Найти доктора Хагино не представляло труда. Высокого роста, по-столичному элегантно одетый, он оказался владельцем заново отстроенной больницы, примыкающей к старинному помещицкому дому. Доктор рассказал, что его отец, дед и прадед не только врачевали, но и владели здесь имением вплоть до послевоенной земельной реформы, взимая оброк с двухсот крестьянских дворов.

Сразу же за больницей начинались рисовые поля. Всюду сквозь нежно-зеленый ворс рассады просвечивала вода — мутноватая вода реки Дзиндзу, разбегающаяся по Тоямской равнине рукавами оросительных каналов.

— Наши предки с благодарностью называли эту щедрую реку Дзиндзу, что означает «божий поток»,— рассказывал доктор Хагино.— Когда я вернулся с войны после восьми лет службы в полевом госпитале в Маньчжурии, все выглядело здесь, как в воспоминаниях детства: и поля, и река, и горы. Мог ли я думать, что с тех пор, как там, в верховьях, принялись добывать свинец для пуль, «божий поток» превратился в «чертов поток», что вода эта вместо плодородия стала нести страдания и смерть.

В японских семьях исстари существовал обычай: скрывать от посторонних глаз всякий необъяснимый или не поддающийся лечению недуг.

Почти в каждой семье встречал Хагино у кого-нибудь приметы болезни, неизвестной ему ни по лекциям, ни по справочникам. Почему у пожилых крестьянок слабеют и разрушаются кости? Некоторые коллеги считали это разновидностью ревматизма — профессиональной болезни рисоводов. Но противоревматические средства лечения не помогали. Хагино запо-

дозрил было, что заболевание вызвано какой-то инфекцией, но опыты на животных дали отрицательный ответ.

Ключ к разгадке подсказала карта, на которой доктор отмечал адреса заболевших. Точки эти напоминали густой пчелиный рой. Карта показала, что болезнь итай-итай распространена лишь в среднем течении Дзиндзу, где река замедляет свой бег. Болезни этой нет в верховьях, где взвешенные в воде частицы не успевают оседать на порожистых быстринах. Нет ее и ниже, у города Тояма, где жители пользуются водопроводом, проложенным от другой реки.

На сессии медицинского общества префектуры Тояма доктор Хагино впервые выдвинул версию о том, что болезнь итай-итай связана с заражением реки Дзиндзу отходами рудника «Мицуи».

Деясь наблюдениями и выводами более чем десятилетней практики, Хагино надеялся заручиться поддержкой своих коллег, чтобы сообща искоренить таинственный недуг. Однако перед ним выросла невидимая стена. Наиболее влиятельные местные врачи, а также приезжие специалисты обрушились на его версию как на необоснованную, утверждая, что итай-итай — просто-напросто следствие физического перенапряжения и недоедания военных лет.

— Почему же тогда подобная болезнь не встречается в других частях Японии, почему границы ее распространения так четко очерчены? — возражал доктор Хагино. Но чем упорнее настаивал он на своем, тем чаще сталкивался с сопротивлением, не имеющим ничего общего с методами научной дискуссии. Против первооткрывателя итай-итай началась травля...

— Сельский лекарь из захолустья вздумал сделать сенсацию в медицинском мире, чтобы прославиться, — злословил о нем его недавний друг — председатель общества врачей.

А следом поползли еще более подлые сплетни:

— Хагино затеял всю эту шумиху, чтобы сорвать взятку с владельцев рудника.

Горько было слышать подобную ложь, но, пожалуй, именно она раскрыла не искушенному в политике человеку суть дела.

Против кого поднял голову он, простой сельский врач? Кого назвал он виновником страшной болезни? Ведь рудник «Мицуи киндзоку» — это крупнейшее предприятие добывающей промышленности Японии (85 процентов ее свинца и цинка), принадлежащее одному из наиболее могущественных объединений монополистического капитала — концерну «Мицуи».

А кто осмелится перечить «Мицуи»? Даже губернатор, будучи родственником Хагино, поспешно порвал с ним всякие отношения и старался пресечь в упреде какие-либо разгосоры о болезни итай-итай. Налоговое управление устраивало в клинике Хагино ревизию за ревизией, тщетно выискивая повод обвинить его в каком-нибудь нарушении закона.

Если уж сами власти задавали тон в травле, что говорить о темных силах, каких немало в японском захолустье? Чьей-то рукой были отравлены пятьдесят кроликов как раз накануне завершения важного опыта. Потекли зловещие слухи, что доктору недолго осталось разъезжать по волости Футю в своей малолитражке; что, когда его ночью срочно вызовут к больному, на него в темноте налетит грузовик. К оскорблениям, угрозам добавлялась гнусная клевета о личной жизни доктора Хагино. Все это, вместе взятое, в конце концов довело до самоубийства его жену.

Упрямец из волости Футю пытались втоптать в грязь, изобразить его шантажистом, затем сумасшедшим. Но создать вокруг него зону отчуждения, оставить его в полном одиночестве так и не удалось.

Когда весь тот мир, к которому от рождения принадлежал доктор Хагино — как бывший помещик, родственник губернатора, человек со связями, положением, деньгами, — ополчился против него, причем не за какие-то прегрешения, а именно за его человеколюбие, честность, принципиальность, единственными соратниками доктора оказались люди, которые платили оброк его отцу и деду, его бывшие издольщики, которые, казалось, были вправе видеть в нем классового противника. Сельские коммунисты решительно присоединили свой голос к обвинению, брошенному против «Мицуи». Партийная ячейка волости Футю, которую со дня основания возглавляет кре-

стьянин Аояма, она и только она помогла доктору Хагино выстоять против злобной травли.

У местных земледельцев были свои основания оглядываться на горы, где за войну разросся рудник «Мицуи». Почему вода в Дзиндзу круглый год стала мутно-белой, словно в сезон дождей?

Почему вблизи оросительных каналов рис растет хуже, чем в отдалении, хотя прежде было наоборот? Почему, наконец, в послевоенные годы здешние заливные поля вообще стали давать неполновесные колосья?

Как депутат волостной управы, Аояма объединил жителей семи окрестных деревень в «Союз борьбы против загрязнения реки Дзиндзу». Союз этот впервые повел тяжбу против рудника, требуя возместить рисоводам понесенный ущерб.

По предложению Аояма крестьяне пригласили в волость Футю прогрессивного ученого, доктора сельскохозяйственных наук Иосиока. Он подтвердил, что на урожайность заливных полей отрицательно влияют отходы рудника, и тут же поинтересовался, не страдают ли жители долины Дзиндзу от какой-либо специфической местной болезни?

Аояма рассказал о страданиях и смерти своей матери, посоветовал агроному познакомиться с первооткрывателем итай-итай. Сделать это оказалось не просто. Потрясенный самоубийством жены, доктор Хагино не хотел видеть никого, кроме своих больных.

С неохотой согласился он принять доктора Иосиока «не более чем на пять минут».

Взволнованная беседа двух ученых продолжалась, однако, целых пять часов. Дополняя друг друга, они пришли к твердому убеждению, что оба зла, от которых страдают и люди и посевы, имеют общего виновника и что искать его надо в отходах рудника.

Хотя ведущие медицинские учреждения Японии многократно подтверждали, что вода реки Дзиндзу безвредна для питья и орошения, Хагино и Иосиока призвали на помощь специалиста по спектральному анализу профессора Кобаяси, который обнаружил в этой воде кадмий.

Итак, виновник был впервые назван по имени. Но чтобы обосновать приговор, требовалось собрать для

всестороннего научного анализа огромный фактический материал. И вот тут-то рисоводы волости Футю оказали трем ученым поистине неоценимую помощь. По анкетам, составленным доктором Хагино, сельские активисты проводили поголовные опросы населения. Они пешком прошли с агрономом Иосиока вплоть до истоков реки Дзиндзу, беря пробы воды, почвы, растений как ниже, так и выше рудника.

Все эти исследования, подтвержденные экспериментами на животных, объяснили, почему жертвами болезни итай-итай чаще всего становятся многодетные женщины. Перед родами и при кормлении мать отдает ребенку много кальция, присутствие же кадмия мешает организму восстановить эти потери, что и ведет к разрушению костей.

На конференции японского хирургического общества доктор Хагино опубликовал этот совместный вывод трех ученых. Однако владельцы рудника не сдавались. Спекулируя на деревенских инстинктах, они нашептывали крестьянам:

— Затеете суд — пойдет по стране дурная слава, что на Тоямской равнине завелась некая неизлечимая болезнь. Кто станет тогда свататься за ваших дочерей? И кто будет покупать ваш рис, если вы поднимете шум, что он орошается отравленной водой?

Чтобы посеять рознь между крестьянами и рабочими, владельцы рудника подбросили сто миллионов иен некоему «Союзу в защиту рудника «Мицуи киндзоку», который был создан в противовес «Комитету борьбы против болезни итай-итай».

Иск против отравителей реки Дзиндзу был адресован тем, кто в погоне за наживой направляет развитее производительных сил во вред человеку. В роли обвиняемого оказался капитализм.

Полуторазэтажный Токио

Излюбленный прием описания больших городов (Москвы — с Ленинских гор, Парижа — с Эйфелевой башни или Нью-Йорка с Эмпайр стейт билдинг) мало

подходит для Токио. Не потому, что границы одиннадцатимиллионного гиганта теряются за горизонтом, а потому, что взгляд тщетно ищет в его панораме знакомые точки опоры, архитектурные доминанты, которые формировали бы панораму города.

Здесь не найдешь места, которое могло бы олицетворять японскую столицу, как Кремлевская набережная — Москву или как Тауэр — Лондон. Даже географический центр Токио — императорский дворец — не доминирует над столицей и со стороны воспринимается лишь как опоясанный вром парк.

За послевоенные десятилетия в городе выросло много новых зданий, радующих глаз смелостью архитектурной мысли, безукоризненным качеством строительства. Пролегли бетонные ленты эстакадных автострад.

И все же японская столица по-прежнему осталась городом без главной темы, без определившихся архитектурных черт, которые придавали бы индивидуальность его портрету.

Лицо Токио — не здания, а прежде всего люди. Токио волнует, поражает и удручает прежде всего как величайшее скопление людей.

Если можно говорить о «чувстве Токио», то это стихия толпы, воплощенная в потоках людей и столь же беспорядочно теснящихся толпах домов. Столица индустриальной державы в основе своей является гигантским, потерявшим границы захолустьем.

Токио — это безбрежное море деревянных, преимущественно одноэтажных домов, сгрудившихся словно мебель, которую кое-как сдвинули в угол комнаты на время уборки.

Токио — это простирающийся на добрых полсотни километров пласт тесно спрессованных человеческих жилищ, большинство которых до сих пор не имеют городской канализации. Кое-где близ станций электрички или подземки в этот пласт, как оазисы, вкраплены торгово-увеселительные кварталы. По вечерам там щедро полыхает неон, а в соседних переулках самая что ни на есть сельская глушь: ни фонарей, ни пешеходов. Прием речь идет не о каких-то окраинах:

Токио таков и в пятнадцать минут, и в полутора часах езды от центра.

Нет ничего хуже, чем сбиться с пути в этой не знающей конца и края путанице безымянных переулков и тупиков. Ведь Токио был и остается лабиринтом, шарадой, загадкой не только для приезжих, но и коренных жителей. Знание адреса: улица такая-то, дом такой-то,— тут почти ничего не дает.

Токийцы в шутку говорят, что такси в японской столице водят бывшие летчики-смертники. Но даже эти отчаянные лихачи и лучшие знатоки города могут ориентироваться в нем лишь зонально. Вместо адреса они — в переводе на московские понятия — привыкли слышать примерно следующее: Замоскворечье, Серпуховка, направо по трамвайным путям до остановки «Школа».

Лишь в связи с Олимпийскими играми 1964 года сорока четырем улицам Токио были даны официальные названия, но они как-то не прижились. Мало кто знает Тюо дōри. В обиходе осталась Гинза, хоть это название не улицы, а района.

Кроме того, дома в городе пронумерованы не по улицам, а по околоткам, причем номера ставили на дома в том порядке, как они строились. Вот почему житель Токио, давая свой адрес, тут же непременно чертит карту — как добраться. Объяснить местоположение по телефону — дело почти безнадежное.

Японцы говорят, что Токио дважды имел и дважды упустил возможность отстроиться заново. Первый раз после землетрясения 1923 года, разрушившего половину зданий. Второй раз — после американских налетов 1945 года, когда город выгорел на две трети.

Муниципалитет предпринял энергичнейшие усилия, чтобы воспользоваться третьим поводом для коренной реконструкции города: подготовкой к Олимпийским играм 1964 года. Были проложены новые магистрали общей протяженностью в пятьдесят четыре километра. Но многое в намеченных планах уже по ходу пришлось урезать из-за вздорожания земли — той, что надо было выкупить у владельцев вместе с домами, намеченными к сносу.

Застройка магистралей столицы велась без должного архитектурного надзора. Владельцы крохотных участков в тридцать — пятьдесят квадратных метров не пожелали уходить с передней линии и понаставили уродливые вытянутые дома по принципу «четыре комнаты одна под другой», а монументальные многоэтажные здания оказались позади.

Токио первым из городов Японии стал жертвой моторизации. Еще в 60-х годах названия японских автомобильных фирм были практически неизвестны на мировом рынке. А на улицах Токио было больше подержанных американских машин, чем новых отечественных. Наибольшей популярностью пользовались трехколесные грузовички «Хонда» — помесь автомобиля и мотоцикла.

Между тем Япония тогда вступила в период массовой моторизации. За двадцать лет ее автомобильный парк увеличился в двадцать раз: с полутора до тридцати миллионов машин. Третья часть населения страны имеет нынче водительские права.

В 1964 году по производству автомобилей Япония опередила Францию, в 1966 — Англию, в 1967 — ФРГ, а в 1980 — Соединенные Штаты. Тогда с конвейеров японских заводов сошло 11 миллионов автомашин. Свыше половины из них предназначены для экспорта, причем два с лишним миллиона — в США. Японские марки не только стали там более популярными, чем западноевропейские. Они даже теснят американских производителей на их собственном рынке.

Какая ирония судьбы! Ведь всего сто с лишним лет назад Япония вовсе не знала колес, пока американец по фамилии Гобле не ввел там в обиход двухколесную коляску, в которую должен был впрягаться человек (термин «рикша» происходит от японского словосочетания «дзин-рики-ся», что буквально означает «человек-сила-повозка»).

Вплоть до второй половины прошлого века в Стране восходящего солнца не было дорог, по которым могла бы проехать даже телега. Так что стремительная моторизация, происшедшая на протяжении двух последних десятилетий, была подобна стихийному бедствию. Страна с отсталой дорожной сетью была об-

речена на хроническое перенапряжение транспортных артерий и огромное число жертв уличного движения (12—15 тысяч убитых, 500 тысяч раненых ежегодно).

Все большие города мира в той или иной степени страдают ныне от подобного недуга. Но нигде он не ощущается так мучительно, как в Токио. Ибо если сопоставить площадь улиц со всей городской территорией, то в Нью-Йорке она составит 35 процентов, в Париже — 26, в Лондоне — 23, а в Токио — лишь 10 процентов.

В часы «пик» над городом кружат полицейские вертолеты, чтобы специальная радиостанция могла информировать водителей о наиболее безнадежных пробках и заблаговременно подсказывать пути объезда. Впрочем, эта вторая задача все больше становится невыполнимой даже при отличной технической оснащенности токийской полиции. Уличное движение, как мрачно шутят горожане, все чаще превращается в «уличное стояние».

Главная проблема Токио, обостряющая все остальные проблемы, — это его непрерывный, бесконтрольный рост. Девять из одиннадцати миллионов токийцев живут на территории в пятьсот семьдесят квадратных километров. Это все равно, что сселить Венгрию в Будапешт. Плотность населения здесь и так уже понятие не статистическое, а, можно сказать, осязаемое. Однако каждый год в городе прибавляется еще четверть миллиона жителей и еще сто тысяч автомашин.

Дороговизна жилья заставляет людей селиться все дальше и дальше, не только в пригородах, но и в прилегающих префектурах. Это, в свою очередь, создает колоссальную нагрузку для городского транспорта. Подсчитано, что сорока процентам токийцев каждый день требуется три часа, а десяти процентам — четыре часа, чтобы добраться на работу и вернуться домой. Стало быть, половина населения столицы тратит в пути половину энергии своего трудового дня.

В часы «пик» официальная пропускная способность поездов превышает в три с-лишним раза. Тысячи неимущих студентов подрабатывают «толкачами» — помогают запрессовывать пассажиров в вагоны. Каждую зиму транспортная проблема обостряет-

ся: человек в пальто занимает больше места. Чтобы было легче двигаться в давке, одна из фирм предложила горожанам специальные «сверхскользящие» плащи.

Значение японской столицы давно переросло старую поговорку: «Токио — всему десятая часть». Сегодняшний Токио — это более 10 процентов населения страны, более 10 процентов ее рабочей силы, треть ее вузов и половина ее студентов. Это город, где живет 50 процентов японцев, имеющих высшее образование; город, где сосредоточено 60 процентов капитала и где 60 процентов избирателей голосует на выборах за кандидатов прогрессивных сил.

Вот почему Токио, как гигантский магнит, продолжает притягивать к себе молодежь со всей страны, ибо здесь мозг и сердце Японии — сгусток ее энергии, фокус ее противоречий, средоточие ее надежд.

Полюсы вольтовой дуги

Ни одна капиталистическая страна не знала в послевоенные годы столь высоких темпов развития, как Япония. Экономический бум сказался бесспорно и на жизни японской семьи.

Но как? Черты нового вошли в быт неравномерно и неровно, порой даже нерационально: создали много несоответствий и несуразностей.

Кому не знакомо чувство, которое рождает взгляд, брошенный с улицы в чье-то освещенное окно? Каждый штрих в картине чужого, незнакомого быта рождает любопытство, будоражит воображение.

В японские окна заглянуть трудно: по традиции они непрозрачны, если даже принятая исстари тонкая бумага заменена в них стеклом. Но уже сама улица вызывает жажду вникнуть в ее жизнь, которая поначалу кажется пестрой и непонятной, как иероглифы вывесок.

Приезжий вглядывается в человеческий поток, выплескивающийся по утрам из станций метро или электрички. Люди в массе одеты хорошо. Иностранец вов-

се не выделяется в здешней толпе, как это бывает в других странах Азии. А ведь рядом с ним не вечерняя публика центральных кварталов — просто горожане, спешащие к началу трудового дня.

Хочется добраться до истоков этой людской реки. Побродить по узким кривым переулкам, среди мешанины тесно и беспорядочно сдвинутых двухэтажных домиков, из которых в основном и состоит самый разбросанный и самый беспорядочный город мира — Токио.

Здесь чаще, чем гудки автомашин, слышится задорный перестук деревянных подошв. Женщины в белых фартуках, надетых поверх кимоно, ведут сложные переговоры с овощниками и рыбниками. Церемонных поклонов и вежливо уклончивых ответов в каждом диалоге хватило бы на целую дипломатическую конференцию, хотя речь идет лишь о пучке редьки и горстке сушеных снетков.

А рядом под таким же невзрачным навесником штабелями навалены телевизоры, радиоприемники, электрические рисоварки. Мальчик-посыльный привязывает к багажнику мотоцикла стиральную машину, только что купленную какой-то старушкой. Раз уж торговец электротехникой обосновался здесь, вдали от центральных универмагов, значит, его товар покупают, на него есть спрос.

«Средний японец обеспечен сейчас электротехникой лучше, чем одеждой; одеждой лучше, чем едой; едой лучше, чем жильем». Так очень метко сформулировала суть образовавшихся в быту диспропорций газета «Майнити».

В японском языке есть слово «и-секу-дзю». На первом месте в нем стоит иероглиф «и» — «одежда», на втором «секу» — «еда», на третьем «дзю» — «жилье». Порядок слогов — это не только лексика, это и жизненная философия.

Отправляясь на завод, рабочий берет из дома бенто. Рис, положенный в плоскую лубяную или жестяную коробочку, сварен в электрической кастрюле. В остальном же содержимое бенто не так уж много изменилось с военных лет, когда патристическим обедом называли «флаг с восходящим солнцем» —

красный кружок моркови, одиноко положенный на белый рис.

К полудню в деловых кварталах Токио появляются велосипедисты. Каждый рулит лишь одной рукой, а в другой держит поднос, на котором в несколько этажей наставлены миски. С непостижимой ловкостью лавируют эти подростки в густом потоке автомашин — виртуозный номер, с которым вполне можно было бы выступать в цирке. Здесь это быт. Посыльные из харчевен доставляют обед тем, кто трудится за ультрасовременными фасадами из алюминия и зеленого стекла.

Служащие, сидящие в огромном банковском зале, получают разное жалованье. Но часто и клерки и столоначальники одинаково довольствуются миской дымящейся лапши.

В целом люди стали питаться лучше. Все чаще можно встретить горожан, завтракающих на улице четвертушкой молока и булкой — правда, это в большинстве люди одинокие, бессемейные. Статистика отметила рост потребления мяса. Японец съедает его за год столько же, сколько англичанин или француз за месяц.

Перемены могли бы куда больше затронуть питание среднего японца. Но все же они налицо. А вот жилищные условия если и изменились, то в худшую сторону. Это — самое болезненное место в быту японца и самая разорительная статья в его бюджете.

Кажется невероятным, но это так: трудовая семья вынуждена тратить на жилье, как правило, не меньше, чем на питание, а иногда и больше.

Житель японского города знает, что сильнее самой изощренной рекламы действуют на воображение листки бумаги, белеющие на фонарных столбах. Кого из жителей Токио не бросали в дрожь эти самодельные объявления о сдающихся комнатах: «четыре с половиной татами»... «шесть татами»... — и номер телефона.

Татами — это плотный, пальца в три толщиной, соломенный мат из простеганных циновок. Размер его соответствует месту, на котором может улечься человек: немногим более полутора квадратных метров. Из таких матов состоят полы японских жилищ, они

же заменяют собой стулья, кровати и прочую мебель. На татами ставится лишь низенький столик. Но вечерами его прислоняют боком к стене, вынимают из стенного шкафа тюфяки, одеяла, и тогда вся площадь комнаты может служить постелью.

«Культ цветущих вишен и кимоно может исчезнуть под напором западной цивилизации, но одна черта старой Японии остается неизменной: большинство японцев донныне живут, едят и спят на полу», — писал из Токио корреспондент «Юнайтед пресс интернэшнл», удивляясь приверженности местных жителей к татами.

Это, кстати говоря, излюбленный многими иностранными авторами повод пофилософствовать о «загадочной душе японца», который, дескать, вместе с обувью оставляет за порогом жилища все иностранное, воспринятое со стороны, чтобы, усевшись на татами, вновь стать самим собой.

Слов нет, своеобразная форма быта порождена природными условиями Японии. Татами не отсыревают во время ливней, не холодят зимой. Но старики и подмастерья, что ходят по домам заменять или подновлять старые татами, знают: есть и другие причины не беспокоиться за будущее их древнего ремесла. Пока с жильем туго, люди не откажутся от пола, способного служить постелью.

Большинство горожан арендуют жилье у домовладельцев. А сдают чаще всего комнаты из шести татами. За такое самое скромное обиталище для небольшой семьи надо отдавать треть зарплаты, да еще внести шестимесячный залог при въезде.

Как ни парадоксально, жилище горожанина отличается от крестьянского не числом удобств, а наоборот — неудобств: оно и дорого, и тесно, и далеко от работы.

Центральное отопление — редкость даже в дорогих, недоступных простому человеку квартирах, хотя топить надо бы не меньше трех месяцев в году. Японцы в шутку говорят, что их дома обогреваются солнцем и дыханием. Вентилируются же они сквозняком: от раздвижных окон и перегородок немилосердно дует. Керосиновые или газовые печки, как и стародав-

ние хибати — жаровни с углем, мало спасают положение.

Два-три часа ежедневно в душных, битком набитых вагонах электрички или подземки — неизбежное добавление к жилищному кризису. Разбросанность и хаотичность городов заставляют людей делать огромные концы на работу и домой.

Самое худшее во всем этом — бесперспективность. В Японии строят много, умеют строить быстро, слаженно, добротнo. Но редко бывает, чтобы, радуя взор, разом поднимался на пустыре целый жилой массив.

Городские управы ведут кое-где постройку современных многоэтажных домов. Но главный тормоз в решении жилищной проблемы — частная собственность на землю.

Есть в Японии старая пословица: «Хурма плодоносит на восьмой год, слива на третий». Торговцы недвижимостью трактуют ее нынче на другой лад: «От сливы ждать доходов три года, земля окупается в первый же». Владельцы участков и домов богатеют, пальцем не пошевелив.

«Мы научились бороться с таким опасным явлением природы, как оседание суши, — говорят японские строители. — Но мы ничего не можем поделать с другим «стихийным бедствием» — когда земля ползет вверх в своей цене. Это поистине бич наших городов...»

У Японии немало общего с Италией. Но там контраст промышленного Севера и далеко отставшего от него аграрного Юга как-то разграничен в пространстве. Здесь же крестьянки из горного селения могут за час-другой добраться на автобусе до завода, выпускающего цветные телевизоры.

Своеобразие Японии в том, что противоположные полюсы: индустриальные центры и сельская глушь сближены, как угли вольтовой дуги. Эта близость электризует, срывает с насиженных мест, толкает с гор к побережью, из сел в города миллионы людей.

Не новость, что экономический рост в капиталистических странах обостряет контрасты различных со-

циальных слоев, различных географических районов. Особенность Японии в том, что здесь эти противоречия втиснуты и в рамки одной семьи, одной человеческой судьбы.

Торговцы дурманом

Леденящее чувство рождает этот переулок, зажатый между зловонной рекой и эстакадой, по которой то и дело с грохотом проносятся поезда электричек.

Есть в Иокогаме трущобы и похуже. Но здесь удручающее зрелище спрессованной нищеты смешивается с ощущением чего-то ненастоящего, призрачного, чего-то затаившегося и тревожного; с ощущением, которое испытываешь только в кошмарном сне.

Улица будто дремлет. Не видно, чтобы кто-нибудь из ее обитателей готовил пищу, торговался с разносчиком овощей, развешивал мокрое белье, нянчил детей.

Случайный товар в мелочной лавке — какие-то платочки, зажигалки, кружки — давно уже покрылся толстым слоем пыли. Но торговцу это безразлично, как его соседу — хозяину прачечной, который неподвижно взирает на улицу, облокотясь на груду неглаженных рубашек.

В пролетах между бетонными столбами эстакады обосновались распивочные, харчевни. По ним с утра молча слоняются какие-то опустившиеся личности с бескровными лицами и странным блеском глаз. Они присаживаются за столики, теснятся у стоек. Редко кто закажет что-нибудь поесть и уж вовсе никогда не спросит спиртного. Однако владельцы баров и закусовых, как видно, равнодушны к этому.

Квартал Хиноде-чо живет своей странной жизнью, искусственной и неправдоподобной, как театральная декорация. Чувствуется, что эта декорация готова вот-вот подняться и открыть картину куда более страшную, чем просто человеческая нужда.

Так оно и есть. Если Иокогаму японцы считают центром тайной торговли наркотиками, то Хиноде-

чо — главный из таких подпольных рынков в этом порту.

Я сижу в одной из закусовых, прилепившихся под эстакадой, где все ходит ходуном от гроыхающих над головой поездов. Хозяин отвечает на расспросы, как шофер за рулем, не отводя взгляда от стеклянной двери.

— Вы уж уберите с глаз фотоаппарат, да и блокнот тоже. Здесь этого не любят,— советует он.

Хиноде-чо, по словам хозяина, уже давно не рынок, а скорее биржа ядов. Торговцы героином никогда не приходят сюда сами, тем более с товаром. Наркоманы вступают тут в контакт лишь с «лоцманами» преступных шаек. Полиция может задержать человека, только обнаружив у него героин. Пользуясь этим, «лоцманы» действуют, почти не опасаясь ареста.

Зато для их несчастной клиентуры каждая такая сделка обращается в пытку. Мало договориться о цене. Два-три десятка людей должны отдать все деньги кому-то одному и ждать, пока доверенный с помощью сложной системы телефонных звонков, паролей и явок не встретит на противоположном конце города другого «лоцмана» — уже с товаром. Ждать и каждый раз мучиться мыслью, что ушедший или вовсе не вернется или подменит героин зубным порошком,— такие случаи бессчетны.

Поэтому человека, зажавшего наконец в кулаке крошечный пакетик, ничто уже больше не волнует, ничто не страшит.

Да и улица вместе с ним как бы забывает в такие минуты обо всякой маскировке. Жалкие лавчонки, прачечные, харчевни разом превращаются в нечто вроде ночлежек, где на час-два сдается каждый закуток, каждый угол.

Наркоман спешит забраться туда, как зверь в нору, наливает на донце перевернутой чашки несколько капель воды, торопливо размешивает в ней пальцами белый порошок, вынимает из-за пазухи завернутый в тряпку шприц, привычным движением делает впрыскивание в исколотый сгиб левой руки.

И вот наркотический сон уже валит его на цинковку...

Никакая религиозная фантазия о муках людей, продавших душу дьяволу, не идет в сравнение с тем, что испытывает человек, испробовавший героин. Иногда лишь трех впрыскиваний достаточно, чтобы навсегда сделаться наркоманом.

Не потому, что он успевает пристраститься к опьянению. А прежде всего потому, что начинает испытывать через какое-то время после впрыскивания мучительнейшее наркотическое похмелье. Он корчится в приступах тошноты, его терзает усиливающееся жжение и зуд, будто в кожу разом впиваются тысячи пчелиных жал. От страданий этих избавляет лишь новый укол.

Однажды, рассказывает хозяин закуской, героин вдруг на несколько дней исчез с Хиноде-чо. То ли где-то кончился опиумный мак перед новым урожаем, то ли непогода мешала лодкам контрабандистов подойти к японским берегам или скорее всего неведомые синдикаты яда умышленно придержали товар, желая вздуть цены.

Результат был ужасен. Не находя «лоцманов», сотни обезумевших, хрипящих, совершенно потерявших человеческий облик людей запередили улицу. Из-за этих беснующихся толп по Хиноде-чо даже днем не могла проехать ни одна машина...

В торговле наркотиками еще с прошлого века сложилось правило: отпускать первые дозы бесплатно. Важно приманить жертву, а «белый дьявол» уже не выпустит ее из своей власти.

Июкогамские вербовщики «живого товара» знают: стоит уговорить женщину отведать таинственного зелья, и ее можно сплавить потом в любой притон. За четыре порошка героина она будет отдавать все вырученные деньги и никогда уже не выберется из этого омота.

Докер в порту, шофер такси могут заработать в день не многим более стоимости одной дозы. Став наркоманами, они уже не имеют другого выхода, кроме как наняться за героин «лоцманами» в какую-нибудь банду. Судьба уже не сулит им ничего, кроме тюрьмы или скорой смерти.

Разбрасывать семена нечеловеческих мучений, чтобы собирать потом тучный золотой урожай,— такова основа тайной торговли наркотиками.

Хоть и пестр мир, занятый этим зловещим бизнесом, он железно блюдет два неписанных закона.

Во-первых, всегда искусственно поддерживать на рынке некоторую нехватку дурмана, держать каждого наркомана в страхе, что именно ему не достанется сегодня долгожданной дозы. Нет лучше средства постоянно иметь мгновенный сбыт.

Во-вторых, никто из компаньонов не должен употреблять ни героина, ни опиума сам. Причина проста: с наркоманом нельзя иметь дело, ему нельзя доверять — это не человек.

Угол, занавешенный грязной простыней, где скорчившаяся фигура вонзает себе в вену шприц с героином, называется английским словом «помп-рум».

Да, тут действительно начало чудовищной помпы. Через тринадцать рук проходит ядовитый дурман, прежде чем попадает сюда. Последние, тринадцатые, жалкие трясущиеся ладони «лоцмана» не в счет. Для них уготованы стальные наручники. Но все остальные жадно тянутся к мощной золотой струе, которая хлещет из этого насоса.

В Японию ежегодно ввозится контрабандой до полутора тонн героина. По весу — поистине микроскопическая доля в импорте. Но в каждом килограмме пятьдесят тысяч доз, в полутора же тоннах их, стало быть, 75 миллионов.

Нет товара, который приносил бы такие немислимые, фантастические прибыли, сохраняя к тому же устойчивый, неизменно растущий спрос.

Грамм героина в Японии стоит в сто раз дороже, чем в Гонконге. Прибыль в десять тысяч процентов дает товару свойство, сходное с физическим понятием сверхпроницаемости. Ради такой головокружительной наживы контрабандист прошибает любую преграду. Где можно — толстой пачкой кредиток, где нужно — кинжалом или пулей и, наконец, — пакетом героина.

Законопроект, представленный в парламент, предлагает усилить кару торговцам «белой смертью»

до пожизненного заключения. Но заправилы концернов яда спокойны. Решетка грозит прежде всего «лоцманам». А чем глубже уйдет в подполье торговля, тем выше станут цены, а значит, и прибыли...

Больше сотни иностранных судов подходят ежедневно к японским берегам. Попробуй уследи, если ночью из-за какого-то иллюминатора в определенном месте полетит за борт небольшой сверток. На рассвете его по едва заметному поплавку подберет рыбацья лодка.

Возле металлургических заводов выгружают руду, привезенную из Юго-Восточной Азии. Где-то внутри ее глыб спрятаны наркотики.

Механики в порту возьмется у самолета, принимая отработанное масло. Но они знают, что в нем — крупицы героина, и знают, как его отделить.

Три четверти той страшной цены, которую страна ежегодно платит за героин, попадает в иностранные руки.

«Япония заняла нынче первое место в мире по потреблению наркотиков. Героин, который вдесятеро ядовитее морфия и в сто раз — опиума, калечит свыше двухсот тысяч жизней. Я обращался к правительству, но не нашел отклика с его стороны и с тех пор через печать и радио, телевидение неустанно призываю общественность осознать меры угрожающей нам опасности», — читаем мы на обложке нашумевшей книги «Япония — царство наркотиков».

Ее автор — господин Сугавара — далек от каких-либо радикальных взглядов. Это человек консервативных убеждений. Но, движимый искренней тревогой, он добился создания комитета по борьбе с наркоманией и стал во главе его.

Ветвистое дерево широко раскинуло над Японией свою ядовитую крону. То тут, то там обламывают веточку, но большие сучья держатся крепко, а до ствола полиция и вовсе не может дотянуться. Наркоманы же — лишь листья, которые жухнут и беззвучно опадают, чтобы где-то за морями у корней этого дерева набухали золотые клубни.

Власть теней

Эта картина, увиденная как-то под вечер из окна вагона, накрепко врезалась в память.

Поезд мчался по бесконечным предместьям слившихся воедино городов. Он словно взрезал собой плотный пласт человеческих жилищ. Домики теснились к самым путям. Их оконные створки были раздвинуты, как бы открывая взору жизнь в разрезе.

Час за часом стучали колеса, проносились мимо названия станций. А перед глазами было все то же: в густеющих сумерках светились бесчисленные прямоугольники телевизионных экранов.

Они были вездесущи. И порой начинало казаться, что фигуры людей перед ними молятся какому-то новому, неведомому божеству. Какое место занял телевизионный экран в жизни японской семьи? Что нового внес он своим появлением?

Спору нет, жилище обрело еще одно окно — окно в окружающий мир. Многие в японском телевидении заслуживают доброго слова. Это прежде всего его оперативность, стремление не только рассказать о событиях дня, но и показать их. Что бы ни происходило и где бы ни происходило, автомашины с телекамерами или репортерские вертолеты неизменно оказываются в числе свидетелей. Часто бывает, едва успеешь вернуться домой с какой-нибудь бурной демонстрации, а ее уже показывают на экране. Тут сказываются и техническая оснащенность и высокая профессиональная выучка людей.

Можно согласиться с мнением японских журналистов, что по сравнению с газетами телевидение как источник новостей не только более оперативно, но и менее тенденциозно. Факт, поданный зрительно, уже тем самым становится объективнее. Ему труднее дать превратное толкование.

Беспорной похвалы заслуживают образовательные передачи, документальные телевизионные filmy в форме лирических репортажей с мест. Владельцы студий не могут не считаться с такими отличительными чертами национального характера, как общая любознательность японцев, их чуткость к явле-

ниям природы. За тем, как движется по японской земле цветение сакуры, когда ложится на вершину Фудзи первый снег, телевидение следит столь же внимательно, как за важнейшими политическими событиями.

Итак, телеэкран обогащает людей знанием жизни, расширяет их кругозор. Почему же тогда стали крылатыми слова видного публициста Сёити Оя:

«Развитие телевидения превращает Японию в страну ста миллионов дураков...»

Мысль умышленно заострена слишком резко. Но она отражает тревогу передовых умов Японии подоплекой этого бума, движущие силы которого лежат в стороне от положительной, прогрессивной роли современного телевидения.

Денежный мешок сразу же оценил всепроникающую силу телевидения, меру его воздействия на человеческие умы и сердца. Уже более полутораста коммерческих станций шлют в японский эфир свои передачи. А к небу, словно бамбук после дождя, тянутся все новые стальные башни. Для жителя Токио предназначено около ста двадцати часов телевизионных передач в сутки. Они начинаются с шести утра и продолжаются за полночь по семи каналам. Четыре из них принадлежат частным компаниям, которые все свое время до последней минуты распродают «спонсорам», или «попечителям».

Фирма, выпускающая часы, оплачивает поверку времени, кофейный трест — утренний выпуск новостей, компания по продаже лечебных препаратов — эстрадный концерт и так далее.

Закупив шестьдесят минут эфира, попечитель может использовать шесть из них на рекламу, нашпиговав ею передачу по своему усмотрению. Вторжения эти настолько назойливы и несносны, что владельцы токийских отелей используют кабельное телевидение, чтобы гости могли оградить себя от рекламы.

Но главный порок коммерческого телевидения даже не в том, что вставки эти мешают смотреть. Куда опаснее, что и содержание остальных пятидесяти четырех минут за вычетом шести рекламных оказалось в зависимости от выбора «спонсоров». Пусть да-

же драматург или публицист встретили на телестудии талантливых, честных, прогрессивных людей, чтобы передача попала в эфир, должен найтись «попечитель», который согласился бы оплатить ее как подходящий фон для своей рекламы.

Компания, выпускающая автомобили, охотно возьмет фильм о гонках. Торговцы косметикой — сцены с балами и красавицами. Но кто заинтересуется серьезной социальной темой?

Коммерческое телевидение ежегодно получает от «спонсоров» поистине астрономические суммы. Ни один капиталист не станет зря швырять такие деньги в эфир, то есть, попросту говоря, на ветер. И если уж их выкидывает, то хочет, чтобы эффект от этого был максимальным.

«Спонсора» прежде всего и больше всего интересует: сколько людей будут смотреть купленную им передачу? Не перехватят ли телезрителей конкуренты?

Чтобы поставить этот вопрос на научную основу, не поспешили на расходы. Был сконструирован специальный видеосчетчик. Он подключается к телевизору и записывает все передачи, которые семья смотрит за неделю. На основании этих выборочных данных рекламные агентства рассчитывают «коэффициент зрительности» для каждого канала в различное время дня.

Выяснилось, что хотя телевизор в японском доме работает обычно более шести часов в сутки, включают его урывками, и редко бывает, чтобы одну и ту же программу смотрело более двадцати процентов зрителей. Но с семи до девяти вечера, в так называемые «золотые часы», телеэкран становится олицетворением домашнего очага. Перед ним после дневных трудов собирается вся семья, и «коэффициент зрительности» поднимается за пятьдесят процентов.

Как ни странно, именно в эти часы передачи больше всего поражают однообразием. Куда ни поверни переключатель — всюду блеск и звон клинков, стоны и хрип, искаженные яростью лица. Это — зримое воплощение битвы в эфире, которая именно в ту пору доходит до предельного ожесточения.

Ни одна компания не желает пускать здесь дело на самотек, чтобы человек пошарил наугад по каналам и выбрал что-то понравившееся на этот раз. Почти по всем программам в «золотые часы» идут многосерийные передачи в расчете на то, чтобы семья привыкла смотреть их постоянно, как читают роман с продолжением.

На какую же серию сделать ставку, чем приманить зрителя, чтобы не ловить его каждый раз на крючок, а взять сетью всерьез и надолго?

Торговцы лечебными препаратами, кстати сказать, подозрительно рьяно рвущиеся в «золотой» эфир, наперебой ухватились за жанр, который можно было бы определить как «самурайский детектив». Эти серии прославляют ниндзя — средневековых лазутчиков, умевших виртуозно владеть любым оружием, причем не на поле боя, а в стане врага.

За таким выбором стоит целый стратегический замысел.

— Мы исходили из того, — поясняет представитель фирмы «Танáбе», — что в ранние вечерние часы выбор программы обычно предоставляют детям. Но мало захватить детское воображение. Нужно, чтобы передача была в то же время интересна и для взрослых — действительных покупателей, для которых предназначена реклама наших лекарств. Мы сделали ставку на ниндзя и не ошиблись, ибо всякий человек инстинктивно тяготеет к авантюре...

Говорят, что старинный самурайский кодекс чести не распространялся на лазутчиков в тылу. Судя по всему, не распространялся он и на тех, кто ведет нынешнюю войну в эфире. Нет приемов, которые считались бы в ней недопустимыми или подлыми, лишь бы рос «коэффициент зрительности». Он подменил собою все: художественную, познавательную, госпитальную ценность передач, все критерии искусства, всякую меру добра и зла.

Есть нечто символичное, выражающее самую суть коммерческого телевидения в том, что следом за крупнейшими электротехническими концернами в списке наиболее щедрых «спонсоров» идут фармацевтические фирмы.

«Не так важно улучшить качество лекарства, как хорошенько расхвалить его», — откровенно рассуждают они.

Расходы на рекламу составляют львиную долю непомерно раздутой стоимости медикаментов. Рекламируются, разумеется, не какая-нибудь новая вакцина или препарат, а, так сказать, лекарства массового потребления: всякого рода эликсиры бодрости, средства от переутомления, нервного расстройства, бессонницы.

Одурманить человека, вбить ему в голову, что от житейских тягот его могут избавить некие сомнительные панацеи — не такую ли роль отводит телеэкрану денежный мешок?

Велик творческий подвиг японского народа, создавшего всеобъемлющую телевизионную сеть. Но чем больше подпадает замечательное творение разума под власть коммерции, тем больше обращается оно в свою противоположность.

Телевидение начинает одурманивать, оглуплять человека, вместо того, чтобы умудрять, просвещать его; оно начинает насаждать пороки, вместо того, чтобы утверждать добродетели.

Именно об этом и предостерегает крылатая фраза Сёити Оя.

Желтая кровь

Слова «голубая кровь», которая якобы течет в жилах родовой знати, принято понимать в переносном смысле как метафору. Но на противоположном конце капиталистической общественной лестницы существует, оказывается, и «желтая кровь». Причем не как литературное, а как медицинское понятие.

Японских врачей встревожили участвовавшие случаи осложнений после переливания крови: чуть ли не каждый десятый стал заболевать воспалением печени (гепатитом).

Выяснилось, что лишь три процента крови, которая используется в Японии при операциях, поступает

от доноров в виде добровольных пожертвований здоровых людей. Остальные 97 процентов продают люди, которых толкает на это нужда. Это кровь истощенных обитателей трущоб. Она не только неполноценна, но и опасна для клинического использования.

Сначала об этом ходили слухи. Потом зашумели газеты, дошло до запросов в парламенте. «Дело о желтой крови» взволновало каждого честного медика Японии, всколыхнуло общественность.

Шесть утра. Над мостом через реку Сумиду нехотя занимается хмурый рассвет. Все серо и мутно вокруг: река, загаженная нечистотами, очертания дешевых ночлежек, взгляды людей, которые угрюмо ждут чего-то, привалясь к перилам.

Здесь клоака Токио. В реку стекают отбросы огромного города, а на берегах оседает человеческий шлак. Это дно, дальше которого уже некуда опуститься. Дальше — лишь илистое дно Сумиды, где никаким багром не отыщешь утопленника.

Не об этом ли думают люди у моста?

Ветер доносит обрывки фраз:

— Ну, пойдешь ты на биржу труда, простоишь часа два в очереди. Допустим, повезет: пришьепнут в книжку «дорожные работы» и будешь с утра до вечера махать киркой. А тут дал кровь — и получай те же деньги.

— Говорят, дают таблетки, — вмешивается юношеский голос. — Выпьешь, и вечером можно продать еще стакан...

— Так-то так! — трясет головой старик, лежащий на рваной газете. — Зато назавтра тебя и вовсе на работу не потянет. Будешь сидеть, как буддийский отшельник перед просветлением.

Никто даже не усмехается шутке. Но безразличие тут же сменяется суетой...

У моста останавливается серый автобус, и все наперегонки устремляются к нему. Вряд ли у кого-нибудь из этих ранних пассажиров найдется в кармане хоть пара медяков. Но никто и не требует от них покупать билеты. Первая машина, появляющаяся по утрам в токийской трущобе Санья, автобус не рейсовый, а заводской. Кого же собирает он на пути до ворот

фармацевтической фабрики? Рабочих очередной смены? Нет. В данном случае роль помятых, заспанных людей совсем иная.

Люди здесь — сырье. Машиной в этом производстве служит пресс, именуемый нуждой, а коммерческой продукцией — кровь, предназначенная для спасения человеческих жизней.

К восьми часам фабричный двор полон ожидающими.

— Ждут каких-то инспекторов. Говорят, многих могут не допустить.

— Слышали? Со следующего месяца по утрам не будет автобуса. Не хотят, чтобы он мозолил глаза в Санья.

— И все они, чтоб им...— с ненавистью сплевывает сгорбившийся мужчина в углу.

Кому адресована эта слепая, безотчетная злоба? Кто «они»? Воротилы частных фармацевтических фирм?

Министерство здравоохранения, с молчаливого одобрения которого процветает этот бизнес? Или газеты, вынесшие на свет «дело о желтой крови»?

Обитатели трущоб сами себе дали кличку «осьминог», за сходство с животным, которое, изголодавшись, пожирает собственные щупальца. Официальные бумаги скромно именуют их профессионалами. Но в час приема все они как один валят к столу регистрации для вновь пришедших.

— Фамилия? Адрес? Группа крови? — механически бубнит клерк, проворно заполняя карточку за карточкой.

Очередь встревоженно косится на недавно вывешенное объявление: «По указанию министерства каждому донору надлежит предъявить удостоверение личности». Но этим, как видно, новшества и ограничились. Бумажку на стене благополучно не замечают. А раз так, разве трудно всякий раз представляться новичком?

Закон запрещает продавать кровь чаще чем раз в месяц. Но токийские студенты-медики обследовали тридцать восемь «осьминогов» и установили, что

двадцать семь из них делают это ежемесячно по двадцать — тридцать раз, а пять даже по сорок — пятьдесят раз. Значит, вместо допустимых двухсот кубических сантиметров крови из человека выкачивают по десяти тысяч. Когда одному инспектору рассказали об этом, тот не поверил:

— Это невысказимо с точки зрения медицины!

Зато врачи «скорой помощи» в трущобах Санья, выезжая на вызов, заранее знают диагноз. Если кто-то упал на улице — значит обморок от малокровия.

Тут действительно заколдованный круг. Сегодня на бирже труда не досталось работы — пошел продал кровь. Назавтра валит с ног, не дает работать слабость. Ничего не остается, как снова и снова сдавать кровь, постепенно превращаясь в вовсе не трудоспособного донора-профессионала.

— Защитники нашлись! — кричал в министерстве здравоохранения распалившийся владелец одного из «кровеных банков». — Да эти люди только благодаря нам и существуют. Без нас им и неделю не протянуть. Втолкуйте же газетам, чтобы они заткнулись со своей дурацкой шумихой!

Но замять «дело о желтой крови» не так просто.

Министерство здравоохранения смущено. А воротилы «кровенного бизнеса»? Встревожены, но не очень. Если «желтой крови» преградят путь в клиники, почему не использовать ее в косметических целях?

Можно, разумеется, оградить операционные от потока «желтой крови» и направить ее на изготовление средств от морщин. Но как, чем разгладить морщины на лицах тех, кто дожидается первого автобуса у ночлежек Санья? Пресс, выжимающий «желтую кровь», — это явление социальное. Тут медицина бессильна.

Полторы тысячи дней

На пустыре за заводской оградой полным-полно людей. Всюду смех, песни. Дымятся костры, трещат хлопущки, с визгом носится принаряженная детвора. Во всей этой пестрой разноголосице четко выделяет-

ся веселый перестук деревянных, похожих на молоты, пестов, который возвещает в Японии приближение Нового года.

Здесь и там расставлены огромные выдолбленные колоды. В каждую такую ступу вываливают решето распаренного риса, и, дождавшись своей очереди, мужчины начинают толочь его пестами.

Мужчины работают истово и согласно, словно бьют в ритуальный барабан. Подчиняясь безупречному ритму, женщины успевают после каждого удара подправлять вязкую массу, чтобы она не липла к краям.

Так толкут омóти — тягучие лепешки, которые в японских домах заранее заготавливают на все новогодние праздники. Старинный народный обычай воплощает радость единения семьи, которая не только непременно должна собраться за одним столом, но и сообща приложить руки к праздничной стряпне.

Сотни людей смотрят, как ест первую лепешку четырехлетний мальчуган с кумачовой, как у взрослых, повязкой на лбу. Да, здесь собралась одна большая семья, сообща приложившая руки, чтобы вскормить его. Ибо все четыре года, за которые малыш и три десятка его сверстников успели родиться, выучиться ходить и даже понять значение красной повязки, их родители не получали зарплату: они бастовали.

Незадолго до гулянья на пустыре мне довелось побывать в соседней школе, где среди детских прописей, развешанных по стенам, красовался плакат: «Пятая ежегодная конференция профсоюза «Ниппон ро-ру». Собравшиеся, как водится, говорили об итогах и задачах, о членских взносах, о том, кого выдвинуть в новый состав исполкома. Но эта внешне столь обыденная конференция не могла не рождать волнения. В свое пятилетие вступал профсоюз, который, просуществовав на заводе меньше четырех месяцев, бастовал все последующие четыре года.

Когда активисты вышли на фабричный двор с красным знаменем, чтобы объявить о рождении профсоюза, они до последней минуты не знали,

сколько металлистов откликнется на этот призыв. Всю подготовку пришлось вести скрытно.

Владельца завода «Ниппон рору» неспроста прозвали «Аоки-государь». Тщедушного вида старичок привык вести себя как феодальный владыка. Попытки создать профсоюз в 1946 и 1949 годах были им жестоко пресечены.

Едва опять завидев людей с алыми полотнищами, Аоки-государь коротко бросил: «Разогнаты!»

Охранники кинулись выполнять приказ. Но толпа вокруг флага росла и росла. Шестьсот рабочих — половина завода — открыто встали в тот же вечер под профсоюзное знамя.

Такого Аоки не ожидал. Он был ошарашен, но от коллективных переговоров наотрез отказался: «Я нанимаю рабочих, я плачу им деньги, и если уж пошла такая мода, я же создам им и профсоюз, а с самозванцами никаких дел иметь не буду».

Владелец завода начал нечистоплотную возню. Не брезгая ни клеветой, ни угрозами, не скупясь на подачки, он любой ценой старался затащить другую половину рабочих в свой «профсоюз». А когда счел, что штрейкбрехеров на вербовали достаточно, созвал общезаводской сход.

Аоки-государь был краток. Все знают, что рука у него тяжелая. Смутьянов на заводе не потерпит. Кому следует, уже отправлены письма об увольнении. Тем, кто завтра их получит, нечего являться на работу. Разве что сейчас раскаются, придут с повинной — тогда, может быть, будет поблажка.

Аоки умышленно не назвал ни имен, ни числа уволенных — надеялся расколоть коллектив, вызвать смятение в его рядах. Напрасно! Тут же на заводском дворе металлисты поклялись друг другу: если вздумают расчитать хоть одного — бастовать всем профсоюзом.

Как боевой гимн впервые прозвучала только что сложенная в цехах песня:

Крепись, товарищ,
 будь стоек до конца.
Нам луч победы
 заблестит сквозь тучи.

Как альпинисты
на пути по кручам,
Связали мы в борьбе
свои сердца.

Отправившись назавтра на завод, чтобы объявить забастовку, металлисты увидели, что ворота перегорожены шеренгой полицейских. Впереди нее, вызывающе помахивая дубинками, прохаживались молодчики в комбинезонах и касках.

Боясь, что рабочие займут оборону в цехах, Аоки уже с ночи вызвал отряд полиции, да еще нанял в помощь ей громил из «бамбукового колодца» — одной из гангстерских организаций.

Присутствие этих личностей, для характеристики которых больше всего подходит слово «черносотенцы», сделало борьбу особенно ожесточенной и тяжелой. Они избивали пикетчиков, пытавшихся создать перед заводскими воротами живую стену, обливали их водой из брандспойтов, закидывали камнями штаб стачки.

В течение первых месяцев буквально дня не проходило без столкновений. Более сотни забастовщиков получили ранения и увечья. Всего труднее было рабочим сдерживать себя. Черносотенцы всячески провоцировали их на побоище, чтобы дать полиции повод для массовых арестов.

Поглядывая из окна конторы на баррикаду перед воротами, Аоки повторял, что он разделяется с профсоюзом.

— Если не пускать забастовщиков в цехи, они долго не продержатся, а если еще выкинуть их семьи из заводских жилищ — тем более.

Вскоре молодчики из «бамбуковского колодца» появились и у серых двухэтажных барачков. Дождавшись, когда мужчины уйдут на митинг или в пикет, они ломались в двери, били стекла, грозили поджогом. Многие женщины по целым неделям не могли выйти на улицу за покупками. Жену профсоюзного активиста Оно бандиты выследили на лестнице и за волосы протащили по всему коридору. Дети были запуганы до нервных припадков.

Стачечному комитету пришлось организовать дружины для охраны жилищ. Попытка силой выселить семьи забастовщиков фабриканту не удалась.

Профсоюз подал на Аоки в суд и с помощью группы прогрессивных адвокатов выиграл дело.

Стачка продолжалась — сто, двести, триста дней...

Трудящиеся Токно общегородским митингом солидарности отметили годовщину борьбы металлистов «Ниппон рору». Потом — вторую, третью, четвертую.

Под солнцем, ветром, дождями выгорели, будто поседели, флаги перед заводскими воротами. Проржавел от времени даже металлический щит с надписью: «Мы бастуем против незаконного увольнения 33 рабочих».

Лозунг этот неполон. На восьмисотый день Аоки-государь в бессильной злобе объявил уволенным весь профсоюз, всех участников забастовки.

— Нас этот удар не задел, — иронизировали металлисты. — Платить-то он нам перестал с первого же дня стачки...

Как же живут они с семьями, с детишками, не получая зарплаты? Можно было бы рассказать о том, что в стране не проходило ни одного профсоюзного съезда, ни одного рабочего митинга без сбора пожертвований в пользу героев «Ниппон рору»; можно было бы рассказать о новогодних и первомайских посылках, об экскурсионных автобусах с гостями из дальних мест. Но при всем радостном и светлом, что дает бастующим поддержка братьев по классу, им было нелегко. Ведь житейские заботы их не ограничивались тем, как прокормить себя и семью. Каждый участник стачки добровольно обязался ежемесячно вносить в фонд борьбы определенную сумму.

— Иначе нельзя, — говорил председатель профсоюзного комитета Тиба. — Мы сильно потратились на лечение раненых, на судебный процесс. Пришлось влезть в долги. Да и сейчас деньги нужны на каждом шагу. Вот и получается, что у нас, наверное, самый высокий в мире профсоюзный взнос: каждый отдает от трети до половины своих случайных заработков.

Постепенная, но коренная перемена произошла и в отношении тех, кто продолжал ходить на работу, кого первое время обзывали предателями.

Горячие головы предлагали: хватит сдерживать себя, всыпем как следует наемным громилам, а заодно и штрейкбрехерам, дадим напоследок такой бой, чтобы нас запомнили, а там — в тюрьму так в тюрьму.

Стачечный комитет сумел противопоставить подобным порывам подлинно пролетарскую выдержку.

Для успеха в затяжной борьбе требовалось заручиться поддержкой тех, кто остался на заводе. Понять это умом было куда легче, чем сердцем.

Как заставить себя искать пути к сердцу тех, кто продолжал работать под защитой наемных громил?

С другой стороны, тем, кто не участвовал в стачке, было трудно смотреть в глаза бастующим. Они избегали уличных встреч, сторонились соседей по баракам, испуганно отказывались от листовок.

Однако даже общения между женами, ребятишками было достаточно, чтобы сделать первые шаги к преодолению отчужденности.

Толкала к этому сама жизнь. Уже после начала забастовки от несчастного случая в цехе погиб рабочий. Бастующий профсоюз добился тогда, чтобы министерство труда прислало на завод инспекцию, которая подтвердила плачевное состояние техники безопасности. Аоки-государю пришлось выдать рабочим шлемы.

— Вы многого добьетесь, если будете действовать, как мы, сообща! — убеждала многотиражка стачечного комитета «Искра Касаи».

Сто пятьдесят экземпляров этого размноженного на ротаторе листка действительно стали искрами в цехах «Ниппон рору», во всем фабричном предместье Касаи.

Привело это к тому, что «хозяйский профсоюз», созданный, чтобы увековечить мир и согласие между владельцем завода и рабочими, вышел из повиновения, начал объявлять стачку за стачкой.

Опыт «Ниппон рору» стал достоянием всего японского рабочего движения как пример стойкости не-

большого коллектива и как школа пролетарской солидарности.

Ротатор стачечного комитета, кроме листовок и объявлений, уже много раз печатал приглашения на рабочие свадьбы.

До тысячи гостей собираются в такие дни у баррикады. Шумно выгружают привезенные с собой припасы, волокут соломенные кули с рисом. Тут же под открытым небом сообща стряпают. Прямо из бутылей, не подогревая, разливают по бумажным стаканам sake. Поздравляют молодоженов. А потом, взявшись за руки, поют:

Крепись, товарищ,
 будь стоек до конца.
Нам луч победы
 заблестит сквозь тучи.
Как альпинисты
 на пути по кручам,
Связали мы в борьбе
 свои сердца.

Сражение в Фукусима

Поезд идет из Токио на север, и вагонное радио после каждой станции предупреждает: «Уважаемые пассажиры! Просим вас иметь в виду, что общественный транспорт в префектуре Фукусима сегодня не работает...» Для Тохоку, северо-восточного края Японии, такие объявления нередки после метелей, когда глубокие снега надолго отрезают горные селения друг от друга и от внешнего мира.

Но первый снег выбелил лишь вершины гор. Склоны же их еще полыхают осенними красками. Пусть лучший сезон любования кленами уже прошел, на северо-востоке по-прежнему нет отбоя от заявок на туристские автобусы.

— Уважаемые пассажиры! Просим вас иметь в виду, что общественный транспорт в префектуре Фукусима сегодня не работает...

Если не из-за метелей, то почему? Может быть, забастовали водители, кондукторы, диспетчеры? Нет,

движение остановили не они, а владелец двухсот шестнадцати автобусных линий и четырех пассажирских железнодорожных веток господин Ода. Налицо «стачка наоборот», то есть локаут. Ода объявил, что население останется без автобусов и поездов, потому что он решил вышвырнуть за ворота три тысячи девятьсот служащих компании «Фукусима коцу».

Прочитав об этом в вечерних газетах, я первым же поездом выехал в Фукусима и еще в вагоне услышал, что префектура действительно лишилась общественного транспорта. Вокзальная площадь была полна людей, тщетно ожидавших такси. Такие же толпы виднелись на каждой автобусной остановке.

Это водители и кондукторы стояли в полной форме возле своих машин и раздавали листовки.

В конторе профсоюза члены комитета подкреплялись после бессонной ночи.

— Чтобы уяснить суть дела, вам надо прежде всего понять, что за человек этот Ода,— сказал председатель профкома Фукудзава.— Взгляните-ка для начала на дом, где он живет, да на могилу, что он себе приготовил.

Один из шоферов-пикетчиков повез меня в поселок, где Ода обосновался как самодержавный хозяин компании «Фукусима коцу». Мы обошли вокруг дома, не увидев, однако, даже гребня его крыши. Весь выходящий на главную улицу квартал был обнесен глухой железобетонной стеной.

— На два метра выше, чем у здешней тюрьмы, да и ворота куда крепче: двойные, кованые,— пояснял шофер, стараясь перекрыть истошный лай сторожевых собак.

Рано осиротев, Ода начал свою коммерческую карьеру мальчишкой-лоточником. Ему трижды повезло. До войны он удачно спекулировал шелковичными коконами, во время войны — исчезающим из продажи сахаром.

Сделавшись самым богатым человеком на всем северо-востоке Японии, Ода прибрал к рукам три четверти акций компании «Фукусима коцу», разорил ее конкурентов и стал монопольным владельцем общественного транспорта в префектуре.

Обладатель самого крупного капитала еще больше, чем богатством, прославился у земляков своей скупостью. Когда у него умерла жена, буддийские бонзы со всего северо-востока предвкушали грандиозные похороны. Ода, однако, сам отвез покойницу на ручной тележке и сказал, что обойдется без отпевания.

Ода всегда кичился этой скарденностью да еще своей тяжелой рукой. Не только домашняя прислуга, вся семья жила в постоянном страхе перед выходками этого деспота. Единственной отрадой, единственной гордостью Ода был его старший сын, которого он послал в Токийский университет и ничего не жалел для его образования.

Однажды Ода занемог, вызвал сына из столицы и сделал его вместо себя президентом «Фукусима коцу», объявив, что уходит на покой.

Покая, однако, не получилось. Не успел старый Ода толком прогреть свои кости в серных источниках горы Бандай, как туда дошли вести, которые привели его в бешенство. Сын впервые подписал с профсоюзом трудовое соглашение и начал коллективные переговоры по вопросу о зарплате.

Надо было с корнем вырвать эту сорную траву, а не садиться со смутьянами за один стол! — бесновался Ода. — Разве извели эти люди хоть десятую долю тех невзгод, что я испытал на своем веку? Кормятся с моего капитала да еще требуют какой-то прибавки!

Ода с шумом изгнал наследника, но и этого показалось ему мало. На могильном памятнике, который он при жизни поставил себе на родовом кладбище, высечена надпись: «Непутевого, лишенного почтительности к родителям сына хоронить здесь запрещая». Однако даже отречься от собственного сына оказалось проще, чем игнорировать существование профсоюза. Служащие компании «Фукусима коцу» провели недельную стачку, которая закончилась полной победой. Ода же тогда вздумал было расчитать весь коллектив, но впервые в жизни отступил.

— Я чувствую себя, как побежденный самурай, которому остается лишь поджечь свою крепость и сделать себе харакири...

Ода был настолько подавлен поражением, что надолго слег. А когда снова появился в конторе «Фукусима коцу», рассчитал тридцать семь активистов.

Профком через суд потребовал восстановить их на работе. Вот тут-то Ода и объявил, что увольняет три тысячи девятьсот служащих и вообще прекращает деятельность компании.

В бурных дебатах, которыми встретил эту весть коллектив, ярко проявилось присущее простым труженикам чувство общественного долга. Водители и кондукторы, которые в зной и метель ежедневно перевозят двести восемьдесят тысяч человек по горным дорогам Фукусима, знают, что такое оставить целую префектуру без средств сообщения.

— Мы готовы служить населению и без Ода. Будем брать из выручки положенную зарплату, рассчитываться за горючее, а остальное пока класть в банк. По крайней мере пассажиры не будут страдать. Они-то в чем виноваты?

Такие голоса то и дело звучали в автопарках.

Ода знал о подобных настроениях. И тем не менее не попытался лишить водителей доступа к ключам от машин. Это была провокация, которую, однако, вовремя разгадали. Если бы служащие, пусть даже заботясь о населении, по собственному почину возобновили движение автобусов и поездов, полиция имела бы повод обвинить их в уголовном преступлении — в покушении на чужую собственность. Поэтому, когда Ода издал приказ остановить транспорт, профсоюз принял решение подчиниться. Экипажи разошлись по своим рабочим местам в полной форме, с пачками специально заготовленных листовок, громкоговорители туристских автобусов были вынесены наружу, и переполненная людьми автостанция стала выглядеть как площадь во время митинга.

— Уважаемые пассажиры! Задумайтесь над тем, что вы видите сегодня,— ораторствовал в микрофон водитель.— Вот вам налицо главный порок капитализма: общественный характер труда и частная собственность на средства производства...

Фотографии первого богача северо-восточной Японии, его огороженного стеной дома, его родовой моги-

лы замелькали на страницах японских газет и журналов. Расписывая «стачку наоборот» в жанре скандальной хроники, печать старалась изобразить Ода как некий пережиток прошлого, чудом уцелевший в провинциальной глуши.

Но далеко ли ушли от него так называемые «пресвященные капиталисты»? Всех их роднит ненависть к профсоюзам, страх перед силой пролетарского единства, так же как одинаково присущ их предприятиям порок, о котором говорил шофер автобуса: общественный характер труда и частная форма присвоения.

Девичьи руки

Темные от времени столбы уходили вверх и терялись в величественном полумраке.

— Взгляните на эти опоры и стропила! — говорил гид. — Храм Хонгандзи — самое большое деревянное сооружение в Киото, одно из крупнейших в мире. Случись пожар — в Японии уже не найти таких могучих стволов. Да и прежде отобрать их было нелегко. А когда свезли, строителям оказалось не под силу поднять такую тяжесть. Как же удалось сделать это? Благодаря женщинам. Сорок тысяч японок остригли волосы и сплели из них канат не виданной дотоле прочности. С его помощью восемьдесят опорных столбов были установлены, балки подняты и закреплены. Вот он, этот канат. Обратите внимание на длину волос. Женщины укладывали их тогда в высокие сложные прически, какие теперь носят только гейши...

Гида слушали рассеянно, но стоило ему упомянуть слово «гейша», как хлынул водопад вопросов. Юноша едва успевал отвечать.

Заведение, что содержит гейш, называется окия. В Киото их полторы сотни. Почему это стоит так дорого? Дело в том что гейшу надо воспитывать семь лет. Ее надо учить, кормить, шить ей по четыре кимоно на каждое из четырех времен года. Поэтому владельцы окия спешат окупить расходы. Тем более

теперь работать до пятнадцати лет запрещено законом.

— А может девушка бросить окия, скажем, выйти замуж? — спрашивает дама с голубыми волосами.

— Да, если выплатит долги хозяйке или если кто-то внесет такой выкуп за нее.

— Прямо-таки сюжет «Дамы с камелиями»! — восклицают женские голоса.

Они кочуют по Японии — туристы из-за океана, табуны великовозрастных бодрячков и горластых пестрых старух, спеша лицезреть оплаченную сполна порцию «восточной экзотики», неизменным элементом которой является женщина в кимоно.

В Нагасаки их ведут к «домику Чио-Чио-Сан». В Киото им показывают гейш. В Фукуока они запасаются большими разряженными куклами — чем не наглядное пособие для рассказов о японках!

— Подумать только — эти куколки! — удивляется седая американка, услышав притчу о строительстве Хангандзи.

Изумляясь тем, что косы сорока тысяч японок помогли когда-то построить самый большой в Киото храм, искатель «восточной экзотики» не подумает о сорока миллионах женских рук, что составляют ныне две пятых рабочей силы Японии.

Он не вспомнит о них, когда, насытившись экскурсиями, отправляется в магазин, где собрано все, чем может ныне привлечь Япония богатого иностранца: жемчужные ожерелья, шелка, цветные телевизоры, первоклассные фотоаппараты.

— Купите эти шелка на память о красавицах древнего Киото! — говорят иностранцам, насмотревшимся на кимоно гейш.

А ведь кроме чайных домов, кроме памятников старины, куда возят туристов, не меньшей достопримечательностью Киото может считаться целый городской район.

Это Нисидзйн, где на сонных с виду улочках от зари до зари слышится стук кустарных ткацких станков. Механический привод здесь пока такое же неведомое понятие, как и профсоюз. Однако места в му-

зее достойны не только домодельные станки, но и то, что создают ими руки сорока тысяч ткачих.

— Скажите, что труднее всего дается в вашем ремесле? — спросил я одну из них.

— Труднее всего ткать туман, — подумав, ответила девушка. — Утреннюю дымку над водой. И еще бамбук под ветром, когда каждый листочек в движении.

Стало совестно, что я назвал ремеслом то, чему по праву следует именоваться искусством.

Казалось бы, что общего между тесными каморками кустарей и цехами ультрасовременного радиозавода, до которого от Нисидзина несколько веков и несколько минут. Высокие пролеты, лампы дневного света, музыка, заглушающая мерное гудение вентиляторов, опрятные блузы.

Но на бесшумно пульсирующем конвейере, как и на примитивном ткацком станке, творят чудо те же виртуозные женские пальцы. Они берут кусочки разноцветных проводов, похожих на шелковые нити, и точными движениями припаивают их концы к нужным точкам.

Транзисторные приемники величиной со спичечную коробку текут к проверочным стендам, и редко когда приборам удается обнаружить брак. Так рождается слава Японии, не менее заслуженная, чем слава киотских шелков.

Гид в Киото мог бы поведать туристам о вещах куда более драматичных, чем предельный возраст гейш. Рассказать, как и почему сгустились тучи над головами восьмисот с лишним конторщиц в городской управе, рассказать о труженицах, которые вдруг оказались виноваты в том, что им больше тридцати пяти и что у них неудачно сложилась личная судьба. Они проработали полжизни, чтобы услышать:

— Если конторщица вовремя не выходит замуж, ее надо увольнять. Какой смысл платить надбавку за стаж: подшивать бумаги да разносить чай может всякая. Пора рационализировать это дело по опыту частных фирм...

Такой опыт действительно существует. Многие компании установили возрастной предел работы пун-

шировщиц, телефонисток и конторщиц до двадцати пяти лет. Администрация полагает, что ленты счетных машин лучше всего пуншируют молодые девушки.

«Если наниматель хочет взять лишь лучшие годы нашей жизни, пусть и платит за них втридорога, как платят за танцы гейш!» — написала в женском журнале одна недавняя школьница.

— Разве только в этом дело! — задумчиво сказала мне пожилая конторщица из городской управы Киото. — Ведь если неудачно сложилась личная судьба, только и живешь работой...

Конечно, большинство японок ищет заработка и после замужества. Но замужних не зачислят в штат, а держат на временной и вспомогательной работе, чтобы привязать женщин к низкой зарплате, не дать им пользоваться правами, которые трудящиеся вырвали у капитала.

Двадцать миллионов тружениц насчитывает Страна восходящего солнца. Многое хотелось бы еще рассказать о них. Добавлю одну лишь строчку из «Белой книги», опубликованной Сôхио (Генсоветом профсоюзов): «Заработная плата женщин в Японии составляет меньше половины мужской».

Сорок тысяч японок, что помогли возвести Хонгандзи, стали легендарными. Но по заслугам ли оценена тяжесть, которую поднимают сорок миллионов женских рук в наши дни?

«Образец» с изнанки

...Япония заняла второе место в мире по выпуску автомашин. Автомобильная промышленность олицетворяет завтрашний день японской индустрии. Успешно проведенное укрупнение фирм — ключ к международной конкурентоспособности всей отрасли. Фирма «Ниссан» вошла в первую десятку мировых автомобилестроителей. Отношения между трудом и капиталом на предприятиях «Ниссан» — образец для всей Японии...

Эти строчки красочных рекламных проспектов напомнили о листовке, оказавшейся в 60-х годах в почтовом ящике корреспондентского пункта «Правды» в Японии.

...Можно ли оставаться безучастным к террору на автозаводах «Ниссан»? Людей среди бела дня избивают на месте работы. Ранено уже 40 человек. За вывеской «предприятия с мировым именем» учиняют групповой линч над членами профсоюза. В обеденный перерыв или после смены на них накидываются с кулаками, крича: «Выходи из Сохио или убирайся с завода!»

Расправа над профсоюзом «Принс» после слияния автомобильных компаний «Ниссан» и «Принс» — характерный пример стремления предпринимателей воспользоваться укрупнением фирм для разгрома наиболее боевитых профсоюзных коллективов.

Профсоюзы фирм «Ниссан» и «Принс» стояли на противоположных флангах японского рабочего движения. Первый примыкал к правому крылу профобъединения Домэй. Второй, входивший в Сохио, был неизменным участником массовых выступлений прогрессивных миролюбивых сил. Расколоть этот непокорный коллектив — вот о чем мечтали предприниматели при слиянии. Началось с демагогии, со священной для рабочих идеи единства: не лучше ли, мол, всем труженикам укрупненной компании отстаивать свои интересы сообща?

Возле каждого из трех заводов «Принс»: в токийских предместьях Огикубó, Мураяма, Митáка были взяты на откуп по несколько закусовых. Людей десятками зазывали туда прямо после смены, чтобы за выпивкой и угощением заниматься нашептыванием и посулами. Сулили, надо сказать, щедро. Председателю профкома, например, предложили ни много ни мало, как мандат депутата парламента от правореформистской «партии демократического социализма».

В японских деловых кругах владельцы «Ниссан» славились умением находить подход к рабочим. Им

очень хотелось, чтобы операция по поглощению профсоюза влившейся фирмы прошла бескровно, чтобы можно было просто объявить: никакого профсоюза «Принс» вообще не существует.

Но этому мешали сто пятьдесят человек, которые не поддавались ни на посулы, ни на угрозы. Администрация попробовала было их игнорировать: что такое полтора ста упрямцев для предприятия, насчитывающего сорок тысяч человек? Всех бывших рабочих фирмы «Принс» поголовно зачислили в профсоюз «Ниссан».

Однако, рассмотрев это дело, суд вынес решение, что даже при сокращении своей численности профсоюз остается юридическим лицом и представители компании обязаны вести с ним коллективные переговоры.

Проигранный судебный процесс вызвал ярость у хозяев «Ниссана». Дело было не только в амбиции: они боялись, что, после того как ядро боевого коллектива отстояло за собой легальное право на существование, люди вновь станут тяготеть к нему.

Было решено сломить волю непокорных, не гнушаясь ничем, вплоть до массовых избиений. Не щадили даже женщин. Тех работниц, которые особенно торопятся после смены, чтобы забрать детей из детского сада, часами не подпускали к проходной.

Изо дня в день росло число раненых. А мастера, начальники смен между тем обходили жилища рабочих, твердя домохозяйкам:

— Посоветуйте своему, чтобы ушел с завода, иначе ни ему, ни семье несдобровать. Житья вам здесь все равно не будет.

Престарелую мать одного штамповщика угрозами по телефону довели до сердечного приступа, который стоил ей жизни.

— Обещай мне, сын, что ты уйдешь из этого профсоюза. Сила на их стороне, они погубят тебя,— сказала она перед смертью.

Рабочий выполнил просьбу матери, переселился в другой город. Но сделал это с тяжелым сердцем, потому что девушка из рабочего хора, его невеста,

сказала, что не станет женой человека, который оставил друзей.

Держа заводскую территорию за семью замками, администрация делала вид, будто ничего не знает о массовых избиениях, пыталась изобразить репрессии как «нелады между рабочими».

Однако скрыть от посторонних глаз события на бывших заводах «Принс» в Огикубо, Мураяма и Митака не удалось. Всеяпонский профсоюз металлистов, Коммунистическая партия Японии отпечатали и распространили полтора миллиона листовок о бесчинствах, творившихся в окрестностях Токио. Рабочие хоры движения «Поющие голоса Японии» стали изо дня в день нести посменную вахту у заводских ворот, с песней провожая членов профсоюза «Принс» на работу и с песней же встречая их после трудового дня.

Напуганные оглаской, предприниматели прекратили репрессии. Но постарались так перетасовать людей на рабочих местах, чтобы затруднить членам профсоюза «Принс» общение между собой, их влияние на остальной коллектив.

Членам профкома запрещают беседовать с рабочими на заводе. Стоит кому-нибудь из них в обеденный перерыв пойти в другой цех или в дирекцию, им буквально силой преграждают дорогу. Освобожденных профсоюзных руководителей вовсе лишили доступа на предприятие, объявив их уволенными. Поскольку у коллектива отобрали помещение для собраний, сломали доски объявлений в цехах, главной формой профсоюзных связей стало распространение листовок.

И все же ни в дни массовых репрессий, ни в последующие годы изнурительной скрытой борьбы администрация так и не сумела никого переманить из одного профсоюза в другой.

— Мы понимаем, как важен уже тот факт, что нам удалось отстоять свое знамя вопреки чудовищному нажиму, — рассказывает генеральный секретарь профсоюза Судзуки. — Но мало сказать, что мы существуем, — мы боремся. Из года в год мы участвуем в весенних наступлениях, бастуем, распространяем

листовки, стараясь быть выразителями интересов всех тружеников компании.

Красочные рекламные проспекты восхваляют автомобильную промышленность как воплощение новых черт японской индустрии. Они утверждают также, что отношение между трудом и капиталом на автозаводах «Ниссан» — образец для всей Японии. С этим, пожалуй, можно согласиться в том смысле, что рассказанное выше — отнюдь не случайный эпизод, а характерный пример попыток монополистического капитала под предлогом «промышленной реорганизации» расколоть и обескровить профсоюзы в ведущих отраслях индустрии.

Дыхание весны

«...Веселее зачирикали воробьи на моем окне. Оттуда, с воли, повеяло теплом. От него молодеют заиндевевшие стены камеры.

...Когда становится трудно, вспоминаю о русских борцах против царизма, сосланных в Сибирь или заточенных в подвалы Петропавловской крепости. Часто говорю себе: сколько тягот и жертв выпало на долю советского народа. Пришлось сражаться, строить, опять сражаться и снова строить. Когда я сейчас думаю об этом, из самых глубин сердца поднимаются чувства благодарности и любви к советским людям, которые вынесли все испытания и идут в первых рядах человечества.

В эти дни особенно хочется передать привет братьям и сестрам в Стране Советов...»

Эти строки написал в токийской тюрьме Сугамб заключенный Кэйсүкэ Такэуті, который провел в ее стенах почти два десятилетия.

— Посетитель с номером тридцать три, пройдите в восьмую кабину, — раздается голос из репродуктора, совсем как на переговорном пункте.

Комнатка чуть побольше телефонной будки была разделена надвое металлической решеткой. Точнее, даже сеткой, настолько густой, что я поначалу вер-

тел головой, стараясь получше разглядеть заключенного, вошедшего через противоположную дверь вместе с надзирателем.

Я сказал Такэути, что принес ему несколько веток распускающейся сакуры. Лицо узника вспыхнуло, глаза подернулись влагой.

— Это цветы моего детства, о котором теперь и радостнее и горше всего вспоминается,— совладев с голосом, произнес он.

Закрыв глаза, словно позабыв об окружающем, Такэути чистым, сильным голосом затянул песню. Привольная народная мелодия билась о тюремные стены, словно ища выхода.

— Я тут пою, наверное, больше всех,— улыбнулся Такэути, заметив мой взгляд, брошенный на надзирателя.— Песни — верные друзья, особенно старые, zapomнившиеся еще с воли, такие, как «Катюша» или «Огонек». Ничто так не скрашивает одиночества, как они. Вот я и не расстаюсь с ними: и на прогулке, и когда прибираюсь, и когда стираю. В камере вообще-то запрещено петь в полный голос...

Вряд ли разрешалось это и во время свиданий. Но для обитателя одиночки № 3277 были послабления. Он мог, например, вставать по утрам когда вздумается и сколько угодно засиживаться после отбоя. Он мог покупать и читать любые книги, журналы, газеты и вести любую переписку. Узника камеры № 3277 как бы не касался суровый тюремный режим. Но никто из соседей не завидовал ему, человеку, приговоренному к смерти.

Книга Такэути «В ожидании весны», куда вошли его стихи, воспоминания, письма к жене и детям,— это в самом прямом смысле «Репортаж с петлей на шее».

Уже будучи приговоренным к смерти, он написал в камере рассказ о своей жизни вплоть до ареста.

Детство в крестьянской семье. Как второму сыну, ему предстояло попытать счастье на стороне. Самой завидной долей для тех, кто не унаследовал отцовского надела в деревне, считалось попасть на «государственную службу», то есть стать учителем, железнодорожником или почтальоном. Парню повезло. Его при-

няли на железную дорогу, и он более десяти лет водил поезда электрички, а потом стал осмотрщиком вагонов.

Первые послевоенные годы. Рождение профсоюза. Не сразу осознал коллектив свою силу, не сразу нашел в своей среде достойных вожаков. Сама жизнь постепенно выдвинула к руководству профсоюзом депо Митака наиболее зрелых, сознательных, убежденных. Естественно, пишет автор воспоминаний, что людьми этими оказались коммунисты.

Сам Такэути не был в числе вожаков. Однако в делах коллектива неизменно шел в первых рядах. Настоящей классовой закалкой стало для него лето 1949 года, когда американские оккупационные власти запретили намеченную железнодорожниками забастовку. Начальство депо Митака тут же объявило, что увольняет всех членов стачечного комитета. Человек триста собрались перед депо, подавленные, не зная, как быть.

Тогда-то Такэути произнес свою первую в жизни речь:

— Кто выбирал стачечный комитет? Разве не мы сами уговорили этих двенадцать человек руководить нашей забастовкой? Смириться — значит показать начальству, что оно всегда может задушить любое наше выступление. Прежде чем согласиться на прекращение забастовки, надо добиться отмены репрессий против двенадцати наших товарищей!

После этой речи осмотрщик вагонов Такэути тоже оказался в списке уволенных. То, что происходило в депо Митака, было характерным для всей Японии. Вопреки стараниям оккупационных властей создать по американскому образцу «послушные» профсоюзы они выросли в большую политическую силу.

И вот, окончательно сбросив маску «ревнителей демократии», американские власти предприняли отчаянную попытку задушить японское рабочее движение. Особенно беспокоил американцев многочисленный и сильный профсоюз железнодорожников, и под предлогом введения новых штатных расписаний было начато массовое изгнание его активистов. 4 июля

1949 года было разом уволено тридцать семь тысяч человек, 13 июля — еще шестьдесят две тысячи человек.

Несмотря на запрещение бастовать, железнодорожники готовились сообща вступить за своих товарищей. Но тут произошло загадочное событие.

Вечером 15 июля 1949 года из депо станции Митака (близ Токио) вдруг вышел пустой — без машиниста — состав электрички. Сбивая стрелки и шлагбаумы, он на полном ходу врезался в одну из платформ, убив шестерых и искалечив тринадцать человек...

О том, кому и зачем нужен был этот преступный акт, лучше всего судить по реакции властей. Не дожидаясь даже начала расследования, внеочередное заседание кабинета министров объявило крушение в Митаке «красным заговором». На следующее же утро в депо Митака и Накано уже начались аресты коммунистов.

Реакционерам нужен был повод для репрессий, чтобы обезглавить демократические силы и сорвать подъем рабочего движения.

Такэути был арестован лишь через две недели после крушения в Митака. Железнодорожнику принялись навязывать готовую версию: будто бы он проник в ведущий вагон, поднял дугу, каким-то гвоздем включил мотор и, привязав веревку к рычагу управления, пустил состав из депо. С первых же допросов арестованному стало ясно, что ему хотя не только приписать несуществующую вину, но главное — принудить его дать показания о том, что это было сделано по предварительному сговору с коммунистами местной ячейки.

Такэути знал, что вместе с ним арестовано двенадцать человек. После двадцати суток непрерывных допросов, запугиваний, угроз в его измученной голове созрело решение: взять всю вину на себя, чтобы не допустить осуждения других заведомо невинных людей. Он так и сделал, думая, что потом сумеет доказать свою непричастность.

Действительно, показания Такэути не дали повернуть дело туда, куда хотели прокуроры. Всех обвиняе-

мых «по делу Митака», кроме него, пришлось оправдать.

Провокация против коммунистов и профсоюзных вожжаков провалилась.

Однако для самого Такэути она обернулась личной трагедией, приговором к смерти.

Пока дело ходило по инстанциям, пока подавались и отвергались апелляции, простой труженик, оказавшийся жертвой провокации, томился в одиночке, причем не просто как заключенный, а как приговоренный к смерти.

...Мы беседовали о стихах. Я сказал Такэути, что, как читатель книги «В ожидании весны», был поражен богатством и глубиной его души.

Устремленный на меня из-за решетки взгляд вдруг стал суровым.

— Суд надо мной был классовым судом,— сказал Такэути,— и мне, пожалуй, лучше бы иметь более жесткое, невозмутимое сердце, чем сердце поэта.

Надзиратель поднялся на ноги: пора прощаться.

Угольные глаза провожали меня из-за густой, как сито, решетки.

Не прошло и года после этой встречи, когда я узнал, что Такэути скончался в одиночной камере. Осталось его письмо, написанное на листках со штампом тюремной цензуры:

«Никогда не ослабевает во мне гнев против политического беззакония, обрекшего меня на смертную казнь по сфабрикованному обвинению. Ради чего, с какой целью мог я пойти на столь тяжкое преступление, как крушение поезда, погубившее несколько жизней? Во всем приговоре я признаю лишь то, что участвовал в борьбе против увольнений. Я убежден, что добьюсь пересмотра дела, и надеюсь, что все люди труда, все поборники справедливости поддержат меня в этом.

Когда я пою сейчас советские песни или листаю журнал «СССР сегодня», перед моими глазами встают Москва, предгорья Урала, сибирские равнины, по которым шествует весна — в зеленых ростках, в набухающих почках, в людских улыбках. Ее дыхание согревает меня даже здесь».

У берегов Лебединого озера

Япония. Лебединое озеро. В середине его — заросли камыша; по берегам — облетевшие вишневые деревья; а дальше, за стерней убранных полей, — припудренные первым снегом горы.

Нет, это не декорация спектакля, поставленного токийской балетной труппой. Такое озеро действительно существует на японской земле. И быль о нем достойна легенды, прославленной в известном балете. Пусть вместо сказочного принца героем тут является простой японский крестьянин — история раскрывает ту же извечную тему о всепобеждающей силе добра.

Это быль о том, как земледелец Иосикава вылечил больного лебедя, отставшего от стаи; о том, как сказочно красивые, гордые птицы привязались к старику, начали брать корм из его рук; о том, как все больше лебедей стали прилетать из России и зимовать на озере Хиоко близ города Ниигаты.

Это история радостей и тревог старого Иосикавы. В год, когда над Бикини взорвалась американская водородная бомба, крылатые гости не появились. Люди вспомнили, что их не было видно несколько лет и после Хиросимы.

В другой раз как воплощение сил зла над озером вдруг появился военный вертолет. Трое американцев из соседней базы открыли пальбу по птицам. Старик кинулся за помощью. Собрав возмущенную толпу односельчан, ему удалось выдворить непрошенных гостей.

Крестьянин заботился о лебедях больше, чем о своем поле. Рыл канавы, чтобы подвести теплую воду с прудов. Разбивал молодой лед, чтобы он не сковал поверхность озера до прилета пернатых друзей.

Однажды, проработав весь день в холодной воде, Иосикава слег и больше не поднялся. Словно чуя беду, лебеди прилетели в ту осень почти на месяц раньше обычного. Когда хоронили старика, их тревожные крики раздавались над озером. Но даже смерти оказалось не под силу пресечь доброе дело, начатое у

озера Хиоко. Молва о «покровителе русских лебедей» разошлась по Японии.

В тот самый день, когда Сигео, сын старого Иосикавы, вернулся с озера обрадованный, что птицы подпустили его к себе, юношу ждали дома другие радостные вести: первые письма и жертвования от незнакомых людей.

Быль о Лебедином озере взволновала чутких к красоте японцев не меньше, чем прославленная в музыке сказка. Каждую осень навес возле домика Иосикавы доверху наполнялся посылками с кормом для крылатых гостей из СССР. Друзья из ближних и дальних городов добились, что Хиоко объявлено заповедником, а Сигео стал смотрителем Лебединого озера...

Надо побывать в Ниигате. Посмотреть лебедей на озере, флаги в порту.

Здесь острее, чем где-либо в Японии, ощущаешь то, что связывает наши страны: их близкое соседство.

Эту близость дает почувствовать не одна лишь природа. Не только глубокие снега, что шлет сюда Сибирь. Не только осенние тайфуны, которыми напоминает о себе Япония жителям Советского Приморья. Эта близость сказывается и в помыслах людей.

Едва жители Ниигаты проводят к советским берегам лебедей, зимовавших на озере Хиоко, как приходит пора встречать советские корабли с лесом.

Запах сосновых бревен прочно устоялся в Ниигатском порту. Эти могучие стволы напоминают о бескрайних таежных просторах, за освоение которых взялся теперь человек. Они заставляют задуматься о перспективах, которые открывают бурное хозяйственное строительство в Сибири и на Дальнем Востоке, с одной стороны, и развитие японской экономики — с другой. Лебеди подсказывают: путь от японских до советских берегов недалек.

— Не знаю, как вы, но мы, японцы, до недавних пор не сознавали в полной мере значения этой близости. И если не сознавали, то, видимо, потому, что жили как бы спиной к соседу: домами хоть и рядом, да воротами на разные улицы, — говорит мэр Ниигаты. — Японская индустрия однобоко тяготеет к Тихоокеан-

скому побережью. Это противоестественно. Тем более, что острова наши повернуты к матерiku противоположной стороной. Нас больше не устраивает участь быть задней дверью страны. Вот почему наш город решил породниться с Хабаровском.

Географическая близость сулит отрадные возможности как для Советского Дальнего Востока, так и для Японии. Как обратить эти возможности в действительность? Задаваясь таким вопросом, японцы приходят к выводу: хватит жить спиной к соседу!

Ниигата послала в подарок Хабаровску кусты сакуры. Мэр беспокоится: приживется ли японская вишня в Приморье? Хватит ли ей тепла? Скажем на это: были бы теплы друг к другу люди, и тогда наверняка расцветут на берегах Японского моря цветы добрососедства.

Япония для нас, как и мы для Японии, не просто одна из многих стран. Есть в мире государства большие и малые, развитые и развивающиеся, с одинаковым и различным общественным строем. Но есть еще одна, особая категория государств: те, которым всегда предстоит жить бок о бок.

Природа поселила наши народы рядом. А кому неизвестна старая истина: у соседа могут быть свои взгляды, привычки, но, чтобы ужиться с ним, надо знать его характер.

Поэтому пусть дверь к соседу будет раскрыта пошире!

Сто восьмой удар колокола

В новогоднюю полночь над Японией разносится голос старых бронзовых колоколов. Они бьют размеренно, неторопливо, и страна замирает, отсчитывая удары. Последний, сто восьмой удар возвещает приход Нового года — самого большого из национальных праздников.

Его ждут всякий раз как начала совершенно иной полосы в жизни, украшая двери жилищ ветвями сосны, бамбука, сливы. В этом главные из пожеланий,

ибо сосна олицетворяет для японца долголетие, бамбук — стойкость, а расцветающая в разгар зимы слива — жизнерадостность среди невзгод.

Праздник этот — как бы общий день рождения для всего народа. Когда бы человек ни появился на свет, принято считать, что он становится на год старше в новогоднюю полночь. Он как бы переступает порог, за которым его ждет совершенно новая судьба.

Сто восьмой удар праздничного колокола всякий раз открывает в книге жизни новую, чистую страницу.

Людам не терпится узнать: какой же будет она, эта страница? Потому так и велик перед праздником спрос на всякого рода гадания.

Впрочем, и без обращения к мистическим текстам «Книги перемен» можно предсказать, что из всех пятидесяти двух недель года именно на две последние недели в Японии падет наибольшее число жертв уличного движения. Таков уж неотвратимый рок лихорадочной поры, которая заставляет японцев носиться сломя голову. Ведь Новый год приносит не только надежды, но и заботы.

Заново раскрывая в книге жизни чистую страницу, каждый Новый год в то же время по традиции служит порогом, за который нельзя переносить невыполненных обещаний, неоплаченных долгов. С тем, кто не успеет к сроку расплатиться по счетам, жизнь безжалостно сводит счеты сама.

На полицейских будках, где вывешиваются сводки уличных катастроф, ежедневно появляются удвоенные цифры убитых и раненых.

Биржевые бюллетени печатают длинные списки обанкротившихся фирм.

И все это такие же неотъемлемые приметы праздника, как тяжелые мешки поздравительных открыток, которые почтальонам приходится навьючивать на велосипеды, или как эпидемия попоек, именуемых «встречами для забывания старого года».

Не надо быть прорицателем, чтобы сказать наперед: именно в эти предпраздничные недели частные фирмы побьют все рекорды года по так называемым «деловым кутежам» и «деловым подаркам». Новогод-

ние обычаи ловко используются коммерческим миром для того, чтобы превратить самый большой из японских праздников в сезон генеральной смазки государственной машины.

Практика угощать и одаривать нужных людей (включая эти расходы в издержки производства, чтобы они не облагались налогом) обрела в Японии фантастические размеры. Чтобы развлекать клиентов — и развлекаться при этом самим, — японские дельцы ежегодно тратят сумму, которая составляет две трети годового оборота всех баров, кабаре и других подобных заведений. Нельзя ошибиться в пророчестве, что больше всего денег вылетит в эту трубу именно за предновогодние вечера.

Нет нужды листать гадательные книги, чтобы предсказать под праздник беспокойную ночь полицейским участкам Санья в Токио и Амагасаки в Осака. Хотя названия этих мест не имеют никакого отношения к праздничным банкетам, они тем не менее регулярно попадают в новогодние номера газет. Санья и Амагасаки — это скопления дешевых ночлежных домов, населенных поденщиками, то есть людьми, которые перебиваются уборкой мусора и другими случайными подрядами. По причине Нового года биржа труда закрывается на целых три дня. И тамошним обитателям остается лишь жечь на улице выброшенные кем-то красочные коробки от подарков, напиться дешевого саке, а порой в порыве слепого отчаяния громить ближайшую полицейскую будку.

В предновогодний вечер по всей Японии бойко раскупаются картинки с изображением семи богов удачи на борту сказочного корабля «Такарабунэ». Эти картинки принято класть под подушку, чтобы увидеть сон, предвещающий исполнение заветных желаний.

Каждый из семерых на сказочном корабле хорошо знаком японцам. Бога удачи Эбису сразу отличишь по удилищу в руке и окуню под мышкой. Иным и не может быть бог удачи в стране, где все жители заядлые рыболовы и даже сам император пристрастен к рыбалке. За помощью к Эбису обращаются те, кому, помимо снасти и сноровки, требуется еще и везение:

рыбаки, мореходы, торговцы. Изображение толстяка с удочкой найдешь почти в каждой лавке. Эбису, однако, вместе с удачей олицетворяет еще и честность. Так что один день в году торговцы обязаны пускать товары в полцены, как бы извиняясь за полученные сверх меры барыши.

Может быть, именно поэтому в деловом мире больше, чем Эбису, уважают Дайкоку — дородного деревенского бородача, восседающего на куле с рисом. Когда-то его почитали лишь крестьяне как бога плодородия, способного вознаградить за труд хорошим урожаем. Но с тех пор, как в руках у бородача оказался короткий деревянный молоток, Дайкоку стал к тому же покровителем всех тех, кому требуется искусство выколачивать деньги: торговцев, биржевиков, банкиров; словом, из бога плодородия превратился в бога наживы.

Наконец, третий толстяк — улыбчивый и круглолицый бог судьбы Хотэй. Его приметы: бритая голова и круглый живот, выпирающий из монашеского одеяния. Нрава он беззаботного, даже непутевого, что при его служебном положении довольно рискованно, ибо не кто иной, как Хотэй, таскает за спиной большущий мешок с людскими судьбами. Богу судьбы поклоняются прорицатели и гадалки, а также политики и повара (те и другие иной раз заварят такое, что сами не ведают, что у них получится).

Впрочем, как торговцы вывешивают в лавке Эбису, чтобы убедить покупателей в своей честности (хотя сами бьют челом богу наживы Дайкоку), так и политики вместо Хотэя любят публично называть своим кумиром бога мудрости Дзюродзйна.

Это ученого вида старец с длиннейшей бородой, который держит в руке еще более длинный свиток знания, то и дело дополняя его. Философы, судьи, избретатели, учителя, журналисты, как и упоминавшиеся уже политики, считают Дзюродзина своим покровителем.

Бог долголетия Фүку-року-дзю — это маленький лысый старичок с непомерно высоким лбом (считается, что с годами череп вытягивается в длину). Его неразлучные спутники — журавль, олень и черепаха. Не

в пример богу мудрости бог долголетия отличается тихим нравом. Он любит играть в шахматы и считает превеликой добродетелью умение зрителей молча следить за чужой партией. Таких людей встречается, впрочем, так же мало, как достойных бессмертия, которое он может даровать.

В силу личного пристрастия бог долголетия опекает шахматистов, а также часовщиков, антикваров, садовников — людей труда тихого, имеющего отношение к настоящему, прошедшему или будущему.

Особняком стоит на палубе Бишамон — рослый воин с секирой, в шлеме и доспехах, на которых написано: «Верность, долг, честь». Бишамон не любит, когда его называют богом войны, доказывая, что он не воитель, а страж, отчего и наречен покровителем полицейских и врачей (военных, кстати, тоже).

И, наконец, единственная женщина в обществе семи богов — это покровительница искусств Бентэн со своей неизменной лютней в руках. Девушки, игравшие на такой лютне, не решались выходить замуж, боясь, что разгневанная богиня лишит их музыкального дара. Бентэн действительно не в меру ревнива — к чужим талантам, к чужой славе, к чужим почитателям, что, впрочем, отличает служителей искусства отнюдь не только в Японии.

О чем же мечтали люди, желая увидеть в новогоднюю ночь богов удачи на «Драгоценном корабле»?

Самая, казалось бы, бесхитростная мечта была у мальчугана из горного селения в префектуре Иватэ. Ему хотелось, чтобы на праздники домой непременно вернулся отец и помог ему сделать большого новогоднего змея.

Отец еще с жатвы уехал в Токио на какую-то стройку. Мать послала мальчугана на почту получить очередной перевод, а заодно узнать, ходят ли автобусы после вчерашней метели. На беду, оказалось, что перевал опять закрыт.

Дома мать с бабушкой смотрели по телевизору новогодний концерт. На экране отплясывали девицы в немислимо коротких юбочках.

И тут, как всегда, начались сетования, что вот хоть и нет войны, а жить приходится, как солдатке, что

муж больше в отъезде, чем дома, а в городе, мол, на каждом шагу соблазны.

Но не только крестьянки занесенного снегами северо-востока хмурились при виде мини-юбок на телевизионном экране. С таким же враждебным чувством смотрел на них и председатель ассоциации торговцев жемчугом.

— Всему виной нелепости современной моды. Треть возвращенных с превеликими трудами жемчужин не находит сбыта. Приходится свертывать промыслы. Если уж чего и желать в новом году, так чтобы у японок вновь пробудилось их врожденное чувство меры и хужожественного вкуса.

Торговец жемчугом был несправедлив, огульно обвиняя своих соотечественниц в забвении национальных традиций. Если бы он мог видеть тех самых девушек, руками которых был собран стоящий перед ним цветной телевизор!

Неделю назад начальник сборочного цеха не узнал своих работниц, когда они повязали головы красными лентами, остановили конвейер и завели речь о прибавке наградных в таких повелительных выражениях, которые на японском языке прямо-таки немыслимы в устах женщин.

Но он тем более не узнал бы их в новогодний вечер. В комнате заводского общежития, украшенной сосной, бамбуком и ветками сливы, чинно сидели кружком ожившие красавицы с картин Утамáро. В каждом их жесте, в каждом повороте головы была та же изысканность и подлинная женственность, которую прославил когда-то великий художник.

На первый взгляд могло показаться, что в руках у девушек две колоды карт. Но это были не просто карты. Рабочее общежитие состязалось в знании древней поэзии. Семьсот лет назад были отобраны сто лучших стихов ста лучших поэтов за семьсот предыдущих лет. Они обрели такую популярность, что доньше остались у молодежи темой излюбленной новогодней игры. На одной колоде из ста карт целиком напечатано каждое четверостишие, имя и портрет поэта, на другой, кото-

рая раскладывается на столе,— лишь первые строфы. Выигрывает тот, кто, услышав начало стиха, первым найдет и прочтет его окончание.

Молодая пара медленно двигалась по тротуару в потоке гуляющих. Гинза, Серебряный ряд — центральный торговый квартал Токио — сверкал в новогодний вечер куда ярче своего старинного имени.

Молодожены шли восхищенные неоновым пожарищем. Оба они редко бывали здесь с тех пор, как сняли комнатку на окраине.

Возле прозрачной цилиндрической башни остановились. Молодой муж с увлечением рассказывал, чем объясняется странная конструкция здания без этажей, с полом, опускающимся по спирали. Башня из стекла и металла построена на самом дорогом в Японии участке земли. Он обошелся владельцам в многие миллионы иен.

— Заплатили, так хоть владеют. А нас в любое время могут выселить,— грустно заметила жена, нарушив зарок не касаться под праздник этой темы.

Молодая пара без всяких гадалок и прорицателей знала, что новый год сулит им прибавление семейства. А домовладелец включил в двухлетний контракт условие: пока не будет ребенка. Пугали не только поиски, но и необходимость вновь платить при въезде две месячные ставки в качестве «благодарственных», да еще четыре — как залог.

По настоянию жены решили купить домовладельцу новогодний подарок (может быть, он не такой уж бессердечный человек, как говорят соседи).

Долго выбирали, пока не остановились на трех деревянных мартышках, одна из которых закрывает себе руками глаза, другая — уши, третья — рот. Купили их как намек на обывательскую добродетель: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не говорю».

Перед праздником хотелось гнать от себя заботы. Впереди было три выходных дня. Они взяли экскурсионный тур на остров Кюсю с заездом на вулкан. Асо — место паломничества молодоженов и самоубийц, как говорилось в проспекте.

Возле кратера вулкана Асо, куда собирались приехать молодожены, коротал новогоднюю ночь полицей-

ский патруль. Он был выставлен на сей раз не затем, чтобы в случае извержения сгонять экскурсантов под похожие на доты бетонные колпаки с надписями: «Укрытие на 60 человек».

Вулкан был безлюден. Но охранять его в новогоднюю ночь приходилось от тех, кто не хочет класть себе под подушку картинку с «Драгоценным кораблем», от тех, кто, не рассчитавшись в положенный день с долгами, вздумает свести счеты с жизнью. Не каждый из обанкротившихся предпринимателей кончает с собой столь старомодным способом. Но лучше уж не допустить самоубийства, чем лазить потом в кратер за телом, задыхаясь от сернистых газов.

В ту самую пору, когда на севере, в горах Иватэ, мальчуган, ожидавший из города отца, шагал домой по розовому от заката снегу, на юге Японии у обрыва над морем, откуда открывался вид на бесчисленные зеленые острова бухты Сасэбо, сидели пятеро рабочих.

Они уже выпили за разговором бутылку саке, открыли вторую и молча жевали ломтики вяленой, чуть прикоченной каракатицы.

Словно подводя итог беседе, коренастый сварщик встал, с хрустом расправил плечи и, выразительно взглянув на горизонт, зашвырнул пустую бутылку далеко в море со словами:

— Ну что ж, коли придет сюда этот корабль, встретим как полагается!

Он, разумеется, имел в виду не «Такарабунэ», а американский атомный авианосец «Энтерпрайз», поскольку это были уже не новогодние сны и мечты, а будничная явь.

Что же касается семерых на «Драгоценном корабле», то ветер народной фантазии доставил их к японским берегам как раз вовремя, когда старинные бронзовые колокола начали отбивать сто восемь ударов, возвещающих о начале нового года. Затаив дыхание, прислушивались японцы к их раскатистому басу. Считается, что каждый из этих ударов изгоняет одну из ста восьми бед, которые омрачают человеческую жизнь.

Что если это было бы действительно так! Удар — и колючая проволока американских военных баз превращается в ветки зацветающей сливы. Удар — и хищные силуэты «фантомов» уступают японское небо белокрылым журавлям, символизирующим покой и долгую жизнь.

Каких только чудес не сотворила бы тогда в Японии народная фантазия! Глядь — с каким-то из ста восьми новогодних ударов господам капиталистам пришло бы в голову хоть на десятую часть сократить «деловые кутежи»: тогда можно было бы освободить от платы за обучение всех студентов страны.

Ну, а если бы со следующим ударом колокола бизнесмены образумились вовсе и порешили обходиться при сделках одним лишь чаем, то на сбереженные деньги можно было бы обеспечить жильем семьсот пятьдесят тысяч семей, то есть ежегодно делать счастливыми три четверти молодоженов.

Если бы торжественно-неторопливый звон действительно был способен изгонять из жизни японцев беду за бедой! Подобные чудеса происходят, однако, лишь в новогодних сказках.

Часть третья

Город у моста
Репортажи из Англии

Город у моста

Если считать, что Англия начинается с Лондона, то сам Лондон начинается с Лондонского моста. Город вырос у первой постоянной переправы через Темзу, наведенной еще для римских колесниц. Ее потомок — средневековый мост с домами, лавками и головами казненных на копьях — был свидетелем превращения Лондона в крупнейший центр торговли шерстью, хранилище накоплений, которые впоследствии помогли Англии стать родиной промышленной революции.

Лондонский мост, построенный в первой половине XIX века на месте средневекового, видел, как проплывали по Темзе и оседали в сейфах Сити богатства со всех концов величайшей колониальной империи. Когда Англия слыла «мастерской мира», владычицей морей, немалая доля ее индустрии и, в частности, судостроения, естественно, размещалась на берегах Темзы. А налоги на товары, проходившие через Лондонский порт, служили существенным источником доходов для казны.

«Лондон — дар Темзы» — принято было говорить про город у моста. И надо признать, что в ту пору, когда над владениями британской короны никогда не заходило солнце, то был действительно щедрый дар. Румяные джентльмены в клубах любили повторять крылатую фразу доктора Сэмюэла Джонсона:

— Если вам надоел Лондон, значит, вам надоела жизнь...

Но вот утрачена империя. Промышленность «мастерской мира» переживает упадок. Распилен на куски и продан в Америку даже сам старый Лондонский мост — немой свидетель лучших времен. Утренний поток банковских клерков по новому мосту напоминает, что Сити еще сохраняет свое значение мирового финансового центра. Но это последний бастион былого величия. То, что прежде способствовало процветанию города у моста, обернулось ныне против него. И жители британской столицы с горькой иронией перефразируют афоризм доктора Джонсона:

— Если вам надоела жизнь, значит, вам опостылело быть лондонцем...

Самолет пробивает гряды облаков, и под крылом открываются серебристые излуины реки, петляющей по застроенному пространству. Можно различить средневековые стены Тауэра, монументальный купол собора св. Павла, готические контуры Вестминстерского дворца. А вокруг от горизонта до горизонта раскинулся безбрежный город.

Трудно даже представить себе, что всего три с половиной века назад, во времена Шекспира, приезжему ничего не стоило обойти Лондон вокруг, чтобы полюбоваться на него со всех сторон. Лондоном был тогда для англичанина выросший у моста через Темзу Лондонский кремль — квадратная миля Сити, обнесенная стеной с шестью воротами, запиравшимися на ночь.

До прихода римских легионов на берегах Темзы обитали лишь немногочисленные кельтские племена. Они занимались ловом лосося и ставили в вековых дубравах капканы на лесную дичь. Как раз там, где впоследствии выросла британская столица, Темза широко разливается. Скромная сельская речка, змеящаяся среди рощ и лугов, образует полноводное, подверженное морским приливам устье, напоминающее Рейн или Шельду в нижнем течении.

Римлян это место привлекло как точка пересечения водного пути с востока на запад и магистральной дороги, которую они начали прокладывать с юга, от Дувра, на север, к Йорку. Тут, как раз у низовья, где Темзу практически возможно перекрыть мостом, и в то же время поближе к выходу в море, в первом веке нашей эры был основан город.

В течение нескольких столетий Лондон оставался «городом у моста», единственного на Темзе. Напоминанием о римском владычестве служила и лондонская стена. Она надолго закрепила естественные границы города. Нынешний Сити представляет собой ту самую квадратную милю территории, рубежи которой были очерчены римлянами еще в первом веке.

Примечательно, впрочем, не только это. Квадратная миля у Лондонского моста оказалась своего рода историческим заповедником, так как сохранила до наших дней многие черты средневекового города-государства. Привилегии, пожалованные Сити еще в XI

веке, скрупулезно сохраняются и по сей день. На государственных церемониях британскую столицу представляет не глава Совета Большого Лондона, а лорд-мэр Сити, донныне сохраняющий права средневекового барона.

В середине семидесятых годов лондонская организация лейбористской партии поставила вопрос о том, что положение государства в государстве, которым пользуется Сити, давно изжило себя и наносит ущерб британской столице. Она предложила упразднить Корпорацию Сити, имеющую отдельный бюджет и даже свою полицию, и передать ее обязанности Совету Большого Лондона. Посягательство на вековые традиции встретило бурю возражений: как быть со старейшинами и шерифами, с ежегодными банкетамы в городской ратуше и церемониальными функциями лорд-мэра Сити при королевском дворе?

Впрочем, вряд ли именно это прежде всего встревожило магнатов Сити. На квадратной миле, где сосредоточены банки, фондовые и торговые биржи, фрахтовые конторы и страховые компании,— словом, на этом сгустке мировой финансовой мощи ставки местных налогов куда ниже, чем в соседних районах Лондона. Вот почему «подкоп под стены Сити», как окрестили газеты инициативу лейбористов, был обречен на неудачу. Ведь могущественные обитатели квадратной мили дорожат средневековыми привилегиями не только ради права лорд-мэра вручать королеве символический «жемчужный меч» перед тем, как она переступит границу Сити, не только ради церемонии, учрежденной, дабы показать, что злато банкиров отдает себя на милость булату королевской власти.

Если Сити послужил историческим ядром британской столицы, то ее сердцевину образует бывшее Лондонское графство. Оно занимает территорию в 300 квадратных километров и в административном отношении подразделяется на Сити и 32 столичных округа. А вокруг, на площади, впятеро более обширной (то есть на 1500 квадратных километрах), раскинулось внешнее кольцо Большого Лондона.

Город этот необозрим. Он поистине необъятен для воображения, потому что не только безграничен, но и

лишен какой-либо четкой градостроительной структуры. Его хочется сравнить с громоздкой молекулой сложного органического соединения. Трудно определить, что служит тут центром или осью; трудно выявить какую-то логику или закономерность в том, как связаны в одно целое многочисленные составные части.

Семимиллионный Лондон по площади вдвое превышает Нью-Йорк и почти втрое Токио, хотя по населению уступает сейчас обоим этим городам. Причем характерной чертой его застройки является не только разбросанность, но и аморфность. Лондон не знает ни радиально-кольцевой планировки Парижа, ни линейной планировки Нью-Йорка. При этом хаотичность его отличается от хаотичности Токио. Это город-созвездие, образовавшийся в результате срастания множества отдельных населенных пунктов, которые так полностью и не слились воедино. Это город-архипелаг, каждая составная часть которого во многом живет самостоятельной жизнью, оставаясь островом среди островов.

Если Париж впечатляет размахом градостроительного замысла, гармонией архитектурных ансамблей, то Лондон можно назвать красивым городом лишь в том смысле, в каком может быть красивым лицо старика на портрете Рембрандта. Печать времени, лежащая на памятниках прошлого,— вот чем волнуют камни британской столицы.

Выразительна и торжественна черно-белая графика старых лондонских фасадов. Они словно отретушированы извечным противоборством копоти и дождя. Десятилетиями дым бесчисленных каминов темнил эти камни, а дождевая вода, где могла, смывала с них сажу. Так само время, словно кисть художника, усилило рельефность архитектурных деталей, прочернив каждое углубление и выбелив каждый выступ.

О Лондоне изданы бесчисленные путеводители, где перечисляются его достопримечательности, анализируются особенности творческого почерка таких его зодчих, как Кристофер Рэн, Джон Нэш, Иниго Джонс. Но история британской столицы не знает гра-

достроителя, который внес бы в ее облик какие-то кардинальные перемены.

Во все века Лондон знал лишь одного главного архитектора — Время. Может быть, терпимость к старине и составляет его своеобразную прелесть. Лондон во многом олицетворяет такую черту английского характера, как нежелание отказываться от чего-то принятого, устоявшегося, от привычных удобств и даже неудобств ради скоротечных веяний моды.

Лондон вырос и возмужал еще в век конных экипажей и не пожелал подвергаться хирургическим операциям с приходом века автомашин. Сохраняя в своем облике напластования многих эпох, город на Темзе местами напоминает тесную квартиру, через меру заставленную антикварной мебелью.

Знакомясь с Лондоном, нужно перво-наперво отбросить привычное представление о столичном городе как об упорядоченном наборе архитектурных достопримечательностей. Неприязнь к перепланировкам тоже относится здесь к числу традиций.

В 1666 году Лондон пережил Большой пожар. Сгорело 13 200 домов, 87 церквей. Исторический центр города — нынешний лондонский Сити — был превращен в огромное пепелище. Стихийное бедствие открывало редкую возможность перепланировать и отстроить столицу заново.

Как раз незадолго до пожара архитектор Кристофер Рэн побывал в Париже, познакомился с веерной планировкой его улиц, любовался регулярной разбивкой Версальского парка. Буквально за считанные дни Рэн создал смелый, логически обоснованный план генеральной реконструкции сгоревшего города. На месте средневекового лабиринта узких, запутанных улиц он прочертил прямые магистрали, радиально расходящиеся от пяти площадей. Причалы, склады, верфи, товарные биржи предлагалось вынести за пределы городских стен. Все это должно было придать Лондону черты удобного, современного по тем временам города. Однако владельцы земельных участков столь ревностно защищали право отстраиваться на старых фундаментах, что улицы Сити доныне остались такими же узкими и запутанными, как до пожара.

Порой думаешь, что деревьям в Лондоне живется просторнее, чем домам. Причем именно то священное право частной собственности, которое помешало Рэну осуществить свой замысел, пожалуй, в единственном случае пошло лондонцам на пользу.

В самом центре необозримой британской столицы обширным зеленым пятном площадью в 400 гектаров протянулась цепочка королевских парков: Гайд-парк, Грин-парк, Сэнт Джеймс-парк. Более четырех столетий территория нынешнего Гайд-парка принадлежала Вестминстерскому аббатству. Монахи занимались рыбной ловлей на озере, а луга использовали для выпаса овец. Когда Генрих VIII порвал с римской католической церковью и объявил монастырские владения конфискованными, Гайд-парк стал королевским охотничьим угодьем. Благодаря тому, что двор развлекался там соколиной и псовой охотой, посреди стольного города сохранился в неприкосновенности огромный зеленый массив, который оказался благом для грядущих поколений лондонцев.

Вскоре после того, как Карл I был обезглавлен и Англия на несколько лет стала республикой, правительство Кромвеля решило продать королевские парки в частную собственность. В 1652 году Гайд-парк был продан с аукциона тремя частями. Владелец одной из них — богатый судостроитель — тут же ввел входную плату с каждого пешехода, всадника или экипажа. Это, разумеется, вызвало большое недовольство лондонцев. Поэтому, как только монархия была восстановлена, одним из первых актов парламента после восшествия Карла II на престол была отмена сделки о продаже Гайд-парка, а также платы за вход в него.

Большинство зеленых массивов, которыми по праву славится Лондон, это не регулярные, а пейзажные парки, где можно бродить по лужайкам, загорать, играть в мяч — словом, чувствовать себя словно среди привольной сельской природы. Как и в хаотичности лондонской застройки, здесь отражено присущее англичанам представление, что дома в городе должны расти как деревья в лесу. Стало быть, роль градостроителя не должна превышать роли садовника в

английском парке: подправлять, улучшать, облагораживать то, что сложилось само собой, но не навязывать природе свои собственные, чуждые ей замыслы.

Вместе с тем Лондон представляет собой город-созвездие, город-архипелаг не только из-за традиционной неприязни к перепланировкам. В этом проявляется одна из наиболее характерных черт британской столицы: высокая мера социальной разобщенности, классовой сегрегации. Семимиллионный гигант поражает отъединенностью своих составных частей, каждая из которых подобна изолированному острову. Речь идет не просто о контрастах бедности и богатства (есть немало городов, где они обозначены куда резче), а о четких, почти осязаемых социальных перегородках, расчленяющих Лондон. По обе стороны от таких барьеров, как и во времена, описанные Бернардом Шоу в «Пигмалионе», лондонцы не только говорят на разных языках — они физически разные люди.

Ленину часто вспоминались здесь слова британского премьера Дизраэли: «Две нации!» Да, он все вмещает, этот огромный город, но ничего не совмещает. Раздельной жизнью живут в нем несхожие века и противоборствующие классы.

Только в Лондоне можно полностью оценить реализм Чарльза Диккенса, даже тех его страниц, которые порой кажутся зарубежному читателю сентиментальными. Немногие из современников писателя отваживались, как он, посещать трущобы Ист-энда, где в ту пору насчитывалось 300 тысяч голодающих, 30 тысяч бездомных, свыше 50 тысяч прозябали в описанных им рабочих домах.

Но тогда, столетие назад, это был шлак промышленной мастерской мира; это была клоака города, не знавшего себе равных на свете ни по населению (3,5 миллиона), ни по богатству; это была накипь в гигантском котле, куда стекались золотоносные соки со всей колониальной империи.

Много воды утекло с тех пор под Лондонским мостом. Мир стал иным. Иным стал и город на Темзе. Однако бедность не исчезла. Она лишь изменила облик. Нужда, в которой бьется современная лондонская семья, может не походить на нищету времен

Диккенса. Но разрыв между бедностью и богатством не сократился, а возрос, как расширились рубежи той зоны безысходности и отчаянья, каковую для современников Диккенса олицетворял Ист-энд.

Утрата былой роли крупнейшего порта мира, усугубляемая общим упадком британской индустрии, сделала социальные контрасты Лондона еще более острыми и мучительными.

Вплоть до послевоенных лет Темза оставалась артерией Лондона, стержнем его экономики. С распадом империи британская столица постепенно лишилась положения главного перевалочного пункта в мировой торговле. Поток традиционных грузов пошел на убыль. А новые торговые связи со странами «Общего рынка» идут через молодые порты, что выросли на восточном и южном побережьях.

Из-за кардинальных перемен в методах погрузо-разгрузочных работ, и прежде всего из-за перехода к системе контейнеров, оказалось выгоднее оборудовать причалы заново, чем реконструировать старое портовое хозяйство. Даже Тилбери, выросший у самого устья Темзы, перехватил у Лондона значительную часть его грузопотока.

В результате всего этого Лондонский порт оказался обреченным. В середине 50-х годов он насчитывал 35 тысяч докеров. К началу 80-х годов их осталось 7 тысяч, и лишь сопротивление профсоюза препятствует дальнейшим увольнениям. Администрация давно прекратила нанимать новую рабочую силу и рассчитывает на естественную убыль: средний возраст лондонских докеров приближается к пятидесяти годам.

К числу эксцентричных английских хобби относится «индустриальная археология». Любители-энтузиасты, возводящие это пристрастие в ранг науки, выискивают открывающиеся вручную шлюзы на заброшенных каналах, старинные водокачки, поворотные круги и семафоры на давно закрытых железных дорогах и добиваются для них статуса исторических памятников.

Но зачем отправляться в далекие поиски, если буквально под боком находится не то что памятник, а крупнейшее в Западной Европе индустриальное клад-

бище? Это Доклэнд — Край доков; тянущийся вдоль Темзы на восток от Лондонского моста чуть ли не до Тилбери. Этот сплошной погост из заброшенных, полуразвалившихся пакгаузов, доков, цехов, эстакад и причалов простирается на 2000 гектаров, то есть на площади в пять раз большей, чем королевские парки Лондона.

Британия некогда славилась первопроходцами, которые покоряли пустыни, прокладывая через них дороги, чтобы пробудить к жизни безлюдные края. На каждых выборах в Совет Большого Лондона различные политические партии состязаются в предложениях: как оживить пустыню Доклэнда? В старину говорили, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Хотя Край доков по всем признакам — явная противоположность раю, дороги туда (то есть удобной линии общественного транспорта) до сих пор так и нет.

Печальную участь Лондонского порта в немалой степени разделяет промышленность столицы в целом. Помимо Доклэнда, густым скоплением экспонатов для любителей «индустриальной археологии» стал южный, то есть правый берег Темзы — Саутуорк, Льюишем, Гринвич. В радиусе 35 километров от центра Лондона пустует каждый пятый заводской корпус.

За полтора десятилетия — с начала 70-х до середины 80-х годов — число рабочих мест в промышленном производстве Лондона сократилось на 700 тысяч, то есть одну треть. Это намного превышает темпы упадка британской индустрии в целом.

Помимо объективных причин, упадок промышленности Лондона был ускорен сознательной политикой правительства и местных властей. После войны они стремились ограничить создание новых фабрик и заводов в городской черте. На определенном этапе политика эта, видимо, была оправданной. Воздух над Лондоном стал чище, вода в Темзе тоже. Однако в середине 70-х годов пришлось бить отбой и думать уже не о том, как предотвратить чрезмерную концентрацию индустрии в Лондоне, а о том, как предотвратить дальнейшую утечку рабочих мест из столицы.

Побочные последствия послевоенной политики стали сказываться в самый неподходящий момент: когда

Лондон начал все больше страдать от недуга, присущего в наш век большинству крупных городов капиталистического мира.

Традиционный контраст пролетарских окраин и буржуазного центра теперь как бы вывернут наизнанку. С одной стороны, все шире становится кольцо богатых предместий, куда из-за ухудшения физических условий городской жизни предпочитают переселяться наиболее состоятельные слои; а с другой — происходит экономический упадок и социальная деградация внутренних, прилегающих к центру районов.

Этот «эффект бублика», как его окрестили американцы, исподволь приводит к болезненным и необратимым последствиям. Переезд наиболее зажиточных горожан, а вслед за ними многих предприятий торговли и обслуживания в предместья снижает налоговые поступления в бюджет прилегающих к центру районов. Расходы же на социальные нужды там, наоборот, растут, так как все значительнее становится прослойка немущих, неквалифицированных, нетрудоспособных, престарелых. Местным властям приходится повышать налоги, а это, в свою очередь, побуждает оставшихся предпринимателей быстрее перебираться в другие места и подхлестывает безработицу.

«Проблема бесконтрольного роста британской столицы, над которой мы долго ломали голову, решила сама собой,— говорят в Совете Большого Лондона.— Но вместо нее еще более остро встала другая: проблема неконтролируемого упадка...»

Население Лондона давно уже не растет — оно ежегодно сокращается на 100 тысяч человек. В предвоенные годы город на Темзе насчитывал 8,6 миллиона жителей. Это был мировой рекорд, превзойденный потом Нью-Йорком и Токио. К началу 80-х годов число обитателей Лондона снизилось до 7 миллионов. Особенно существенно — более чем на 25 процентов — сократилось население внутренних городских районов. В школы там поступает вдвое меньше первоклассников, чем в 1970 году. Как показывают опросы общественного мнения, свыше половины жителей Большого Лондона (и три четверти его внутренних районов) хотели бы покинуть столицу. 360 тысяч

лондонцев ежегодно делают это, и вместо них в городе на Темзе поселяются 250 тысяч вновь приехавших—людей, как правило, менее обеспеченных.

«Если вам опостылела жизнь, значит, вам надоело быть лондонцем». Этот переиначенный на новый лад афоризм доктора Джонсона справедлив, разумеется, лишь в определенном смысле. В Лондоне, что называется, не соскучишься. Все проблемы, которыми живет страна, словно в фокусе сходятся в столице, как главные темы оперы прочерчиваются в увертюре к ней.

Бездомные люди и безлюдны дома

Каждый год в лондонском зале «Олимпия» проходит выставка «Идеальный дом». Фирмы, выпускающие отделочные материалы, мебель, ковры, бытовую электротехнику, посуду, демонстрируют свои новинки, изощряются в поисках все новых способов сделать жилище удобнее, уютнее, красивее.

Покидая павильон, переполненные впечатлениями и нагруженные глянцевыми рекламными проспектами посетители нередко видят у входа людей с пачками листовок. Их лаконичный текст как бы перечеркивает все то, что оставляет в памяти этот храм благополучия, проповедующий культ домашнего очага:

«Знаете ли вы, что в Британии около ста тысяч бездомных? Что на каждого из них приходится по десять пустующих домов или квартир? Справочная служба комитета сквоттеров».

Людей, которые в поисках крыши над головой самовольно вселяются в пустые дома, или, как их там называют, сквоттеров, в Великобритании стало свыше 30 тысяч. Есть два момента, делающие их социальным явлением, от которого нельзя отмахнуться. Это, во-первых, наличие в стране бездомных людей, которые не могут найти жилье по доступной для себя цене. И, во-вторых, наличие безлюдных домов. Сочетание того и другого и олицетворяет ту вопиющую социальную несправедливость, к которой сквоттеры стремятся привлечь внимание общественности своим протестом.

Разумеется, проблема бездомных стоит в Лондоне иначе, чем, скажем, в Калькутте; все относительно.

Англия веками богатела за счет империи. По ее земле девять столетий не ступала нога завоевателей. В 1945 году Великобритания располагала лучшим жилым фондом в Западной Европе. Правда, в послевоенные годы по жилищному строительству, как и по другим показателям, Англия отстала от континентальных соседей. Ветшают и старые здания. В стране используется около четырех миллионов домов, признанных непригодными для жилья. В то же время среди строительных рабочих сохраняется самый высокий процент безработицы.

«Хотя Англия располагает лучшим жилым фондом, чем многие страны Западной Европы,— пишет газета «Файнэншл таймс»,— острота жилищной проблемы в такой форме, как бездомные семьи, сквоттеры, неубывающие списки очередников в муниципалитетах, нехватка сдающихся в аренду комнат для одиноких, бездетных, престарелых, неимущих,— острота этой проблемы не ослабла, но усугубилась».

В чем же дело?

В послевоенные годы существенно изменилась структура жилого фонда Великобритании. Важным завоеванием рабочего и демократического движения явилось расширение общественного жилищного строительства. В домах, принадлежащих местным муниципалитетам, проживает почти третья часть семей — в шесть раз больше, чем до войны.

Более чем удвоилось количество домов, принадлежащих самим жильцам, чаще всего купленных в рассрочку. В них проживает более половины английских семей. Однако и в довоенные и в послевоенные годы неуклонно сокращается число жилищ, которые сдаются внаем частными домовладельцами. До первой мировой войны они составляли девять десятых, после второй мировой войны — две трети, а теперь — лишь одну шестую жилого фонда.

Таблички с надписью «сдается внаем» стали редкостью на улицах английских городов. А нужда в недорогом, хотя бы временном пристанище обостряется. Для людей малообеспеченных, еще не ставших на ноги или, наоборот, выбитых из колеи — разнорабочих, живущих на случайные заработки, студентов, мо-

лодоженов, пенсионеров,— жилищная проблема становится еще более мучительной и неразрешимой, чем была когда-либо. Автор книги «Бездомные» Дэвид Брэндон приходит к выводу, что в английской столице и других городах «существует настоятельная необходимость возродить тип жилищ по образцу существовавших в XIX веке ночлежных домов для одиноких».

Попытка обуздать произвол домовладельцев и ограничить рост квартирной платы привела к последствиям, которые не улучшили, а, наоборот, ухудшили положение тех социальных слоев, которые больше всего страдают от жилищного кризиса.

Снять недорогую квартиру, а тем более комнату стало неизмеримо труднее. Дело в том, что домохозяева предпочитают теперь не сдавать, а продавать жилье в рассрочку на 25—30 лет по взвинченным ценам, да еще с высокими процентами. Они умышленно не заселяют пустующие квартиры, дожидаясь, пока освободится все здание, чтобы целиком переоборудовать или вовсе снести его — словом, найти наиболее прибыльную форму спекуляции своей недвижимостью.

Так растет число безлюдных необитаемых домов — явление, которое депутат-лейборист Фрэнк Оллаун назвал в парламенте «национальным позором». Он обратил внимание палаты общин на то, что в Великобритании пустует втрое больше домов или квартир, чем ежегодно строится новых.

Фрэнк Оллаун предложил предоставить местным властям право временно реквизировать и заселять жилые помещения, пустующие более шести месяцев. Законопроект Оллауна отнюдь не покушался на испровержение основ. В нем было оговорено, что право собственности на землю и строение остается за домовладельцем. Муниципалитет реквизировал бы право распоряжаться жилыми помещениями, провести там самый необходимый ремонт и сдать их наиболее нуждающимся семьям из списка очередников. Причем квартирную плату по муниципальным ставкам должен получать (за вычетом расходов на ремонт) сам домовладелец.

Однако законопроект не был поддержан. Судя по всему, весьма влиятельные круги на Британских ост-

ровах заинтересованы в том, чтобы нынешнее парадоксальное положение сохранялось. Головокружительный рост цен на недвижимость открыл безграничные возможности для спекулятивных махинаций в этой области. Теперь нередко бывает, что владельцу недвижимости выгоднее какое-то время держать участок или даже заново построенный дом незанятым, довольствуясь тем, что цена его ежегодно повышается чуть ли не на треть, чем получать от съемщиков арендную плату и вносить с нее налог.

Причем понятие «какое-то время» весьма растяжимо. Для сотен тысяч квадратных метров жилой и служебной площади в 35-этажном лондонском небоскребе Сентр-пойнт оно составило, например, целое десятилетие.

Лондон богат историческими памятниками. Каждая страница истории страны воплощена здесь в бронзе и мраморе. Но что может сравниться по выразительной силе с монументом, в котором воплотил свои черты современный английский капитализм, с небоскребом Сентр-пойнт на оживленнейшем перекрестке английской столицы?

Он возвышается над потоками людей и машин, безразличный к архитектурному облику Лондона, к пропорциям окружающих зданий, к заботам города, задыхающегося от тесноты. Десять лет на этажах этого здания обитала гулкая тишина. Не раз у стен небоскреба бушевали возмущенные демонстрации. В него в знак протеста вселялись сквоттеры. Но Сентр-пойнт по-прежнему маячит перед глазами миллионов людей как монумент, зримо воплощающий бездушную спекулятивную природу капитализма.

Всякий раз, когда доводилось выступать перед английской аудиторией с рассказами об СССР, я замечал, что из всех примеров и цифр наибольшее впечатление на слушателей производит одна: десятая советская пятилетка сделала новоселами 56 миллионов человек, что как раз равно всему населению Великобритании.

Каким разительным контрастом на этом фоне предстают факты современной британской действительности: 100 тысяч бездомных, 30 тысяч сквоттеров,

а с другой стороны — десятки тысяч безработных строителей и сотни тысяч жилищ, пустующих в ожидании выгодных покупателей.

Всякий раз, когда заходит речь о жилищной проблеме в Англии, у меня встает перед глазами контур небоскреба, дерзко вклинившегося своими стремительными вертикалями в панораму английской столицы; а на его фоне — шеренги демонстрантов: каменщиков, землекопов, бетонщиков с самодельными плакатами: «Бездомные люди; безлюдные дома; безработные строители — это безумный, безумный, безумный мир!»

Свет в чужом окне

Над Лондоном низко нависает хмурое небо. Тускло блестя чугунные ограды парков и мокрые ветви облетевших деревьев, будто тоже отлитые из чугуна. Зато ненастье вернуло свежесть лондонским газонам. Пыльные и пожухлые летом, они именно зимой особенно яркие и зеленые, как и футбольные поля стадионов, где всюду кипят спортивные страсти. На прудах, как и летом, открыты лодочные станции. Лишь иногда по утрам катающихся с хрустом взламывают у берегов тонкий лед, по которому вперевалку расхаживают утки.

Ранние сумерки застилают город туманной мглой. Но загораются огни, и мокрый серый асфальт вдруг превращается в половодье красок, удваивая сияние иллюминированных торговых улиц, блеск витрин, неистовство рекламных призывов.

У предновогодней поры на Британских островах есть свои приметы. Но у праздников везде есть общая черта: им свойственно сгущать будничные повседневные краски. В праздник ярче сверкают огни, темнее и резче становятся тени. Это пора, с которой связывают особенно много надежд. Но в эту же пору особенно остро переживаются невзгоды.

Самый большой для англичан праздник имеет как бы два лица. Его диалектика воплощена в контрасте между очумелой предрождественской суетой и оцепенелым предновогодним безлюдьем.

Чуть ли не с первых дней декабря размеренную жизнь Британии захлестывает некая массовая эпидемия, главные симптомы которой, по существу, сводятся к разным формам вымогательства. Корсет традиций, напористость рекламы и указующий перст морали сообща заставляют англичан (обычно вовсе не склонных как попало сорить деньгами) безропотно опорожнять свои бумажники, кошельки и карманы.

Фасады универмагов опутывают плющом электрических лампочек, наряжают специально нанятых рыжебородых студентов седобородыми Санта-Клаусами, оглашают грешные торжища благочестивыми мелодиями церковных хоралов. Подлинным символом (и скрытым стимулом) рождественских праздников и связанной с ними суеты вернее было бы считать не библейских ягнят, окружающих колыбель новорожденного Христа, а увесистого золотого тельца, щедро раскормленного на предновогоднем бизнесе.

Телевизионная реклама, которая в будни делает упор на стиральные порошки, пилюли от насморка и консервированный корм для кошек и собак, теперь восхваляет шампанское, хрусталь, сигары, духи, наборы мужской парфюмерии.

Лондонцы шутят, что в такие дни даже Гамлет ломал бы голову лишь над одним вопросом: кому что подарить? Праздник считается семейным. Но если бы дело ограничивалось лишь кругом семьи! Принято (хоть раз в году) вспоминать о дальних родственниках, проявить внимание к друзьям и знакомым, к людям, с которыми сталкиваешься в повседневном быту. Праздник стучится в английские дома не только в сказочном образе Санта-Клауса с мешком, но куда чаще в прозаическом образе сезонных визитеров, которые сами рассчитывают на подарки. От двери к двери ходят привратники, мусорщики, газетчики, молочники.

Сколько же хлопот достается тем, кто покупает все эти подарки! Сколько барышей тем, кто их продает! Впрочем, торговцы проявляют готовность облегчить участь покупателей. Рекламируется новшество: особые поздравительные открытки, к которым можно приклеивать подарочные купоны достоинством в

1, 3, 5 фунтов стерлингов. Достаточно заплатить деньги, а уж получатель такой открытки сам решит, что ему выбрать.

Практично? Может быть, и так. Но не превращает ли такая затея подарок в своего рода подаяние? Об этом задумываешься еще и потому, что охватывающая Британские острова лихорадка праздничных покупок сопровождается повальным приступом благотворительности. Величественному перезвону церковных колоколов вторит позвякивание монет в кружках для пожертвований.

Посиневшие от холода школьники встряхивают такими кружками, атакуя домохозяек на рынках: «Помогите сиротам и престарелым!» Розовошекие оркестрантки Армии спасения оглашают Шафтсбери-авеню звуками хорала «Тихая ночь, святая ночь» и от божьего имени собирают мзду с посетителей ночных заведений, где весьма мало тишины и еще меньше святости. Трясут кружками, уже от своего имени, невесть откуда взявшиеся в Лондоне уличные музыканты. Призывы о рождественских пожертвованиях распространяются в виде листовок, газетных объявлений, всевозможных открыток.

Около 70 тысяч зарегистрированных в Британии благотворительных организаций конкурируют между собой в предрождественскую пору, пожалуй, не менее ожесточенно, чем коммерческие фирмы. Ведь страдая для них пора так же преходяща, как спрос на елочные украшения. Словно вдруг прозрев, страна вспоминает под праздник про обездоленных, увечных, страждущих.

Возвращается мода на грустные сентиментальные истории со счастливыми концовками. Режиссеры сдувают пыль с томиков Диккенса. Оливер Твист, Дэвид Копперфильд и крошка Доррит оживают на телевизионном экране, пробуждая у зрителя желание стать героем святочного рассказа, наделить кого-то рождественским благодеянием.

Нужно воздать должное многим положительным чертам англичан, особенно заметным в эту пору. Их обязательности и корректности в отношениях со знакомыми. Их готовности встать на сторону тех, кто

особенно нуждается в помощи. Словом, внешняя замкнутость англичан не исключает отзывчивости. Бесспорно и то, что потребность в человеческом участии, нужда и невзгоды ощущаются в праздник острее, чем в будни.

И все-таки сезонная вспышка конкуренции на ниве благотворительности рождает противоречивые чувства. В ней видится не только проявление подлинной доброты к окружающим, но и что-то другое, такое же нарочитое и искусственное, как синтетическая хвоя и бутафорский снег в витринах.

В повсеместном звяканье кружек для подаяний сквозит желание обывателя оплатить ритуалом благотворительности право на личное благополучие — откупиться от заповеди «возлюби ближнего» чем-то вроде открытки с подарочным купоном.

«Подумаем о тех, о ком обычно забываем; о тех, кому ничто не напоминает о празднике, кроме огней в чужих окнах...» Авторы этой листовки одного из благотворительных обществ нашли точный, выразительный образ. Но вряд ли они сознавали, что слова об огнях в чужих окнах несут еще в себе и самый прямой, непосредственный, прозаический смысл.

Над сотнями тысяч людей постоянно висит угроза оказаться в разгар зимы в темноте и холоде. Каждый год возобновляется общественная кампания против практики отключать электроэнергию и газ за неуплату счетов. Участники кампании добиваются, чтобы такие меры принимались только по решению суда. В Англии, напоминают они, ежегодно насчитывается до 120 тысяч случаев отключения электричества и 30 тысяч — прекращения подачи газа в дома неплательщиков. Вот уж кому единственным напоминанием о празднике действительно становится лишь свет в чужом окне!

25 декабря очумелая предрождественская суэта разом сменяется оцепенелым предновогодним безлюдьем. Какой поразительный контраст! Ходишь по Лондону и не веришь собственным глазам. Улицы вымерли, зашторены витрины, заперты конторы. Ни машин, ни пешеходов. Жизнь теплится лишь где-то за окнами, напоминая о себе мерцанием елочных огней.

Нам кажется привычным, естественным, что в праздник человеку хочется быть на людях, ощущать причастность к общему веселью. Здесь же не будет большим преувеличением назвать последние дни года порой наибольшего отчуждения людей друг от друга.

Странное, гнетущее впечатление оставляет этот безжизненный город. Почему-то вспоминается Темза, когда глядишь на нее с Лондонского моста в час отлива. Схлынула волна коммерческого ажиотажа, оставив после себя обрывки сусальной мишуры. И внезапный отлив словно обнажил городское дно с разбросанными там и сям обломками человеческих судеб. Безучастные неподвижные фигуры в вокзальных залах ожидания. Им некуда ехать, им нечего ожидать. Потертые личности у дешевых ночлежек на правом берегу Темзы.

На языке полицейских протоколов эти люди именуются «бездомными одиночками». Они коротают праздник в заброшенных, предназначенных к сносу домах, под железнодорожными эстакадами, где вместо елочных огней тлеют костры из старых ящиков и подарочных упаковок. (Для управления пожарной охраны это страдная пора: под Новый год каждый раз гибнет в огне 20—30 таких бродяг.)

Откуда же взялись в современном Лондоне эти тени минувших веков, эти персонажи «Кентерберийских рассказов» Чосера? И много ли их, подобных изгоев? Может быть, это столь редкое исключение, что на них не стоит обращать внимание?

Под праздник по старой Кентской дороге шагают от Кентербери к Лондону сотни юношей и девушек, с плакатами: «Вспомним о судьбе ста тысяч бездомных!» Это своеобразное паломничество благословил сам архиепископ Кентерберийский.

На южном берегу Темзы, где завершают свой поход паломники из Кентербери, есть церковь Сэнт-Мэри. Благодаря усилиям нескольких благотворительных организаций она становится в предновогоднюю неделю приютом для бездомных. На каменном полу расстилают тюфяки, а вместо причастия раздают горячий суп. У тех, кого жизнь заставляет встречать Новый год в подобной обстановке, есть склон-

ность держаться замкнуто и обособленно, как бы не замечая окружающих. Но бывает и иначе. Маргарет и Редж Фаллер встретились под этим случайным кровом как бездомные одиночки, и именно это пристанище для обездоленных соединило их судьбы. Здесь они познакомились, здесь поженились; и даже после того, как Реджу удалось наконец найти работу в Манчестере, супруги приезжают встречать Новый год в эту лондонскую церковь.

«Иные скажут вам, что рождество теперь не такое, как прежде; что всякий раз с приходом рождества рушится еще одна надежда на счастливое будущее, которую они лелеяли в прошлом году; что настоящее лишь напоминает им об уменьшении доходов, стесненных обстоятельствах».

Эти строки тоже написаны лондонским журналистом, но не в наши дни, а почти полтора века назад. Их автор не кто иной, как Чарльз Диккенс, о котором здесь чаще всего вспоминают в предновогоднюю пору как о непревзойденном авторе святочных рассказов.

В современной английской жизни и поныне нет недостатка в грустных сентиментальных историях. Разве судьба Маргарет и Реджа не относится к их числу? Беда лишь в том, что в отличие от святочных рассказов жизнь не может припасти счастливых концовок для всех человеческих драм; как не может церковь Сэнт-Мэри вместить все сто тысяч бездомных, о которых хотят напомнить англичанам современные паломники из Кентербери.

Сливки Эскота

В наш век никого не удивишь автомобильными пробками. Но эта многомильная очередь старомодно-тяжеловесных машин запомнится на всю жизнь. Огибая с юга Виндзорский парк, к Эскоту медленно двигалась бесконечная вереница «роллс-ройсов» с пассажирами в чрезвычайно консервативных серых цилиндрах и чрезвычайно эксцентричных дамских шляпах. Почему-то вспомнились полчища глубоководных черепашек, которые, повинувшись неведомому инстинкту, в

определенный день выползают на один из тихоокеанских пляжей откладывать яйца в приморском песке.

Неужели их может быть столько, да еще сразу в одном месте? И какая загадочная сила отцедила эти сливки автомобильного парка — ведь на лондонских улицах «роллс-ройс» мелькает порой лишь как редкая особь обреченной на вымирание породы?

«В высоком лондонском кругу» неделя королевских скачек в Эскоте знаменует начало летнего светского сезона с тех пор, как королева Анна в 1711 году повелела соорудить ипподром близ Виндзорского замка.

Вообще-то у англичан не принято выставлять напоказ ни свою знатность, ни свою состоятельность. Так что королевские скачки — это как бы повод появиться на ярмарке тщеславия при полном параде, чтобы продемонстрировать, а также ощутить собственную причастность к сливкам общества. (Не потому ли заветный жетон на парадной визитке, дающий право входа в «королевскую ограду», имеет светло-кремовый цвет?)

Здесь принято говорить о породах лошадей. Но за два с половиной века своего существования Эскот вряд ли больше преуспел в выведении скакунов, чем в воспитании чистопородных английских снобов. Ни один профессиональный режиссер не сумел бы придать идее классовых барьеров большую наглядность, чем это воплощено на ипподроме в Эскоте.

Чтобы попасть в «королевскую ограду» (внутри которой расположена королевская ложа), нужно заранее подать просьбу о персональном приглашении и, уже дождавшись такового, на свой выбор покупать либо места в общем ряду, либо отдельную ложу (ценой до 1000 фунтов за сезон).

Но что значат подобные волнения и расходы в сравнении с пьянящей атмосферой причастности к избранному кругу? Серые цилиндры, экзотические шляпы и, конечно же, клубника со сливками, без которой, как и без шампанского, нельзя представить себе королевские скачки в Эскоте.

Пахнет конским потом, духами и сигарами. И еще, пожалуй, пахнет большими деньгами, как в вестибюле Английского банка, где служители почему-то носят

такие же цилиндры и визитки, только не серого, а розоватого (как клубника со сливками) цвета.

Изящно изданная программа заездов содержит сведения о родословной каждой лошади, о ее цене. Что же касается родословной и состоятельности владельца, чье имя приводится рядом, то это, кому надо, известно и без программы. Сливки Эскота — это наиболее зримое воплощение простой статистической выкладки: один процент населения Великобритании держит в своих руках свыше четверти личной собственности граждан страны. Пять процентов владеет половиной ее. Остальные 95 процентов делят между собой другую половину, причем многие из них вовсе не имеют ничего. «Две нации», о которых Дизраэли писал более века назад, стало быть, по-прежнему налицо. И тем не менее именно к ним, 95 процентам, обращен лейтмотив официальных проповедей.

«Нам нельзя больше жить не по средствам. Каждый должен пойти на жертвы, чтобы помочь стране в небывало трудные времена. Требуется самоограничение во всем, готовность смириться и со снижением личных доходов и с усечением государственных затрат на общественные нужды. Иначе стране не выбраться из долгов, и ей грозит банкротство...»

Об этом говорят, поднимаясь с зеленых кожаных скамей, члены палаты общин. На эту тему вещают маститые комментаторы с телевизионных экранов, ее изо дня в день раскручивают ротационные машины на улице газетных редакций Флит-стрит. Такое впечатление, будто вновь восстали из могил воинствующие пуритане, проповедуя как высшую добродетель готовность отказывать себе во всем и провозглашая иные стремления чуть ли не аморальными.

Как далека, однако, от подобных проповедей изысканная атмосфера Эскота!

«Фунты стерлингов в наше время стали так терять в весе, что от них надо поскорее избавляться. И я не знаю более приятного способа делать это, чем тратить их здесь...» — ходит из уст в уста изящный каламбур одного из завсегдатаев королевских скачек.

Пока обладатели серых цилиндров делают ставки и освежаются шампанским, а их дамы состязаются

изысканностью туалетов и поглощают клубнику со сливками, члены правительства втолковывают трудящимся, что каждый, кому дороги судьбы отечества, должен стиснуть зубы и затянуть ремни; что только засучив рукава и не позволяя себе тратить ни часа рабочего времени на забастовки, можно рассосать армию безработных.

Можно добавить, что пока продолжаются королевские скачки, в Англии находится без работы наверняка больше людей, чем значится по официальной статистике. Ведь целую неделю, состоящую из обычных рабочих дней, возле ипподрома регулярно вырастает лес «роллс-рэйсов» с подлеском из «ягуаров» и «бентли». Обладатели их хоть и не трудятся, тем не менее не регистрируют своих имен на бирже труда.

Забота о завтрашнем дне отнюдь не омрачает и лица их отпрысков из колледжей Оксфорда и Кембриджа. Получив свои дипломы, они могут спокойно ехать стрелять куропаток в Шотландию, ибо их имена не числятся среди четверти миллиона выпускников учебных заведений, которым грозит прямо со школьной или студенческой скамьи перейти в хвост длиннейшей очереди за пособием по безработице.

Таков еще один парадокс современной английской действительности. Школе требуются тысячи учителей, чтобы довести до нормы чересчур переполненные классы. Выпускникам педагогических вузов требуется работа. Но лишь один из четырех имеет шансы начать трудовую жизнь на избранном им благородном поприще. Причина — в стране нет денег, чтобы платить им. Из-за урезывания ассигнований на социальные нужды, в том числе на народное образование, школы вынуждены сокращать преподавательский состав, хотя существует реальная нужда в его расширении.

Не забуду этих юношей и девушек, когда они, перед тем как пройти в колоннах демонстрантов к парламенту, собирались на лужайке Гайд-парка. В толпе не стихал смех, слышались шутки и было больше непринужденной жизнерадостности, чем на чинных лицах дебютанток в «королевской ораде» Эскота.

Но это не умаляло трагедии, которую капиталистическая действительность уготовила пылким и чи-

стым молодым душам. В чем же состоит для этих безработных учителей «свобода выбора» или «равенство возможностей», которые, по догмам проповедников капитализма, делают людей свободными и равными? В том, что, оказавшись без работы, они митинговали в Гайд-парке, вместо того чтобы любоваться скачками в Эскоте?

Лидер британских консерваторов, первая в Европе женщина, ставшая премьер-министром, Маргарет Тэтчер сформулировала доктрину мира свободного предпринимательства: «Равенство возможностей,— сказала она,— становится бессмыслицей, если оно не предполагает права на неравенство».

А раз так, то сливки Эскота отнюдь не должны выглядеть парадоксом на фоне призывов затянуть ремни, как и десятки тысяч бутылок шампанского, выпитого за приятно проведенные рабочие дни,— на фоне десятков тысяч обреченных на безработицу молодых учителей.

Социальный фильтр

— Битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона...

Англичане любят повторять эту фразу, сказанную когда-то герцогом Веллингтонским. Наиболее чтимый своими соотечественниками полководец подчеркнул в ней роль закрытых частных школ в формировании элиты общества. Самыми привилегированными из подобных заведений считаются так называемые «публичные школы». Уже само это название сбивает с толку своей парадоксальностью. Если «публичный дом» означает в Англии просто-напросто пивную, то «публичная школа» — это не что иное, как частная школа.

Ныне в Британии насчитывается 260 «публичных школ». Среди 38 тысяч остальных это вроде бы капля в море. Обучается в них лишь около 4 процентов общего числа школьников. И все же влияние «публичных школ» Итона и Харроу, Винчестера и Регби не только на систему образования, но и на общественно-политическую жизнь страны чрезвычайно велико. Именно там, словно между могучими валками блю-

минга, подвергаются предварительной обкатке характеры воспитанников, прежде чем попасть для окончательной шлифовки на «фабрики джентльменов» — в Оксфорд и Кембридж.

В своем нынешнем виде «публичные школы» сложились после реформ, осуществленных Томасом Арнольдом полтора столетия назад. Как военная, так и гражданская служба в заморских владениях нуждалась тогда в людях, которые, кроме традиционного классического образования, были бы наделены определенными чертами характера.

Если в средневековых школах основами воспитания считались латынь и розга, то Томас Арнольд, во-первых, добавил сюда третий рычаг — спорт; а во-вторых, вложил розгу в руки старшеклассников. Введенная им система внутренней субординации среди воспитанников наделила старшеклассников значительной властью над новичками. Именно через систему старшинства «публичная школа» преподает новичку самый первый и самый суровый урок: умение подчиняться с тем, чтобы впоследствии научиться повелевать.

Вместо индивидуальных видов спорта, таких, как гимнастика или легкая атлетика, в «публичных школах» доминируют спортивные игры, то есть состязания соперничающих команд. Считается, что именно такое соперничество приучает подростков объединять усилия ради общей цели, подчинять интересы личности интересам группы; способствует формированию командного духа, умению повиноваться дисциплине и умению руководить.

У англичан есть понятие: «старый школьный галстук», с которым они привыкли связывать другое распространенное словосочетание: «сеть старых друзей». По лондонским понятиям, галстук «публичной школы» позволяет судить не только об образованности человека, но и о круге его знакомств — словом, служит бесспорным свидетельством принадлежности к избранной касте.

Устроить сына в «подобающую школу» — главная забота состоятельных родителей, ради чего они идут на любые жертвы. Обивая пороги Итона или Винчестера, родители-англичане думают прежде всего

не о том, чему их отпрыск выучится на уроках, не о классическом образовании, сулящем сравнительно мало практической пользы. Они думают о том воздействии, какое окажет «публичная школа» на характер их сына; о манере поведения, что останется с ним до конца дней, как и особый выговор, который проявляется с первого же слова и который можно выработать лишь в ранние юношеские годы. Они думают о друзьях, которых обретет их сын, и о том, как эти одноклассники и сам «старый школьный галстук» помогут ему в последующей жизни.

«Что за беда, если в Англии существует множество разнородных школ, причем даже у однородных нет общих программ, и что все они существуют сами по себе, как растут деревья в лесу. Зато у родителей и учащихся есть свобода выбора...»

Подобные рассуждения можно услышать в Британии довольно часто. Это отголоски политической борьбы, которая идет вокруг проблемы образования все послевоенные годы. Восхваление «свободы выбора» — излюбленный аргумент противников демократизации и унификации системы народного просвещения, которая в своем нынешнем виде продолжает служить социальным фильтром, каналом классовой сегрегации молодежи.

Лозунг «Среднее образование для всех», лежавший в основе послевоенных реформ английской школы, на практике оказался ширмой, маскирующей действие этого фильтра. Вплоть до 1944 года среднее образование существовало в Англии в форме платных «публичных школ» и бесплатных грамматических школ (куда требовалось, однако, пройти по конкурсу). После того как среднее образование стало одинаково обязательным для всех, оно отнюдь не стало для всех одинаковым. Так называемые современные средние школы заведомо должны были стать учебными заведениями второго сорта, ибо в отличие от грамматических школ не давали выпускникам права на поступление в вузы.

Для того чтобы рассортировать детей по этим двум типам школ, был учрежден пресловутый экзамен «одиннадцать плюс». Цель его — еще в одиннад-

цатилетнем возрасте отделить три четверти школьников как «менее одаренных» и сохранить перспективу высшего образования лишь для оставшейся четверти.

Английские дети начинают ходить в школу пятилетними. Первые шесть лет спрос с них невелик. Главный стимул к прилежанию — их собственный интерес к занятиям. И вот в 11 лет для школьников наступают нечто вроде судного дня, когда их экзаменуют не на знание учебной программы, а на «одаренность».

Практика отсекал «менее одаренные три четверти» посредине срока обучения, то есть еще в одиннадцатилетнем возрасте предопределять их дальнейшую судьбу,— это система жестокая и, без сомнения, система классовая. Ибо у выходцев из трудовых семей куда меньше предпосылок выдержать экзамен «одиннадцать плюс», чем у тех, кто имеет состоятельных родителей, возвращается в более образованной среде, имеет благоприятные условия для занятий, домашних репетиторов и т. д. В одиннадцать лет сын служащего имеет в девять раз больше шансов поступить в грамматическую школу, чем сын рабочего, а в шестнадцать лет — в тридцать раз больше шансов продолжать образование в вузе.

Хотя роль «публичных школ» в воспроизводстве элиты общества куда более очевидна, именно грамматические школы стали в Англии главной мишенью критики и средоточием борьбы за демократизацию и унификацию системы образования. Произошло это отчасти потому, что на долю грамматических школ приходится в шесть раз больше учащихся, чем на долю публичных школ, и их роль в закреплении сословных различий больше бросается в глаза.

Протесты общественности против экзамена «одиннадцать плюс» привели к тому, что был взят курс на их постепенную отмену.

Сейчас лишь четверть английских детей поступают в грамматические школы на основе отбора в одиннадцатилетнем возрасте, а остальные три четверти учатся в общеобразовательных школах, где их лишь перемещают в соответствующий поток. Дело в том, что в отличие от других стран английская общеобразовательная школа не учит всех детей по общей прог-

рамме и не ставит своей целью дать им одинаковый объем знаний. Она общеобразовательна лишь в том смысле, что объединяет под общей крышей разные типы средних школ. Одни ее классы занимаются по расширенной программе, открывающей дорогу в вуз, другие по упрощенной программе, не дающей право на это. Новое состоит лишь в том, что общеобразовательная школа теоретически оставляет возможность переходить из потока в поток и после одиннадцати лет. Система сортировки детей в середине срока обучения, стало быть, сохранилась, но лишь в завуалированной форме.

Поборники демократизации английского просвещения добиваются того, чтобы переход к системе общеобразовательных школ сопровождался ломкой внутренних перегородок в самих этих школах — только это покончило бы с судным днем для одиннадцатилетних не по форме, а по существу.

Пока кипят страсти по поводу экзаменов «одиннадцать плюс», «публичные школы» как бы остаются в стороне от этих споров. Хотя ежегодная плата за обучение в Итоне и Харроу перевалила за две тысячи фунтов стерлингов, пробиться туда стало еще труднее, чем прежде.

Готовность родителей идти на все, лишь бы их отпрыск стал обладателем «старого школьного галстука», а затем непременно попал в Оксфорд или Кембридж, порождает не одним лишь снобизмом. Вопреки разглагольствованиям о равенстве возможностей в Англии сохранила силу истина, что чем дороже образование, тем оно лучше. Из года в год Оксфорд и Кембридж снимают сливки с «публичных школ», а те, в свою очередь, с частных подготовительных школ. Обладая престижем и к тому же располагая средствами, старые университеты в состоянии привлекать лучших профессоров, а «публичные школы» нанимать лучших учителей. Можно ли ожидать после этого, что уровень преподавания, а главное, уровень подготовки выпускников во всех учебных заведениях будет одинаков?

На долю «публичных школ» приходится лишь четыре процента учащихся. Но обладатель «старого

школьного галстука» имеет в 22 раза больше шансов попасть в Оксфорд или Кембридж, чем учащихся общеобразовательной школы, констатирует доклад «Неравенство в современной Британии». На долю старых университетов приходится лишь четыре процента студентов. Зато в парламенте их выпускники составляют почти вдесятеро большую прослойку.

Формируя характер и мировоззрение будущих правителей страны, «фабрики джентльменов» используют те же методы, что и «публичные школы». Здесь подобным же образом насаждается корпоративный дух, инстинктивная манера делить людей на своих и чужих. Здесь продолжается воспитание классовой верности. Основы ее закладываются как верность своему школьному классу в Итоне или Винчестере, закрепляются как верность своему колледжу в Оксфорде или Кембридже, чтобы перерасти затем в верность своему клубу, своему полку, своему концерну, своей парламентской фракции, а в конечном счете — в верность своему классу, классу власть имущих.

Диплом Оксфорда или Кембриджа — это не столько свидетельство определенных специальных знаний, сколько клеймо «фабрики джентльменов». Пройдя этот социальный фильтр, человек на всю жизнь приобщается к избранной касте.

Нарушив непреложное правило о том, что в доме повешенного не говорят о веревке, я дерзнул однажды завести речь об элитарности английского образования в одном из лондонских клубов. Утопая в глубоких кожаных креслах и окутывая себя облаками сигарного дыма, мои собеседники со «старыми школьными галстуками» развили в ответ целую теорию, основанную чуть ли не на дарвинизме.

Да, признавали они, Оксфорд и Кембридж все чаще критикуют за то, что эти университеты не уделяют должного внимания естественным наукам; что они копаются в мертвом прошлом вместо того, чтобы заниматься живым настоящим; что они мало готовят человека к практической работе по конкретной специальности; что они переоценивают роль спорта; что, наконец, они не демократичны.

Но можно ли винить скаковую лошадь за то, что она отличается от ломовой? Она просто принадлежит к другой породе, доказывали мне рассудительные джентльмены, потягивая из хрустальных бокалов старый шерри. Англичане, продолжали они, по природе своей селекционеры. Во всем — будь то розы, гончие или скакуны — они прежде всего ценят сорт, породу и стремятся к выведению призовых образцов. А каждый селекционер знает, что особо выдающихся качеств можно достичь лишь путем отбора, то есть стремясь к качеству за счет количества. Вырастить из всех лошадей породистых скакунов нет возможности, да и нет нужды. Точно так же нет необходимости делать все вузы похожими на Оксфорд и Кембридж. «Публичные школы» и старые университеты заняты выведением особой человеческой породы, людей, способных управлять страной. Цель эта уже сама по себе предполагает отбор, а как же можно совместить избранное меньшинство с разговорами о равенстве для всех?

На берегах Темзы любят говорить, что перемещение людей из «низов» в «верхи» общества происходит в Британии главным образом через систему образования. Правящая элита готова пополнять свои ряды теми выходцами из других классов, кто сумел преобразить себя по ее образу и подобию, пройдя перековку на «фабриках джентльменов». Но говорить, утверждать это — значит признавать, что английская система образования в гораздо большей степени остается каналом классовой сегрегации, воспроизводя и увековечивая сословную разобщенность.

Торговля смертью

Святой Мартин-на-полях. Как странно звучит древнее название этой некогда сельской церкви, оказавшейся теперь в самом центре гигантского Лондона! Прямо перед ее порталом обтекает колонну Нельсона непрерывный, неумолчный водоворот двухэтажных красных автобусов и громоздких черных такси. Отсюда видно как на ладони все то, что спешит посмотреть человек, впервые оказавшийся в британской столице: бронзо-

вые львы и струи фонтанов, стаи голубей и толпы туристов; фронтоны Национальной галереи и пролеты Триумфальной арки, сквозь которые в отдалении виднеется Букингемский дворец.

Все на Трафальгарской площади выглядит именно так, как описано в путеводителях. Единственное исключение — бородатый юноша с мегафоном, обращающийся к прохожим со ступеней церкви святого Мартина-на-полях:

— Люди должны знать правду о торговле смертью. Пора задуматься над тем, как положить ей конец. Посетите нашу выставку на церковном дворе — она поможет вам в этом!

Девушки у входа раздают листовки. Пробегаю глазами убористый текст. «Стали бы вы продавать ручную гранату или пулемет тому, кто замышляет убийство? Если нет, почему мы позволяем правительству продавать оружие за рубеж, совершенно невзирая на последствия? Британская военная техника одновременно поставлялась арабским государствам и Израилю, Индии и Пакистану; она поступала в Южную Африку и Чили. Во многих странах британское оружие используется диктаторскими режимами для репрессий, оно увеличивает угрозу войны в очагах потенциальных и уже возникших конфликтов. Допустимо ли, чтобы Британия наживалась на этом бизнесе убийств?»

Как и все экспонаты выставки на церковном дворе в центре Лондона, листовка призывает посетителей вступать в ряды кампании против торговли оружием.

— Британия — первая из западных стран, где возникло подобное движение общественности, — рассказывают его руководители в тесной комнатке, похожей на склад плакатов, листовок, конвертов, коробок со значками. — Кампания против торговли оружием видит свою задачу в том, чтобы предать гласности малоизвестные общественности факты, привлечь к ним внимание, заставить людей задуматься над тем, как положить конец преступной торговле смертью.

Участники кампании проводят параллель между современным экспортом оружия и работоторговлей прошлых веков. Ведь аргументы противников прекра-

щения такого позорного, но доходного бизнеса в обоих случаях поразительно совпадают. Когда английские парусники доставляли на плантации Нового Света чернокожих африканских рабов, либеральные джентльмены лишь разводили руками: «Гуманность гуманностью, а без таких доходов казна не свела бы концы с концами; притом откажись Англия от участия в столь прибыльном деле, ее долю тут же перехватили бы конкуренты...» А разве «неделя Олдершота», происходящая в наши дни, не является свидетельством острейшей конкурентной борьбы между торговцами смертью?

Английский календарь вдоволь испещрен традициями. Из года в год в определенную пору проходит неделя королевских скачек в Эскоте, неделя теннисных матчей в Уимблдоне, неделя демонстрации новых моделей автомашин в Эрлз-Корт. И вот заговорили о «неделе Олдершота». Что же привлекает в этот городок, лежащий юго-западнее Лондона, сотни специально приглашенных гостей из десятков зарубежных стран? И как находят общий язык с этим разноязычным сборищем английские хозяева — представители дюжины государственных предприятий и более ста частных компаний?

На огороженном пустыре, как на международной ярмарке, разместились фирменные павильоны, стенды, где посетителей усиленно нагружают рекламными проспектами. Как обычно, такие каталоги поначалу озадачивают новичка обилием профессионализмов. «Более сорока процентов корпуса образует осколки летального размера...», «Бронебойный эффект сочетается с повышенной летальностью».

Что же это за термин, то и дело повторяющийся в самых различных сочетаниях? Ах да! Ведь это же его иногда употребляют медики: «Не исключен летальный исход». Летальность, стало быть, — смертоносность.

Ярмарка в Олдершоте — это ярмарка смерти. Ибо, к сожалению, еще не канул в Лету черный бизнес алхимиков XX века, ищущих все новые способы обращать в слитки золота потоки человеческой крови.

Как экспортер оружия Великобритания занимает третье место в капиталистическом мире после Соеди-

ненных Штатов и Франции. Имперское прошлое, высокий научно-технический потенциал страны способствуют тому, что английское клеймо на орудиях смерти и разрушения сохраняет свой престиж.

Однако подобные сделки принято было заключать без какой-либо помпы. Вошедшая в традицию «неделя Олдершота» знаменует собой, стало быть, переход к новой тактике, к агрессивному рывку на мировые рынки оружия. Устроитель выставки в Олдершоте — «Организация по сбыту оружия» — насчитывает в своем штате более трехсот государственных служащих и активно содействует экспортным операциям не только двенадцати королевских арсеналов, но и более ста частных фирм, производящих военную технику.

«Торговцы смертью на Сохо-сквере» — гласит заголовок листовки со знакомой эмблемой кампании против торговли оружием (выставка в Олдершоте постоянно пикетируется ее активистами). «Британское правительство, — говорится в листовке, — учредило в министерстве обороны «Организацию по сбыту оружия», которая втихую совершает свои операции из конторы на Сохо-сквере в Лондоне. Тысячи мужчин, женщин и детей будут убиты, неисчислимые бедствия и несчастия будут принесены той продукцией, которую данная организация энергично и успешно предлагает покупателям. Как налогоплательщики и избиратели мы несем за это прямую ответственность».

Торговля смертью стала в наши дни самым крупным, самым быстрорастущим и самым прибыльным бизнесом для капиталистических монополий. За последнюю четверть века годовой объем ее возрос больше чем в шестьдесят раз. Около половины мирового экспорта оружия приходится на долю США. Англия продает примерно в шесть раз меньше. Однако доля британского военного производства, работающего на экспорт, вдвое выше американской.

Бум в международной торговле смертью порожден не только сугубо коммерческими мотивами. По мере разрастания этого бизнеса главными дельцами в нем стали не частные компании, а правительства.

Поставки оружия нередко используются как рычаги неоколониалистского влияния в развивающихся

странах. В обладании современной боевой техникой молодые государства видят важный символ своей независимости. К тому же большую роль в их политической жизни часто играют военные круги. Учитывая это, западные державы наперебой пытаются завоевать благосклонность военных лидеров развивающихся стран выгодными сделками на оснащение их вооруженных сил.

— Поток оружия в развивающиеся страны, и особенно в бассейн Персидского залива, делает в высшей степени опасной деятельность «торговцев смертью» в современной международной жизни,— говорил мне видный публицист Энтони Сэмпсон.

В своей книге «Оружейный базар» Энтони Сэмпсон убедительно показал опасные последствия торговли оружием для экономики Великобритании, разоблачил кроющиеся за ней политические интриги. Например, продажа Саудовской Аравии британских истребителей «Лайтнинг» была в свое время результатом закулисного сговора. Американские конкуренты добровольно уступили англичанам этот контракт, чтобы Лондону было чем заплатить за купленный в США истребитель «Ф-111». «Эта сделка,— пишет Энтони Сэмпсон,— имела важные последствия. Она положила начало процессу, когда Британия стала все больше зависеть от продажи оружия в развивающиеся страны для покрытия собственных военных расходов».

Дело доходит до парадоксов. Иран, например, имел перед свержением шаха больше танков «Чифтейн», чем сама Великобритания.

«Приходится особенно сожалеть, что рост международной торговли оружием происходит сейчас прежде всего за счет развивающихся стран. Ведь каждый купленный танк в сто раз дороже трактора, который был бы во сто крат нужнее,— говорит член исполкома лейбористской партии Фрэнк Оллаун.— Что же касается Британии, то здесь часто слышишь, будто экспорт оружия обеспечивает работой десятки тысяч людей в оборонной промышленности, снижает затраты на разработку новых видов боевой техники для британских вооруженных сил. Но ведь накопление гор оружия во взрывоопасных районах мира,— включает

Оллаун,— может привести к мировой катастрофе, которая обойдется как нашему, так и другим народам куда дороже».

Знаменательно, что к мысли о необходимости пресечь «торговлю смертью» приходят и трудящиеся, занятые в военном производстве. Хотя наниматели страшат, будто сдерживание гонки вооружений обернется для них потерей заработков и даже безработицей, среди тружеников растет убежденность, что переход на гражданскую, общественно полезную продукцию сулит более стабильный приток заказов, более надежную гарантию занятости.

Пример в этом отношении показал объединенный комитет цеховых старост концерна «Люкас эйрспэйс», объединяющий членов 13 различных профсоюзов на 17 предприятиях. «Люкас эйрспэйс» — крупнейший в Западной Европе создатель и производитель авиационных систем и оборудования — после 1970 года вынужден был сократить число рабочих мест почти на одну треть. Из-за нерегулярности военных заказов, порождаемой яростной конкуренцией, предстояли новые сокращения. В этих условиях профсоюзные активисты призвали коллектив проявить инициативу снизу и самостоятельно изучить вопрос: как можно использовать имеющуюся рабочую силу и оборудование для производства иных, невоенных видов продукции. Через восемь месяцев труженики «Люкас эйрспэйс» представили нанимателям 1200 страниц технической документации о том, как можно переключить военное производство концерна на выпуск общественно полезной продукции для таких отраслей, как транспорт, энергетика, здравоохранение.

Выставка в Олдершоте отражает иные устремления, она рассчитана на другие вкусы. Среди новых образцов стрелкового оружия там есть сверкающие хромом автоматы, специально предназначенные для дворцовой стражи. Есть даже их золотые копии, изготовленные для подарков высокопоставленным особам. Один лондонский комментатор сравнил такой автомат с золотой грампластинкой, какую дарят исполнителю песни, разошедшейся в миллионе экземпляров.

Но точнее было бы сказать, что именно этот сим-

волицеский экспонат по праву мог бы стать гербом гильдии торговцев оружием: не как золото, несущее смерть, а как смерть, приносящая золото.

Смотришь потом на скромную выставку у церкви святого Мартина-на-полях, на усталых активистов, дежурящих здесь после трудового дня, чтобы давать пояснения, распространять листовки, и думаешь: равны ли силы в противоборстве, которое ведут они с многоголовой гидрой по имени военно-промышленный комплекс? Нет, эта горстка энтузиастов вовсе не так слаба. Она находит путь к сердцам благодаря своей правоте. Все больше людей понимают: торговля смертью губительна для человечества, ибо она отравляет жизнь на нашей планете трепным ядом милитаризма.

Дорогая цена

Заброшенные шахтные дворы. Бурьян на ржавых рельсах и отвалах, где копошатся чумазые ребяташки. Тесно сдвинутые шеренги убогих домиков — если бы не гирлянды выстиранного белья, они слились бы перед глазами в сплошное серое пятно. Несколько заколоченных витрин. Неподвижные мужские фигуры на крылечках. И на всем — печать запустения и безысходности.

Как поразительно они оказались похожи — традиционные шахтерские районы севера Великобритании и юга Японии! Естественно, что у горняков сходен труд, сходен быт. Но до чего сходной явилась и их судьба!

Обе островные страны живут прежде всего переработкой привозного сырья. Для каждой из них добыча угля была главной, если не сказать единственной, отраслью их собственной добывающей промышленности. Обе они пострадали от искусственного свертывания угледобычи под нажимом международных нефтяных монополий. И в обоих случаях присущая капитализму близорукая погоня за сиюминутной прибылью встретила противодействие шахтерских профсоюзов.

Вскоре же после войны угольная промышленность Великобритании была национализирована. Переход шахт в собственность государства горняки восприняли

с воодушевлением, с чувством высокой ответственности и пониманием своего долга перед страной. Правящие круги не скупались тогда на похвалы в адрес патриотизма шахтеров. И немудрено: в самые трудные для Англии годы они своим самоотверженным трудом внесли решающий вклад в послевоенное восстановление, помогли оживить экономику, рассосать безработицу.

К середине 50-х годов 700 с лишним тысяч британских шахтеров довели годовую добычу угля до 220 миллионов тонн, обеспечивая ее ежегодный прирост в 4 миллиона тонн. Нетрудно видеть, что если бы угольной промышленности Великобритании позволили нормально развиваться и дальше (для чего имелись и разведанные запасы и квалифицированная рабочая сила), то энергетические потребности страны по-прежнему могли бы в основном покрываться за счет отечественных ресурсов. И вздорожание нефти в середине 70-х годов отнюдь не нанесло бы по британской экономике столь болезненного удара.

Но прежде чем вести речь об этом, нужно отметить еще и другое: английский капитал сумел использовать к своей выгоде и национализацию и патриотический порыв горняков в первые послевоенные годы. Владельцы шахт получили завышенную компенсацию и охотно переложили на государственный бюджет бремя неизбежных расходов по модернизации угледобычи. Государство же обеспечило снабжение частных предприятий в самое трудное для них время углем по заниженным ценам.

Все это, однако, не помешало власти имущим приговорить английскую угольную промышленность к принудительному умерщвлению, как только против нее ополчились международные нефтяные концерны.

В 1950 году доля нефти в топливном балансе Великобритании составляла 10 процентов. В 1960-м она увеличилась до 25, а в 1970-м — до 45 процентов. Причем рост потребления нефти шел, разумеется, за счет угля.

В то время как нефтеперегонные мощности страны выросли с начала 60-х годов почти втрое, добыча угля упала в два раза (до 105—110 миллионов тонн). Были закрыты две трети шахт, и почти в три раза со-

кратилось число горняков. Около полумиллиона шахтерских семей лишились средств к существованию. Целые промышленные районы были обречены на вымирание, как во время средневековой эпидемии чумы.

Как много во всем этом схожего с тем, что мне довелось воочию видеть на Японских островах! После войны именно горняки начали поднимать японскую экономику из разлухи. А с начала 60-х годов шахтерские районы юга острова Кюсю, где когда-то зародилась японская угольная промышленность, стали с горечью называть «страной заходящего солнца». Примерно в ту же пору и в той же пропорции, что и в Великобритании, было сокращено в Японии число горняков, упал уровень угледобычи.

А официальные круги Токио лишь сокрушенно разводили руками: ничего не поделаешь! Угольная промышленность оказалась, мол, жертвой научно-технического прогресса. Уголь больше не выдерживает конкуренции с нефтью. А раз жидкое топливо, даже привезенное издалека, обходится дешевле отечественного твердого, надо якобы принудительно свертывать угольную промышленность и переводить предприятия на нефть.

Всеяпонский профсоюз горняков вел самоотверженную борьбу против закрытия шахт и массовых увольнений. Шахтеры предостерегали правительство и предпринимателей, что Япония не так уж богата природными ресурсами, чтобы сплеча расправляться со своей единственной отраслью добывающей промышленности. Рост потребления нефти, разумеется, неизбежен, но при этом вовсе не обязательно губить угольную промышленность. Однако в начале 60-х годов японские капиталисты вкладывали в модное тогда выражение «энергетическая революция» столько же надежд, сколько тревог принесло им впоследствии понятие «энергетический кризис».

Когда съехавшиеся в столицу горняки вели в знак протеста массовую голодовку перед зданием министерства промышленности, комментарии токийских газет и телевидения сводились примерно к следующему: «Противясь энергетической революции, навязывая стране топливо вчерашнего дня, японские шах-

теры поступают так же эгоистично и неразумно, как английские луддиты, которые ломали станки, чтобы помешать промышленной революции...»

Эти рассуждения вспомнились потом, когда мне довелось увидеть Токио в разгар «энергетического кризиса». Разом померкло не только рекламное сияние Гинзы. Уязвимость японской экономики вдруг проявила себя неожиданной и грозной силой.

Страна с тревогой ощутила, что жизнеспособность ее бурно разросшейся индустрии, словно от тонкой пуповины, зависит от морского пути из бассейна Персидского залива.

При огромном потреблении нефти запастись ей стало возможно лишь на считанные дни. И токийская печать обсуждала проекты чрезвычайных правительственных мер на случай внезапного прекращения подвоза. В числе их предлагалось, в частности, использовать воинские части для разработки заброшенных шахт, чтобы снабжать отечественным углем хотя бы аварийные электростанции.

Так опьянение «энергетической революцией» обернулось для Японии горьким похмельем «энергетического кризиса».

Ощутить последствия такого кризиса пришлось и Великобритании.

Хотя, может быть, и не в столь крайних формах.

Избавить отечественную энергетику от произвола международных нефтяных концернов, от их спекулятивных махинаций оказалось куда труднее, чем попасть в их кабалу. Жертвами однобокой ориентации на привозное жидкое топливо стали не только вымершие угольные бассейны, не только полмиллиона уволенных горняков. От этого пострадала экономика страны в целом и каждая британская семья в частности. Непомерно взвинченные цены на импортное топливо резко подхлестнули общий рост дороговизны.

Правда, с середины 70-х годов доля нефти в энергетическом балансе Великобритании пошла на убыль, а спрос на отечественный уголь соответственно возрос, почти сравнявшись со спросом на нефть. Однако за четкую перспективу развития своей отрасли английским горнякам по-прежнему приходится вести борьбу.

Близорукая политика принудительного свертывания угольной промышленности слишком дорого обошлась стране, говорят в профсоюзе шахтеров. Выступая против закрытия шахт и массовых увольнений, британские горняки отстаивают не только свое право на труд, но и общенациональные интересы. Вот уже много лет они добиваются энергетической политики, в которой делался бы упор на отечественные топливные ресурсы. Эти ресурсы — самое ценное богатство индустриальной страны. Топливо-энергетические отрасли промышленности слишком важны, чтобы их можно было отдавать на произвол рыночной стихии.

Открытие нефтяных месторождений в Северном море не умаляет роли угля как одного из важнейших для Великобритании источников энергии. К тому же в отличие от добычи нефти, где доминирует иностранный капитал, угольная промышленность целиком находится под контролем британского правительства, использует отечественное оборудование и технологию.

Важно, однако, подчеркнуть и другое. В отличие от нефти снабжение углем нельзя прекращать и возобновлять поворотом крана. Мало иметь разведанные запасы, нужна еще и кадровая армия горняков, которая регулярно пополняла бы свои ряды молодежью. Даже при нынешнем уровне механизации угледобычи работа в забоях в решающей степени зависит от людей, от их профессиональной спайки, которая обретается годами.

Чтобы привлечь на шахты молодое пополнение, перед британской угольной промышленностью должна быть открыта четкая гарантированная перспектива развития — нелегкий труд горняков должен оплачиваться с учетом его важности для страны.

Именно в этом национальный профсоюз шахтеров и видит главные цели своей борьбы, которая ознаменовалась самыми крупными сражениями на стачечном фронте Великобритании.

Да, сходен труд, сходен быт британских и японских горняков.

Сходны цели их борьбы, сходны даже нападки их классовых противников, обвиняющих шахтеров в попытках остановить научно-технический прогресс.

Но судьба угольной промышленности в двух островных странах красноречиво свидетельствует как раз об обратном: о том, что капиталистическая «рационализация» может быть вопиюще нерациональна, то есть неразумна в силу самой природы капитализма, которому свойственно предпочитать сиюминутную спекулятивную выгоду долгосрочным национальным интересам.

«Черное золото» в желтых слитках

На глазах миллионов телезрителей пульсирующая темная жидкость постепенно заполнила участок трубопровода, специально сделанного из прозрачного пластика.

Это было похоже на переливание крови, когда живительная струя устремляется по сосудам ослабевшего организма.

— Мы являемся свидетелями события, значение которого для британской экономики можно сравнить лишь с промышленной революцией конца XVIII века...

Так был оценен в заявлении главы правительства пуск первого нефтепровода, по которому «черное золото», добытое со дна Северного моря, потекло наконец на Британские острова.

Новость эту англичане ждали с нетерпением и надеждой. Впервые дал зримый результат самоотверженный труд тысяч людей, прокладывающих неизведанные пути в противоборстве человека с природой. В 80-х — 90-х годах Британия сможет ежегодно добывать более ста миллионов тонн нефти, то есть не только покрывать свои потребности в жидком топливе, но сама стать его экспортером.

Скажем прямо, если бы ближневосточная нефть не подорожала в несколько раз, вряд ли за месторождения Северного моря взялись бы так активно! Природа уготовила здесь людям на редкость неблагоприятное сочетание климатических и технологических трудностей, взаимно усугубляющих друг друга. Нефть приходится искать и добывать со дна там, где море глубокое, холодное и чаще всего бурное.

Так называемое «погодное окно», когда ненастье реже бывает затяжным, длится лишь несколько месяцев в году.

Из-за глубин, достигающих двухсот метров, буровые вышки разрастаются чуть ли не до размеров телевизионных башен (уже одна транспортировка их целыми флотилиями буксиров — титаническая задача!). Постоянно близкая к нулю температура воды требует от металлоконструкций особой прочности, а волны, доходящие порой до двадцати метров в высоту, — дополнительной устойчивости к нагрузкам.

Но даже и при обычной трехметровой волне работа на вышках намного более трудна и опасна, чем любые подобные же операции на верфях или у портовых причалов. Не только монтаж, даже повседневное снабжение буровых установок требует самоотверженности, которой нельзя не воздать должного.

Итак, «черное золото» потекло наконец на Британские острова с североморского дна. Но где, в чьих хранилищах оседает в итоге этот поток драгоценными желтыми слитками?

С середины 60-х годов правительство начало выдавать частным фирмам лицензии на добычу нефти в британском секторе Северного моря. При этом львиная доля месторождений попала в руки иностранного, прежде всего американского капитала.

Вдумайтесь только: три из семи наиболее могущественных межнациональных корпораций (так называемых «семи сестер»), которые господствуют в нефтяной промышленности капиталистического мира, контролируют более половины разведанных месторождений Северного моря.

Освоение нефтяных богатств Северного моря — это гигантская техническая задача, совершенно новый обширнейший рынок заказов, способный послужить толчком для модернизации таких традиционных отраслей, как металлургия, машиностроение, судостроение, которые переживают застой, особенно в Шотландии и Северной Англии.

В какой же мере сумела британская индустрия использовать этот поистине золотой шанс? Далеко не лучшим образом.

Больше половины заказов, связанных с североморской нефтью, уплыло за рубеж. Налицо один из характерных симптомов так называемой «английской болезни»: нежелание предпринимателей хотя бы в малейшей степени идти на риск, сворачивать с проторенных путей. Пусть добыча нефти с морского дна считается перспективной отраслью, монополии предпочитают находить капиталам иное применение.

Было бы еще объяснимо, если бы британскую индустрию вытесняли с Северного моря американские фирмы, имеющие тесные связи с международными нефтяными концернами, а также давнюю практику подводного бурения в Мексиканском заливе. Но изо дня в день все сильнее ощущается конкуренция со стороны европейских соседей — Голландии, ФРГ, Франции, Италии, Норвегии, которые имеют так же мало опыта в добыче нефти со дна моря.

Британия вроде бы еще недавно славилась как первая судостроительная держава мира. А когда возник вопрос о создании плавучих буровых установок для больших глубин, отечественные фирмы сочли расходы на их производство слишком рискованными. Подобным же образом была упущена возможность освоить выпуск стальных труб для подводных нефтепроводов — их поставляет Япония. В то время как британские верфи простаивают из-за нехватки заказов, трубоукладочные баржи строятся в Голландии.

Если предпринимателям остается вздыхать об упущенных шансах, то труженикам приходится ощущать последствия нефтяной лихорадки по-иному.

По данным Британской медицинской ассоциации, процент смертельных случаев на нефтепромыслах Северного моря в десять раз выше, чем на угольных шахтах. Объясняется это не только сложными условиями труда. Дело еще и в том, что отчаянно конкурирующие друг с другом частные фирмы нередко нанимают людей без опыта, не дают им должной профессиональной подготовки, чинят всевозможные помехи объединению рабочей силы в профсоюзы.

Особенно наглядно видно это на примере водолазов — бесспорно самой опасной и едва ли не самой важной профессии на нефтепромыслах Северного мо-

ря. Методикой подготовки водолазов-глубинников еще недавно славился британский королевский флот. Но пока в Лондоне шли дебаты о том, как с его помощью укрепить отечественную индустрию подводных работ, дело это целиком перехватили иностранные компании. Взяв за основу нормативы военно-морского флота США, каждая из этих фирм по-своему видоизменила их в погоне за «максимальной эффективностью».

Все дело в том, что содержание буровой вышки обходится очень дорого, а пока водолазы находятся под водой, все другие дела приходится прекращать. Поэтому компания, способная выполнять водолазные работы в наиболее сжатые сроки, имеет решающее преимущество перед конкурентами.

Кроме того, по мнению известного исследователя океанских глубин Жака Кусто, многих человеческих жертв в Северном море можно было бы избежать, если бы соперничающие фирмы не держали в тайне друг от друга и от медицинской науки свой практический опыт.

У предпринимателей, однако, своя корысть.

— Мы тратим уйму денег на исследования и все не заинтересованы раскрывать свои водолазные таблицы для других,— говорят они.

Так забота о человеческих жизнях отесняется на задний план алчной погоней за барышами.

Сможет ли освоение североморских месторождений оживить промышленность Шотландии и Северной Англии, вывести ее из затяжного застоя? Весьма сомнительно. Дело в том, что нефтяной бум коснулся севера и востока Шотландии, в то время как главная часть ее населения и большинство безработных сосредоточены на западе и в центре, вокруг Глазго. К тому же разработка ресурсов Северного моря вообще не сулит большого прироста рабочих мест.

Строители производственных платформ — гигантских стальных или железобетонных конструкций — уже не испытывают радостного удовлетворения, провозжая в путь каждое свое детище.

Новые заказы перестали поступать на верфи, и тысячам людей грозит увольнение.

Для частной фирмы, которая взяла лицензию на участок морского дна, подчас прибыльнее установить на нем одну производственную платформу, позволяющую добывать из недр 70 процентов нефти, чем вводить в действие две платформы и использовать ресурсы месторождения на 95 процентов.

Не будем забывать, отмечала газета «Гардиан», что крупные межнациональные корпорации ведут разработку нефтяных месторождений Северного моря с целью извлечения прибыли. Их идеал: внедриться в сравнительно неразвитый район, вычерпать его природные ресурсы и уйти, оставив как можно меньше корней.

На темную жидкость, что, как живительная струя, пульсировала в прозрачном трубопроводе, английские телезрители смотрели с оправданной гордостью и зыбкой надеждой. Нелегко было добыть это сокровище с морского дна, и хвала тем, кто приложил к этому руки.

Спору нет, поток отечественной нефти — немало-важное подспорье для британской экономики. Но в какой мере сможет «черное золото» исцелить хронические недуги Британии?

Ответить на этот вопрос так же трудно, как объяснить весьма странный парадокс. Почему нефть, находящаяся под морским дном, может считаться общенародным достоянием, но стоит извлечь ее на поверхность, как она превращается в собственность владельцев промысла? И поток «черного золота» начинает оседать в виде желтых слитков в чьих-то сейфах, причем часто даже за пределами Британских островов.

Чертополох и роза

Утратив империю, Англия должна теперь оглянуться на королевство.

Гамлетовский вопрос наших дней: «Великая Британия — или Малая Англия?» — отражает не только потерю заморских территорий, но и обострение межнациональной розни на самих Британских островах.

Конфликты на национальной почве здесь отнюдь не новость. Достаточно вспомнить о Северной Ирлан-

дии. (Об этом подробнее пойдет речь ниже.) Но теперь все более серьезной проблемой для Лондона становится неуклонный рост шотландского и — в меньшей степени — уэльского национализма.

Уэльс (население которого составляет почти три миллиона человек) стал частью Англии еще в средние века.

«Если вы присягнете на верность английской короне, обещаю, что княжить вами будет человек, который родился на земле Уэльса и не знает ни слова по-английски», — сказал, по преданию, Эдуард I вождям непокорных племен. А когда они признали власть Англии, показал им своего младенца, родившегося накануне.

С тех пор наследник престола носит титул принца Уэльского.

В 1603 году, после смерти Елизаветы I, король Шотландии Яков VI был наречен королем Англии Яковом I, а вслед за объединением тронов в 1707 году последовало объединение парламентов двух стран.

Однако, как не преминут подчеркнуть в Эдинбурге, Шотландию никто не завоевывал. Она сохранила свою церковь, судебную систему, монетный двор. Британское искусство компромисса проявилось и в том, что в Шотландии и Уэльсе наряду с обычными фунтами и пенсами ходят свои местные банкноты и монеты, а на почте можно купить свои местные марки. Но тешить национальные чувства подобными уступками, судя по всему, становится все труднее.

В штаб-квартире Шотландской национальной партии (ШНП) в Эдинбурге стены увешаны плакатами с цветком чертополоха.

Как роза у англичан, чертополох считается у шотландцев национальной эмблемой.

— Подъем шотландского национализма, — рассказывают руководители ШНП, — порожден рядом причин, и прежде всего упадком британского империализма. Одно дело быть пасынком империи, которая правила четвертью мира, и другое дело — быть пасынком «большого человека Европы». Пришла пора вспомнить, что Акт об унии 1707 года имел для Шотландии определенную цель: получить доступ к замор-

ским владениям Англии. Но не стало империи, и мы вновь почувствовали себя прежде всего не британцами, а шотландцами. Тем более что чертополоху достается теперь куда меньше ухода, чем розе...

По площади Шотландия составляет три пятых Англии. Ее население (5,2 миллиона человек) сосредоточено главным образом в Глазго и долине реки Клайд. Именно здесь, как и в прилегающих районах Северной Англии, у месторождений антрацита, железной руды и морских заливов, удобных для строительства верфей, набирала силы промышленная революция. Но именно эти традиционные отрасли британской индустрии — угольная промышленность, черная металлургия, судостроение — переживают в послевоенные годы наибольший упадок из-за нежелания предпринимателей вкладывать деньги в их модернизацию. Поток капиталов изменил направление. Развитие новых перспективных отраслей явно тяготеет к центру и к юго-востоку Англии, к Бирмингему и Лондону.

Шотландии же выпала участь периферии, которая особенно болезненно ощущает ныне свою чрезмерную зависимость от шахт, домен и верфей. Именно здесь, в долине Клайда, находится 115 из 120 официально зарегистрированных в Великобритании «зон упадка». По критическому состоянию жилого фонда, или, проще говоря, по количеству трущоб, Глазго не имеет себе равных среди городов Западной Европы.

Средний доход на семью в Шотландии почти на одну треть ниже, чем в Юго-Восточной Англии. Жизненный уровень миллиона человек, то есть каждого пятого жителя, вплотную соприкасается с официальным рубежом бедности.

Процент безработных в Шотландии значительно выше, чем в Англии.

Все эти социально-экономические трудности Шотландии, помноженные на общие для Британии последствия распада колониальной империи, давно уже подогревали националистические чувства, рождали толки о том, что лондонские власти слишком далеки от шотландских проблем и решение их способны найти лишь сами шотландцы.

Но когда разговоры о какой бы то ни было самостоятельности доходили до коридоров власти в Лондоне, там лишь скептически кривили губы:

— Но чем же думают прожить без нас эти шотландцы? Экспортом виски?

И вот 70-е годы вдруг влили в шотландский национализм совершенно новую струю.

Началось освоение нефтяных богатств Северного моря. Причем большинство месторождений оказалось именно у берегов Шотландии.

— Прежде англичане твердили нам, что для независимости мы слишком бедны. Теперь же оказалось, что мы для этого слишком богаты,— иронизируют шотландские националисты.

Играя на ущемленном чувстве национальной гордости, ШНП выдает себя за выразителя интересов всех шотландцев.

Националисты убеждают избирателей: проголосуйте за нас, а уж потом, когда Шотландия добьется самостоятельности, каждый сможет успешнее отстаивать свои политические взгляды. Националисты провозглашают своей целью создание массовой политической организации по образцу социал-демократических партий скандинавских стран.

Вообще говоря, скандинавский и особенно норвежский пример — излюбленный конек в пропаганде националистов.

Во-первых, твердят они, Норвегия — страна таких же масштабов, что и Шотландия, даже с меньшим населением.

Во-вторых, Норвегия обрела независимость сравнительно недавно — в 1905 году, отделившись от Швеции мирным путем при сохранении тесных экономических связей с нею.

В-третьих, позиция ШНП по многим проблемам, будь то нефть или рыболовство, больше совпадает с политикой Осло, чем Лондона.

Выступая за независимость Шотландии, националисты имеют в виду создание конфедерации британских государств, наподобие Северного союза, объединяющего Скандинавские страны, или Бенилюкса.

Шотландцы остались бы тогда британцами, как норвежцы остаются скандинавами...

Итак, «твидовый занавес»¹, как окрестила пресса амбиции шотландских националистов, стал все более настораживающим видением на британском политическом горизонте.

Надписи «Англичане, убирайтесь домой!» можно увидеть и в Уэльсе. Но там рост националистических настроений имеет не столько политическую, сколько культурную окраску.

Он проявляется, в частности, как движение за расширение языка (на котором говорит лишь пятая часть населения), за сохранение народной песни и других форм самобытной национальной культуры.

Уэльс был когда-то британским Донбассом. В его индустрии доминировали сталь и уголь. Но сейчас обе эти отрасли переживают упадок, и для сепаратизма попросту нет экономической почвы.

Чтобы сбить пламя национализма, было обещано предоставить Шотландии и Уэльсу больше самоуправления. Имелось в виду создать там выборные ассамблеи — вроде местных парламентов.

В ведение этих ассамблей хотели передать деятельность местных органов власти, вопросы здравоохранения, народного образования, жилищного и дорожного строительства, местного транспорта, а также право по своему усмотрению распределять общую сумму ассигнований, которая отчисляется Шотландии или Уэльсу из государственного бюджета.

Однако верховная законодательная власть целиком оставалась бы за Лондоном, который сохранял бы полный контроль над обороной, иностранными делами, финансовой и экономической политикой и, стало быть, доходами от североморской нефти.

С приходом к власти правительства консерваторов планы расширения местной автономии в Шотландии и Уэльсе были отложены в долгий ящик.

К тому же сепаратистские призывы националистов не получили поддержки избирателей.

¹ Река Твид служит исторической границей Англии и Шотландии, а шотландские сукна — твиды — служат символом местной промышленности.

Большинство населения Шотландии не склонно к отделению от Англии и разрыву многовековых экономических, научных, культурных и других связей, что сделало бы небольшую страну легкой добычей международных корпораций.

— Трудящиеся Шотландии — сторонники самоуправления, но противники сепаратизма, — говорят рабочие. — Члены профсоюзов, как шотландцы, так и англичане, заинтересованы в укреплении сплоченности британского рабочего движения, а не в разобщении его рядов или в подмене классового единства национальной рознью.

Ольстерский нарыв

Угрюмые остовы взорванных домов, которые давно перестали восстанавливать. Заколоченные витрины. Бетонные надолбы на проезжей части. Как в городе, занятом противником, движется патруль парашютистов. Одни крадутся вдоль стен с автоматами на изготовку; другие страхуют их из укрытия, совершая короткие перебежки. А на середине улицы, словно не замечая их, судачат женщины с хозяйственными сумками, носят шумные ватаги ребятишек.

Таким предстает Белфаст. Кажется, перед глазами режиссерский прием: на одну и ту же киноленту сняты и фронт, и тыл.

Вот внезапно грохнул за углом взрыв, промчались санитарные машины. Свежие дымящиеся развалины привычно огородили оранжевой ленточкой. И опять своим чередом идет жизнь — жизнь на грани смерти.

Где начало и где конец этой необъявленной войны? Не может же религиозный фанатизм так раскалять межобщинную вражду, чтобы католики и протестанты в наш век стреляли друг в друга из-за спора о том, кого почитать главой церкви — папу римского или английскую королеву?

«Северная Ирландия насчитывает примерно полтора миллиона жителей. Большинство из них — около миллиона человек — это потомки английских колонистов, поселившихся там в начале XVII века. Они тра-

диционно являются юнионистами, то есть сторонниками сохранения унии с Великобританией. Как правило, они принадлежат к протестантской общине. Меньшинство — примерно полмиллиона человек — являются ирландцами по происхождению, католиками по вероисповеданию и чаще всего республиканцами по политическим взглядам, то есть в той или иной степени поборниками воссоединения с Ирландской Республикой».

Как много недоговорено в этой официальной исторической справке! За ее строками — восьмивековая трагедия Ирландии, которой суждено было стать первой заморской колонией Англии.

Примечательно, что начало заморским завоеваниям британской короны было положено как раз в пору пребывания на ватиканском престоле первого и единственного за всю историю англичанина — Адриана IV. Именно с его благословения Генрих II Плантагенет вторгся в 1171 году на Зеленый остров. В том, что мечи завоевателей разили католиков, папа не усматривал греха. В Западной Европе только ирландская католическая церковь была тогда независимой от Рима. Так что найти повод для кровопускания было нетрудно. По заказу Адриана IV и Генриха II угодливый богослов Гиралдус Кабрэнсис состряпал «Историю завоевания Ирландии», где изобразил ее жителей дикарями и язычниками, лишь притворяющимися христианами, людьми коварными, невежественными, праздными и необузданными, набожными, но суеверными. Сие писание стало на последующие века некоей индульгенцией для палачей Ирландии, создало стереотип предубеждений, нужный колонизаторам для оправдания своих преступлений.

Стереотип оказался универсальным. Он исправно служил и тем угнетателям, которые ссылались на волю папы, и тем, кто усматривал потом в любом выступлении против английского ига «длинную руку Рима».

В любой протестантской пивной (а пивные в Ольстере различаются по религиозному признаку не менее чем церкви) красуется хоругвь с всадником на белом коне. Это кумир юнионистов Вильгельм III Оранский, чья победа над приверженцами католика Якова III Стюарта в 1691 году завершила дело, начатое

пятью веками ранее. Период завоевания Ирландии сменился периодом ее варварского порабощения.

В Лондоне не любят вспоминать о том, что английские работоторговцы сперва поставляли живой товар плантаторам Нового Света отнюдь не из Африки, а из Ирландии. В XVII веке более ста тысяч мужчин, женщин и детей было вывезено оттуда в рабство.

Топор «карательных законов» подрубил корни ирландской экономики, разорил ее земледельцев, скотоводов и ремесленников. Крестьян лишили права владеть землей. Они могли только арендовать ее на короткий срок, не зная, когда их сгонят с участка. Городским ремесленникам было запрещено иметь более двух подмастерьев, передавать свое имущество по наследству. Несмотря на обилие удобных портов для торговли с Европой и Америкой, Ирландия была отрезана от мировых внешнеэкономических связей.

«Добрая старая Англия», которая привыкла кичиться незыблемостью гражданских прав и свобод, похвально своей терпимостью к инакомыслию, не позволяла ирландцам говорить на родном языке, открывать школы. За голову ирландца-учителя в XVII веке выплачивали вознаграждение, как за убитого волка. «Карательные законы» были нацелены на то, чтобы обескровить страну, лишить коренное население доступа к знаниям и какой-либо профессиональной карьере.

Ирландия оказалась единственной европейской страной, население которой не росло, а сокращалось. Если, по данным первой официальной переписи 1841 года, на острове проживало свыше 8 миллионов человек, то сейчас — лишь 4,5 миллиона (три — в Ирландской Республике, полтора — в Ольстере). Другими словами, если население Англии за последние полтора столетия увеличилось вчетверо, в Ирландии оно уменьшилось почти вдвое.

В читальном зале Британского музея можно добраться до старых журналов и газет, которыми, вероятно, пользовались еще Маркс, Энгельс, Ленин, много занимавшиеся ирландской проблемой.

Если верить газетным статьям более чем вековой давности, ирландцы не только сами повинны в собственной бедности, но якобы и не тяготятся ею. «Ир-

ландцы ненавидят наш процветающий остров. Они ненавидят наш порядок, нашу цивилизованность, нашу предприимчивость, нашу свободу, нашу религию. Этот дикий, безрассудный, праздный и суеверный народ не может питать симпатий к английскому характеру», — писал в «Таймс» 18 апреля 1836 года будущий премьер-министр Англии Бенджамин Дизраэли.

«Разве Британия виновата в том, что ирландцы предпочитают есть картошку, а не хлеб или что они способны жить в таких условиях, каких не вынесли бы даже их свиньи? Пребывая в нищете из поколения в поколение, ирландцы во многом стали не чувствительны к ней», — вещала та же «Таймс» 8 декабря 1843 года. Законопослушному английскому обывателю в течение многих лет изо дня в день внушали, будто ирландцам органически присуща склонность к насилию, будто каждый из них — потенциальный заговорщик и правонарушитель.

Разумеется, в Лондоне, в том числе в палате общин, во все века находились люди, которые видели подлинные причины бед Ирландии в британском иге и открыто говорили об этом.

Но их одинокие голоса никак не могли воздействовать на политику и даже существенно повлиять на соответственно настроенное общественное мнение. «Мы держим ирландцев в темноте и невежестве, а потом удивляемся, как они могут быть столь суеверны; мы обрекаем их на бедность и невзгоды, а потом удивляемся, откуда у них склонность к смуте и беспорядкам; мы связываем им руки, лишая их доступа к предпринимательской деятельности, а потом удивляемся, почему они якобы ленивы и праздны», — возмущался в 1778 году Томас Кэмпбелл, автор «Философского исследования Ирландии».

Для ирландцев ковали все новые цепи. Но народ в первой британской колонии так и не удалось покорить до конца.

«Я прибыл из Ирландии, милорды,
Вам сообщить: мятежники восстали,
Подняв оружие на англичан», —

говорит гонец в трагедии Шекспира. Вряд ли во всем творчестве Шекспира найдется реплика, которая столь

часто обретала бы злободневное политическое звучание с английских театральных подмостков.

Национально-освободительная борьба ирландцев принимала то ту, то другую форму, но не утихала никогда.

Ирландия — наглядное пособие для урока, тема которого — империалистическая политика «разделяй и властвуй». Противоречия между англо-шотландскими поселенцами и коренным ирландским населением были умело облечены в стойкую форму религиозной межобщинной вражды. Когда же английское господство зашаталось под ударами национально-освободительной борьбы, Ирландия была в 1921 году расчленена Лондоном с таким расчетом, чтобы поселенцы-протестанты, составлявшие на острове меньшинство населения, оказались на отторгнутой его части в положении большинства.

Когда лондонскому политику приходится растолковывать сложности североирландской проблемы иностранному журналисту, он поднимает палец:

— Прежде всего не следует забывать, что Ольстер — не ЮАР, где права большинства узурпированы меньшинством. Раз протестантов в Северной Ирландии больше, чем католиков, им и держать бразды правления. Другое дело, если они в чем-то злоупотребляли своим большинством. Но в ответе за это Белфаст, а вовсе не Лондон. Наша цель — прекратить кровопролитие, прийти к справедливому разделению власти между общинами. Для этого и находится в Ольстере британская армия...

Обгорелые кирпичные стены в Белфасте вдоль и поперек исписаны лозунгами враждующих террористических групп. Протестанты сулят смерть католикам, католики — протестантам. Поэтому целительной повязкой на застарелой ране выглядят листовки, белеющие тут и там: «Гражданские права, а не гражданская война!» Это голос Ассоциации борьбы за гражданские права в Северной Ирландии.

«Мы, — говорится в листовке, — осуждаем насилие полувоенных организаций и насилие британских сил безопасности, ибо считаем, что самым главным из всех гражданских прав является право жить».

Отсчет эскалации трагических событий в Северной Ирландии обычно ведется с 5 октября 1968 года, когда королевская полиция Ольстера зверски избила дубинками участников мирного шествия в Дерри. Чего же требовали участники этого первого массового выступления борцов за гражданские права?

Чтобы местные выборы проводились по принципу «один человек — один голос».

Чтобы был положен конец махинациям при разграничении избирательных округов.

Чтобы были приняты законы против дискриминации при найме на работу и распределении жилья.

Чтобы был отменен закон о чрезвычайных полномочиях и распущена военизированная полиция — «специальные силы Б».

Перед глазами встает наставительный перст лондонского политика. «Прежде всего не следует забывать, что Ольстер — не ЮАР...» Вот именно! Памятуя, что Северная Ирландия — не ЮАР, а составная часть Соединенного Королевства, уместно спросить: как на территории Британии, которая не прочь выдавать себя за образец «западной демократии», могло родиться требование «один человек — один голос», актуальное разве что в ЮАР?

Да, под сенью британской короны в Ольстере до второй половины XX века дожил имущественный ценз, который лишал участия в голосовании каждого четвертого избирателя (свыше 240 тысяч человек — в большинстве католиков), давал по несколько голосов крупным владельцам недвижимости и капитала (как правило, протестантам). Даже в тех городах и графствах, где преобладает католическое население, в местных органах власти оно зачастую оказывалось в меньшинстве.

Красноречивый пример — город Дерри, который был так поделен на избирательные округа, что 20 тысяч католиков могли провести в городской совет лишь восемь депутатов, а 10 тысяч протестантов — шестнадцать.

За всю историю существования автономной провинции полумиллионная католическая община ни разу не была представлена в местных органах власти

пропорционально ее доле в полуторамилионном населении Северной Ирландии.

Лондонские политики любят учить других демократии, вставать в позу противников насилия и произвола, ревнителей свободы и справедливости в самых отдаленных уголках планеты. Но они «не заметили», что сотни тысяч их соотечественников лишены элементарных гражданских прав, подвергаются дискриминации и произволу. А когда на улицы североирландских городов вышли участники движения за гражданские права, власти Белфаста, подчиненные Лондону, встретили мирную демонстрацию в штыки.

Было бы неверно считать, что за годы борьбы участники движения за гражданские права ничего не добились. Узаконено положение «один человек — один голос», отменен имущественный ценз. Введен принцип пропорционального представительства на местных выборах. Правда, многие уступки тут же, по существу, сводятся на нет. Создана новая, более справедливая система распределения жилья, но домов строится так мало, что трудящиеся этого почти не ощутили. Распущены «специальные силы Б», но взамен их создан «полк обороны Ольстера» — такой же оплот юнионистской реакции. Отменен «закон о чрезвычайных полномочиях» 1922 года, но взамен его введены «закон о чрезвычайном положении» 1973 года и «закон о предотвращении терроризма», распространяющийся на Северную Ирландию с 1976 года.

Поэтому свою главную цель Ассоциация видит сейчас в том, чтобы добиться принятия «билля о правах», который гарантировал бы:

- свободу политических взглядов и политической деятельности для всех граждан Северной Ирландии;
- запрет какой-либо дискриминации по политическому, религиозному или расовому признаку;
- рассмотрение жалоб на действия армии и полиции независимым от них органом, представляющим все население;
- отмену репрессивных законов.

Такой «билль о правах», подчеркивает Ассоциация, положил бы конец военно-полицейскому произволу и разорвал бы наконец порочный круг насилия и террора.

Порочный круг... О том, что послужило его началом, а главное, что положило бы ему конец, спорят депутаты парламента, газетные обозреватели, комментаторы телевидения. А ведь если вдуматься, наличие инерция восьми веков, привычка реагировать на ирландскую проблему не иначе, как «мерами по наведению порядка», репрессиями. В августе 1969-го ввели войска — не помогло. В августе 1971-го прибегли к «интернированию» — это не только еще больше накалило обстановку, но и вызвало международный скандал. Лондон оказался на скамье подсудимых в Страсбурге.

«Интернирование», то есть произвольные аресты и заключение тысяч людей в концлагерь Лонг Кеш без приговора суда, без предъявления каких-либо обвинений,— наиболее разительное воплощение военно-полицейского произвола. Людей не просто держали под стражей. Широко применяя насилие, от них требовали показаний. Кроме физических пыток, была пущена в ход новая система допросов.

При этой системе оказывается длительное, комбинированное воздействие на психику человека. Его голову заключают в светонепроницаемый колпак. Используются специальные шумовые раздражители. Узннику не дают спать, его оставляют без воды и пищи. Его заставляют стоять в наклонном положении, упершись руками в стену. Такое истязание вызывает болезненные галлюцинации и обмороки, потерю чувства времени и пространства, психические расстройства.

— Я был студентом юридического факультета, слушал лекции о несравненных достоинствах английского права, об идеалах справедливости, о неприкосновенности личности жилища, о том, что любой человек считается невиновным, пока не доказана его вина. И вдруг меня схватили и упрятали за решетку,— с сарказмом рассказывал мне в Белфасте один ирландец.— «Где же прославленная неприкосновенность личности?» — спросил я своего профессора, который навел меня в концлагере. Пришлось напомнить ему сложенный еще в прошлом веке каламбур: если Британия — бастион демократических свобод, то мы, ирландцы,— узники этого бастиона.

Вести об истязаниях просочились в печать, вызвали многочисленные протесты за рубежом, особенно среди населения Ирландской Республики. Под нажимом общественности Дублин официально возбудил дело против Лондона, направил жалобу Европейской комиссии защиты прав человека.

В итоге расследования, продолжавшегося без малого пять лет, комиссия установила, что Великобритания виновна в нарушении статьи третьей Европейской конвенции о правах человека, запрещающей пытки, бесчеловечное и унижительное обращение с заключенными. Выяснилось также, что указанные методы применялись в Ольстере не по инициативе непосредственных исполнителей, а по решению высших инстанций.

На открытом судебном процессе «Ирландия против Великобритании» Лондон оказался перед международным судом в роли ответчика по делу о правах человека. Ольстерский нарыв, этот болезненный чирей на самовлюбленном челе британской демократии, открылся взорам мировой общественности во всей своей вопиющей неприглядности.

«Британцы с негодованием осуждают притеснение в других частях мира, оставаясь слепыми к его существованию на собственном заднем дворе», — писал американский историк Лебоу в книге «Белая Британия и Черная Ирландия». Судебный процесс в Страсбурге был наглядной иллюстрацией этих слов.

Вздыхая о злосчастной судьбе Ольстера, английский либерал не преминет посетовать, что движение за гражданские права лишь подлило-де масла в огонь, породило тот порочный круг насилия, который теперь никто не может разорвать. Не уместнее ли задуматься: что же породило само движение за гражданские права на территории, которая считается составной частью Соединенного Королевства?

Самовоспетая английская демократия никогда не распространяла себя на Ирландию — ни до, ни после ее расчленения. Молчаливо предполагалось, что с ирландцами можно не церемониться, что в Ольстере нет нужды обременять себя показными атрибутами парламентской демократии, видимостью свободной

борьбы политических сил; что для расправы с инакомыслящими там годятся более примитивные средства.

Со времени раздела Ирландии управление Ольстером неизменно основывалось на репрессивных законах. Еще в 1938 году английский комитет по гражданским правам, состоявший из умеренных либералов и служителей церкви, констатировал, что ольстерский режим чрезвычайных законов «не имеет себе равных ни в одной стране, кроме фашистских Италии и Германии».

Итак, под носом у лондонских ревнителей свободы и демократии, в пределах самого Соединенного Королевства более полувека существует колониальный режим с присущими ему методами правления. Но демократическую общественность тревожит и другое. Северная Ирландия стала опытным полем, где разрабатывается новая технология репрессий, предназначенных для применения на всей территории страны.

Полигон для карателей

Завывая полицейской сиреной, мигая голубыми огнями, по улицам Белфаста проносится армейский бронетранспортер. Символический штрих в портрете Северной Ирландии! Британская армия не просто набирается здесь боевого опыта. Она осваивает новую роль, или, точнее сказать, старую роль в новых условиях.

Лондонское телевидение передало как-то репортаж о занятиях в военной академии Сандхерст на тему об использовании войск «для поддержания внутренней безопасности», а проще говоря, для выполнения жандармских функций.

На специальном полигоне воссоздали макет города, охваченного беспорядками. Не были забыты и соответствующие световые и звуковые эффекты. Разбушевавшаяся «толпа» швыряла камни и строила баррикады (в роли бунтовщиков, разумеется, выступали курсанты).

Но никакая имитация не может, конечно, сравниться с реальной действительностью такого идеального полигона, как Ольстер, где новые средства и методы подавления «подрывной и повстанческой дея-

тельности» могут испытываться и отрабатываться в подлинной боевой обстановке, по существу, в условиях гражданской войны.

В свое время в армиях многих государств были сторонники раздавать на маневрах по одному боевому патрону на тысячу холостых, чтобы заставить солдат относиться к учениям серьезно. В Ольстере такой необходимости нет. Звуковых эффектов здесь меньше, чем на маневрах. Зато каждый выстрел или взрыв предназначен нести смерть.

На улице Белфаста не увидишь солдата с автоматом на ремне; не бывает, чтобы, сидя в машине, он держал его между колен,— всегда только на изготовку, палец на спусковом крючке. У патрульных — новинки полевого снаряжения: пуленепробиваемые жилеты, оптические прицелы «кошачий глаз» для ночной стрельбы, индивидуальная радиосвязь.

— Мы, ирландцы, оказались в роли подопытных животных. На нас испытывают новые методы и средства подавления, которые предназначены отнюдь не для нас одних,— рассказывает Джон Хантер, член исполкома республиканских клубов шести графств (так республиканцы, не признающие раздела Ирландии, называют Ольстер).

Собеседник протягивает мне брошюру «Новая технология репрессий — уроки Северной Ирландии», изданную в Лондоне группой прогрессивных ученых. «В последнее время,— пишут авторы,— Северная Ирландия переняла у бывших колоний роль опытного поля для британской армии при разработке теории и практики подавления внутренних беспорядков и мятежей».

Вмешательство военных в гражданские дела веками было распространенной практикой в заморских владениях империи. Лишь после 1945 года британская армия участвовала в 36 антиповстанческих операциях в Малайе, Кении, Омане, Южном Йемене, на Кипре и в других местах. В конце 60-х годов английские инструктора в Малайе обучали методам карательных операций в джунглях американских, южновьетнамских, тайландских офицеров.

Но именно в Ирландии британской армии впервые

приходится вести такого рода войну в условиях развитой капиталистической страны, которая является к тому же составной частью Соединенного Королевства. «Обострение конфликта между трудом и капиталом,— продолжает автор брошюры,— может вести лишь к более непосредственному вовлечению армии в поддержание закона и порядка на территории Британии. Армия, разумеется, быстро осознала это и всюю использует Ирландию как тренировочное поле».

Мне удалось посетить штаб британской армии в Северной Ирландии, разместившийся за семью оградками в городке Лисберне, на изрядном отдалении от беспокойного Белфаста.

Полковник Ян Грэм рассказал, что «школу Ольстера» поочередно проходят все строевые части.

По словам полковника, формы взаимодействия армии и полиции в Ольстере постоянно совершенствуются. Используются новые методы сбора, обобщения и использования разведывательных данных, которыми армия делится с другими силами безопасности.

Слова полковника волей-неволей пришли на память, когда на обратном пути из Лисберна в Белфаст нас вместе с шофером такси задержал патруль. Пока один парашютист ощупывал меня с ног до головы, а другой неотрывно держал под прицелом автомата, третий страницу за страницей диктовал по радио содержание всех моих документов.

— Таковы уж наши будни! Зато теперь вы, как каждый второй житель Ольстера, попали на компьютер армейской разведки и можете считать, что внесли свою лепту в осуществление теории генерала Китсона,— с горькой иронией говорили потом мои собеседники в совете профсоюзов Северной Ирландии, куда я добрался лишь с опозданием.

Имя генерала Фрэнка Китсона, который в свое время командовал бригадой в Северной Ирландии, а еще раньше служил в колониальных войсках, связано с доктриной тотальной слежки.

В Кении Китсон создал наблюдательные посты, которые фиксировали, кто и когда выходил за пределы поселка, чтобы выявить связи населения с повстанцами. Эта же система с использованием электронно-вы-

числительного центра в Лисберне перенесена теперь на улицы Белфаста и Дерри.

В своей книге «Операции низкой интенсивности» генерал Китсон предсказывает, что падение уровня жизни в Великобритании может вызвать массовое недовольство в таких масштабах, что полиции окажется не под силу справиться с беспорядками. На авансцену придется выйти армии.

По мнению Китсона, армия должна играть активную роль на всех стадиях развития кризиса — от «подготовки подрывных действий» к «ненасильственному протесту» и дальше, вплоть до «мятежа».

В одной из глав книги рассматривается вопрос о том, как «армия может участвовать в пресечении ненасильственной подрывной деятельности». Что же именно имеется при этом в виду? Стачки, пикетирование, бойкот, занятие заводов рабочими — словом, распространенные формы забастовочной борьбы британских профсоюзов. Вот, стало быть, куда нацеливает генерал острие карательного штыка!

Итак, Ольстер вернул британской армии карательные функции, но теперь уже не в условиях далеких заморских колоний, а на самих Британских островах.

Параллельно с этим идет разработка новых видов военной техники, специально предназначенной для различных стадий борьбы против «подрывной и повстанческой деятельности». Именно в Ольстере, подчеркивает Ассоциация борьбы за гражданские права, было впервые испытано в полевых условиях более трехсот технических новинок в постоянно обогащающемся арсенале репрессий.

Так, например, водяные пушки, примененные при разгоне первой демонстрации борцов за гражданские права в Дерри, были в последующем дважды усовершенствованы. К водяной струе стали добавлять несмываемый краситель, чтобы «метить» демонстрантов, а затем раствор газа «си-ар», позволяющий создавать заграждения из ядовитой пены.

Значительно больше, чем с «си-ар», знакома Северная Ирландия с его предшественником — газом «си-эс», который, в свою очередь, был предварительно опробован в Адене.

Когда его стали поставлять американцам для применения во Вьетнаме, Лондон заверил англичан, что подобное средство никогда не будет пущено в ход против гражданского населения Европы. Но жители католических кварталов Дерри скоро все-таки познакомились с газом «си-эс».

Тогда кто-то подбросил контейнер с этим газом в палату общин, чтобы британские парламентарии на себе ощутили, что представляет собой подобный инструмент демократии.

В сообщениях из Северной Ирландии нередко упоминаются каучуковые и пластиковые пули, нейлоновые сетки для выхватывания «зачинщиков» из толпы, полицейские дубинки с электрическим разрядом...

Наконец, помимо своей роли полигона для обучения войск и испытания новинок карательной техники, Ольстер служит для Лондона лабораторией репрессивных законов.

Под предлогом борьбы с терроризмом армия, полиция и суды выработали целый комплекс жестких репрессивных мер, которые дают правящим кругам новое оружие для подавления политической оппозиции.

«Закон о предотвращении терроризма», действующий на всей территории Великобритании, позволяет держать семь суток под арестом любого подозреваемого. А нередки случаи, когда в ожидании суда человек по нескольку месяцев находится под стражей.

Именно в Ольстере положено начало новым методам судебного разбирательства — на закрытых заседаниях, без присяжных, без заслушивания свидетелей обвинения в присутствии подсудимого.

Более века назад, в 1870 году, Карл Маркс в одном из своих писем предостерегал, что ирландский конфликт дает британскому правительству повод содержать армию, которая при необходимости может быть использована против английских рабочих после того, как пройдет военную подготовку в Ирландии.

Эти пророческие слова нельзя не вспомнить, читая доклад «Роль вооруженных сил в операциях по умиротворению» на семинаре Королевского института вооруженных сил.

«То, что происходит в Дерри,— говорится в этом документе,— имеет прямое отношение к тому, что может произойти в Лондоне. И если мы потеряем Белфаст, нам, возможно, придется вести бой в Бирмингеме».

...Вот и пришла пора прощаться с Белфастом. Меня снова обыскивают и ощупывают по дороге и в самом аэропорту.

Час полета — и внизу посадочные огни Лондона. Стюардесса объявляет:

— Приготовьте, пожалуйста, водительские права или другой документ.

Ну что же, права так права. Тем более, что они у меня лондонские, с указанием здешнего адреса. Вручаю их двум бдительным стражам. (Разумеется, уже в штатском и без оружия — тут ведь Лондон, а не Белфаст.)

— А что это у вас за фамилия? Кто вы?

— Я советский журналист.

— Боюсь, что придется вас несколько задержать.

— Что значит «несколько» и на каком основании?

— На основании «закона о предотвращении терроризма», о котором вы, полагаю, знаете. Нам нужно запросить о вас Белфаст.

Впрочем, не прошло и часа, как отпустили. Уже известный мне компьютер сработал без осечки и подтвердил мою личность. Так на себе убедился, что экспорт репрессивных законов из Ольстера в Британию, о чем мне говорили в Белфасте, действительно имеет место.

«Беда англичан в том, что они не умеют помнить; беда ирландцев в том, что они не умеют забывать» — эта распространенная в Ольстере пословица может служить эпиграфом для любого повествования о современных событиях в Северной Ирландии.

Свобода ненавидеть

Фильм сделан так, чтобы с первых же кадров внушать тревогу. Человеческие толпы, сжатые телеобъективом, создают ощущение предельной перенаселенности.

«Это Брэдфорд, английский город. Но тут есть улицы, где почти не увидишь белых лиц»,— вещает голос за кадром.

Затем камера долго шарит по замусоренным задворкам ветхих строений.

«Так выглядят районы с азиатским населением. Эти люди нечистоплотны. Живут чуть ли не по десяти человек в комнате. У всех уйма детей. Сколько же их будет через десять лет при такой рождаемости?»

На экране — негодующее лицо женщины:

«Пока наших парней шлют проливать кровь в Северной Ирландии, сама Англия подвергается вторжению...»

И снова массовая сцена: невозмутимо-беспристрастные полицейские сопровождают уличное шествие с плакатами: «Сохраним Британию белой!»

Под таким девизом в Англии ведется политическая кампания, от имени которой и создан данный телефильм.

Фанатическим проповедником «крестового похода» за расовую чистоту выступает Энок Пауэлл. По его словам, наблюдать приток цветных иммигрантов на Британские острова — все равно что смотреть на нацию, которая насыпает собственный могильный курган.

Английским городам, страшает Пауэлл, грозит перспектива стать на одну треть цветными. Расовые конфликты в них неизбежны, и положить им конец может-де лишь репатриация цветного населения с Британских островов. На такую программу массовой репатриации одного миллиона иммигрантов, утверждает Пауэлл, не жаль потратить миллиарда фунтов стерлингов из государственной казны.

Расистские призывы Пауэлла не остаются без отклика. Причем их взяли на вооружение не только такие правозэкстремистские организации, как «национальный фронт». Лозунгу «Сохраним Британию белой!» молчаливо благоволят и вполне респектабельные консервативные круги.

Даже те либеральные джентльмены, которых коробит откровенно фашистская программа «национального фронта», с пеной у рта доказывают, что запре-

тить марш расистов по улицам Лондона значило бы ущемить демократические свободы. Провокационное шествие молодчиков из «национального фронта» по улицам Льюишэма (на правом берегу Темзы) превратилось в самое крупное уличное побоище, какие только знал Лондон.

«Было бы преувеличением считать, что расовые отношения в Британии стали такими же плохими, как в США или тем более в ЮАР. Но бесспорной истиной является то, что в них произошел перелом к худшему. Впервые после войны в стране ведется политическая кампания, основанная на расовой ненависти», — констатирует газета «Файнэншл таймс».

На фоне нагнетания расистской пропаганды участились случаи кровавых столкновений. Причем выходки расистов волей-неволей толкают цветное население к идее создания местных отрядов самообороны.

— Раз полиция не в состоянии оградить нас от произвола, каждой цветной общине придется подумать, как самой защитить себя, — говорят обитатели иммигрантских гетто.

Надо ли говорить, какую неконтролируемую цепную реакцию способна вызвать эта вынужденная самооборона!

«Такие отряды, — пишет газета «Дейли миррор», — могут привести к насилию, подобному безумию убийств, охватившему Северную Ирландию. То, что сегодня происходит в Белфасте, повторится в Саутхолле или Брэдфорде. Трагедия Северной Ирландии может перехлестнуться на тихие улицы английских городов».

Итак, в дополнение к кровоточащей ране Ольстера страна становится еще и ареной расовых конфликтов. Как и почему это произошло?

Подобно многим другим недугам современной Британии, расовая проблема в немалой степени связана с имперским прошлым. После второй мировой войны и распада империи английские предприниматели, привыкшие наживаться на дешезизне заморской рабочей силы, принялись вербовать в бывших колониях людей, готовых за бесценок выполнять в Англии черную работу, от которой отвернулись белые.

Первую волну цветных иммигрантов составили вест-индские негры из стран Карибского бассейна — Ямайки, Тринидада, Гайаны — потомки чернокожих африканцев, которых английские работоторговцы продали в свое время плантаторам Нового Света.

Обострение религиозной розни в бывшей Британской Индии и особенно болезненный раздел Бенгалии и Пенджаба послужили толчком для второй волны иммигрантов с индо-пакистанского субконтинента,

И наконец, третьей волной стали переселенцы азиатского происхождения из бывших британских колоний в Африке. Когда Кения, Уганда и другие государства обрели независимость, многие жившие там индийские и пакистанские торговцы, ремесленники, служащие предпочли взять не местное, а британское гражданство. Однако решение это оказалось для них впоследствии роковой ошибкой.

«Закон о британском гражданстве» 1948 года давал право беспрепятственного въезда в Англию любому уроженцу бывших британских колоний. С 1962 года для подданных распавшейся империи были введены ограничения, которые стали еще жестче по «закону об иммигрантах из Содружества», действующему с 1971 года.

По этому закону право жительства в Англии имеет тот, кто родился или получил британское гражданство в этой стране или же у кого там родился и получил гражданство хотя бы один из родителей или родителей его родителей.

Это нарочито запутанная формулировка имеет беззастенчиво расистский подтекст. Она отсекает дорогу цветным обладателям британских паспортов (раз они получили гражданство не в метрополии, а в бывших колониях), оставляя дверь открытой для белых иммигрантов из Канады или Австралии и, главное, из ЮАР, если того потребует подъем освободительной борьбы в Африке. Ведь почти у каждого из таких переселенцев то ли отец, то ли дед были когда-то выходцами с Британских островов!

Чтобы не навлекать на себя обвинение в расизме, лондонские политики даже изобрели и пустили в обиход особый термин: «Новое содружество». Им обозна-

чаются бывшие британские колонии с цветным населением в отличие от «белых» доминионов. Въезд из «Нового содружества» ограничен ежегодной квотой в 5 тысяч обладателей британских паспортов. Чтобы попасть в их число, порой приходится ждать не то что годами, а десятилетиями.

Какова же в действительности прослойка цветных переселенцев, из-за которых, как утверждают расисты, англичанам стало трудно найти работу, не хватает жилищ, переполнены школьные классы? По официальным данным министерства внутренних дел, в Британии проживает около двух миллионов выходцев из «Нового содружества». Причем почти половина из них родились на английской земле, так что их, строго говоря, следует рассматривать уже не как иммигрантов, а как нацменьшинство.

Таким образом, небелое население составляет лишь три с лишним процента общего числа жителей Великобритании. Кроме того, число въезжающих (даже включая членов семей тех, кто поселился до закона 1971 года) из года в год значительно уступает числу англичан, выезжающих в другие страны. Стало быть, разглагольствования о «вторжении бесчисленных темнокожих орд на перенаселенные острова» нельзя назвать иначе как спекуляцией.

Наконец, хотя цветное население прозябает где-то на задворках общества, нельзя забывать о его трудовом вкладе в жизнь страны. Уборка мусора, погрузо-разгрузочные работы, общественный транспорт, железные дороги, круглосуточная работа у конвейеров автомобильных заводов Средней Англии, в цехах текстильных и пищевых предприятий Ланкашира и Йоркшира — самый тяжелый, самый непривлекательный, самый монотонный труд или труд в так называемые несоциальные часы, то есть вечерами, ночами, по воскресеньям, чаще всего удел рук с темной кожей.

Именно благодаря цветным специалистам Англия меньше страдает от последствия «утечки мозгов». Не кто иной, как Энок Пауэлл, будучи в начале 60-х годов министром здравоохранения, занимался привлечением врачей из Индии и Пакистана, медсестер из Вест-Индии и говорил о них как о «существенном и

ценном пополнении персонала больниц, помогающих поддерживать марку британской медицины».

И вот теперь тот же самый Пауэлл добивается, чтобы дети иммигрантов, появившиеся на свет в Англии, получали иной статус, чем коренное население. В этом случае, иронизирует газета «Дейли миррор», английский престол мог бы остаться без наследника, ибо принца Уэльского пришлось бы классифицировать как сына иммигранта греческого происхождения...

Впрочем, стержень расовой проблемы, ее самое болезненное острие касается в Англии не принцев, а нищих. Когда едешь по Лондону, всегда поражаешься, насколько рубежи цветных гетто совпадают с границами богатства и бедности. Брикстон или Льюишэм на южном берегу Темзы поразительно напоминают нью-йоркский Гарлем не только лицами людей, но и печатью упадка, безысходности, а также какой-то тягостно-тревожной предгрозовой атмосферой.

В Британии выросло целое поколение цветной молодежи, которое живет как бы на ничейной земле. Многие из них прозябают в трущобах, чувствуют себя отвергнутыми обществом.

Словно порочный круг довлеет над их судьбами. Бремя нужды не дает им возможности получить образование, квалификацию. А малоквалифицированные труженики прежде всего становятся жертвами увольнений. Доля безработных среди иммигрантов вдвое выше средней по стране цифры. Удивительно ли, что именно в расовых гетто зреют гроздь классового гнева, все чаще прорывающегося наружу.

Всякий раз, когда капиталистическая система переживает кризис, предпринимаются попытки отвлечь внимание народа от его подлинных причин, отыскать неких козлов отпущения — то ли евреев, то ли ирландцев, то ли еще кого, пишет газета «Морнинг стар». Не будь на сей раз цветных, чтобы объявлять их повинными в росте безработицы, стали бы требовать отмены равных прав на труд для женщин.

Снова встают перед глазами кадры телефильма, созданного запевалами кампании «Сохраним Британию белой!». Женщина рассуждает перед камерой:

«Я, например, предпочитаю бекон, а не колбасу. Почему же я должна любить цветных так же, как белых? Я англичанка, и мне больше нравятся англичане. По какому же праву меня хотят лишить свободы выбора?»

И в следующем кадре — уличное шествие под лозунгом: «Дискриминация означает не ненависть, а выбор».

Итак, вот она, изнанка буржуазных свобод, которыми так любит кичиться родина парламентаризма. Раз человек наделен правом выбора, за ним, мол, остается и свобода эксплуатировать, и свобода ненавидеть. И расовая дискриминация, стало быть, лишь право выбора, право травить тех, кто пришелся не по душе.

Деннис и Эльза

Пологие зеленые холмы. Овцы на пастбищах, разделенных живыми изгородями. Из листвы вековых вязов выглядывают аккуратные белые домики, шпиль колокольни.

В тихом поселке, затерявшемся среди сельских просторов Северного Уэльса, нахожу, наконец, нужную мне дверь. Здесь живет семья Денниса Уоррена — строительного рабочего, коммуниста, приговоренного к тюремному заключению за участие в «летучих пикетах».

Мне открывает высокая миловидная женщина — та самая Эльза, которую по праву считают душой кампании за освобождение Денниса; жена политического заключенного, которую столько раз доводилось видеть в колоннах демонстрантов рука об руку с пятью детьми или на трибунах митингов солидарности с жертвами классовой расправы.

И все-таки, пожалуй, лишь здесь, среди домашних забот, удалось целиком осознать и силу духа этой женщины, и меру тяжких испытаний, выпавших на ее долю.

Эльза лишь накануне вернулась домой после свидания с мужем и была в подавленном настроении.

Денниса в семнадцатый раз перевели из одной тюрьмы в другую. Чтобы навестить его, пришлось делать с детьми восемь пересадок.

Но главное, конечно, не в этом. Тревожит пошатнувшееся здоровье Денниса. Сказываются многократно проведенные им голодовки, неоправдавшиеся надежды на апелляции, сознание своей невинности, несправедливости приговора, наконец, забота о семье, оставшейся без кормильца.

Ведь все это мучительно тянется уже почти три года. Эльза ездит из города в город, ночует с детьми в незнакомых семьях, шагает во главе маршей протеста, выступает на профсоюзных конференциях, распространяет листовки.

Людам куда меньше видна другая сторона жизни этой женщины, непомерное бремя моральных и материальных тягот, легших на ее плечи. Согласись Эльза принять хоть десятую долю пожертвований, поступающих от рабочих в поддержку Денниса, семья осужденного пикетчика не знала бы нужды. Но все до единого пенса идет в профсоюзный фонд: ведь каждая листовка или плакат, каждое снятое для митинга помещение стоит денег.

Так что жене узника приходится жить с пятью детьми лишь на более чем скромное пособие от профсоюза строителей.

Как тут выберешься из долгов, которые растут, словно снежный ком! Не на что купить детям к лету хоть что-нибудь из одежды. Не на что устроить Диану в лечебный интернат (школьнице требуется постоянное наблюдение врачей). А тут еще на днях пришли с телефонной станции и вместо обычного аппарата установили такой же, как в уличных будках: чтобы позвонить, нужно каждый раз бросать монету.

— Меня предупредили, что, если не уплачу по счету, телефон отключат вовсе. Страшно подумать! — дрогнувшим голосом говорит Эльза. — Ведь это единственное, что связывает меня сейчас с внешним миром, дает возможность бороться за Денниса...

«Воздадим должное этой женщине. Ведь трудно сказать, кому приходится тяжелее: Деннису в тюремной камере или Эльзе без него с пятью детьми на ру-

как», — говорил на съезде Компартии Великобритании ее Генеральный секретарь Гордон Макленнан.

Эльза работала стюардессой в небольшой авиакомпании, оказалась зачинщицей стачки, после чего фирма постаралась от нее избавиться. Потом поступила в туристский отель, где как-то до позднего вечера вела жаркий спор с нанимателем об условиях труда.

— Смотри, Эльза! Попадешь за свой нрав в черный список и тогда хоть выходи замуж за какого-нибудь коммуниста! — сказала полшутя одна из подруг, когда они потом усаживались в такси.

— Попасть в черный список не так уж трудно, — неожиданно обернулся к ним шофер. — А вот быть женой коммуниста — это действительно может не каждая.

Было в этих словах нечто такое, что побудило Эльзу разговаривать с человеком за рулем. Она узнала, что он по профессии арматурщик, но по специальности не работает. Попал в черный список как коммунист. В такси пошел ради вечерних смен, так как бывшая жена оставила его с тремя детьми и, пока девятилетний сын не вернется из школы, не с кем оставить малышей.

Эльза сказала, что ей хотелось бы повидать его детей. А через три недели после этой встречи стала женой Денниса, матерью для Ника, Дианы, Эндрю. А вскоре умерла сестра Эльзы, и Деннис предложил усыновить ее детей — Кэти и Кристофера. Достаточно познакомиться с этой семьей, чтобы понять, что в нее никак не вписывается образ злодея-заговорщика, каким кое-кто пытается изобразить коммуниста Уоррена.

Почему же против забастовщиков применили столь суровые репрессии? Почему Деннис Уоррен, приговоренный к трем годам тюрьмы при консерваторах, оставался за решеткой и позже, при лейбористах? Почему упрямо отклонялись апелляции и требования обществу о его освобождении?

Подлинный политический смысл судебного процесса в Шрусбери можно понять лишь на фоне отчаянных попыток правящего класса подорвать растущую мощь, боевитость и стойкость рабочего класса Брита-

нии. Особенно острыми классовыми столкновениями ознаменовались семидесятые и восьмидесятые годы.

Более всего тревожили консерваторов новые формы стачечной борьбы, к которым прибегли горняки, начав пикетировать не только свои шахты, но и угольные склады, а также электростанции. Такие «летучие пикеты» стали новым полем проявления пролетарской солидарности. Труженики других профессий помогали размещать приезжих горняков на ночлег, налаживать для них питание, нередко и сами вставали в ряды пикетчиков.

Пресловутый «закон об отношениях в промышленности» был нацелен против наиболее эффективных форм стачечной борьбы. Но первая же попытка применить его против пикетчиков окончилась для консерваторов провалом.

Арест пяти лондонских докеров вызвал такую бурю негодования, что страна оказалась на пороге всеобщей забастовки, и докеры были освобождены.

Итак, не сумев сломить ни шахтеров, ни докеров, правящие круги переместили острие удара против более слабого звена профсоюзного фронта — строительных рабочих.

Поводом для судебного процесса в Шрусбери были избраны события, связанные с общенациональной забастовкой строителей. Положение в строительной промышленности убедительно характеризовалось тогда двумя рекордами: она была первой отраслью по числу несчастных случаев и первой же по числу банкротств.

Борьбу за улучшение условий труда, а также техники безопасности профсоюзу строителей приходилось вести в сложных условиях. Из-за многочисленности и разбросанности строек, особенно в сельской местности, нанимателям нередко удавалось возобновлять работы, вербуя так называемых «ковбоев», то есть, говоря по-нашему, шабашников, жадных до заработка и неразборчивых в его источниках.

«Летучие пикеты» пытались взывать к совести штрейкбрехеров. Иногда это удавалось, иногда дело кончалось лишь перебранкой. Так было и в тот день, когда около 200 пикетчиков объехали на автобусах

восемь строительных площадок. Полиция, сопровождавшая их, не сделала ни единого ареста.

Массированная полицейская операция последовала лишь много позже, уже после того, как забастовка строителей завершилась достаточно крупной победой трудящихся.

Характерно, что местом для этой операции был избран не район, где между пикетчиками и штрейкбрехерами произошло больше всего столкновений, а район, где профсоюз строителей был наиболее слабым, — он объединял лишь 10 процентов рабочих данной профессии.

Восемьсот человек были подвергнуты длительным допросам, из их числа были тщательно отобраны 195 свидетелей, после чего начались аресты. 24 участника «летучих пикетов» были взяты под стражу, 6 из них преданы суду, трое приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Подчеркнем, что никому из осужденных не ставились в вину какие-либо акты насилия. Впервые применив к участникам забастовки стародавний закон 1875 года, судебные власти сформулировали обвинение как «сговор с целью запугивания: незаконное сборище; нарушение общественного порядка».

— Существовал ли сговор? — заявил в своем последнем слове на суде Деннис Уоррен. — Да, существовал. Но не между пикетчиками. Сговор существовал между министерством внутренних дел, нанимателями и полицией.

Почему же приговор, жертвами которого стали «трое из Шрусбери», не вызвал в британском рабочем движении столь решительного отпора, как арест пяти докеров?

Причин тут несколько. Лондонских докеров отправили за решетку на основании «закона об отношениях в промышленности». Профсоюзы его не признавали и в конце концов похоронили. К тому же протесты вспыхнули сразу по горячим следам событий: прекратилась работа в портах, примеру докеров были готовы последовать труженики других профессий, так что до суда дело не дошло.

Учтя эти горькие для себя уроки, консерваторы готовили судебный процесс в Шрусбери более года, применили против строителей уголовное законодательство, а вынесение приговора приурочили к кануну рождения, когда работа на стройках по традиции прекращается до нового года и профсоюзу было трудно собрать людей для каких-либо манифестаций. Сменила тактику и большая пресса: в отличие от сенсационной шумихи по поводу ареста пяти докеров газеты встретили приговор в Шрусбери заговором молчания.

Словом, кампания протеста началась с изрядным опозданием, когда общественность уже была поставлена перед свершившимся фактом и можно было спекулировать на законопослушности британского обывателя.

Хотя резолюции с требованием освободить пикетчиков из Шрусбери не раз принимались на съезде Британского конгресса тред-юнионов, коммунист Деннис Уоррен отсидел в тюрьме весь свой трехлетний срок. Апелляционный суд отказался пересмотреть приговор.

Судьба Денниса Уоррена — трагический эпизод в британском рабочем движении, которое знает и радость побед, и горечь поражений. Вместе с тем это наглядный пример, показывающий, чего стоят разглагольствования о демократии и свободе для трудящихся в странах капитала. «Усилиями правящего класса,— подчеркивает Компартия Великобритании,— создан миф, будто в Британии нет политических заключенных и политических судов. Судьба пикетчиков из Шрусбери помогает развеять эту иллюзию».

Право на расправу

Захолустная улочка Чэптер-роуд на северной окраине Лондона изо дня в день становилась местом бурных столкновений полиции с бастующими фотопроявочной фабрики «Гранвик».

Всякий раз, когда купленный фабрикантом двухэтажный автобус пытался, словно танк, пробиться сквозь толпу, чтобы доставить на осажденное пред-

приятие штрейкбрехеров, вокруг него вскипала яростная борьба. После очередной схватки полицейские со сбитыми шлемами тащили по улице и заталкивали в фургоны с решетками новые партии арестованных. Самая длительная в 70-х годах стачка. И самая жесточайшая расправа полиции с участниками массовых пикетов — таковы главные координаты событий, происходивших у ворот фабрики «Гранвик».

Хотя Великобритания имеет давние традиции тред-юнионизма, почти две трети труженников страны все еще не объединены в профсоюзы.

Именно к этой категории относится и коллектив фабрики «Гранвик» — среднего по размеру предприятия с четырьмястами рабочих.

Затянувшаяся на целый год стачка на заштатной фотопроявочной фабрике потому и обрела общенациональный резонанс, потому и всколыхнула снизу доверху все слои британского общества, что задела самую сердцевину классовых противоречий между трудом и капиталом. Она поставила ребром принципиальный вопрос, который мало кого мог оставить равнодушным: либо право трудящихся сообщать отстаивать свои интересы; либо право нанимателя чинить расправу над всяким, кто вздумает ограничить его произвол силой рабочего единства; либо свобода профсоюзной деятельности, включая забастовочную борьбу; либо свобода нанимателя увольнять рабочих за участие в стачке.

Поводом для конфликта на фабрике «Гранвик» послужил уже третий по счету случай расправы над теми, кто пытался создать на предприятии профсоюз.

Пользуясь отсутствием профсоюза, фабрикант Джордж Уорд творил что хотел и особенно беззастенчиво наживался на низкооплачиваемой части коллектива — женщинах из местной иммигрантской общины.

Дело началось с того, что сын одной из работниц, студент Сунил Десаи, приехавший в Лондон проводить мать, а заодно подзаработать во время летних каникул, был досрочно уволен с фабрики под предлогом «недостаточного усердия», а фактически за то, что призывал рабочих объединиться.

Это и послужило искрой для взрыва накопившегося недовольства. Треть коллектива, 137 труженников, заявила, что в знак протеста прекращает работу до тех пор, пока репрессивная мера не будет отменена.

В первые же дни стачки ее участники вступили в отраслевой профсоюз (АПЕКС). Однако владелец фабрики объявил всех их уволенными. Под этим предлогом он отказался признать существование профсоюза на предприятии и его право вести переговоры от имени бастующих. Даже когда расследованием конфликта занялась государственная арбитражная комиссия, Джордж Уорд отказался допустить ее в цехи или предоставить в ее распоряжение имена и адреса рабочих, не участвующих в стачке, так что необходимые опросы удалось провести лишь среди бастующих. А когда в итоге расследования владельцу фабрики было предписано признать профсоюз, Уорд возбудил против государственной арбитражной комиссии судебное дело и сумел выиграть его во второй инстанции.

«У меня не антипрофсоюзная, а просто беспрофсоюзная фирма. Я сторонник свободы выбора», — разглагольствовал он.

Несмотря на изнурительное круглосуточное пикетирование, участникам стачки не удалось остановить работу в цехах. Помочь им согласился профсоюз почтовиков. Он стал бойкотировать доставку бандеролей, в которых пленки поступают для обработки.

Однако, используя своих хорошо оплачиваемых юристов, фабрикант пригрозил возбудить против профсоюза почтовиков судебный процесс. По его утверждению, бойкот фабрики явился бы «уголовным преступлением» на основании стародавнего закона, принятого еще во времена, когда разбойники с большой дороги совершали нападения на почтовые кареты.

Хотя руководство профсоюза сочло разумным не тягаться с судьями в париках по части толкования старинных законов, местные почтовые отделения на свой риск продолжали бойкот «Гранвика». Они не забирали исходящую почту с завода, а почту входящую держали без движения в сортировочном зале.

Подобный бойкот, по существу, сводил на нет старания предпринимателя и полиции ежедневно проталкивать сквозь стенку пикетов автобус со штрейкбрехерами — фабрика все равно не могла выполнять заказы.

Оказавшись под угрозой судебного преследования, национальное руководство профсоюза почтовиков заявило, что не может больше поддерживать бойкот фабрики «Гранвик», и призвало почтовое отделение Криклвуд прекратить его. Однако 130 рядовых тружеников ответили отказом. Не помог и нажим по административной линии: предупреждение министерства, что всякий, кто не прекратит бойкот, будет отстранен от должности с потерей зарплаты.

Выйдя однажды утром на смену, почтовики обнаружили, что сортировочный зал заперт, ключи от автофургонов изъяты, почтовые ящики опечатаны. За солидарность с бастующими фабрики «Гранвик» штат почтового отделения Криклвуд, стало быть, подвергли локауту.

История британского рабочего движения свидетельствует, что провокации против стачечников чаще всего совершаются в тех случаях, когда на помощь одному бастующему коллективу приходят труженики других предприятий, других профсоюзов, других городов. Все настойчивее предпринимаются попытки поставить под вопрос законность массового пикетирования, участие в нем кого-либо, кроме самих бастующих.

Гранвик и Криклвуд — эти два слова стоят рядом в летописи британского рабочего движения, и само их соседство говорит о многом. Гранвик — это символ пробуждающегося классового сознания тех, кто олицетворяет собой в глазах эксплуататоров дешевую рабочую силу, которую они пытаются держать разобщенной и изолированной.

Криклвуд — это воплощение пролетарской солидарности, готовность идти во имя ее на любые жертвы и одновременно свидетельство того, что попытки сеять рознь между «белыми» и «цветными», между тред-юнионистами и неорганизованными тружениками, к чести британского рабочего движения, терпят провал.

Гранвик и Криклвуд. Эти слова, ставшие в Британии нарицательными понятиями, звучат как знамение времени: ободряющие для эксплуатируемых, грозные для эксплуататоров.

Магна карта и мультикартотека

На пути от Виндзорского замка к дворцу Хэмптон-корт экскурсионные автобусы обычно сворачивают к Темзе, чтобы показать иностранным туристам пойменный луг, где в 1215 году английские бароны заставили короля Иоанна скрепить своей печатью Великую хартию вольностей — ту самую Магна карту, от которой, как говорится в здешних путеводителях, ведет свою родословную британская демократия.

Гиды не преминут пояснить, что ее основы — свобода личности, неприкосновенность частной жизни, терпимость к инакомыслию — священны и незыблемы.

Возле конной статуи Карла I на Трафальгарской площади они напомнят о назидательной судьбе этого короля, который был обезглавлен за то, что вопреки Магна карте своевольноничал с парламентом.

Иностранцам расскажут, что и сама Трафальгарская площадь служит как бы символом британской демократии, ибо здесь вправе проводить свои митинги представители любых политических течений.

В пору спросить экскурсовода: с какой же целью на крышах зданий, обрамляющих эту «отдушину свободомыслия», установлены полицейские телекамеры? И как совместить свободу личности, неприкосновенность частной жизни, политическую терпимость с негласной слежкой, с подслушиванием телефонных разговоров и вскрытием писем, с составлением черных списков, на основе которых граждане подвергаются репрессиям не только в своей общественной, но даже и в трудовой деятельности?

О Магна карте средний англичанин знает куда больше, чем о мультикартотеке, где на него заведено досье, в которое непрошенные биографы тайно заносят факты о его взглядах и поведении.

Что и говорить, наивная уверенность обывателя в том, что родина парламентаризма не может иметь ничего общего с полицейским государством,— немаловажное завоевание британских правящих кругов.

Разветвленный аппарат слежки и подавления тщательно скрыт от посторонних глаз. Лишь иногда на поверхность случайно всплывают отдельные факты о его деятельности.

Среди множества предприятий, входящих в государственный металлургический концерн «Бритиш стил», есть фирма по производству арматуры, расположенная в юго-восточном предместье Лондона, близ Гринвича. Администрация фабрики уволила шесть профсоюзных активистов, а когда коллектив ответил стачкой протеста, попыталась вовсе закрыть предприятие. Чтобы не допустить этого, забастовщики оккупировали фабрику. Вот тут-то в руки рабочих и попала секретная переписка, которую их наниматели просто не успели как следует припрятать.

Бумаги эти документально свидетельствуют, что за многими тружениками фабрики ведется негласная слежка, что особый отдел Скотланд-Ярда и так называемая «Экономическая лига» снабжают администрацию данными своих секретных архивов о политически неблагонадежных лицах и что для ряда уволенных профсоюзных активистов поводом для внесения в черный список послужило не что иное, как участие в политических демонстрациях.

Другой пример. Членам профсоюза машиностроительного завода близ Саутгемптона удалось узнать номер телефона, по которому дирекция навела справки о рабочих.

Набрав этот номер и назвав условный код, они сделали запрос об одном из своих товарищей, которому было отказано в продвижении по службе. Буквально тут же они получили ответ, что данный сотрудник был кандидатом от коммунистической партии на муниципальных выборах, а также часто выступает в газете «Морнинг стар».

Редактор профсоюзной газеты йоркширских горняков Морис Джонс, арестованный при пикетировании фабрики «Гранвик», был поражен, что в поли-

цейском участке, куда его доставили на допрос, уже лежало наготове заведенное на него пухлое досье. Следователи то и дело листали и цитировали его, дабы показать, что знают не только об общественной, но и личной жизни арестованного решительно все (как выразился Морис Джонс, «вплоть до того, когда и где я прошлый раз покупал себе пару носков»).

Как-то в печати промелькнуло сообщение о том, что служба контрразведки «МИ-5» при содействии особого отдела Скотланд-Ярда регулярно представляет правительству доклады о деятельности видных деятелей рабочего движения, включая руководителей крупнейших профсоюзов. В центральном регистре особого отдела ведется досье на три с лишним миллиона «политически неблагонадежных» лиц.

Подобные факты, ставшие достоянием гласности, объясняют большой интерес читательских кругов к книге прогрессивного журналиста Тони Баньяна «Политическая полиция в Британии».

В тщательно документированном исследовании приводится обширный фактический материал о роли полиции в британской политической жизни, о расширении ее сотрудничества с армией и секретными разведывательными службами, о компьютеризации полицейских архивов, позволяющий особому отделу вести досье на 36 миллионов имен.

Автор подробно показывает роль особого отдела Скотланд-Ярда как политического органа полиции, ведущего постоянное наблюдение за составом и деятельностью общественных организаций и профсоюзов. Он напоминает о неблагоприятной деятельности «МИ-5» при чистках государственных служащих в разгар «холодной войны». Родившееся в 50-х годах движение протеста британской общественности (оно называлось «кампания за ограничение власти тайной полиции») предало гласности много примеров дискриминации и репрессии, которым были подвергнуты люди левых взглядов даже вне государственного аппарата.

Политическую слежку за британскими гражданами, пишет Баньян, ведут не только полиция и спецслужбы, но и тесно взаимодействующий с ними частный сыскной аппарат большого бизнеса. Такие ор-

ганизации, как «Экономическая лига», составляют черные списки неблагонадежных лиц, словом, всех тех, кто так или иначе может причинить хлопоты на-нимателям. Уволенный как «смутьян», профсоюзный активист оказывается в черном списке, который дей-ствует во всей отрасли.

Как же реагировала на разоблачение непригляд-ных сторон британской демократии правая пресса? Прямо скажем, своеобразно: объявив их «маккар-тизмом наизнанку».

«Маккартизм не умер вместе с покойным сенато-ром, давшим ему имя. Однако теперь он взят на во-оружение не правыми, а левыми и нацелен не против коммунистов, а против разведывательных служб Запада»,— писала «Дейли телеграф».

Выходит, что любые попытки проанализировать и предать гласности действия секретных спецслужб — это новый вариант «охоты за ведьмами».

Что же сказать тогда о другой книге — очень близкой по теме к исследованию Баньяна, хотя и на-писанной с диаметрально противоположных пози-ций,— о книге генерала Китсона «Кулак из пяти»? Командир бронетанковой дивизии в Рейнской армии, участник карательных операций в колониях расска-зывает о своем опыте в Кении, Малайе, Омане и на Кипре, а в пятом разделе книги, который, как боль-шой палец, замыкает в кулак первые четыре, обобща-ет свои взгляды относительно способов борьбы про-тив «подрывной и повстанческой деятельности».

Китсон проводит мысль о том, что с потерей импе-рии функции аппарата подавления Великобритании перемещаются в метрополию, ибо то, что «произошло в Малайе вчера и происходит в Ольстере сегодня, может произойти в Англии завтра».

В борьбе против подрывной деятельности и пов-станческого движения, утверждает генерал-каратель, лучше знать хотя бы немного о многих, чем многое о немногих. Скрупулезное накопление самых, каза-лось бы, обыденных фактов позволяет судить о ха-рактере поведения сотен тысяч людей.

«Для успешного проведения антиповстанческой кампании правительство должно прежде всего создать

для нее прочную основу,— заключает генерал.— Под этим имеется в виду механизм для руководства такой кампанией на всех уровнях; средства, которые не дали бы повстанцам выиграть бой за умы людей; эффективный разведывательный аппарат; и, наконец, судебная система, отвечающая нуждам момента».

«Все, кто прочитал книгу Баньяна,— пишет еженедельник «Трибюн»,— должны будут признать, что если мы еще не полицейское государство, то механизм для этого уже создан и может быть приведен в действие в любой день».

Как ни парадоксально, та же оценка целиком может быть отнесена и к книге генерала Китсона. Обе они (в одном случае по воле, в другом — против воли автора) пробили брешь в покрытом позолотой традиций и пылью веков либеральном фасаде Великобритании.

Они показали, что на родине Магна карты плодятся мультикартотеки слежки и что арсенал средств подавления, который вчера применялся «к востоку от Суэца», при необходимости может быть применен завтра на берегах Темзы.

Консерваторы в роли реформаторов

Как всегда, серый ноябрьский день служит фоном для самой красочной и пышной из ежегодных лондонских церемоний — торжественного открытия парламента. Как всегда, сверкают шлемы и кирасы конногвардейцев, сопровождающих карету королевы. Как всегда, алые мантии пэров, пышные епископские облачения контрастируют с прозаическими визитками членов палаты общин, которые слушают речь королевы, толпясь у входа в палату лордов.

Отработанный до мелочей ритуал призван внушать мысль о незыблемости устоев. Внешне в Вестминстерском дворце действительно ничего не меняется. Но так ли обстоит дело по существу?

На политической авансцене Лондона зазвучали голоса о том, что освященные вековыми традициями атрибуты британской государственности — неписа-

ная конституция, права парламента, ведущие свою родословную от Великой хартии вольностей, избирательная система, благоприятствующая чередованию у власти двух главных политических партий,— во многом изжили себя и нуждаются в серьезной корректировке.

О том, что отлаженный столетиями британский государственный механизм с его скрытыми пружинами и рычагами власти, предохранительными клапанами для разрядки опасного накала страстей и мерным раскачиванием маятника двухпартийной системы, этот механизм, превозносимый либеральными интеллигентами Запада как некий идеал буржуазной демократии, устарел, износился и уже не отвечает требованиям современности, на берегах Темзы говорят не впервые.

Примечательно, что критика традиционных устоев исходит на сей раз не от радикальных, а от консервативных кругов, то есть от тех, кто эти устои олицетворяет.

Зачем же понадобилось правоверным тори посягать на святые традиции, в незыблемости которых они привыкли убеждать себя и других?

И что конкретно имеют они в виду, говоря о настоятельной необходимости «подновить» механизм государственной власти, который, подобно знаменитым часам на башне Вестминстерского дворца, начал нет-нет да пошалить?

Пропагандистская артподготовка, для которой консерваторы выдвинули самые крупные калибры своего политического арсенала, началась сразу на двух направлениях. Под огнем оказались, во-первых, права парламента и, во-вторых, двухпартийная система.

На первом из этих направлений огонь открыл лорд Хэйлшем, слышущий среди консерваторов знатком государственного права.

Лорд Хэйлшем предложил ввести вместо древней, неписаной, новую — писаную конституцию, которая «ограничила бы права парламента и обеспечила осуществление этих ограничений как политическими, так и юридическими средствами».

Для Вестминстерского дворца это означает ломку незыблемых устоев.

Ведь, как любят подчеркивать под его сводами, суверенитет парламента превышает власть закона. Палата общин юридически может принять любое решение: казнить человека без суда или объявить мужчину женщиной.

Замысел лорда Хэйлшема состоит в том, чтобы британский парламента стал, подобно конгрессу США, подконтролен верховному суду.

Судебные органы стали бы тогда не только толкователями актов парламента, но и обрели бы право объявлять их не соответствующими конституции, то есть лишенными силы.

Налицо стремление использовать судебную систему как дополнительный тормоз социальных перемен. Это ставка на элиту в париках и мантиях, не подотчетную избирателям. (Ведь 20 процентов английских судей происходят из семей титулованной аристократии, почти 90 процентов учились в закрытых частных школах, 80 процентов составляют выпускники Оксфорда или Кембриджа.)

«Британский парламента действительно давно пора реформировать. Но дело вовсе не в том, что у него чересчур много прав, а в том, что права эти используются не в интересах трудового народа,— писала «Морнинг стар».— За идеями лорда Хэйлшема, которые разделяются многими в правых кругах,— продолжала газета,— кроется страх, что левые силы могут оказаться в парламенте в большинстве и повести наступление на богатство, власть и привилегии капиталистов».

Почти одновременно огонь по двухпартийной системе повел бывший премьер-министр Макмиллан. Тот самый лидер британских тори, который в свое время адресовал своим соотечественникам крылатую фразу: «Вам никогда еще не жилось так хорошо», нарушил многолетнее молчание, возвестив, что дела в стране никогда еще не шли так плохо.

По словам Макмиллана, экономическое положение Великобритании столь серьезно, что ни одна из политических партий — ни консерваторы, ни лейбористы,—

не способна сегодня эффективно управлять государством в одиночку.

Макмиллан призвал к созданию так называемого «правительства национального единства», которое состояло бы из представителей различных политических партий, исключая, как он уточнил, «экстремистов», и опиралось бы на поддержку «умеренных» профсоюзных руководителей.

Макмиллан не делал секрета из того, что главным преимуществом такого правительства была бы, на его взгляд, способность пойти на самые крутые, в том числе на самые непопулярные, меры, к которым не решилось бы прибегнуть правительство однопартийное.

Если правление консерваторов, по словам Макмиллана, обычно ведет к опасной конфронтации с профсоюзами, то правление лейбористов — к обострению отношений между правительством и рядовыми членами партии, способствует растущему влиянию ее левого крыла.

Став правящей партией, то есть завоевав большинство в палате общин, консерваторы тут же забыли о своих проектах. Однако сопоставляя реформаторские почину Хэйлшема и Макмиллана, нельзя не видеть, что они имеют общий повод и общую направленность: страх перед нарастанием левых тенденций в британской политической жизни, лихорадочные поиски средств, которые задержали бы этот процесс.

Но можно ли предотвратить рост боевитости профсоюзов, порожденный объективными историческими причинами? Прошли времена, когда, владея империей, можно было ублажать подачками верхушку рабочего класса. Истошилась почва для классового соглашательства. А организованные труженики, познавшие силу собственного единства, вовсе не хотят умерять свои требования лишь потому, что мощна у их нанимателей изрядно опустела.

Отсюда поспешные призывы ограничить права парламента, пока он не оказался в руках левых сил. Отсюда призывы создать под вывеской правительства национального единства правоцентристскую коалицию, способную изолировать и расколоть левое кры-

ло лейбористской партии, взнудать непокорные профсоюзы.

Современная история уже множество раз свидетельствовала, что эксплуататоры без колебаний обрушиваются на лицемерно превозносимые ими принципы и атрибуты буржуазной демократии, как только возникает возможность использования их в интересах других классов. И коль уж британские консерваторы начинают выступать в роли реформаторов, можно не сомневаться, что они радеют отнюдь не о развитии демократических начал, а о сохранении своего классового господства.

Дом на Пэрс-сёркус

Типичные для старого Лондона слегка изогнутые дугой фасады четырехэтажных кирпичных домов с белыми наличниками образуют маленькую круглую площадь со сквером посередине. Два расходящихся под углом переулка отделяют от остальных домов как раз тот, на котором привлекает внимание темно-голубой круг мемориальной доски, какими в Лондоне принято отмечать исторические памятники.

Лаконичная надпись гласит: «Владимир Ильич Ульянов-Ленин (1870—1924), основатель СССР, жил в 1905 году на Пэрс-сёркус в доме 16, который стоял на этом месте».

...Они приехали сюда с Надеждой Константиновной в апрельский день, как и три года назад, когда впервые попали в Лондон. Но теперь они уже чувствовали себя в английской столице старожилами, особенно в этих знакомых им местах. Ведь буквально по соседству, в каких-нибудь двух минутах ходьбы, им довелось больше года прожить в том самом доме, адрес которого Владимир Ильич указал в заявлении на имя директора Британского музея:

Сэр! Обращаюсь к Вам с просьбой о выдаче мне билета на право входа в читальный зал Британского музея. Я прибыл из России для изучения аграрного вопроса. Прилагаю рекомендательное письмо м-ра

Митчелла. С глубоким уважением к Вам, сэр, Якоб Рихтер.

*30, Холфорд-сквер,
Пентонвилл; W. C.*

21 апреля 1902 года.

До библиотеки Британского музея отсюда было легко добираться на велосипеде, а еще ближе было до старого, похожего на помещичью усадьбу двухэтажного дома с фронтоном на Клэркенуэлл-грин, 37а.

Там, в тесной комнатке с косым чердачным потолком, где в ненастье было слышно, как барабанит по крыше дождь, Ленин редактировал с 22-го по 38-й номера «Искры», которые набирались и печатались тут же, в помещении английской социал-демократической газеты «Джастис».

И вот апрель 1905-го. После двух лет жизни в Женеве Ильич снова в Лондоне, куда съехались представители двадцати большевистских комитетов. Это делегаты III съезда РСДРП, созванного вопреки противодействию меньшевиков, чтобы обсудить вопросы организации и тактики, выдвинутые гигантским подъемом революционного движения в России. Многие сторонники Ленина, работавшие в русском подполье, впервые встретились с Владимиром Ильичем лишь на съезде.

Вот как рассказывает об этом делегат В. Н. Лосев: «В пивнушке, в отдельной комнатке, где собрались мы, у окна за столом сидел невысокого роста плотный человек с высоким, переходящим в лысину лбом. У него были живые и очень веселые глаза — даже как будто огонек какой-то хитрецы, как говорится, «себе на уме», играл в них, особенно когда он их прищуривал».

Проводить собрания в верхних этажах английских пабов, то есть пивных, до сих пор в традициях здешних профсоюзов и политических кружков. Такие помещения — их было легко то и дело менять — использовались и для заседаний III съезда РСДРП, работа которого продолжалась две недели.

«Не очень большая, длинная и узкая комната, — пишет в своих воспоминаниях В. Н. Лосев, — вполне

вмещала те 40—50 человек, которые вместе с гостями и членами с совещательными голосами составляли съезд. В одном конце комнаты, по узкой ее стороне, размещались за столом президиум и секретари-протоколисты, которые выбирались на каждое заседание для записывания докладов и прений. Остальное пространство, где стоял длинный узкий стол, было занято делегатами».

Возвращаясь по вечерам на Пэрсис-сёркус, 16, Владимир Ильич допоздна засиживался за работой. Он был председателем съезда и тщательно готовил каждое из двадцати с лишним его заседаний.

С трибуны большевистского съезда Ленин убедительно доказал несостоятельность оппортунистических взглядов и действий меньшевиков. Его искусством оратора и полемиста здесь же, в Лондоне, восхищался Горький, когда два года спустя тоже в апрельские дни слушал Ленина на V съезде РСДРП.

«Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл. Очень трудно передать необычное впечатление, которое он вызывал.

Его рука, протянутая вперед и немного поднятая вверх, ладонь, которая как бы взвешивала каждое слово, отсеивая фразы противников, заменяя их вескими положениями, доказательствами права и долга рабочего класса идти своим путем, а не сзади и даже не рядом с либеральной буржуазией,— все это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а действительно по воле истории. Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре — точно произведение классического искусства: все есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были — их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке».

Решения III съезда прозвучали как присяга верности большевиков марксизму. И глубоко символично, что перед тем, как разъехаться из Лондона, все деле-

гаты во главе с Лениным отправились к могиле Маркса на Хайгейтском кладбище.

«У ворот кладбища,— вспоминает старейший участник съезда Миха Цхакая,— стоял директор в высоком цилиндре. Кладбище представляло собой огромный парк с узкими аллеями, с массой капитальных, дорогих монументов, вплоть до изваяния любимой собачки какого-то лорда или леди. Но могилу великого мыслителя XIX века, творца научного коммунизма и основателя I Интернационала нельзя было найти без помощи работавших на кладбище каменщиков, которые, убедившись, что мы из России, тотчас же догадались, что мы непременно ищем могилу Карла Маркса, и показали ее. Мы долго стояли вокруг могилы, потом сели, не спеша уходить. Ильич иронически напомнил о директоре, который, вероятно, волнуется, что мы так долго здесь, у какой-то могилы незнакомого ему человека.

— Несчастный буржуа не догадывается, что все нетленное, все бессмертное Маркса и Энгельса мы несем с собой и воплощаем даже в отсталой царской России, к ужасу буржуев всех стран».

Прошло несколько десятилетий, и пророческие слова о способности научного коммунизма преобразить отсталую царскую Россию доказали свою правоту. Основанная Лениным Страна Советов оказалась единственной силой, способной преградить дорогу распolzшейся по Европе коричневой чуме.

22 апреля 1942 года, в день рождения Владимира Ильича Ленина, несколько тысяч лондонцев собрались на Холфорд-сквер перед разрушенным фашистской бомбой домом, где когда-то жил Ленин. По инициативе местного населения здесь был торжественно открыт памятник основателю СССР — бронзовый бюст на постаменте из гранита.

Друзьям Советского Союза — особенно в годы «холодной войны» — не раз доводилось вставать на защиту ленинских мест в Лондоне. Многие удалось отстоять, но кое-что все же не сохранилось. В 50-х годах при реконструкции Холфорд-сквера на месте памятника и поврежденных бомбами домов был построен восьмиэтажный многоквартирный корпус. Бюст

Ленина перенесли в здание муниципалитета округа Излингтон.

В конце 60-х годов дом на Пэрс-сёркус был за одну ночь снесен коммерческой фирмой, которая приобрела весь прилегающий участок, чтобы возвести на нем крупный отель.

Лишь в результате энергичной кампании протеста, которую развернули общественные организации, профсоюзы, прогрессивные историки и архитекторы, местные власти добились, чтобы часть здания, выходящая на площадь, была полностью восстановлена в прежнем виде и на его фасаде была вновь открыта мемориальная доска.

С Лондоном связаны многие знаменательные страницы в истории ленинской партии. И люди никогда не забудут о них. Ибо главным памятником ленинскому гению служит сам Октябрь, рожденная им Страна Советов.

«Руки прочь от России!»

Роту построили на плацу, объявив, что с солдатами будет говорить майор из генштаба. О чем пойдет речь, все уже знали. С тех пор, как месяц назад — 11 ноября 1918 года — на европейских фронтах вступило в силу перемирие, в казармах было только и разговоров, что о демобилизации: попасть бы в приказ до рождества, чтобы встретить новый, 1919 год дома с родными. Но для британской армии война, оказывается, не кончилась: в частях набирали людей для отправки в Архангельск.

Усатый майор, сверкая пуговицами и нашивками безукоризненного мундира, изрекал:

— Большевики предали Антанту, заключили мир с немцами. Мы обязаны помочь нашим верным союзникам, у которых красные силой отобрали власть, спасти Россию от анархии и террора... — Майор сделал многозначительную паузу и добавил доверительно: — Вы сейчас получаете пятнадцать шиллингов в неделю. Тому, кто вступит в ряды экспедиционного корпуса добровольно, будут платить двадцать

пять шиллингов в день. Повторяю: двадцать пять, и не в неделю, а в день. Итак,— майор снова перешел на патетический тон,— кто готов выполнить наш великий исторический долг в России,— два шага вперед!

Рота не шелохнулась. Эндрю смотрел из второй шеренги на побагровевшее лицо майора и ликовал. Двадцатилетний капрал, призванный в армию полтора года назад со студенческой скамьи, накануне произнес в казарме первую в своей жизни политическую речь. И, судя по поведению роты, выиграл заочный диспут с вербовщиком из генштаба.

Эндрю изучал в Оксфорде историю, был членом Британской социалистической партии и хорошо понимал подлинные цели интервенции.

До погрузки на борт транспорта дело так и не дошло. В середине января 1919 года во все воинские части, расположенные на территории Англии, неожиданно поступил приказ о массовой демобилизации.

Если Эндрю узнал об Октябрьской революции будучи солдатом, то Робина весть о ней застала в тюрьме. Как и другие противники империалистической бойни, приверженцы Базельской резолюции II Интернационала, он был арестован и осужден за «антивоенную пропаганду».

После ноябрьского перемирия Робина выпустили на поруки, и он вновь почувствовал себя в водовороте событий, вернувшись в «Лейбор рисерч» (отдел изучения трудовых отношений). Созданный группой энтузиастов во главе с Бернардом Шоу, «Лейбор рисерч» занимался не только и не столько научными исследованиями, сколько оказанием практической помощи британскому профсоюзному движению.

В январские дни 1919 года, кроме цеховых старост, туда за советом и помощью стали часто навещать солдаты. Робин был поражен размахом волнений в войсках: 50 солдатских бунтов за один лишь месяц! Фронтовики требовали немедленной демобилизации, прекращения военных действий против Советской России.

Ведь если высадка десанта в Мурманске весной 1918 года мотивировалась «защитой севера от угрозы

германского вторжения», то чем можно было оправдать насильственный и вероломный захват Архангельска в августе? Или появление интервентов в Баку и Владивостоке?

Военная цензура, которую словно забыли отменить, не пропускала в газеты вести о солдатских волнениях, скрывала их даже от членов парламента. Но однажды, как раз во время заседания кабинета министров, встревоженный секретарь доложил: свыше 200 солдат без офицеров собрались на Даунинг-стрит и митингуют прямо под окнами главы правительства.

Как все это было угрожающе не похоже на добрую старую Англию! Правительство было напугано не только волнениями в воинских частях (отсюда — внезапный приказ о демобилизации на территории метрополии), но и тем, что они совпали с грозным подъемом рабочего движения.

Надвигалась стачка шахтеров и железнодорожников. Вышли на улицы судостроители Глазго, их вожак Уильям Галлахер был арестован при столкновении демонстрантов с полицией.

В те бурные дни комитет цеховых старост Лондона положил начало политической кампании, которая с поразительной быстротой распространилась по стране: 18 января 1919 года в английской столице был образован комитет «Руки прочь от России!». Его первая листовка, которую Робин прочел в Лондоне, а Эндрю — в Оксфорде, называлась «Британскому рабочему — от британского рабочего».

«Сейчас много говорят о России. Газеты кричат о большевистской анархии, о красном терроре. Но вдумайся, друг: Россия — первая страна в мире, где рабочие стали сами решать свои дела. Британский народ не хочет воевать с Россией. Только богачи, капиталисты жаждут уничтожить свободу в этой стране, боясь, как бы мы не захотели, как и русские рабочие, стать хозяевами собственной судьбы. Друг! Если мы позволим нашим правителям-богачам посылать войска в Россию, наши сыновья и братья будут гибнуть за то, чтобы русские рабочие лишились свободы, а богачи богатели. Помни — британские капиталисты ненавидят Россию потому, что они ненавидят

свободу; а свободу капиталисты ненавидят потому, что она мешает им богатеть!»

Вернувшись в Оксфорд после демобилизации, Эндрю быстро сблизился с группой прогрессивно настроенных студентов, вместе с ними установил связи с активистами местных профсоюзов: железнодорожниками, транспортниками, почтовиками.

Инициатива цеховых старост Лондона нашла у них горячий отклик, и в университетском городе вскоре был создан местный комитет «Руки прочь от России!», одним из активистов которого стал Эндрю.

Как раз в ту пору Робин по поручению «Лейборрисерч» помогал наладить после четырехлетнего перерыва, вызванного войной, ежедневный выход газеты «Дейли геральд».

Возрожденная газета с этого времени стала не только профсоюзной трибуной, но и рупором левого движения.

В то время как ротационные машины Флит-стрит обрушивали на читателя мутные водопады лжи о Стране Советов, «Дейли геральд» изо дня в день печатала радиотелеграфные сводки Красной Армии. Помещая репортажи о митингах против интервенции, публикуя их резолюции, снабжая участников кампании «Руки прочь от России!» агитационными материалами, «Дейли геральд» во многом способствовала тому, что движение это обрело общенациональный характер.

Из-за бойкота оптовиков рабочим пришлось взять распространение газеты в свои руки. Причем популярность ее была так велика, что, когда один прораб пригрозил каменщику увольнением за то, что он продавал «Дейли геральд» в рабочее время, все строители Лондона разом бросили работу.

Как Робин, так и Эндрю до сих пор хранят листовку, которую вручали каждому входящему в гигантскую, многоярусную чашу «Альберт-холла» 8 февраля 1919 года.

На ней напечатаны слова «Интернационала» и текст резолюции, встреченный громовыми рукоплесканиями зала: «Митинг осуждает интервенцию в России, видя в ней нарушение права народов на само-

определение — как политическое, так и экономическое — и продолжение войны в интересах финансового капитала, задавшегося целью сокрушить Российскую социалистическую республику. Митинг призывает рабочий класс Великобритании подкрепить требование «Руки прочь от России!» всем своим политическим и экономическим влиянием».

Призыв этот нашел отклик. Объединенная конференция Британского конгресса тред-юнионов и лейбористской партии в апреле 1919 года поддержала кампанию «Руки прочь от России!», а руководители трех наиболее боевых отраслевых профсоюзов (горняки, железнодорожники, транспортники) добились встречи с премьер-министром и пригрозили парализовать экономику, если эти требования не будут выполнены.

Под нажимом нарастающих протестов премьер-министру, а им был Ллойд Джордж, пришлось принять решение о выводе экспедиционного корпуса из Архангельска и Мурманска.

Однако Лондон по-прежнему поддерживал контрреволюцию на юге и западе России, британский флот не прекращал враждебных действий в Черном и Балтийском морях, оставалась в силе блокада.

«Западная цивилизация перед лицом большевистской угрозы — более зловещей, чем вторжение орд Чингисхана» — этот заголовок лондонской газеты «Дейли кроникл» дает представление о яростной антибольшевистской кампании в прессе и в парламенте, которой сопровождалась военная интервенция в Архангельске. И вот в левом еженедельнике «Геральд» появилась статья «Британия и Россия». Ее автор Дуглас Янг, уточнялось в примечании, был британским консулом в Архангельске до его военной оккупации.

«Британское правительство, — с отнюдь не свойственной дипломатическим чиновникам прямоотой писал Янг, — ведет грязную, двойную игру против Советского правительства России. Сначала оно дало торжественное заверение, которое было опубликовано в печати Архангельска от моего имени, что не имеет намерений каких-либо аннексий и не будет вмешиваться во внутренние дела России. Для меня, как и для

всякого, кто читал эти слова,— продолжал Янг,— это означало, что британское правительство не собирается предпринимать военных акций против Советского правительства. Однако вскоре же оно нанесло Советской власти удар в спину, настояв на высадке союзных войск в Архангельске.

Совершенно не сумев понять причин и значения революции в России, идеалы и цели Советского правительства,— говорилось далее в статье,— в Лондоне принялись скрывать все сообщения и высказывания, которые не совпадали с предвзятыми представлениями; более того, были превратно истолкованы и очернены действия Советского правительства».

Публичное осуждение правительственной политики государственным служащим, непосредственно причастным к событиям, о которых идет речь, случай беспрецедентный в истории британского МИДа. Дуглас Янг покинул Архангельск на первом же судне, вышедшем оттуда после оккупации города, и был первым британским официальным лицом, прибывшим в Лондон из Советской России после начала военной интервенции против нее.

Как честный идеалист, он был убежден, что вероломная акция на севере России представляет собой трагическую ошибку, и считал долгом проинформировать правительство об истинном положении вещей. Однако министр иностранных дел лорд Керзон уклонился от встречи с ним. Глава департамента даже отказался принять его письменный доклад.

На свою беду, Дуглас Янг не знал в ту пору о меморандуме Бальфура, который был принят военным кабинетом как генеральный план антисоветской интервенции и помощи всем контрреволюционным силам в России.

Секретный меморандум, разосланный британским посольствам, гласил: «Союзные правительства твердо решили сделать все, чтобы свергнуть Советское правительство в России в возможно кратчайший срок». Руководство борьбой против Советов предлагалось сосредоточить в Лондоне. Для этого был создан «Русский комитет», во главе которого встал военный

министр Черчилль, неизменно призывавший «задушить коммунизм в колыбели».

Британский империализм искал лишь удобного момента, чтобы нанести по Стране Советов новый удар, предпочтительно чужими руками. Такой повод представился летом 1920 года, когда правящие круги Лондона и Парижа вознамерились примкнуть к новому антисоветскому походу на стороне белополяков.

На сей раз застрельщиками новой, еще более мощной волны протестов стали рабочие лондонских доков и верфей, где тогда трудился молодой котельщик Гарри Поллит. Портовики блокировали транспорт «Джолли Джордж», обнаружив среди его грузов военные материалы, предназначенные для белополяков. Действия докеров получили широкую поддержку.

«Тот факт, что британское правительство отказывает ирландскому народу в избранной им форме правления и помогает Польше в ее вероломном нападении на Советскую Россию, является предательством принципов свободы и демократии», — заявила федерация шахтеров.

Август 1920 года стал наивысшей точкой кампании «Руки прочь от России!». В тридцати с лишним промышленных городах появились «советы действия» — нечто совсем новое в британской общественной жизни. Робин занимался тогда пропагандистской работой в национальном совете действия, который возглавлял из Лондона подготовку к всеобщей стачке против антисоветской интервенции.

И вновь, как и в январе 1919-го, британские правящие круги вынуждены были пойти на попятный и отказаться от соучастия в походе белополяков. В. И. Ленин резюмировал это кратко: «Англия струсила всеобщей стачки...»

Как раз накануне бурных событий августа 1920 года в жизни Робина и Эндрю произошло событие, которое навсегда связало их судьбы, как и судьбы многих других активистов движения «Руки прочь от России!». Оба они стали делегатами учредительного съезда Коммунистической партии Великобритании,

и оба они имели основание подписаться под словами члена исполкома КПВ Джона Кэмпбелла: «Если британское империалистическое правительство было самым лютым врагом Советской страны на международной арене, то рабочий класс, прогрессивные силы Англии принадлежат к числу самых стойких ее защитников».

Не приходится удивляться, что Октябрь вызвал наибольшую ненависть и страх у тех, кто боялся потерять империю. Естественно и то, что именно в стране с давними традициями интернационализма в профсоюзном движении пролетарская солидарность с родиной Октября проявилась наиболее внушительно.

Когда оглядываешься на годы, прошедшие со времени британской интервенции в Архангельске, когда видишь, как схожи кликушества о «скором крахе Советов» или «советской угрозе» с современными измышлениями в прессе и эфире, думаешь о том, что слепая ненависть к Стране Советов и впрямь порождена страхом. С точки зрения мировой реакции победоносный Октябрь действительно являл собой угрозу для господства угнетателей и поработителей. Государство рабочих и крестьян, которое покончило с эксплуатацией, избавилось от безработицы, гарантировало права человека,— это государство, рожденное Октябрем, выступило на международной арене как противник насилия и произвола, агрессивных войн и колониальных захватов.

— Ослепление злобой рождает спасную близорукость,— говорит Эндрю.— В отношении британских правящих кругов к процессу революционного обновления мира есть общая, неизменная черта: упрямое нежелание слышать правду о происходящем, склонность верить лишь тому, во что хотелось бы верить. Именно эта политическая близорукость привела в свое время к краху архангельской авантюры. Именно подобная же близорукость подчас мешает ныне Британии полнее приобщиться к магистральным тенденциям современной международной жизни.

Как горный обвал меняет русла рек, так и Октябрь дал новое стремительное течение потокам, ко-

торые преобразили лицо земли, изменили карту мира. Да и само по себе движение «Руки прочь от России!» оставило глубокий след в общественно-политическом развитии Великобритании, способствовал консолидации демократических сил, рождению коммунистической партии.

Мы постарались взглянуть на события января 1919-го — августа 1920-го глазами очевидцев, точнее, участников. Робин Пейдж Арнот — ветеран профсоюзного движения, автор серии монографий по истории британских тред-юнионов, а также книги «Влияние русской революции на Англию». Эндрю Ротштейн — президент Общества англо-советской дружбы, автор многих трудов о Стране Советов. В жизненном пути этих людей воплотилась частица интернационалистского подвига целого поколения.

Наш народ помнит о том, что в первые, самые трудные годы существования Советского государства английский пролетариат выступил против империалистического вмешательства в дела нашей страны, провозгласив лозунг «Руки прочь от России!»

Девять дней мая

Между Букингемским дворцом и Трафальгарской площадью, где по розоватому асфальту гарцуют конногвардейцы в сверкающих кирасах, здесь, в самом центре державного Лондона, меньше всего ожидаешь увидеть афишу, возле которой по вечерам толпится молодежь: «Девять дней и ворота Солтли. Пьеса о всеобщей стачке 1926 года и шахтерских сражениях наших дней».

Реплики актеров звучат и с подмостков и из зала. Так что по замыслу спектакля зрители становятся не только свидетелями, но и участниками исторического события: собрания профсоюзных руководителей 1 мая 1926 года, решившего вопрос о первой в истории Британии всеобщей забастовке.

— От имени миллиона горняков я призываю вас, братья, сообща отбить наступление на британский

рабочий класс. Сегодня главный удар капитал наносит нам. Шахтовладельцы поставили цель: урезать зарплату, удлинить рабочий день, лишить нас права собща отстаивать свои интересы. Если сегодня они одолеют нас, завтра наступит черед железнодорожников, докеров, металлургов, строителей. Вспомним, что проповедует Болдуин: «Все рабочие Британии должны пойти на снижение своей зарплаты, чтобы помочь индустрии стать на ноги». Сколько раз пролетариат уже слышал такие увещевания. А сколько раз еще их услышит...

Аудитория буквально взрывается аплодисментами. Злободневность — вот зажигательная сила спектакля, который после огромного успеха в шахтерских клубах Южного Уэльса, Шотландии и Йоркшира был показан в Лондоне.

Рассказ о всеобщей стачке 1926-го обрамлен сценами о победоносных горняцких забастовках 70-х—80-х годов. Какой простор для сопоставлений и выводов дает такая переключка эпох!

Как неузнаваемо изменился мир, и все же как много сходного сохранила в своем арсенале каждая из сторон! У капиталистов — это лицемерная маска ревнителей демократических свобод, проповедь классового соглашательства, оголтелый антисоветизм. У рабочих — это вера в свое испытанное оружие, в силу собственного единства, братской солидарности пролетариата.

В 1926 году именно правящие классы Британии стремились обострить обстановку до фронтального столкновения.

Правое крыло консервативного правительства — Болдуин, Черчилль планировали безжалостный упрещающий удар, чтобы подрезать крылья рабочему движению и не допустить «большевизации тред-юнионов».

Первым объектом для атаки были избраны шахтеры, во-первых, как наиболее многочисленный отряд рабочего класса, насчитывавший в ту пору один миллион человек, и, во-вторых, потому, что шахтовладельцы не очень-то опасались прекращения добычи: повсюду высились горы непроданного угля.

Федерации горняков были предъявлены требования: согласиться на увеличение рабочего дня с 7 до 8 часов не только без увеличения, но даже при снижении зарплаты.

Шахтеры обратились за поддержкой к генсовету Британского конгресса тред-юнионов. Они подчеркивали, что налицо начало общего наступления на рабочий класс.

Мысль о совместном выступлении в поддержку горняков уже обсуждалась рабочими, когда редакторы газеты «Дейли мейл» подготовили для ее первомайского номера передовую статью «За короля и отечество». Это был истерический призыв к крестовому походу против профсоюзов, чтобы раз и навсегда покончить с «гидрой анархии».

Когда текст статьи поступил в типографию, печатники наотрез отказались его набирать и заявили, что если статья не будет изъята из номера, они остановят газету.

Правительство тори тут же классифицировало инцидент с «Дейли мейл» как «нарушение свободы слова, то есть выпад против конституции».

Премьер-министр Болдуин заявил, что прерывает какие-либо переговоры с генсоветом Британского конгресса тред-юнионов до тех пор, пока БКТ не откажется полностью и безоговорочно от самой идеи забастовки солидарности в поддержку горняков.

Шахтовладельцы же получили от правительства благословение объявлять уволенным любой шахтерский коллектив, который откажется капитулировать на условиях администрации. Локаут, охвативший все угольные бассейны страны, вступил в действие 30 апреля.

Обо всем этом знал наавтра весь трудовой Лондон, вышедший солнечным субботним утром на самую многочисленную в истории британской столицы первомайскую демонстрацию. Около ста тысяч человек шагали по лондонским улицам с профсоюзными знаменами. Ведь никогда еще праздник пролетарской солидарности не был столь созвучен самым актуальным событиям дня.

Маршрут одной из первомайских колонн проходил мимо Мемориал-холла, где в те дни соборно заседали исполкомы отраслевых профсоюзов, входящих в БКТ. Остановившись перед зданием, демонстранты услышали, что участники собрания хором поют песню «Красное знамя».

Там, в зале, только что закончилось голосование, выразившее волю организованного рабочего класса страны: именован 3650 тысяч человек (при 50 тысячах против и 350 тысячах воздержавшихся) было принято решение с понедельника 3 мая 1926 года объявить всеобщую забастовку.

Весть об этом мгновенно облетела ряды демонстрантов и вызвала бурю ликования на митинге в Гайд-парке, которым по традиции завершился первомайский праздник.

Утро 4 мая 1926 года было, наверное, самым тихим в Британии со времен промышленной революции. Странное безмолвие нарушилось лишь щебетанием птиц в палисадниках. Обычно переполненные по утрам пригородные поезда пустовали на запасных путях. Автобусы замерли в своих парках. На портовых причалах суетились одни лишь чайки.

Строго говоря, стачка не была всеобщей. По плану генсовета прекратили работу железнодорожники, работники автомобильного транспорта, докеры, металлурги, строители и печатники. Машиностроители и судостроители должны были как «вторая волна» присоединиться к ним позже. Но и этого было достаточно, чтобы парализовать жизнь страны.

Родившиеся в первые же дни стачки Советы действия проявили поистине чудеса организованности и четкости, инициативы и выдержки. Они вели круглосуточное пикетирование вокзалов, автобусных парков, портовых причалов и складов. Они выдавали для санитарных, пожарных машин и других аварийных служб пропуска на право проезда «с разрешения профсоюзов». С помощью жен бастующих они создавали передвижные кухни, которые бесплатно снабжали пикетчиков горячей пищей. Они формировали отряды рабочей самообороны, чтобы давать отпор бандам черносотенцев.

И все же ход всеобщей забастовки показал, что правительство готовилось к такому фронтальному столкновению куда серьезнее, чем лидеры генсовета. Еще в конце 1925 года был втайне создан специальный разветвленный аппарат управления страной в чрезвычайных обстоятельствах.

Британия была поделена на десять округов во главе с гражданскими комиссарами. Для них были оборудованы командные пункты с узлами полевой связи. Одновременно велась вербовка отставных офицеров, чиновников, лавочников и других представителей мелкой буржуазии в «организацию по поддержке снабжения», на случай, если транспорт окажется парализован.

Тогда же, в октябре 1925 года, полиция совершила налет на Кинг-стрит, 16, четырехэтажный серый дом, который и поныне служит штаб-квартирой Коммунистической партии Великобритании. Почти все члены Политбюро были арестованы, подвергнуты суду и приговорены к тюремному заключению по закону 1797 года «О подстрекательстве к мятежу».

Вроде бы неслыханное дело для страны, кичащейся Великой хартией вольностей, свободой выражения любых политических взглядов! Но беззастенчивая попытка дезорганизовать деятельность молодой пролетарской партии явно была составной частью мер против будущей всеобщей стачки.

Хотя правящие классы и стращали обывателя, будто взбунтовавшаяся чернь зальет страну кровью, склонность к насилию проявили отнюдь не участники забастовки. Советы действия самоотверженно брали на себя ответственность за поддержание дисциплины и общественного порядка, всячески старались не поддаваться на враждебные провокации. К насильственным методам подавления прибегла именно капиталистическая государственная машина.

Всеобщая забастовка была объявлена незаконной. Правительство ввело чрезвычайное положение и направило на помощь полиции воинские части. Начались репрессии.

Три тысячи рабочих, в том числе 1200 коммунистов, были арестованы и брошены в тюрьмы. Несмотря

ря на парламентскую неприкосновенность, оказался за решеткой и депутат-коммунист Саклатвала — индеец, избранный в палату общин от одного из пролетарских районов Лондона.

Передо мной листок стачечного бюллетеня, заменившего в те дни всю рабочую печать. Его размножали на ротаторе (каждую ночь меняя адрес), развозили на мотоциклах в другие города, где дополняли и снова размножали. Так что общий тираж листка, который пикетчики жадно прочитывали и передавали из рук в руки каждое утро, достигал двухсот тысяч экземпляров!

Компартия несла жертвы, но именно в бурные месяцы 1926 года ряды ее выросли в полтора раза: с 8 до 12 тысяч человек.

В великом классовом сражении закалялась и мужала вся пятимиллионная армия участников стачки. Никакие репрессии не могли сломить ее боевого духа, ни одного штрейкбрехера не нашлось в ее рядах. Именно пролетариат проявил в майские дни лучшие черты британского народа: стойкость, хладнокровие, готовность к самопожертвованию во имя долга.

Броневики, которые появились на улицах, чтобы конвоировать доставку грузов, кавалерийские эскадроны, теснившие пикетчиков крупами коней, угрозы властей, что к участникам незаконной стачки будут применяться не только арест, но и конфискация имущества,— все это вызвало страх и смятение не у простых рабочих, а у лидеров БКТ.

После закулисной возни за спиной федерации горняков и без ее согласия генсовет 12 мая объявил об отмене всеобщей стачки. Решение это было столь неожиданным и неоправданным, что трудящиеся просто не хотели ему верить.

В последний день стачки в стране бастовало больше людей, чем в ее начале.

Федерация горняков мужественно отказалась капитулировать на неприемлемых для нее условиях и в течение долгих шести месяцев в одиночку продолжала тяжелый и неравный бой. Вся трудовая Британия стремилась оказать борющимся горнякам посильную

помощь. Это было нелегко. Ведь без средств к существованию остался миллион шахтеров, а с семьями — пять миллионов человек, десятая часть населения страны.

«Шесть пенсов, уплаченных за эту брошюру, полностью поступят в фонд помощи женам и детям горняков» — гласит надпись на обложке. Пожелтевшие страницы повествуют о великом интернациональном подвиге того времени: о том, как труженики молодой Страны Советов, которая еще не успела залечить раны гражданской войны, оправиться от голода и разрухи, без колебания протянули руку помощи своим братьям по классу.

С каким волнением и благодарностью относишься к этим строчкам, которые на чужом языке и в чужой стране сохранили память о том, что «призыв ВЦСПС внести в фонд помощи английским шахтерам четверть дневного заработка повсеместно получил отклик в первые же дни; что коллектив дома отдыха в Алушке собрал 37 р. 25 к.; редакция газеты «Известия» — 503 р. 87 к.; начальная школа в Пензе — 24 р. 35 к.; а энский стрелковый батальон Красной Армии решил коллективно бросить курить, чтобы переводить деньги за табачное довольствие бастующим английским горнякам».

— Мы продавали такие брошюры в дни стачки, когда я — сын, внук и правнук шахтера, пятнадцатилетним парнем разъезжал по стране с агитбригадой, которая давала концерты и собирала пожертвования, — рассказывает ветеран рабочего движения Дэй Фрэнсис, до недавних пор возглавлявший союз горняков Южного Уэльса. — Родина Октября была тогда у всех на устах, — продолжает он. — Один миллион 250 тысяч фунтов стерлингов собрали в помощь нам советские люди. И мы сознавали, каких жертв это стоило: ведь нужда была знакома им в ту пору, пожалуй, еще больше, чем нам. А сколько злобной беспардонной клеветы о «золоте Кремля», о «красной угрозе» исторгали тогда антисоветчики, которые и сегодня все еще дуют в ту же самую дуду. Солидарность с трудящимися СССР — наше бесценное достояние, на которое мы никому не позволим посягать!

Солидарность — вот лейтмотив спектакля «Девять дней и ворота Солтли», объединяющего летопись стачки 1926 года с картинами современных классовых схваток. Заключительная сцена спектакля возвращает зрителей к нашим дням. Она воскрешает хронику горняцких стачек 70-х годов, когда 20 тысяч машиностроителей Бирмингема и Ковентри пришли на помощь шахтерским пикетам у ворот угольного склада Солтли и когда правящим классам пришлось уступить.

Не помог консерваторам взятый из арсенала 1926 года лозунг «Кто же в конце концов управляет страной: правительство или профсоюзы?».

Тем не менее буржуазная пропаганда не перестает твердить о том, будто возросшее влияние профсоюзов в политической жизни Британии стало-де «угрозой для парламентской демократии». Сплоченность организованных тружеников страны, солидарность международного пролетариата действительно стали в наши дни столь грозной силой, что эксплуататоры вынуждены считаться с ней и вместо фронтальных столкновений идти на всяческие закулисные маневры и раскольнические приемы.

Девять дней мая оставили глубокий след в сознании британского рабочего класса, помогли ему по достоинству оценить его друзей и недругов. Девять дней всеобщей забастовки, когда организованные труженики страны дружно выступили в поддержку шахтеров, и следовавшие за ними шесть долгих месяцев, когда горнякам пришлось вести тяжелый и неравный бой в одиночку, — все эти яркие страницы в истории британского рабочего движения по праву могут быть названы подвигом классовой солидарности — и в национальном и в международном смысле.

Колокола Ковентри

Осенние листья ложатся на каменные плиты, на основания разрушенных колонн, озаряют багрянцем темные, в подпалинах, стены, над которыми вместо стрельчатых сводов раскинулось ноябрьское небо. Са-

ма осень словно возлагает венок на многострадальные камни города Ковентри.

Возрождая город из пепла, люди преднамеренно сохранили эти руины средневекового собора, как предостерегающее напоминание о ноябрьском дне 1940 года. О трагическом для Ковентри дне, когда 449 гитлеровских бомбардировщиков «Юнкерс-88» волна за волной принялись методически уничтожать этот древний английский город.

Из 75 тысяч его домов 62 тысячи были разрушены. Три дня и три ночи над развалинами бушевало море огня. Гитлер похвалялся, что стер Ковентри с лица земли. Геббельсовская пропаганда даже пустила в ход термин «ковентризация» как безжалостное тотальное уничтожение целого города.

Будто пламенем и кровью окрашен яркий ковер, которым каштаны и клены устлали мемориальный парк, высветили длинные шеренги могильных плит с именами пожарников, бойцов гражданской обороны. Да, минувшая война была знаком здешним жителям не только по газетным сводкам!

Шпиль колокольни да остов обгоревших стен — вот все, что осталось с того ноябрьского дня от собора св. Михаила. «Построен в пятнадцатом веке, разрушен в двадцатом» — повествует подчеркнуто лаконичная надпись на его руинах. Сколько поколений путников, направлявшихся в Ковентри, отыскивали глазами этот средневековый шпиль, которому суждено было стать ориентиром для варваров двадцатого века — пилотов фашистского люфтваффе.

Жертвой «ковентризации» стало сердце Англии, и не только в сугубо географическом смысле слова. Уже в средние века Ковентри уступал по своему экономическому значению лишь трем городам в стране: Лондону, Йорку, Бристолу.

А с той поры, как Англия прослыла «мастерской мира», и потом, когда она утратила подобную роль, Ковентри неизменно остается одним из главных претендентов на то, чтобы считаться мастерской Англии.

Город искусных часовщиков получил в прошлом веке известность на мировых рынках как производи-

тель швейных машин, потом велосипедов. В 1896 году компания Даймлер выпустила тут первый английский автомобиль, а еще через несколько лет здесь же, в Ковентри, было положено начало производству прославленных английских мотоциклов.

Избрав мишенью этот старинный город, гитлеровцы направляли удар по средоточию квалифицированной рабочей силы страны.

Но даже бесчеловечная жестокость «ковентризации» оказалась бессильной парализовать производственный потенциал города моторов, который продолжал вносить немалый вклад в борьбу против нацизма во время второй мировой войны.

Город-мученик Ковентри мог в полной мере оценить подвиг города-героя Сталинграда. В полуразрушенных цехах, где не прекращался выпуск танковых и авиационных моторов, рабочие вели добровольный сбор средств на медикаменты для защитников волжской твердыни. По ночам в бомбоубежищах из рук в руки переходила скатерть, на которой рядом с гербом Ковентри женщины вышивали свои имена, чтобы в знак восхищения и солидарности послать этот подарок сталинградцам. Так в тяжелые военные годы сложилась и окрепла дружба двух породненных городов.

— Трагическая судьба Ковентри явилась, разумеется, важной, но не единственной причиной зарождения этих уз. Добрые отношения к Стране Советов были традиционными для города со столь высокой концентрацией промышленного пролетариата,— рассказывает Джордж Хочкинсон, бывший мэр Ковентри, с чьим именем связано восстановление города из руин и породнение его с Волгоградом.

В прошлом цеховой староста на автозаводах Даймлера, профсоюзный активист прогрессивных убеждений, Хочкинсон был в дни гитлеровских налетов заместителем председателя чрезвычайного военного комитета города и стал мэром в самое трудное для героического Ковентри время.

— Город машиностроителей,— продолжает Хочкинсон,— еще с довоенных лет знает, что добрые отношения с рабоче-крестьянской Россией не только

служат воплощением пролетарской солидарности, но и отвечают жизненным интересам трудящихся Британии. Как раз в годы великого кризиса машиностроительные заводы Ковентри получили ряд заказов для советских новостроек, благодаря чему сотни людей не оказались выброшенными за ворота. И когда сейчас мы слышим, как звучат призывы к разрыву взаимовыгодных торгово-экономических связей с СССР, трудовой Ковентри решительно отвергает их.

Продукция Ковентри издавна занимала заметное место в товарообороте Великобритании и СССР. В нескольких городах Советского Союза уже дают продукцию заводы искусственного волокна, комплектное оборудование для которых создано руками рабочих Ковентри. На автомобильных заводах в Тольятти, Горьком, Москве работают автоматические станки с программным управлением, выпущенные здесь же, в сердце Англии.

Таков Ковентри — город, возродивший себя из пепла войны; город, на многострадальные камни которого английская осень возлагает в ноябрьские дни багряный венок из кленовых и каштановых листьев. Набатно звучит в осеннем воздухе перезвон колоколов. Он разносится от руин средневекового собора до районов новостроек, где на одном из перекрестков алеют высеченные в камне слова:

«Эта площадь названа именем Волгограда, как символ дружбы между Волгоградом и Ковентри, которая родилась в годы военных испытаний и служит ныне делу международного взаимопонимания и мира».

Скалы острова Джерси

Среди обточенных прибоем гранитных скал тут и там виднеется темно-серый бетон фортификационных сооружений. Отчаянно бьются волны. Вторя вою ветра, надрывно кричат чайки. И в этих звуках слышится предсмертный стон украинского или белорусского паренька, пытавшегося вырваться из фашистской неволи.

Угнанный оккупантами из родного села, прошагав под плетью конвоиров пешком через всю Европу, прежде чем оказаться в темном трюме немецкого транспорта, он мог и не знать, что попал на остров. И когда колючая проволока концлагеря осталась позади, с надеждой ждал утренней зари, которая подсказала бы ему дорогу на восток, в сторону Родины.

Представляю, что чувствовал он, когда понял, что море со всех сторон преграждает путь беглецам; когда, увидев патруль с овчарками, бросился он со скалы в волны и поплыл от берега, пока автоматная очередь не оборвала его жизнь.

Трудно осознать, что все это происходило здесь, на английской земле. Ведь привычно считать, что англичане не извели гитлеровской оккупации, лагерей рабского труда, не испытали ночных облав гестапо. А между тем это не так. Еще в первые годы войны фашисты захватили Нормандские острова: Джерси, Гернси, Олдерни, Сарк.

«Острова в проливе», как называют их англичане, лежат в Ла-Манше, ближе к французскому побережью, но входят в состав Великобритании. Сапог фашистского вермахта впервые ступил здесь на английскую землю.

На улицах Сент-Хелиера, главного города Джерси, запестрели, как и всюду, флаги со свастикой, приказы военного коменданта, объявления о казнях: «Луи Берье обвинен в действиях, враждебных Германии, и расстрелян 2 августа 1941 года».

Но война все же бушевала где-то далеко. Местные жители, пожалуй, впервые воочию представили себе меру страданий, которые она принесла народам континента, впервые увидели подлинное лицо гитлеровского «нового порядка», лишь когда по дорогам Джерси потянулись колонны изможденных, оборванных, босых людей со сбитыми в кровь ногами. Это были советские военнопленные и молодежь, угнанная из оккупированных районов.

На острове Джерси есть музей, где выставлена фотокопия личного приказа Гитлера от 20 октября 1941 года о строительстве фортификационных соору-

жений на Нормандских островах. Фюрер намеревался превратить эти гранитные скалы в непотопляемую эскадру у входа в Ла-Манш со стороны Атлантики, между французским и английским побережьем. «Для указанного строительства,— говорится в приказе,— надлежит использовать иностранных рабочих — преимущественно русских, испанцев, а также французов».

На западном побережье Джерси есть постоянный двор «Золотая сабля». В этом старом двухэтажном здании когда-то помещалась комендатура концлагеря «Химмельман». Никаких других следов от него не осталось. Вокруг темнеет свежая пашня, мирно пасутся коровы на пустошах, желтеют поля нарциссов. А в годы войны здесь тянулись ряды бараков, где за колючей проволокой томились тысячи советских людей.

Они, как и заключенные из соседних лагерей — интернированные во Франции испанские республиканцы, поляки, французы,— возводили среди скал бетонные бункера для береговых батарей (лишь на Джерси гитлеровцы разместили 400 стволов дальнобойной тяжелой артиллерии), вырубали пещеры для подземных складов боеприпасов, долбили кирками гранит и толкали вагонетки на каменоломнях.

Горький комок сжимает горло, когда читаешь список узников, погибших при обвалах, умерших от истощения и эпидемий. Иван Сушин, Степан Бищенко, Николай Татаринев, Василий Павлишин — всем им было по 17—18 лет, когда каменистая земля Джерси стала для них братской могилой.

А вот еще одна строка в списке: Петро Бородай, родился 1 марта 1935 года, умер 29 марта 1943 года. Сколько же горя выпало этому украинскому мальчику за всего лишь восемь прожитых им на свете лет!

Но эти далекие острова на краю Европы дороги советским людям не только потому, что здесь страдали и гибли наши соотечественники. Именно этот уголок английской земли знает славные примеры боевого братства, которое связывало наши народы в борьбе против общего врага.

На Джерси, на острове площадью всего в 116 квадратных километров, с немецким гарнизоном числен-

ностью почти в половину местного населения, действовала подпольная антифашистская организация. Она помогала советским заключенным совершать побеги из концлагерей, укрывала их в семьях местных жителей, снабжала беглецов одеждой, добывала для них в коммандатуре бланки немецких пропусков. Душой подпольной группы были коммунисты.

— Я вступил в компартию в сорок втором году девятнадцатилетним парнем, когда здешняя ячейка возобновила активную деятельность как ядро движения Сопротивления,— рассказывает мне один из руководителей джерсийского подполья, Норман Ле Брок.— Ненависть к фашизму объединяла тогда в наших рядах разных людей. В числе их был известный на острове медик доктор Маккинстри. Художник Блампье так талантливо имитировал фашистские печати на пропусках, что мы в шутку советовали ему после войны вместо картин рисовать банкноты. Школьный учитель Ле Дрюленек смастерил радиоприемник, благодаря которому мы вопреки запрету оккупантов слушали сводки о победах Красной Армии.

Сестра учителя, владелица бакалейной лавки Луиза Гульд, слыла женщиной, далекой от политики. Но ее одной из первых на Джерси постигла личная утрата: погиб на войне старший сын, морской офицер. Ле Дрюленек рассказал сестре, что по соседству арестовали фермера — он три месяца укрывал на сеновале советского пленного, которому удалось спастись. Луиза без колебания сказала:

— Приводи русского ко мне. Что тут раздумывать. Любая русская мать поступила бы так же.

Федор Бурый (англичане звали его «Билл») прожил у Луизы Гульд два года. Быстро освоил разговорную речь. Но для большинства беглецов первые шаги в английском языке давались особенно трудно. К тому же вырвавшиеся из неволи люди не хотели сидеть без дела, просили поручений. Так что преодоление языкового барьера стало неотложной задачей для подпольной организации.

— Они обратились за помощью ко мне, хотя и знали, что до войны я не больно-то лестно отзыва-

лась о большевистской «совдепии», — улыбаясь, говорит мне по-русски Августа Меткаф.

Гимназистка из Архангельска, она в годы интервенции вышла замуж за английского морского офицера, была заброшена судьбой на Джерси и стала во время оккупации активной участницей антифашистского Сопротивления, а затем коммунисткой.

Дом Августы Меткаф стал как бы ускоренной школой английского языка. Было время, когда под ее крышей жило сразу семеро советских людей.

Были в их числе Михаил Крохин, Герман Козлов, которые, как и Федор Бурый, вскоре смогли включиться в работу организации. Они переводили на английский язык услышанные по радио сводки Совинформбюро, помогали готовить к печати тексты листовок (для советских узников им приходилось писать от руки — не было русского шрифта).

Распространять листовки за колючей проволокой среди заключенных помогали испанские республиканцы. Напуганные вспышкой эпидемии тифа, гитлеровцы сформировали из испанцев санитарные команды, которые регулярно посещали лагерь за лагерем. Этим и воспользовались подпольщики.

В начале 1944 года от джерсийцев, мобилизованных на разгрузку германских транспортов, подпольная организация узнала о немце, который, судя по всему, искал контактов с местными жителями. Он часто заговаривал с ними, угощал сигаретами, сочувствовал их невзгодам, вызванным оккупацией. А как-то сказал, что фашизм принес много горя не только другим народам, но и самой Германии. Вспомнил о собственном отце, социал-демократе, который был арестован гестапо и погиб в Дахау. Дал понять, что люди одинаковых взглядов должны помогать друг другу.

Все это весьма походило на провокацию. Но возможность установить связи с антифашистами в немецком гарнизоне была настолько заманчива, что, тщательно взвесив «за» и «против», подпольщики решили пойти на риск.

Знакомство с немцем было поручено Ле Броку. С очередной сменой мобилизованных ему пришлось

под чужой фамилией идти на охраняемую территорию порта — уже за одно это грозил расстрел! Пауль Мюльбах, как звали немца, тоже рисковал. Он сказал, что многое повидал и понял, будучи до ранения на восточном фронте; что хочет распространять среди солдат правду о войне и ищет людей, которые могли бы ему в этом помочь.

При второй встрече, состоявшейся неделю спустя, Мюльбах уточнил, что речь идет о практической помощи в печатании листовок на немецком языке. По его словам, моральный дух гарнизона после Сталинграда заметно упал, и каждое слово правды способно сделать многое.

Такое содействие было оказано, хотя с максимальными мерами предосторожности.

После высадки союзных войск во Франции и открытия второго фронта на Джерси стали прибывать остатки отрезанных в Бретани немецких гарнизонов. Особенно существенно пополнились ряды местного гестапо. Шел последний год войны. Было ясно, что дни гретьего рейха сочтены. Но именно в ту пору оккупационный режим на острове особенно ужесточился. Гестаповцы напали на след солдатского комитета, расстреляли несколько немецких антифашистов. Мюльбаху пришлось бежать — его укрыли английские подпольщики.

Тогда же, летом, гестаповцы нагрянули с обыском к Луизе Гульд. Нашли у нее тетрадь с упражнениями по английской грамматике. А под ступенями крыльца — радиоприемник. За содействие советским заключенным Луиза Гульд была заключена в немецкий концлагерь Равенсбрюк и погибла там в газовой камере.

Однажды, возвращаясь из школы, пятнадцатилетняя дочь Августы Меткаф — Стелла узнала, что ее мать арестована и весь дом перевернут вверх дном. К счастью, облава не застала никого из беглецов и не обнаружила каких-либо улик, хотя Михаил Кроун жил там постоянно.

— Где он теперь? — беспокоилась девушка.

Лишь впоследствии Стелла узнала, что Михаила укрыв в ту пору активный подпольщик, коммунист

Норман Перкинс — ее будущий муж, с которым она в годы оккупации даже не была знакома.

Крохин появился несколько недель спустя с куском красной материи за пазухой.

— Фашисты злобствуют, но им капут, — сказал он. — Надо напомнить им, что такое 1 Мая. У тебя есть золотая краска и кисть? Помнишь, мастерили с матерью елочные украшения?

По наброску Крохина Стелла нарисовала на кумаче пятиконечную звезду с серпом и молотом, по бокам обрамленную колосьями, а снизу — лучами восходящего солнца, и крупными русскими буквами вывела по полотнищу надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

С тех пор прошло несколько десятилетий. Стелла стала коммунисткой, секретарем парторганизации острова, сменив на этом посту Нормана Ле Брока. Но она всегда вспоминает майский день 1945 года как день своего боевого крещения.

Красный флаг, поднятый над оккупированным островом Джерси, когда в Европе еще не смолкли пушки, был олицетворением боевого товарищества. Олицетворением тех чувств, что связывали советских людей, вырвавшихся из неволи, английских патриотов, укрывавших их с риском для жизни, испанских республиканцев, немецких антифашистов, которые боролись рука об руку против общего врага.

Здесь, на английском острове Джерси, на далеком краю Европы, особенно остро чувствуешь, что в годы минувшей войны наши страны связывал не только союз правительств. Это был союз армий, союз народов, рождавший примеры подлинно боевого братства.

Часть четвертая

СТИХИЯ ГОНКИ

Репортажи из разных стран

Стихия гонки

— Ну как там, в Америке?

Нелегко отвечать на такой вопрос, побывав в Соединенных Штатах впервые в жизни, да к тому же всего несколько недель. Помнится, работая по многу лет в Китае, Японии, Англии, я скептически относился к собратьям по перу, которые навевались туда менее чем на месяц с намерением писать книги.

Познать страну настолько, чтобы быть в силах объяснить ее,— для этого, разумеется, нужны годы. Но можно ведь просто поделиться ощущениями новичка, впервые оказавшегося в Соединенных Штатах; рассказать о том, что успел увидеть, какие чувства породило увиденное, на какие раздумья натолкнуло.

Америка впечатляет. Вот, пожалуй, самое точное и емкое слово для односложного ответа.

Чем же именно? Как страна небоскребов? Ведь прежде всего их начинаешь искать, едва оказавшись в нью-йоркском аэропорту Кеннеди.

Или как страна автомашин, которых, на взгляд приезжего, тут куда больше, чем людей?

Или, наконец, как страна, где творения человеческих рук дерзко состязаются размахом с величавой природой?

Пожалуй, первое, что испытываешь здесь,— ощущение какой-то чрезмерности во всем окружающем, какого-то смещения привычных масштабов. Стоэтажные небоскребы и тысячеletние стволы секвой; бетонные полосы автодорог с восьмирядным движением и помидорные плантации, которые можно охватить взором только с вертолета; мосты и водопады; мусорные свалки и рекламные щиты — все тут словно охвачено какой-то общей гигантоманией.

Если бы существовала автомобильная «зоология», можно было бы сказать, что Нью-Йорк населен совершенно особой породой машин. Распластаный лимузин, который на другом континенте утверждал бы престиж какого-нибудь посла, здесь выкрашен в желтый цвет и представляет собой всего-навсего такси. Европейские «Фиаты», «Опели», «Пежо», японские

«Тойоты» на фоне здешнего автомобильного потока выглядят карликами.

Бесшумные лифты нью-йоркских небоскребов позволяют взглянуть на город с высоты птичьего полета; гигантский человеческий муравейник, рассеченный сходящимися лентами двух рек, теряет свои границы где-то за горизонтом. Его краски — это цвета замшелой сосновой коры и прокопченного кирпича. Окуренный дымами, он кажется чревом топки, в которой переплавляются восемь миллионов людских судеб.

Особенно запоминается панорама Нью-Йорка с воды. Паром позволяет увидеть город, каким он открывается с борта теплохода, пересекающего Атлантику.

Отсюда, где сливаются воедино Гудзон и Ист-Ривер, жадно вытянувшийся к океану язык Манхэттена выглядит как скребница из металлических иголок, положенная щетиной вверх. Каждая иголочка в щетине — небоскреб.

Если приглядишься, отчетливо различаешь в толпе небоскребов два поколения. Те, что постарше, напоминают серовато-бурые термитники. Небоскребы нового поколения, как и их современные обитатели, придиричиво следят за своим весом, будучи не только выше, но и стройнее своих предшественников. Они легко возносят свои сверкающие грани, словно исплинские кристаллы, или айсберги, с которых спилили края.

Силуэт Манхэттена неровными уступами выписывается на фоне неба как фотофиниш стремительной гонки. Рекорд высоты, который много лет принадлежал 102-этажному «Эмпайр стейт билдинг», побит двумя близнецами — зданиями Мирового торгового центра.

Конечно, у каждого человека рождаются свои образы и сравнения. Мне, например, Манхэттен почему-то напомнил тысячекратно увеличенное японское кладбище — клочок земли, где впритык друг к другу стоят каменные столбы различной высоты.

Манхэттен отнюдь не весь состоит из небоскребов. Однако старые, прошлого века дома-особняки с их палисадниками, с подъездами в несколько ступенек все чаще уступают место огромным многоквартирным

зданиям. Каждый из таких домов чем-то сходен с отелем.

Внизу — охрана. Без ответа жильца по внутреннему телефону на порог никого не пустят. В лифтах и коридорах стоят телекамеры, из комнаты охраны можно видеть, что там происходит.

Два-три подземных этажа оборудованы под автомобильные стоянки. Когда кто-то из жильцов подъезжает к воротам гаража, ему не нужно выходить и звонить, чтобы железная штора поднялась наверх. Ворота открываются по радио нажатием рычажка в крошечном передатчике, укрепленном в машине. А когда выезжаешь из гаража, на нужный рычажок нажимают колеса.

Мне довелось увидеть осенний Нью-Йорк в душные дни, когда липкая жара обволакивает с первого же шага, который ты делаешь из кондиционированных помещений, и потом испытываешь все время такое ощущение, будто плывешь под водой, спеша вынырнуть на поверхность и схватить глоток свежего воздуха.

Иногда налетающий с океана ветер разгоняет эту густую вязкую мглу. Он, этот ветер, стремительно проносится по каменным ущельям, швыряя в глаза прохожим содержимое опрокинутых мусорных урн. А мусор здесь, в Америке, свой, особенный. Это прежде всего бесчисленные упаковки и расфасовки. Их количество стремительно растет. Если пройти по городу утром, его улицы и тротуары обезображены огромным количеством мусорных корзин.

Погода здесь меняется резко. После влажной духоты — ветер с дождем, туман, когда силуэты небоскребов теряются где-то за облаками. Людям тут приходится обитать в наглухо замурованных жилищах. Окна закрыты, зашторены. Наружу торчат только коробки кондиционеров, потому что даже если бы не было жары, людей донимал бы бензиновый чад тысяч автомобилей. И даже если бы удалось усовершенствовать автомобили так, чтобы они не отравляли воздух, ньюйоркцы все равно не открывали бы окон из-за уличного шума, не стихающего круглые сутки.

Часто приходится слышать, что Нью-Йорк — это

не Америка, что он не дает представления о стране. Но вот побывал в других, столь непохожих на него городах, как Вашингтон и Сан-Франциско. Поколесил на рейсовых автобусах по американской глубинке. А вернувшись в Нью-Йорк, утвердился в мнении, что именно город небоскребов останется в памяти символом Соединенных Штатов — как предельно образное воплощение присущего этой стране духа прагматизма и конкуренции.

Египетские фараоны мечтали победить время и нашли выражение вечности, неизблемости в геометрических формах пирамид. Создатели готических соборов линиями стрельчатых арок призывали души праведников вознестись на небо.

В скупых, стремительных вертикалях нью-йоркских небоскребов тоже заключена некая жизненная философия. Прямолинейность, практичность, напористость, упрямое стремление вырваться вперед, возвыситься над соперниками — и жестокое пренебрежение к тем, кто отстал, кто оказался в тени, а кто и вообще обречен на вечный сумрак.

На Нижний Манхэттен, где небоскребы стоят особенно тесной толпой и каждый из них тянется вверх, чтобы увидеть город от реки до реки, я попал в солнечный воскресный день. И был поражен, даже подавлен, мрачностью, пустынностью этих каменных ущелий. Странно было видеть улицы без единого прохожего, без привычного автомобильного потока, даже без застывшего пунктира машин, которыми тут всюду заставлены бровки тротуаров. Только наглухо закрытые двери банков и страховых компаний, зашторенные стальными решетками витрины закусочных, кафе, табачных киосков.

Резкий ветер (тут всегда дуют какие-то пронзительные сквозняки) швырял в лицо обрывки газет и оберток, гонял по асфальту бумажные стаканчики, гремел пустыми жестянками. И это огромное количество мусора возле безлюдных величественных подъездов создавало ощущение, что жизнь замерла здесь уже много недель, если не месяцев назад — как в городе, погубленном радиоактивным облаком из фильма Крамера «На последнем берегу».

В Соединенных Штатах все больше дает о себе знать новый социальный недуг: неконтролируемому росту городов сопутствует неконтролируемый упадок центральных городских районов. Та же причина, что сделала зажатый реками Нью-Йорк городом небоскребов,— дороговизна земли, а значит, и жилья, плюс новые возможности, которые открыла в быту американца автомашина,— пробудила тягу к тому, чтобы работать в городе, а жить в предместьях.

Поначалу в приливах и отливах «дневного населения» видели прежде всего транспортные проблемы — они и поныне продолжают обостряться. По мере того, как растет число личных автомашин, приходит в упадок городской транспорт, которому все труднее сводить концы с концами.

Поставить на улице американского города машину куда труднее, чем у нас найти такси. Вдоль тротуаров установлены счетчики, разрешающие стоянку только на 30 минут. Причем бросить сразу несколько монет, чтобы оставить машину, скажем, на три часа, нельзя. Каждые 30 минут надо снова подходить к счетчику и бросать плату. Если время просрочено, появляется красный сигнал, и циркулирующий вокруг счетчиков полицейский выписывает штраф.

Приходится оставлять машину в подземных гаражах, которые оборудованы под большинством многоэтажных зданий. Здесь все организовано четко: въехал, бросил машину с ключом и незапертыми дверцами, получил на нее талончик, на котором автомат пробивает часы и минуты. Корешок этого талончика тут же пневматической почтой отправляется куда-то вниз. Потом, когда приходишь за машиной, предъявляешь талон, и служащий выкатывает машину наружу.

Каждая стоянка стоит несколько долларов. Если же учесть, что Нью-Йорк, вернее Манхэттен,— это остров и в течение дня приходится не раз ездить по мостам, за что тоже взимается плата, то содержание автомашин в Нью-Йорке обходится, может быть, лишь немногим меньше, чем поездки на такси.

Специалисты пришли к выводу, что решить вопрос о заторах в часы пик, об автостоянках в черте горо-

да можно, лишь выманив американца из собственной машины кардинальной реконструкцией общественного транспорта.

Предпринимаются попытки создать новые типы электропоездов, проложить специальные магистрали или предоставить преимущественное право движения для автобусов-экспрессов, удорожить городские автостоянки.

И вот тут-то всплывает и другая сторона проблемы. Муниципалитетам не под силу затраты на серьезную модернизацию общественного транспорта. Ведь с переселением наиболее состоятельных людей в предместья пришли в запустение многие жилые и торгово-увеселительные кварталы, сократились налоговые поступления.

Контраст центра и окраин сохранился, но полюсы поменялись местами. Безрадостные многоэтажные громады с закопченными стенами, с зияющими окнами, с гирляндами сохнувшего белья — эти метастазы Гарлема бросаются в глаза на некогда фешенебельных улицах Манхэттена.

«Чтобы жить в Нью-Йорке, надо быть или очень богатым, или уж очень бедным» — этот распространенный афоризм наглядно иллюстрируется статистикой. За шестидесятые и семидесятые годы более миллиона состоятельных ньюйоркцев перебрались в пригородные дома, а на смену им в городской черте осело примерно столько же негров и пуэрториканцев.

Перемены в составе населения еще разительнее в Вашингтоне, который стал на три четверти «цветным». После шести вечера столица США пустеет столь же стремительно, как нью-йоркский Центральный парк (и становится столь же небезопасной для прогулок в одиночку).

Так же обстоит дело в Чикаго, Питтсбурге. К перенапряжению транспортных артерий — своего рода гипертонии — добавилась еще одна болезнь: в сердце города отмирают участки живой ткани.

Диагноз тревожный. Какие же предлагаются методы лечения? Один из них такой: не предпринимать ничего, пока условия жизни в предместьях не ухудшатся настолько, что маятник двинется в обратном

направлении. (Эта тенденция уже обозначилась.) Знакомая идея! Консерваторы в токийском муниципалитете в свое время подобным же образом подходили к проблеме не поддающегося регулированию роста японской столицы. Они предлагали дождаться, пока жизнь в городе-гиганте станет невыносимой и сама по себе вызовет стихийный отлив жителей. Японцы сейчас мечтают: иметь бы такие автомагистрали, как в США! А с новыми приобретениями приходят, оказывается, и новые заботы.

Рост города за счет окраин при одновременном «вымирании» центральных районов (именуемый теперь специалистами по проблемам урбанизации как «эффект бублика») был еще много лет назад прозорливо предсказан американским писателем Стейнбеком.

«Когда город начинает раздаваться, расти вширь от окраин,— писал Стейнбек,— центр его, составлявший раньше его славу, бросают, если можно так выразиться, на произвол времени. И вот стены домов начинают темнеть, уже чувствуется здесь запустение; по мере того как арендная плата падает, в эти кварталы переселяются люди менее состоятельные, и на месте процветающих когда-то фирм заводится мелкая торговля. Центральные кварталы все еще слишком добротны, чтобы их обрекли на снос, но в то же время уж очень несовременны — они больше никого не привлекают. Кроме того, людская энергия уже устремилась к новым начинаниям, к строительству крупных торговых центров за городской чертой, к кинотеатрам на открытом воздухе, к новым жилым кварталам с широкими газонами и оштукатуренными зданиями школ, где наши детки утверждаются в своем невежестве. В районе старого порта, тесного, закопченного, с булыжной мостовой, воцаряется безлюдье, нарушаемое по ночам отребьями рода человеческого, смутными теньями, которые только и знают, что искать забвения с помощью сивухи. Почти в каждом знакомом мне городе есть такие затухающие очаги насилия и отчаяния, где ночь вбирает в себя яркость уличных фонарей и где полисмены появляются только попарно. Мне думается,— предсказывал

Стейнбек,— что, подобно маятнику, который неизбежно качнется в обратную сторону, эти непомерно раздувшиеся города в конце концов лопнут и, исторгнув детищ из своего чрева, снова разбросают их по лесам и полям. Подспорьем моему пророчеству да послужит уже приметная тяга богачей вон из города».

Наивный протест против засилья непомерно расплодившихся автомашин нашел воплощение в велосипедном буме, охватившем Соединенные Штаты. Велосипед стремительно завоевывает популярность. Причем не только у молодежи, но среди всех возрастных групп, и не только как здоровый вид досуга, но и как удобный вид транспорта, который даже становится преобладающим в университетских городках и многих жилых предместьях.

Перспективность новой тенденции оценена с присущей американцам деловой хваткой. Платные камеры хранения для велосипедов уже создаются возле железнодорожных станций, загородных универмагов и кинотеатров, оборудуются в поездах и автобусах. Выпущен разборный велосипед, который умещается в багажнике машины, даже в рюкзаке. Штаты Калифорния, Орегон, Вашингтон в законодательном порядке решили отчислять один процент налога на бензин для строительства тоннелей на перекрестках, а также барьеров, которые защищали бы велосипедистов от автомобильного потока. Туристские фирмы энергично ведут прокладку специальных велосипедных дорог в живописных местах.

Это, разумеется, не означает, что американец все откажется от автомашины и пересядет на велосипед. Но примечательно, что с восьмицилиндровыми моторами мощностью в двести — триста лошадиных сил кое в чем начнет конкурировать двигатель в одну человеческую силу...

И все-таки Соединенные Штаты — автомобильная страна, населенная племенем водителей. Мало сказать, что американец сжился с автомобилем. Стихия гонки стала для него привычной формой существования, образом жизни. Такие черты американского характера, как предприимчивость, деловитость, собранность, целеустремленность, обязательность, на мой

взгляд, в немалой степени порождены отношением к жизни как к гонке, где дать себе малейшую поблажку — значит отстать.

Мне довелось близко узнать другие народы, которые слывут трудолюбивыми: китайцев, японцев. Но даже на их фоне поражает какая-то неистовая одержимость, с которой американцы работают — то есть делают деньги, — особенно в лучшие годы своей жизни. Они, как правило, не откажутся ни от сверхурочных, ни от дополнительного заработка на стороне, если выпадает такая возможность.

Какого бы достатка и положения ни был человек, его время всегда расписано по минутам недели на две вперед. Он запрограммирован на максимальную эффективность, на полную отдачу. Его избавляют от дел второстепенных, не соответствующих его квалификации, зато выжимают до капли все, что входит в его прямые обязанности.

Рабочая сила дорожает. И это чувствуется в системе обслуживания, которая все больше заменяется самообслуживанием. Опыт супермаркетов (универсамов) распространяется и на область общественного питания. Все шире применяется система «возьмите с собой». Всюду, куда трудовой люд приходит в обеденный перерыв, созданы отдельные прилавки, где все дается навынос. Хорошая упаковка, коробки из пенопласта, в которых кофе, чай или суп остаются обжигающе горячими. Можно взять обед с собой и перекусить где-нибудь на лужайке парка или у себя за письменным столом.

Порой думаешь: что делает американца рабом скорости и темпа, что обрекает его на участь человека у конвейера, предсказанную когда-то Чаплином в фильме «Новые времена»?

Тут и неуверенность в завтрашнем дне и боязнь оказаться позади соседа. Ибо дух конкуренции электризует американца не только в труде, но и в быту, подхлестывает его не только как производителя, но и как потребителя.

— Нам все время приходится бежать, причем бежать на цыпочках, вытянув шею, лишь ради того, чтобы не оказаться ниже уровня «пристойной жизни».

ни», — с горечью иронизировал знакомый американский журналист.

Если проехать по Мэдисон-авеню — той самой, где расположены самые дорогие магазины и по которой прогуливают самых породистых собак, — дальше Сотой улицы попадаешь не просто в другой район Нью-Йорка, а как бы в другой мир. И не только потому, что вокруг лишь обветшалые дома, обгоревшие кирпичные стены с зияющими пустыми окнами. Непривычное зрелище — и люди, что сидят на крылечках. Пожалуй, только здесь, в Гарлеме, где живут негры и пуэрториканцы, можно увидеть человека, неторопливо беседующего с соседом. Лишь эти люди, лишенные многих прав, сохранили за собой право никуда не спешить.

Бюджет американской семьи отнюдь не ограничивается текущими повседневными расходами. Нужно думать о взносах за купленный в кредит дом, за мебель, за автомашину. Нужно откладывать на образование детей, на старость, на черный день. А мощный аппарат коммерческой рекламы стремится приобщить к понятию «пристойной жизни» все новые потребности, убеждает людей, что приобретение вещей, которые им навязывают, и есть единственная мера жизненных благ.

Героиня Ильфа и Петрова Эллочка Щукина, как известно, состязалась в элегантности с дочерью американского миллионера. Заставить миллионы людей столь же слепо и бездумно тянуться за некими недосыгаемыми в своей изменчивости образцами — такова стратегия идеологов «общества потребления».

Американца настойчиво приучают к тому, что покупать можно и не имея при себе денег. Вслед за чековыми книжками в обиход вошла система кредитных карточек, основанная на применении электронно-вычислительных машин. По выпуклому номеру на такой пластиковой карточке ЭВМ мгновенно осведомляется о наличии денег на счете предъявителя и списывает с него нужную сумму.

Поначалу кредитные карточки ввели в обращение бензозаправочные станции, сейчас ими можно пользоваться и в универмагах, крупных ресторанах.

— Стало быть, в Соединенных Штатах можно выходить из дома вовсе без денег, — пошутил как-то я.

— Ни в коем случае! — замахали руками американцы. — Желательно всегда иметь при себе 20 долларов наличными. Больше носить опасно, но опасно иметь при себе и меньше, чтобы в случае нападения не рассердить грабителей.

Подумалось, что это, пожалуй, тоже одна из форм кредита, который заставил открыть для себя преступный мир.

— Кредит стал у нас в США поистине вопиющей формой закабаления. По сравнению с этим ярмом ростовщические проценты и долговые тюрьмы феодальной Европы — сущие пустяки, — говорил мне в калифорнийском городке Кармел профессор истории. — Казалось бы, кредит всего лишь средство облегчить условия выплаты, чтобы сбыть товары при насыщенном рынке. Но вот пример. Мой коллега недавно покупал автомашину. Долго торговался с владельцем магазина, пока тот не сделал существенную скидку. А когда контракт уже был подписан, мой приятель отказался от обычной рассрочки и заявил, что оплатит покупку сразу. Продавец опешил. И вовсе не от радости редкому случаю получить все сполна. Он был взбешен, что его провели, и если бы мог, вовсе расторг контракт. Дело в том, что по обычным условиям кредита с покупателя ежемесячно взимается от одного до полутора процентов неоплаченной суммы. Вроде бы немного. Но часто забывают, что это — в месяц, стало быть, 12—18 процентов в год. Так что автомашина, проданная в рассрочку на четыре года, может фактически обойтись раза в полтора дороже.

Американец крутится, как белка в колесе, чтобы успеть выпутаться из этого растущего клубка долгов, пока не пошли на убыль энергия и силы.

Да и наниматели тоже стремятся поставить человека в такие условия, чтобы именно в лучшие годы, в период расцвета его сил и способностей, он мог целиком «выложиться», как бегун на дистанции.

С таким же расчетом конструируются американские автомашины. Их умышленно предназначают не

для долголетней службы, а для того, чтобы после известного срока их было бы выгоднее не ремонтировать, а заменять новыми. Безбрежные пустыри словно пестрой мозаикой покрыты щеголеватыми на вид лимузинами, выброшенными на металлолом.

Смотришь на них, и перед глазами встают неподвижные фигуры пожилых людей на скамейках парков, на террасах дешевых пансионатов. Выплачены долги, выросли, выучились, стали на ноги дети. Тут бы вроде «переключить скорость», жить и работать без натуги и спешки. Но оказывается, что для человека, как и для машины, моральный износ наступает раньше физического, что использовать его вполсилы нерационально, он никому не нужен.

Как много здесь одиноких стариков! Именно одиноких, потому что несравненно чаще увидишь пожилого человека, гуляющего с собакой, чем — как мы привыкли — деда или бабушку с внуком или внучкой.

Помню, в Азии мне всюду попадались на глаза толпы американских туристов преклонного возраста — и в японских храмах Киото, и у скалы Сигирия на Цейлоне, и у колонн Баальбека в Ливане. Удивлялся: что их гонит в такую даль? А ведь туристский автобус — это убежище от одиночества, если сбережения позволяют. А если нет, — скамейка на сквере, приют для одиноких.

И когда видишь пестрое автомобильное кладбище, мимо которого стремительно проносятся сверкающие лимузины, думаешь: тому, кто взращен для гонки, нет ничего тяжелее неподвижности, бездействия, отчужденности.

Бесспорно, американцы — люди общительные. Однако попасть в семью не так-то просто. Охотно приглашают в ресторан на ланч. Провести с человеком обеденный перерыв среди рабочего дня значит поддерживать с ним деловые отношения. Но вечером в семью приглашают только с женой, и это уже отношения личные.

Старожилы говорят: чем богаче американец, тем хуже он тебя накормит. Это, может быть, не совсем справедливо, но в какой-то степени верно. Прежде

всего, в этой стране существует культ недоедания, тем более явный, чем состоятельнее человек.

Впервые в жизни оказавшись за столом с миллионером, который пригласил меня в ресторан, я был немало удивлен. Открыв меню, мой хозяин стал выписывать оттуда на бумажную салфетку какие-то цифры, складывать их, что-то вычеркивать и снова складывать. Выглядело это так, будто миллионер боялся, что расходы не уложатся в смету. Выяснилось, однако, что в меню были обозначены не цены, а калорийность блюд. И отказываться моему собеседнику пришлось от яблочного пирога, который был, однако, настоятельно порекомендован мне как излюбленный американцами десерт.

Если и довелось мне видеть в США людей, которые ели с отменным аппетитом, без оглядки на какую-то диету, то это были негры и пуэрториканцы, которые завтракали рядом со мной в аптеках и расплачивались талонами пособия по безработице.

Культ недоедания сказывается и в том, как в США принимают гостей. Считается, что о том, как его будут угощать, приглашенный думает в последнюю очередь. Подав гостям напитки и какие-нибудь орешки, хозяйка будет спокойно болтать, а не бегать с вытаращенными глазами на кухню и обратно. И лишь часа через полтора, когда гость из России, нажевавшись миндаля, начинает уже думать, что останется голодным, его приглашают к буфетному столу, где кое-что стоит на блюдах и тарелках,— клади себе сам, что считаешь нужным, и ешь. Поэтому каждый может выбрать что-то в соответствии со своей диетой, а может и вовсе ничего не съесть.

Американца удивит, если, войдя в чужую квартиру и застав хозяев за столом, он получит приглашение разделить с ними трапезу. Когда приходишь к американцу, хозяйка угостит кофе, хозяин предложит выпить виски. Но это отнюдь не значит, что если вы не были специально приглашены на обед, вас будут чем-нибудь угощать или усадят за свой стол. Принято приходить в гости незванным после девяти часов вечера, то есть после того времени, когда люди уже отужинали.

Америка, не знавшая феодализма, втайне тоскует по гербам и титулам, хоть и кичится нарочитым демократизмом человеческих взаимоотношений. Владелец верхнего этажа в небоскребе, принимая от швейцара машину, которую он только что вывел из подземного гаража, запросто хлопает его по плечу:

— Мы приедем обратно часов в одиннадцать. С нами будет около шести гостей. Если они отстанут, пропусти их, дорогой.

— Хорошо, милочка, непременно,— отвечает тот.

И в подборе выражений, которыми обмениваются обитательница квартиры и швейцар, все пронизано показным сельским панибратством. Однако на радиаторе владелицы «кадиллака» изображена корона. Корона же украшает пачку дорогих сигарет, которые она курит.

Видимо, каждый человек заново открывает Америку. Для меня, как, видимо, и для многих, было открытием убедиться, что Соединенные Штаты вовсе не застроены от побережья до побережья небоскребами и заводскими корпусами (замечу, что у большинства приезжих складывается такое же превратное представление и о Японии по узкой полоске ее тихоокеанского побережья); убедиться, что Америка — это зеленая страна, где еще немало нетронутых просторов, которые сохранили свою первозданную красоту вопреки пестрой рекламной бутафории бензоколонок и мотелей.

С той поры, как изобретена фотография, как вошли в быт кино и телевидение, взорам людей открылись самые дальние дали. Однако эти же новые горизонты, став доступными для всех и каждого, почти лишили путешественника радости неожиданных впечатлений. Обидно, что пресловутые достопримечательности порой предстают взорам как нечто уже примелькавшееся на открытках или на экране.

Бывают, впрочем, и исключения. Сколько бы ни слышал, ни знал заочно о Сан-Франциско, встреча с ним волнует куда больше, чем ожидаешь. Среди обезличенных, стандартно разлинованных американских городов он привлекает уже тем, что имеет свое собственное лицо.

Город американского Дальнего Запада как бы поясняет своим примером, почему понятие живописности выражается у народов Дальнего Востока словами: «Горы и воды». Сан-Франциско вырос у океана, на холмистом полуострове, отделяющем вход в залив.

Тут тоже есть небоскребы, но они не толпятся, не теснят друг друга, а тактично подчеркивают своеобразие рельефа, созданного природой. Улицы тут тоже пересекаются лишь под прямыми углами, но холмы скрадывают однообразие традиционной американской планировки. С каждой их вершины вместе с городской панорамой непременно открывается морская гладь. И это соседство, вернее сказать, присутствие моря в городе дает ему еще одну привлекательную черту: свежий и чистый воздух.

После душной сырости атлантического побережья, после липкой испарины, которой покрываешься в Нью-Йорке или Вашингтоне, здесь дышится удивительно легко. Несмотря на крутые подъемы и спуски, а, может быть, как раз благодаря им, Сан-Франциско остался городом уютным для пешеходов в отличие от соседнего, донельзя автомобилизированного Лос-Анджелеса.

А бережно хранимое наследие прошлого века — кабельные трамваи, которые, как поется в песне о Сан-Франциско, «взбираются почти до звезд»!

Старомодный вагончик, какие были еще во времена конок, упрямо ползет вверх вплоть до гребня холма, где у пассажиров разом захватывает дух — и от нового кругозора, и от кручи, с которой вагончик, весело трезвоня, устремляется вниз, пока вожатый и кондуктор в поте лица орудуют какими-то рычагами.

Вроде бы американцы люди сугубо практического склада. Но как умиляет их такая достопримечательность Сан-Франциско, как кабельные трамваи! Иной иностранец снисходительно усмехнется: типичная, мол, туристская приманка. Неспроста ведь иронизировал над пристрастием своих соотечественников к старым вещам писатель Стейнбек, когда предлагал им оригинальный способ разбогатеть: собрать на свалках всякого хлама и хранить его лет сто, пока

какой-нибудь пылесос выпуска 1954 года не обретет такую же антикварную ценность, как бабушкина кофейная мельница.

Но над многочисленными, порой неожиданными, часто парадоксальными проявлениями тяги американцев к чему-то своеобразному, нестандартному, рукотворному стоит задуматься. Утрачивают привлекательность, как бы перерастают в собственную противоположность многие черты, которыми американцы привыкли кичиться.

Несколько схематизируя, можно сказать, что Америка начинает отрицать именно то, что выделяло ее среди других государств, что делало ее Америкой.

Страна, которая положила начало массовому конвейерному выпуску предметов потребления, с тоской оглядывается на ремесленника, на кустаря-одиночку. Самая высокая аттестация товара — сказать, что это ручная работа. В стране, которая давно поставила на индустриальную основу производство и первичную переработку сельскохозяйственных продуктов, стало распространенным поветрием своими руками выращивать овощи возле дома. Житель предместья с гордостью потчует гостя яйцами от собственных кур. Семейные журналы полны советов, как испечь домашний хлеб, закоптить колбасу. Универмаги чутко подхватили девиз «сделай сам», предлагая заготовки для самодельных столов, ларей, табуретов. Вряд ли все это лишь прихоть, как и мода на велосипеды, охватившая страну, которая, по выражению Ильфа и Петрова, выросла у большой автомобильной дороги.

Мир железобетона и консервированных продуктов, мир штампованных вещей все больше гнетет людей, вызывает раздражение, стихийный протест против чрезмерной механизации и стандартизации быта, всех форм человеческого существования.

В Соединенных Штатах сейчас на каждом шагу слышишь разговоры о побочных отрицательных последствиях урбанизации. Но дело не только в том, что крупные города Америки задыхаются в автомобильном и заводском чаду. Человек не хочет и не может мириться с бездушием капиталистической общественной машины, которая превращает людей в стан-

дартно запрограммированные роботы. В американцах зреет протест против попыток штамповать их души, против шаблонного, конвейерного производства не только материальных, но и духовных ценностей.

Соединенные Штаты вырвались вперед в организации производства, в производительности труда, создали обилие материальных благ. Но даже если не касаться вопроса о том, сколь вопиюще неравномерно распределены эти блага, бросается в глаза, что, кроме обездоленных материально, в этой стране неизмеримо больше обездоленных духовно — даже среди людей, считающих себя обеспеченными, преуспевающими.

Жрецы культа наживы и стяжательства внушают человеку, что вещи, которыми он обладает, — единственное мерило жизненных благ, умышленно стимулируют материальное потребление с таким расчетом, чтобы оно оттесняло на задний план духовные запросы. Америка отнюдь не становится просвещеннее в той же пропорции, в какой богатеет и распределяет свои богатства.

В Соединенных Штатах, пожалуй, больше всего поражаешься именно несоответствию огромных материальных возможностей страны с тем, как ничтожно мало используется этот потенциал для того, чтобы обогащать культурную жизнь людей, расширять их кругозор, прививать им новые духовные потребности. Издаются талантливые книги, существуют прекрасные симфонические оркестры и картинные галереи, но слишком уж незначительным, незаметным компонентом входит все это в культурный рацион даже так называемого «среднего класса».

Не устаешь удивляться: почему так много людей предпочитают бульварную газету «Нью-Йорк дейли ньюс» гораздо более содержательной и серьезной «Нью-Йорк таймс»? Почему ремесленные поделки, дискредитирующие жанр детектива, становятся бестселлерами с многомиллионными тиражами?

— А зачем, собственно, нужно навязывать обывателю уровень культурных потребностей, присущий интеллигенту? А если ему действительно больше нравится читать про бейсбол, чем про политику; если он действительно предпочитает порнографию с 42-й ули-

цы романам Достоевского? Ведь свобода выбора в конце концов за ним,— убеждал меня молодой экономист.

Так называемая свобода выбора духовной пищи — наглядный образец того, какую изнанку имеет подобная свобода в капиталистическом обществе. В атмосфере коммерциализма, которая пронизывает печать, радио, телевидение, кино, средства массовой информации становятся орудиями циничной спекуляции на темных сторонах человеческой натуры. Мастера рекламы считают, что людей легче поддеть на крючок, не апеллируя к их добродетелям, а потакая их порокам. То, что выдается за «отражение вкусов большинства», в действительности предопределяет деградацию этих вкусов.

Я спросил журналиста из «Вашингтон пост» — давнего коллегу по работе на Дальнем Востоке, какие перемены в жизни американского общества бросились ему в глаза после многолетнего отсутствия. По его словам, он почувствовал себя вернувшимся не только в какую-то другую страну, но словно бы в какую-то другую эпоху. Шутка ли, если люди вокруг все чаще задаются вопросом: а прогрессивен ли прогресс, а нужен ли он?

Действительно, диалектика американского образа жизни подталкивает к выводу о том, что научные открытия порождают больше проблем, чем решают, что, открывая перед людьми какие-то новые возможности, они в то же время что-то у них отнимают.

Телевизор стал окном в окружающий мир, но сократил общение внутри семьи. Автомобиль делает человека мобильным, но одновременно рубит корни привычек, привязанностей, всего того, что связывало человека с каким-то определенным окружением. Чем доступнее дальние точки работы, отдыха, тем дальше стало до соседа, который живет тут же, по другую сторону забора, тем слабее становятся общинные связи. И именно там, где люди живут тесно, наиболее явственно дает о себе знать отчужденность каждого из них.

— Мы, американцы, хорошо знаем цену вещам, цену деньгам, цену времени. Но наши представления

о моральных ценностях весьма однобоки,— говорила мне молодая учительница, оказавшаяся соседкой в рейсовом междугородном автобусе.— В американском подходе к воспитанию детей есть немало положительного. Внушается, что главный недостаток — праздность, главное достоинство — трудолюбие и предприимчивость. Американца с малолетства приучают к самостоятельности, к ответственности за свои поступки, к верности слову. Но этого ведь мало: общечеловеческие идеалы слишком заслонены этикой деловых отношений. Против нее, против чрезмерной практичности, расчетливости, а в конечном счете — против слепого стяжательства и восстает сейчас молодежь...

Остроту этой проблемы чувствуешь с первых же дней пребывания в США. Горькие сетования на отчужденность молодежи, на растущую пропасть между поколениями слышатся под любой крышей. Почти в каждой семье, которую мне довелось посетить, разговор о детях задевал болезненное место, потому что речь тем самым заходила о беглецах из отчего дома.

Хозяева небольшого отеля в Сан-Франциско радушно пригласили меня на воскресенье в свой уютный дом над заливом. В комнате, где меня оставили ночевать, на столике лежала священная индийская книга «Бхагавад-гита», словарь буддийской философии «Дзэн». Да, пояснили родители, этим увлекался сын, здесь была его спальня. Он с детства любил поэзию, много читал. Мать мечтала, что он пойдет в университет, посвятит себя литературе или изобразительному искусству. Отец же видел в сыне наследника, считал, что лучшее образование для делового человека — участие в деле, ставил его в летние каникулы помощником управляющего. Сын решил родительский спор по-своему: уехал куда-то в сельскую глушь, и вот уже несколько лет работает простым ковбоем на ранчо.

— Мы уважаем нашего парня, хоть и не можем его понять,— с горечью говорил хозяин.— Если бы это были лишь причуды молодости, если бы он был шалопаем, клянчил деньги на юношеские забавы,— все было бы проще. Но он не берет ни цента с тех пор, как окончил школу. Твердит, что ему ничего не

нужно, что ему легче дышится в степи. Удивляется, ради чего мы с матерью отдаем отелю все время и силы. Прежде у американца был стимул: добиться успеха в жизни. А сейчас под вопросом стоит само понятие — успех...

Разлад поколений, отказ детей унаследовать образ жизни отцов, проявляющийся в самых различных формах — от «эскапизма», которым молодежь бросает вызов «обществу потребления», до участия в антивоенном движении, — все это свидетельства обесценивания «ценностей» капиталистического общества; ростки зерен сомнений, раздумий и поисков.

Последний взгляд на Нью-Йорк с моста Трайборо. Уступчатый контур небоскребов, сдвоенный отражением в реке, словно чертит кардиограмму огромного сердца Америки. Кому дано прочесть ее зубцы и изломы?

Многострадальный остров

Запах сена и запах водорослей. Мычание коров и крики чаек. Узкие, извилистые, непривычно пустынные дороги. Вместо чадящих грузовиков — только повозки с молочными бидонами да гурты скота. Это Ирландия. Западная окраина Европы встречается тут с Атлантикой.

Если не считать моря и неба, в портрете этой страны преобладают две краски: свежесть травы спорит с сединой камня. Даже изгороди из серых камней, разделяющие пастбища, кажутся такими же неподдельно древними, как развалины средневековых крепостей и сторожевых башен.

Ирландская природа поражает тем, что донныне выглядит почти такой же нетронутой и необитаемой, как в те далекие века, когда последователи святого Патрика строили монастыри и воздвигали на взгорьях каменные кельтские кресты. И в этом безлюдье, как и в том, что лишь в отдаленных селениях атлантического побережья сохранил свои последние корни

местный язык, отражена трагическая судьба ирландского народа.

Ирландия была для Англии не только близким соседом, но и серьезным соперником. Накануне промышленной революции, когда население Великобритании составляло 13 миллионов человек, в Ирландии оно приближалось к 10 миллионам. Попросту не укладывается в голове, что за неполных два столетия соотношение это могло измениться столь разительно: 56 миллионов в Соединенном Королевстве и 3,5 миллиона в Ирландской Республике. Даже если добавить к ним полтора миллиона жителей Северной Ирландии, получается, что если население Великобритании выросло вчетверо, на Зеленом острове оно за это же время сократилось вдвое.

Пожалуй, лишь народ Конго понес столь тяжелый урон от колониального ига, утверждает прогрессивная публицистка Бэтти Синклер. Если бы не драконовская политика порабощателей, население Ирландии, по ее словам, составляло бы ныне около 34 миллионов человек, а может быть, и больше, учитывая высокую рождаемость в этой стране.

Для поездки по Зеленому острову я избрал тот самый маршрут, о котором писал Энгельс в письме Марксу в 1856 году: «Путешествие наше по Ирландии шло таким образом: мы поехали из Дублина в Голуэй на западном берегу, потом 20 миль к северу, в глубь страны, потом в Лимерик, потом вниз по Шаннону, в Тарберт, Трейли, Килларни и назад в Дублин...

Ирландию можно считать первой английской колонией, именно такой, которая в силу своей близости к метрополии управляется все еще по-старому. И здесь прекрасно видно, как так называемая свобода английских граждан основана на угнетении колоний».

Вся история англо-ирландских отношений подтверждает эти слова Энгельса. Каждая строка в восьмивековой летописи завоевания и порабощения Ирландии беззастенчиво отмечает те либеральные идеалы, которыми Англия привыкла кичиться как своим вкла-

дом в цивилизацию. Чтобы оправдать эту вопиющую несовместимость, был создан стереотип предубеждения об ирландцах как о людях невежественных и коварных, необузданных и праздных.

И подобно тому, как Ирландия стала первой британской колонией, стереотип этот явился зародышем имперской идеологии. Именно отсюда берет свое начало представление о народах колоний как о существах иного сорта, к которым неприменимы общепринятые моральные нормы; именно из этого стереотипа выросла впоследствии идея о том, что «десять заповедей не имеют силы к востоку от Суэца».

Лондонские либералы ныне брезгливо отмежевываются от южноафриканских расистов. А между тем именно система апартеида была излюбленным орудием завоевателей с первых же веков их господства в Ирландии. Полоса восточного побережья, прилегающая к Дублину, и сейчас заметно отличается от остальной части острова, всем своим обликом напоминая английское графство. Эта доньше зримая географическая граница совпадает с цепью крепостей, которые возводились для защиты первых английских поселений. Тем самым для ирландцев была очерчена запретная зона. Они могли селиться лишь «за оградой».

При Кромвеле было завершено массовое изгнание коренного населения с плодородных земель северо-востока острова, розданных англо-шотландским колонистам. Его политика в отношении ирландцев сводилась к словам: «К чертям в пекло, или в Коннот!» Эта западная провинция с бесплодными каменистыми взгорьями, обращенными к Атлантике, должна была стать для изгнанников либо голодным гетто, либо дорогой еще дальше, на чужбину.

В Лондоне не любят вспоминать, что английские работорговцы (чьи барыши во многом помогли Британии стать владычицей морей и мастерской мира) начали поставлять живой товар плантаторам Нового Света отнюдь не из Африки, а из Ирландии.

Та самая Англия, которую принято считать неизменной поборницей свободы мореплавания, бесцеремонно отрезала Ирландию от экономических связей

с внешним миром. Несмотря на обилие удобных портов для торговли с Европой и Америкой, прямой товарообмен с зарубежными странами, и в частности вывоз ирландской шерсти на континент, был запрещен в угоду английским купцам.

Та самая Англия, которая привыкла гордиться незыблемостью гражданских свобод, похваляться терпимостью к инакомыслию, не позволяла жителям завоеванного острова обучать детей родной речи. Ирландский язык сознательно и систематически подавлялся. Вплоть до «эмансипации католиков» в XIX веке ирландец не мог стать ни учителем, ни врачом, ни юристом, ни чиновником. Ему оставалось лишь быть временным арендатором клочка земли, мелким ремесленником или эмигрировать на чужбину.

Эмиграция на века стала для Ирландии кровоточащей раной. Причем поистине массовый характер придал ей Великий голод 1845—1847 годов. С тех пор, как из Нового Света на Британские острова был впервые завезен картофель, он стал единственным спасением для многосемейных ирландских крестьян. Ни овес, ни ячмень не могли бы прокормить мелких арендаторов, согнанных с плодородных земель своих предков на каменистые взгорья западной части острова.

Поэтому картофельный неурожай, изнурявший Ирландию три года подряд, стал для нее поистине национальной трагедией: население острова за несколько лет сократилось вдвое, с 8 до 4 миллионов человек. Последствия Великого голода поныне дают о себе знать. Ирландия представляет собой единственную страну в Европе, население которой с середины XIX века не возросло, а сократилось.

До Великого голода большинство жителей острова говорило на ирландском языке. Вопреки репрессиям родная речь оставалась для них главным средством устного общения. К 1900 году число говорящих на ирландском языке сократилось до 600 тысяч, а ныне составляет менее одной трети этой цифры. Язык, задушенный поработителями, не удастся возродить и после обретения независимости. Хотя преподавание его введено в школах, им пользуются в

быту лишь в отдаленных селениях атлантического побережья.

Трехцветный государственный флаг Ирландской Республики всегда развевается над главным почтамтом в Дублине. Он напоминает, что там находился штаб апрельского вооруженного восстания 1916 года. Оно было первым из ударов, которые впоследствии привели к распаду Британской империи.

Национально-освободительная борьба принесла в 1921 году политическую независимость для 26 из 32 графств Ирландии. Однако от британского засилья республика до конца не избавилась и по сей день. Лондонец в Дублине не чувствует себя за границей. Он замечает лишь, что красные тумбы королевской почты перекрашены тут в зеленый цвет клевера — ирландской национальной эмблемы. В остальном же все как дома. В магазинах — те же товары. В киосках — те же газеты. По радио звучат голоса знакомых комментаторов. На телеэкране — те же примелькавшиеся рекламы.

Ирландию не зря называют Изумрудным островом. Даже под пасмурным небом весело зеленеют ее сочные травы. Куда ни глянь — стада коров и овец. От горизонта до горизонта раскинулась волнистая равнина, расчерченная живыми изгородями. Редкие рощи, шпили сельских церквей. Но почти не попадает на глаза вспаханная земля. Кругом — сплошные пастбища. В последнее время сельское хозяйство Ирландии переключилось главным образом на производство мяса, молока, шерсти.

Лишь иногда среди лугов вдруг видишь модернистские корпуса завода по производству электронно-вычислительных машин или видеоманитофонов, принадлежащего какой-нибудь известной американской или японской фирме.

Ирландская экономика веками была обречена на роль колониального придатка Англии. Поставлять дешевую сельскохозяйственную продукцию на британский рынок — таков был ее удел. Поэтому легко понять чувство гордости, с которым ирландцы говорят, что их страна наконец превратилась в индустриально-аграрную. Промышленное производство дает ны-

не больше половины валового национального продукта.

На фоне упадка традиционных отраслей, таких, как текстильная, обувная, пищевая, возникли комплексы ультрасовременных предприятий, работающих на экспорт. Ирландские труженики доказали свою способность освоить новейшее оборудование и технологию. Сложнее ответить на вопрос: в какой мере эти перемены приблизили республику к достижению экономической самостоятельности?

Когда Ирландия обрела независимость, в ее обрабатывающей промышленности было занято всего пять процентов рабочей силы. Поэтому правительство поначалу стремилось прежде всего защитить местные фирмы от зарубежных конкурентов. Потом Дублин отказался от высоких таможенных барьеров и других протекционистских мер и стал, наоборот, всячески поощрять капиталовложения из-за рубежа. Поворот к политике «открытых дверей» еще резче обозначился с 1973 года, когда страна вступила в «Общий рынок».

Зарубежных инвесторов привлекают в Ирландии не только налоговые льготы, право вывоза прибылей и сравнительно дешевая, хотя достаточно образованная и квалифицированная рабочая сила. Все более ценным качеством для иностранных монополий становится малонаселенность западной части острова, его бескрайние пустоши, чистые реки и озера.

С начала 70-х годов Ирландию буквально захлестнул поток иностранных капиталов, на две трети американских. Более половины промышленной продукции Ирландии производится ныне транснациональными корпорациями. Однако созданные ими предприятия как бы не имеют корней в ирландской почве. Это — инородные тела, звенья технологических цепочек, тянущихся за пределы страны. Как правило, они не пользуются местным сырьем, не снабжают своими товарами местных потребителей. Они занимаются производством компонентов или сборкой продукции, предназначенной для экспорта.

Вопреки надеждам на политику «открытых дверей» становится все яснее, что замена британского колониального господства на засилье транснациональ-

ных корпораций не сулит ирландскому народу ничего хорошего. Профсоюзы страны выступают против такой «псевдоиндустриализации», тем более что она сопровождается ростом безработицы.

Ирландия вступила в «Общий рынок» прежде всего в надежде преодолеть экономическую зависимость от Англии. Однако членство в этой замкнутой группировке все больше ставит под угрозу нейтралитет республики, который ирландцы привыкли считать основной внешней политики страны.

Из десяти нынешних членов «Общего рынка» только одна Ирландия до сих пор не входит в НАТО. Попытки втянуть ее в этот военный блок «с черного хода» стали составной частью более широкого замысла: политизировать Европейское экономическое сообщество, превратить его в так называемый Европейский союз. По мере того как в рамках «Общего рынка» активизируется система политических консультаций, нейтралитет Ирландии все больше подвергается эрозии, в ее позиции все явственнее обозначается крен в сторону НАТО.

Попытки исподволь вовлечь Ирландию в орбиту Североатлантического блока тревожат общественность республики. Ирландский конгресс тред-юнионов выступил против планов политизации ЕЭС и заявил, что выработка «общих позиций по вопросам внешней политики, обороны, производства и закупки вооружений означала бы конец ирландского нейтралитета».

— Еще недавно вопрос о нейтралитете у нас вообще не обсуждался. А теперь все чаще слышатся заявления, что пора, мол, заново дать определение этому понятию применительно к нашей стране, — рассказывал мне председатель движения «За суверенитет Ирландии» Энтони Коклан.

По его словам, натовских стратегов привлекают ирландские глубоководные порты. Пентагон был бы не прочь переоборудовать базы, которыми когда-то пользовался британский флот, для подводных лодок с ракетами «Трайидент-2». Открыто обсуждался вопрос об использовании международного аэропорта Шаннон как опоры воздушного моста для переброски американских войск в Европу в случае войны. Мало-

населенные районы западной части острова удобны для проведения крупных совместных маневров.

— Борьба за мир в условиях Ирландии — значит прежде всего выступать против тех, кто ведет подкопы под нейтралитет республики, — говорит Генеральный секретарь Коммунистической партии Ирландии Джеймс Стюарт.

В последнее время инициаторы подобных интриг применяют новый прием: в качестве приманки, чтобы завлечь республику в натовские сети, используется священный для ирландцев лозунг воссоединения страны.

Как известно, в 1921 году британские колонизаторы расчленили Ирландию с таким расчетом, чтобы потомки англо-шотландских поселенцев, составляющие пятую часть ее населения, оказались на севере в положении большинства. Поскольку эта община, численностью в миллион человек, состоит, как правило, из протестантов, а другая, насчитывающая полмиллиона коренных жителей острова, из католиков, противоречия между ними обрели религиозную окраску.

Когда в наши дни заходит речь о воссоединении, Лондон лицемерно кивает на то, что большинство населения в Ольстере, дескать, не хочет этого. А ведь в 1921 году, когда Ирландии был навязан раздел, крокодильи слезы проливались как раз об участи меньшинства. Британские политики заговорили о правах большинства лишь после того, как отсекали северную часть острова и обеспечили там протестантам двукратное численное превосходство.

Отказ стать членом НАТО Ирландия в свое время мотивировала тем, что не намерена вступать в военный союз с державой, которая удерживает под своим господством часть ирландской территории. И вот теперь республике, ее общественному мнению пытаются навязать циничную сделку: «воссоединение ценой нейтралитета». Лондонский еженедельник «Экономист» намекает, что в рамках Североатлантического блока было бы легче урегулировать ольстерскую проблему. Ему вторит журнал «НАТО ревью», по мнению которого частью соглашения об объединении Ирландии должна стать ее вступление в НАТО.

Усмотрев в подобной сделке угрозу для себя, всполошились протестантские «ультра». Так называемая демократическая юнионистская партия Яна Пэйсли раздобыла и предала гласности служебный документ британского министра по делам Северной Ирландии. Из него явствует, что Лондон, Дублин и Вашингтон втайне готовят трехстороннее соглашение по урегулированию североирландской проблемы.

Оно, в частности, предусматривает замену британских войск в Ольстере «силами ООН», состоящими преимущественно из американских подразделений, а также полную или частичную передачу Ирландской Республике юрисдикции над шестью отторгнутыми у нее северными графствами в обмен за ее отказ от политики нейтралитета и согласие предоставить свою территорию для ракетных баз США.

— Этот сценарий весьма правдоподобен, — говорит генеральный секретарь Рабочей партии Шон Гарланд. — Дело воссоединения осложняется тем, что расчленена не только Ирландия, разделен и ее народ. Ведь если англичане уйдут, один миллион недовольных протестантов может создать для Дублина больше хлопот, чем ныне полмиллиона североирландских католиков — для Лондона. Не исключено, что республике пришлось бы в такой ситуации призывать на помощь из-за рубежа какие-нибудь «многосторонние силы». А вашингтонским стратегам только этого и надо. Им на руку порочный круг насилия и террора.

Прогрессивные силы Ирландии — конгресс тред-юнионов, объединяющий 650 тысяч человек на юге и на севере острова, Коммунистическая партия, Рабочая партия осуждают террористические методы борьбы. Они исходят из того, что для объединения страны нужно прежде всего преодолеть разобщенность народа, покончить с межобщинной враждой, добиться объединения рабочих на классовой основе. А для этого, в свою очередь, необходимо положить конец насилию на севере, добиться демократизации общественной жизни в обеих частях страны, дать отпор проискам НАТО и отстоять традиционный нейтралитет Ирландии как краеугольный камень ее внешней политики.

Дороги Индии

Если улица в Индии еще не перестала быть базаром, то дорога там еще не перестала быть улицей. Она по-прежнему служит руслом, по которому течет повседневная, будничная жизнь со всем своеобразием ее красок, звуков, запахов. Поэтому путешествие по индийским дорогам позволяет не только ощутить пульс страны, но и дает представление о масштабе и сложности проблем, с которыми она сталкивается.

Тот, кому предстоит дальний путь, поднимается до рассвета. Но так же стремительно, как разгорается в южных широтах заря, пробуждается и дорога. Пастух торопится перегнать стадо коз, не признающих левостороннего движения. Поднятая ими пыль золотится от первых солнечных лучей.

В утренней дымке четко прорисовываются грациозные фигуры женщин с коваными латунными кувшинами на головах. Донести, обычно издалека, два тяжелых кувшина воды, поставленных один на другой,— с этого начинается трудовой день миллионов индийских крестьянок, так вырабатывается поразительная плавность их походки.

Горбатые бычки неторопливо тянут арбы, похожие на колесницы древних завоевателей. Там, где у дороги раскинули свои кроны вековые баньяны, стелется кизячный дым и на всю мощность гремят транзисторные приемники. Ночевавшие в пути водители допивают в придорожных харчевнях заваренный на молоке чай.

Их перегруженные сверх меры грузовики (нередко каждая такая машина воплощает собой частную транспортную фирму) не менее экзотичны, чем индуистские храмы. Кузов, кабина, капот, крылья — все покрыто красочной росписью, украшено амулетами.

Переезжая мосты, дивишься ярким цветникам на берегах рек. Но пестреют там не цветы. Это сохнет на прибрежной гальке выстиранное белье. Каждое сари — прямая полоса красочной материи, похожая на грядку тюльпанов.

С каждым часом все оживленнее, все теснее становится на дороге. Бесперывно сигналият грузовики и автобусы. Им вторят звонками велосипедисты и велорикши. Кричат погонщики ослов, навьюченных глиняными горшками. Величественно и надменно, как махараджи, вышагивают верблюды.

Сотни людей несут на головах корзины, узлы, охапки хвороста. Их общему хаотическому движению к тому же мешают священные коровы, которые равнодушно лежат или стоят, где им вздумается.

Наблюдаешь эту мешанину грузовиков, повозок, пешеходов, этот пестрый поток, где легковая машина порой вынуждена двигаться со скоростью пары волов, и думаешь о том, что здешние дороги в чем-то олицетворяют образ самой Индии, которой нынче приходится жить сразу в прошлом, настоящем и будущем.

Думаешь о стране, которая обогатила человечество многими достижениями своей древней цивилизации, но потом была обречена колонизаторами на отсталость и нищету.

Думаешь об Индии, стремительно меняющейся и еще дремлющей в неизменности. Об отрядных ростках будущего и цепких корнях прошлого, о молодом сикхе за рулем трактора и простершемся в дорожной пыли паломнике, который меряет своим телом долгий путь к святым местам.

Как раз во время моего пребывания в Индии там демонстрировался фильм «Ганди». Запомнились и сама эта талантливая картина, и толпы людей, штурмовавших кинотеатры, чтобы посмотреть ее.

Поначалу мне казалось, что для натуральных съемок режиссеру на сей раз почти не потребовалось ни костюмов, ни декораций. Ведь люди, селения вроде бы выглядят в основном так же, как во времена «соляного похода» Ганди.

Присмотревшись внимательно, убеждаешься, что это не так, хотя приметы нового не всегда лежат на поверхности. Индийский народ не только чтит память своих выдающихся сынов. Он на практике осуществляет их заветы.

Еще Ганди, демонстративно носивший только домотканую хлопчатобумажную ткань, рассматривал экономическую самостоятельность как одно из условий подлинной независимости страны.

После провозглашения республики индийский рынок был огражден от произвола транснациональных корпораций. Разве не примечательно, что в индийском автомобильном потоке почти нет иностранных марок. Грузовики и тракторы, автобусы и легковые машины — все они, как правило, индийского производства.

В Индии вообще не чувствуется засилья иностранных товаров. И эта характерная черта, которая отличает ее от многих других развивающихся стран, сложилась в результате целеустремленной политики.

В Дели отнюдь не считают панацеей от экономической отсталости политику открытых дверей для зарубежных монополий. По существующему закону доля иностранного капитала в индийских фирмах не должна превышать сорока процентов.

Исключения делаются лишь для предприятий, которые работают на экспорт или производят товары, предназначенные заменить импортные. Поощряются также капиталовложения из стран, где Индии приходится закупать нефть.

Среди чудес, которым дивятся приезжающие в Индию туристы, особого восхищения достойна железная колонна в Дели. Этот металлический столб весом в шесть тонн издревле открыт дождям и ветрам. Но ржавчина до сих пор не тронула железа, выплавленного еще полторы тысячи лет назад. Так обессмертили свое мастерство древнеиндийские металлурги!

Став в колониальные времена сырьевым придатком Британской империи, Индия ввозила из «мастерской мира» практически все промышленные изделия. Теперь она обрела способность собственными силами производить большинство оборудования, необходимого для развития отечественной индустрии.

Занимая ныне по своим производственным мощностям двенадцатое место в мире, Индия строит металлургические заводы, производит сверхзвуковые самолеты, запускает искусственные спутники Земли.

Индия может теперь практически самостоятельно развивать даже атомную энергетику. Об этом свидетельствует строительство атомной электростанции близ Мадраса, которая оснащается отечественным оборудованием.

Достаточно присмотреться к колоннам грузовиков на шоссе Дели — Бомбей, чтобы почувствовать: Индия перестала быть лишь поставщиком чая, джута, тканей. Все более существенную часть ее экспорта составляют промышленные изделия.

Мне довелось быть свидетелем того энтузиазма, с которым участники VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран приняли решение учредить в Дели общий научно-технический центр.

Индия стала сама оказывать содействие другим странам в создании промышленных объектов и освоении современной технологии. Именно это позволило ей выступить инициатором научно-технического сотрудничества в рамках «Юг — Юг», то есть между освободившимися странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Многие молодые государства не только охотно приобретают сделанные в Индии тракторы, дизельные двигатели или станки с программным управлением, но и все чаще предоставляют индийским фирмам подряды на строительство аэропортов и электростанций, нефтепромыслов и угольных шахт.

Индия относится к числу стран, наиболее пострадавших от вздорожания нефти: на ее закупку теперь уходит почти половина доходов от экспорта. Поэтому большие надежды возлагаются на рост отечественной нефтедобычи.

В сельской глубинке черты нового меньше бросаются в глаза. Но и там, где перемены не столь заметны, их результаты каждодневно сказываются на жизни людей. Индия, которая до недавних пор не могла прокормить свое население, в основном обеспечивает себя продовольствием.

Если в 1950 году в стране было выращено немногим более 50 миллионов тонн зерна, то в последние

годы сборы превысили 130 миллионов тонн. Правда, после провозглашения независимости население республики почти удвоилось. Так что при впечатляющем увеличении валовых сборов производство зерна на душу населения возросло незначительно.

Из новых примет в индийской деревне очевиднее всего рост орошаемых площадей. То и дело видишь новые каналы, водоподъемники, колодцы. Площади поливного земледелия почти утроились. Все больше дает о себе знать применение сортовых семян, минеральных удобрений, распространение сельскохозяйственных машин.

«Зеленая революция» — как именуют в Индии весь комплекс этих новшеств — повысила продуктивность сельского хозяйства, но в то же время послужила толчком для развития капиталистических отношений в деревне.

Лишь примерно одна треть, или 25 миллионов крестьянских хозяйств с наделами не менее двух гектаров, способна приобретать семена высокоурожайных сортов, минеральные удобрения, сельскохозяйственные машины, то есть ощущать плоды «зеленой революции».

Остальные же 50 миллионов хозяйств с малыми наделами и примерно 20 миллионов семей сельскохозяйственных рабочих, то есть безземельных батраков, в основном и составляют ту часть населения Индии, те 300 с лишним миллионов человек, которые, по официальной статистике, живут ниже уровня бедности.

Хочется, однако, подчеркнуть и другой вывод, к которому приходишь даже после мимолетных дорожных встреч. При всех жизненных тяготах, при нужде и лишениях, которые по-прежнему остаются уделом миллионов людей, низкому уровню их экономического благосостояния сопутствует сравнительно высокий уровень политического сознания.

То и дело видишь человека, вслух читающего газету другим. А транзисторные приемники прочно вошли в быт. Даже самые обездоленные индийцы проявляют интерес к внутренним и международным

событиям, стремятся участвовать в общественной жизни.

В 1950 году лишь 16 процентов индийцев были грамотными. Теперь доля грамотных приблизилась к 40 процентам. Каждый год в начальных школах и на курсах ликбеза должны научиться читать и писать 10 миллионов детей и взрослых. Впрочем, население Индии ежегодно увеличивается примерно на 14 миллионов человек. Так что решение любой из стоящих перед страной проблем — нелегкое дело.

Проезжая индийские города и села, на стенах домов то и дело видишь плакат, как бы имитирующий детский рисунок. На нем изображены отец, мать, сын и дочь, а ниже красуется подпись: «Больше деревьев, а не людей!» Таков лозунг правительственной кампании по ограничению рождаемости.

И все-таки самое отрадное из всего, что видишь в Индии, — это дети. Особенно когда они, умытые, причесанные, одетые в чистую, выглаженную форму, шествуют в школу или после занятий возвращаются домой. В республике сейчас 106 миллионов школьников (в четыре с лишним раза больше, чем в 1950 году).

Да, больше половины населения Индии все еще неграмотны. Но уместно назвать и другую цифру: пять детей из шести охвачены начальным образованием. Хочется верить, что подрастающее поколение увидит свою родину преображенной, достойной своей славной истории.

Путешествуя по Индии, думаешь о том, как трудно было сдвинуть с места, привести в движение эту огромную, как континент, страну, в жизни которой сегодняшний день так тесно переплетается с днем завтрашним и днем вчерашним подобно тому, как на индийской дороге кондиционированный туристский автобус соседствует с парой волов, запряженных в арбу, и пешими переносчиками кирпича.

Думаешь о великом народе, который стремится укрепить свою независимость, повысить благосостояние и культуру и поэтому нуждается в мире, разряд-

ке, равноправном международном сотрудничестве. И в этом его устремления совпадают с интересами дружественного ему советского народа.

Перья Гаруды

На государственном гербе Индонезии изображена мифическая птица Гаруда. Количество перьев на каждом из ее крыльев (17), на хвосте (8) и на шее (45) символизирует дату провозглашения независимости страны: 17 августа 1945 года. Вступление Советского Союза в войну против милитаристской Японии ускорило ее капитуляцию и помогло индонезийскому народу избавиться не только от японских оккупантов, но и от голландских колонизаторов, чье господство длилось три с половиной века.

Общеизвестно, что Индонезия — самое большое государство Юго-Восточной Азии. Но мы, пожалуй, не всегда отдаем себе отчет, что Индонезия одна из крупнейших мировых держав. Лишь четыре страны — Китай, Индия, СССР и США — превосходят ее по населению. Оно составляет 165 миллионов человек и при нынешнем приросте к концу века может превысить 220 миллионов.

13667 островов, на которых расположена Индонезия, простираются на пять с лишним тысяч километров с запада на восток и на две тысячи — с севера на юг. Их общая площадь — около двух миллионов квадратных километров — сопоставима с территорией такой обширной страны, как Мексика.

Хотя Индонезию пока причисляют к наиболее бедным государствам Юго-Восточной Азии, она поставляет на мировой рынок примерно столько же товаров, сколько Китай, входит в десятку ведущих экспортеров нефти и занимает первое место в мире по производству и продаже сжиженного газа.

Составляющие Индонезию острова тянутся вдоль экватора. Уроженцу наших широт трудно свыкнуться с мыслью, что вместо весны, лета, осени и зимы там сменяются только дождливый и сухой сезоны. Мне

удалось увидеть страну как раз на их стыке. По утрам было ясно. Но потом горизонт затягивали тучи, и день, как правило, заканчивался тропическим ливнем. Я пересек из конца в конец житницу страны — Яву, дивясь возможности одновременно видеть как бы все времена года, весь знакомый по другим странам Азии традиционный сельскохозяйственный календарь.

Куда ни глянь — рисовые поля. Некоторые из них залиты водой и сверкают, как слои слюды на изломе. На других видны согнувшиеся фигуры крестьян. Они высаживают рисовую рассаду. И ряды нежных стебельков штрихуют серебристую гладь, словно узор на шелке. А на соседних участках рис уже стоит стеной, напоминая бархат с высоким ворсом.

Тут же рядом золотятся прямоугольники полей, где всюду налились колосья. Крестьяне серпами ведут жатву, вымолачивают об камень снопы. У дорог желтеют рожи, на которых сохнет провеянное зерно. Курятся сизые дымки над выжженным жнивьем. А рядом темнеет свежая пашня. Мальчуган, стоя на бороне, погоняет буйволов, чтобы взрыхлить почву перед поливом. И женщины уже носят на коромыслах пучки рассады для нового урожая.

Воочию видишь бесконечно повторяющийся круговорот крестьянских забот. И вот среди плодородной, преображенной человеческими руками равнины Центральной Явы вдруг возникает темно-серая громада, ошестинившаяся какими-то зубцами, — нечто похожее на динозавра, который уснул среди зелени в душной и влажной жаре.

Храм Боробудур не зря считается одним из чудес света. У каждого человека, наверное, найдется свое сравнение для этого легендарного исторического памятника Индонезии. Мне Боробудур напомнил гигантский сказочный торт. Представьте себе уступчатую пирамиду из пяти квадратных и трех круглых ярусов, которая, словно пузатой бутылкой, увенчана каменной ступой.

Вдоль нижних квадратных террас тянутся 1460 резных барельефов. Если обойти их ярус за ярусом, трехкилометровая полоса каменных картин шаг за шагом откроет взору жития Будды.

Боробудур, название которого можно перевести как «святилище на холме», воплощает собой буддийскую идею о восьми ступенях на пути к просветлению. Его цоколь символизирует мир плотских вожделений, следующие четыре яруса — борьбу человека за подавление желаний, а три круглые террасы без барельефов — последние этапы приобщения к нирване. Боробудур своеобразен тем, что не имеет интерьера. Он представляет собой монолит — обложенный камнем холм. Верующие должны поклоняться там божеству не внутри храма, а на его внешней стороне.

Серые камни пышат жаром, словно неостывшая лава. Взбираешься вверх по крутым ступеням, движешься вдоль бесконечных барельефов и думаешь о том, что путь к просветлению воистину нелегок. Но вот наконец и вершина. Вокруг буйствует зелень, на востоке дымится вулкан Мерапи, словно напоминая о силах природы, которые на тысячу лет скрыли это чудо света от человеческих глаз.

Боробудур был построен в VIII—IX веках, став прототипом кампучийского Ангкор-вата. Полтора столетия он считался духовным центром Явы. Но потом из-за упадка буддизма был оставлен людьми. Вулканический пепел засыпал террасы, джунгли обступили храм и поглотили его.

Боробудур был вновь открыт лишь в 1814 году. Но после первой реставрации, проведенной в начале нашего века, оказался под новой угрозой. Видимо, потому, что не были восстановлены какие-то древние пути отвода дождевых потоков, почва холма стала постепенно размываться во время тропических ливней. И уступчатая пирамида Боробудура оказалась как бы повисшей над пустотой.

Почти десять лет Индонезия при содействии ЮНЕСКО занималась спасением Боробудура. Работы велись с применением самой современной техники. Храм пришлось, словно детский домик из кубиков, разобрать на части, чтобы укрепить холм бетоном. Параметры полутора миллионов каменных плит были занесены в память компьютера, чтобы вернуть их потом точно на прежние места.

Повидав это чудо света, приходишь к мысли, что каждый возделанный холм на Яве чем-то сродни Бобродуру. Как и строители древнего храма, индонезийские земледельцы обессмертили себя, создав зеркальные ступени залитых водой террас, в которых дробятся буйные краски тропического заката.

Путешествуя по Яве, прежде всего ощущаешь, как плотно заселена эта земля. Не успеет скрыться из глаз одно селение, как впереди уже маячит другое. Едешь весь день в нескончаемом потоке пешеходов, велорикш, конных двуколок, грузовиков и по обе стороны дороги видишь все ту же картину: черепичные крыши среди банановых рощ, рисовые поля, кокосовые пальмы на межах да темно-синие конусы вулканов на горизонте.

В одном из природных парков Джакарты есть искусственное озеро, на котором в уменьшенном масштабе воспроизведены острова, составляющие Индонезию. Пожалуй, только там можно с полной наглядностью представить себе, как неравномерно заселена эта страна, сколь велики ее пока еще не освоенные просторы.

Из 165 миллионов индонезийцев 95 миллионов живут на Яве. По площади, да и по конфигурации, этот остров можно сравнить с Чехословакией. Обитает же на нем почти вшестеро больше людей, чем в этой европейской стране, которую отнюдь не назовешь малонаселенной.

Ява составляет 7 процентов территории Индонезии. А сосредоточены на ней почти две трети населения, более половины обрабатываемых площадей, главная часть промышленного производства.

Долгое время Индонезия была крупнейшим в мире импортером риса. Но затем уступила это место Южной Корее и приблизилась к самообеспечению зерном. Однако с ростом населения спрос на рис продолжает повышаться. Правительство видит решение проблемы в «трансмиграции», то есть в организованном переселении безземельных крестьян с Явы на Суматру, Калимантан, Сулавеси, а в последнее время и на Западный Ириан. За пять лет планируется переселить

около восьмисот тысяч семей, то есть три-четыре миллиона человек. Государство оплачивает переселенцам проезд, выдает денежное пособие, инвентарь, отводит по 2 гектара земли на семью, берет на себя расходы по прокладке дорог, строительству школ, медицинских пунктов.

Если Ява заселена гуще всех островов Индонезии, то Суматра обладает самыми большими богатствами недр. По площади Суматра в три с лишним раза больше Явы, а проживает там около 30 миллионов человек. Большая часть острова все еще покрыта непроходимыми джунглями, где водятся тигры и слоны.

Но именно благодаря недрам Суматры Индонезия является одним из ведущих экспортеров нефти и газа, занимает второе место в мире по экспорту каучука, тропической древесины, пальмового масла и третье — по экспорту олова. На острове расширяется добыча бокситов, построен один из самых крупных в Азии алюминиевых комбинатов. Свыше половины товаров, которые Индонезия вывозит на мировой рынок, поставляется Суматрой.

Из всех стран Юго-Восточной Азии Индонезия в наибольшей степени наделена природными ресурсами, необходимыми для превращения в индустриальную державу. Но, несмотря на эти богатства, доля промышленного производства в валовом национальном продукте республики все еще более низка, чем в соседних государствах.

Благодаря доходам от нефти и газа, а также иностранным займам экономика Индонезии до середины 80-х годов развивалась довольно высокими темпами: ее валовой национальный продукт ежегодно рос на 7—8 процентов. За это время были заложены основы черной и цветной металлургии, машиностроения, электроники, автосборочной промышленности.

Однако чрезмерная зависимость от продажи нефти и газа (она обеспечивает 60 процентов поступлений в казну) дала себя знать, когда нефтяной бум пошел на убыль. Из-за падения спроса годовая квота добычи нефти была сокращена для Индонезии до 80 миллионов тонн. А тут еще главная ее покупательница — Япония стала расширять закупки нефти в Китае.

К тому же одновременно упали цены и на другие традиционные товары индонезийского экспорта. Все это больно ударило по Индонезии, поставило под вопрос долгосрочные планы развития.

Словом, положение дел в экономике страны неоднозначно. Наряду с успехами в создании промышленного потенциала в развитии сельского хозяйства выявились и серьезные трудности, порожденные как колониальным прошлым, так и засильем транснациональных корпораций. Именно этим, видимо, была продиктована корректировка индонезийской внешней политики, стремление придать ей более активный и более независимый характер.

В течение двух первых десятилетий после провозглашения независимости Индонезия, как известно, играла заметную роль в мировых делах. Она была одним из инициаторов Бандунгской конференции и основателей движения неприсоединения. Однако после трагических событий 1965 года произошла смена ориентиров. Главной заботой стало создание условий для получения помощи от западных держав. Следствием этого явилось свертывание отношений с социалистическими странами, более пассивная позиция в движении неприсоединения и на международной арене в целом.

Но вот наступил момент, когда в Джакарте, видимо, почувствовали, что прозападная ориентация не сулит выгод, что предпочтительнее более сбалансированный подход к международным делам.

Одним из проявлений нового курса стала инициатива Джакарты торжественно отметить 30-летие Бандунгской конференции. При подготовке и проведении этого мероприятия позиция Индонезии в движении неприсоединения не только активизировалась, но и сместилась влево. По словам делийской газеты «Нэшнл геральд», это можно расценить как заявку на роль лидера неприсоединившихся государств после того, как Индия оставит пост председателя движения.

Индонезийские представители на международных форумах стали чаще высказываться по проблемам обуздания гонки вооружений и другим вопросам, по

которым они раньше предпочитали оставаться в тени, дабы не раздражать западных кредиторов. Налицо явное стремление повысить международный престиж республики.

В политических кругах Индонезии все более критически относятся к разговорам о «советской угрозе» Юго-Восточной Азии, все отчетливее сознают, что за подобными домыслами кроется намерение Вашингтона подключить Ассоциацию государств к своим замыслам в азиатско-тихоокеанском регионе, вовлечь эти страны в противоборство с Советским Союзом, превратить их в заложников глобальной ядерной стратегии Соединенных Штатов.

Негативно относится Индонезия и к попыткам заманить членов ассоциации в военный блок под вывеской так называемого «Тихоокеанского сообщества». Она считает нецелесообразным создание в регионе какой-либо новой межправительственной организации, тем более имеющей политическую окраску. Как наименее развитая из стран Юго-Восточной Азии, она знает, что больше всех проиграет от тихоокеанской экономической интеграции, и потому соглашается лишь на ограниченные формы сотрудничества в отдельных областях, например, в подготовке квалифицированных кадров.

Красующаяся в гербе Индонезии мифическая птица Гаруда держит в своих лапах ленту с надписью: «Единство в многообразии».

Как обширный архипелаг, Индонезия представляет собой сплав многих различных культур и внешних влияний, которые еще далеко не во всем пришли к общему знаменателю. Недаром насчет этой страны существует ироническая поговорка: «Если вы понимаете, что там происходит, значит, вы плохо информированы...»

За сорок лет после свержения колониального гнета индонезийский народ изведal успехи и неудачи, имел поводы радоваться и горевать. Сильная, независимая, процветающая Индонезия, активно выступающая на мировой арене в той роли, какую она играла во времена Бандунга,— таковы чаяния народа, населяющего страну тринадцати тысяч островов.

Тридцать лет спустя

Самолет летит навстречу ночи, будто спрессовывая ее своей скоростью. В третьем часу начинает светать. Остались позади горные кряжи Монголии. Внизу бескрайняя бурая равнина, прочерченная прямой черной линией.

Догадываюсь, что это железная дорога Цзинин — Эрлянь. Когда-то я ездил на строительство этой магистрали, которая пересекла пустыню Гоби, связав Москву и Пекин прямым железнодорожным сообщением через Улан-Батор.

Кончились безжизненные пески. Теперь равнина внизу похожа на паркет: она разграфлена прямыми полосками полей. Урожай собран. На фоне пашни ярко выделяются золотистые груды кукурузных початков. Блеснула под крылом гладь водохранилища. Самолет совершает посадку в аэропорту Пекина.

С волнением ожидаю встречи с городом, где тридцать с лишним лет назад начиналась моя журналистская судьба; с городом, куда я приехал в первом году первой китайской пятилетки.

Поезд «Москва — Пекин» находился тогда в пути больше дней, чем теперешний «Ил-62» — летных часов. Навсегда запомнилась привокзальная площадь: крики лоточников, звонки велорикш и зубчатая каменная стена с башней ворот Цяньмэнь. Эти величественные ворота отделяют Внутренний город с его дворцами и парками от Внешнего, исстари предназначенный быть торгово-ремесленным посадом китайской столицы.

По пути из аэропорта тщетно ищу глазами привычный контур городской стены. Ее снесли. Только по древним астрономическим приборам на одной из сохранных башен можно узнать место, где когда-то я прожил несколько лет. Обсаженная акацией, тополем и туей автострада незаметно превращается теперь в главную улицу Пекина — проспект Чананьцзе.

Ворота Цяньмэнь по-прежнему замыкают с юга центральную площадь китайской столицы. Узнаю старое здание городского вокзала (теперь там клуб железнодорожников). А вокруг совершенно неведо-

мый мне Пекин. По контуру снесенной городской стены выстроились шеренги современных жилых домов в 15—20 этажей. Между ними пролегла шестирядная магистраль с лампионами, подземными переходами, станциями метро. В городе действуют уже две линии метрополитена: кольцевая и осевая (которая, как и проспект Чананьцзе, пересекает столицу с востока на запад).

Немного не доехав до центральной площади Тяньаньмэнь, сворачиваем к знакомой гостинице «Пекин», вернее к ее новому восемнадцатизэтажному корпусу. С балкона моего номера можно взглянуть на город с непривычной высоты. Когда-то в китайской столице не разрешалось возводить здания выше императорского дворца. Город был преимущественно одноэтажным. Глухие стены скрывали от посторонних глаз жизнь его внутренних двориков и даже кроны разросшихся там деревьев. Сверху же вся эта зелень неожиданно открывается взору.

В транспортном потоке на проспекте Чананьцзе по-прежнему много велосипедистов. Но им теперь отведены лишь крайние дорожки у тротуаров. Всей остальной проезжей частью завладели автомашины. Сдвоенные автобусы отечественного производства стали, как и метро, привычными для пекинцев видами городского транспорта, вытеснив некогда вездесущих велорикш.

Итак, изменился ли Пекин с 50-х годов? Разумеется. Но не настолько, чтобы стать неузнаваемым. Районы новостроек выросли в предместьях. Внутренний же город в основном сохранил былой облик. Почти как прежде выглядит торговая улица Ванфуцзин (не считая того, что по ней пустили троллейбус). По широком тротуарам течет нескончаемая человеческая река. И, взглядываясь в нее, убеждаешься, что сказанное о Пекине можно, пожалуй, отнести и к пекинцам.

Облик толпы бесспорно изменился. Но нельзя сказать, чтобы люди в массе стали одеваться иначе. Большинство горожан по-прежнему носит традиционную синюю или серую одежду кадровых работников. Если порой и встречаются яркие свитеры, блузки, джинсы, то обычно на юношах и девушках. Следовать

современной моде предпочитает в основном молодежь. Хотя стремление одеваться красиво не только допускается, но и поощряется. Об этом дают понять своим обликом и дикторы телевидения: мужчины — в пиджаках и галстуках, женщины с модными прическами, в нарядных платьях.

Впрочем, и традиционная одежда, вошедшая в обиход со времен гражданской войны, выглядит иначе: на ней не стало заплат. Чувствуется, что людям живется легче. Помню время, когда символами благосостояния, которые передовик труда гордо демонстрировал гостям, были махровое полотенце, эмалированный тазик для умывания и разрисованный цветами термос. Пределом мечтаний горожанина считался велосипед.

Теперь в универсаме можно застать крестьян, приобретающих мотоциклы и телевизоры. А по утрам на улицах часто видишь бегунов в спортивной форме и с шанхайскими транзисторными приемниками в руках. Появились покупатели часов, фотоаппаратов.

Вместе с тягой приобретать заметно возросло и стремление заработать. Домохозяйки содержат платные велосипедные стоянки возле станций метро, кинотеатров, магазинов, торгуют на улицах чаем и семечками. Детвора в парках деловито собирает шишки криптомерий, чтобы сдать их в лесопитомник. Даже престарелые пекинцы, что на рассвете занимаются древней китайской гимнастикой «ушу», нередко выступают теперь в роли платных инструкторов.

Этот коммерческий дух ощущается и в том, что торговая реклама исподволь вытеснила наглядную агитацию, характерную для 50-х годов. Когда я впервые приехал в Китай, на перекрестке возле гостиницы «Пекин» красовался плакат «Отпор Америке, помощь Кореел!». Теперь на этом же месте установлен рекламный щит японской фирмы «Сони».

И все же главные перемены — это не многоэтажные здания, не станции метро и не новые товары, вошедшие в быт. Главные перемены написаны на лицах людей. На них не чувствуется скованности, напряжения. Естественные человеческие чувства прорвались

наружу. Особенно заметно страстное желание побыстрее вырваться из нужды, прийти к зажиточной жизни.

Похоже, что китайцы переживают нечто похожее на эйфорию выздоровления. «Большой скачок», «культурная революция», бесчинства «банды четырех» — обо всем этом они не могут вспоминать без содрогания. Но кошмар уже ушел в прошлое. Страшные годы позади — от сознания одного этого у людей легчает на душе.

В Пекине, судя по всему, стараются использовать этот психологический настрой. О чем бы ни заходила речь, упоминают декабрь 1978 года. Беседа на любую тему неизбежно начинается с формулы: «После III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва...»

Ссылки на «дух III пленума» обычно трактуются как поворот от трескучей фразеологии к реальной действительности, от бесчисленных кампаний, которые два десятилетия лихорадили страну, к практической работе по модернизации Китая.

Во времена «большого скачка» был возведен в абсолют революционный энтузиазм и целиком отвергнут принцип материальной заинтересованности — его осуждали как проявление ревизионизма. Ныне же налицо сдвиг в диаметрально противоположную сторону. Теперь абсолютизируется сугубый прагматизм: неважно, мол, какие использовать стимулы, — лишь бы они давали эффект.

Примером этого может служить переход к системе семейного подряда в сельском хозяйстве, в результате чего основной хозяйственной единицей в деревне стал крестьянский двор. Приехав в Китай с делегацией, приглашенной на 35-ю годовщину Общества китайско-советской дружбы, я мог лишь частично познакомиться с данным процессом. Но о некоторых личных впечатлениях и встречах хотелось бы рассказать.

Случилось так, что в маршрут нашей поездки был включен уезд Цюйфу провинции Шаньдун, где когда-то родился Конфуций. А как раз на примере местных крестьян-земляков этого древнекитайского философа я в 50-х годах попробовал рассказать советским читателям обо всех этапах социалистических преобразова-

ний в китайской деревне: о разделе помещичьих земель во время аграрной реформы, о создании групп трудовой взаимопомощи, о превращении их в производственные кооперативы, затем — в народные коммуны.

Вновь отыскать героев этих очерков у меня не было времени. Но нам довелось много поездить по проселочным дорогам Шаньдуна, побеседовать о сельских делах с кадровыми работниками уездного и провинциального звена.

По своему населению, которое приближается к 80 миллионам человек, Шаньдун превосходит любое западноевропейское государство, но занимает лишь третье место среди провинций страны. Уже эти цифры говорят о специфике китайской деревни, о масштабности связанных с ней проблем.

Едешь по шаньдунской равнине и думаешь: все здесь воплощает щедрую меру человеческого труда — и каменная кладка величественных ирригационных сооружений и тщание, с которым возделаны поля, похожие размерами на приусадебные участки.

Главное транспортное средство на проселке — ручная тележка. Главное действующее лицо в поле — крестьянин с мотыгой. Чаще увидишь нескольких впрягшихся в борону людей, чем вола в упряжке, а тем более трактор.

Мотивируя переход к системе семейного подряда, мои собеседники прежде всего упирали на то, что рабочая сила сельских районов Китая насчитывает около 500 миллионов человек. А для возделывания пригодных к обработке площадей достаточно примерно 150 миллионов. Чтобы остальные нашли себе дело на месте и не хлынули в города, выдвинут лозунг «Покидать земледелие, не покидая села». Новая система хозяйствования предназначена, в частности, способствовать этому.

В народных коммунах упор всюду делался на производство зерна. Теперь полнее учитываются местные условия. И хотя больше пашни стало использоваться под хлопок и масличные, валовые сборы зерна не снизились, а, наоборот, возросли. Поощряется появление

«специализированных дворов» различного профиля. Все больше людей берется за животноводство, рыбководство, лесоводство, подсобные промыслы.

Производственные задания, пояснил в беседе с нами заместитель председателя провинциального правительства Ли Чжэнь, доводятся теперь сверху до уезда только по ключевым показателям (зерно, овощи, хлопок, масличные). А распределением их между подрячиками, то есть крестьянскими семьями или группами семей, занимается производственная бригада.

По контракту, обычно на трехлетний срок, крестьянский двор обязуется ежегодно выращивать на закрепленной за ним земле определенное количество продукции и продавать ее по твердой государственной цене. Сделав это и уплатив положенные сборы, семья вправе самостоятельно распоряжаться оставшейся частью урожая. Производственные задания учитывают урожайность данного поля в предыдущие годы, чтобы доходы земледельцев соответствовали количеству вложенного ими труда.

Народные коммуны, рассказал мне научный сотрудник Института проблем сельского хозяйства Ян Фанчжи, до недавних пор совмещали в масштабе волости как производственные, так и административные функции. Теперь в качестве низового органа государственной власти вновь восстановлена волостная управа. А в производстве за коммуной сохранена роль промежуточного, координирующего звена между уездом и производственной бригадой.

По утверждению Ян Фанчжи, система семейного подряда не перечеркивает результаты коллективизации сельского хозяйства, а опирается на них. Земля по-прежнему остается в общенародной собственности. Меняется же форма организации производства.

В условиях китайской деревни коллективизация не сопровождалась механизацией. Она дала экономический эффект прежде всего благодаря улучшению землеустройства. Когда исчезли межи, появилась возможность разумно спланировать поля и оросительные сооружения с учетом рельефа местности.

Построенные сообща ирригационные объекты по-прежнему находятся в коллективном пользовании.

Правда, подписав контракт на обработку какого-то поля, крестьянин теперь проявляет меньше заинтересованности поддерживать в порядке каналы или плотины за его пределами. Поэтому предусмотрено, что каждый двор, независимо от его специализации, должен отчислять часть дохода на ремонт ирригационных сооружений и другие совместные нужды.

Принадлежащая народным коммуна техника кое-где закреплена на основе подряда за звеньями механизаторов. Но в большинстве случаев продана в расрочку отдельным дворам.

По словам Ян Фанчжи, в руках «умелых» хозяйств, способных выращивать наибольшие урожаи зерна, хлопка, овощей, и должна постепенно сосредоточиться пахотная земля. Остальным же предстоит «покидать земледелие, не покидая села».

С некоторыми новыми формами приложения рабочей силы нас познакомили в народной коммуне имени Китайско-советской дружбы, расположенной к западу от Пекина. Почти половина ее рабочей силы занята в овощеводстве. Дело это более трудоемкое и менее прибыльное, чем, скажем, выращивание фруктов.

Но в пригородных зонах именно овощи служат основным из производственных показателей, которые планируются для коммуны сверху. Кроме обязательных заданий по овощам и свинине, рассказал председатель правления коммуны Цюй Гохун, коллектив сам планирует свою хозяйственную деятельность.

Учитывая близость к столице, члены коммуны своими силами построили шестнадцать общежитий для китайских туристов. Оборудовали современную прачечную. Пригласили городского повара обучить своей профессии группу крестьянок. Приобрели автобус, чтобы возить в город тех, кто ночует в гостиницах. А поскольку желающих побывать в столице неизмеримо больше, чем мест в гостиницах, от заявок нет отбоя. Профсоюз горняков Таншаня, например, авансом оплатил себе возможность в течение года поочередно присылать группы шахтеров на недельные курсы.

По соседству мы посетили мастерскую, где около сотни женщин пришивали этикетки к модным свите-

рам ручной вязки. Крупная итальянская фирма поставляет коммуне шерстяные нитки и модели. Заказы на рукава, спины, бока рассылаются вместе с выкройками по окрестным деревням. А поступающие оттуда детали соединяются в готовые изделия. Экспортируется, таким образом, овеществленный труд надомниц.

Знакомя нас с результатами перехода к семейному подряду на селе, китайские собеседники говорили и о нежелательных побочных последствиях этого процесса. Об этом много пишет и местная печать. Официально признается, что не все жители каждого села и не все районы страны смогут прийти к зажиточной жизни одновременно. Стало быть, неизбежно обострится имущественное (а по существу классовое) расслоение крестьянства. «Умелые хозяева» уже сейчас имеют право нанимать дополнительную рабочую силу.

Стимулируя экономическую активность, дух предпринимательства в то же время чреват отрицательными социальными и политическими последствиями. Своекорыстные соображения трудно совместить с идейной убежденностью. К тому же у тех, кому не удастся разбогатеть дозволенными путями, возникает соблазн сделать это иначе. Местные власти обеспокоены волной грабежей, попыток подкупать государственных служащих, ведающих распределением материальных ресурсов (многоукладная экономика создает благоприятную почву для такого рода коррупции).

Пребывание нашей делегации в Китае было кратким. Но даже немногочисленные контакты оставили впечатление, что, несмотря на эксцессы «культурной революции», в народе нет чувства вражды к советским людям. Вновь возобновило свою деятельность Общество китайско-советской дружбы, которое было первой массовой общественной организацией, созданной после провозглашения республики.

Вспомнилось, как в декабрьские дни 1953 года республика праздновала первую победу первой китайской пятилетки: пуск новых объектов Аньшаньского металлургического комбината. Их по праву называли детищем китайско-советской дружбы. А вскоре металлурги страны бросили дерзкий клич: «Догнать Анг-

лию!» И вот теперь Китай выплавляет более 45 миллионов тонн стали, уступая по этому показателю лишь ведущим индустриальным державам мира: СССР, Японии, США. Вспомнилось, как в 1956 году строители первенца отечественного автостроения встречали первый китайский грузовик, сошедший с конвейера в Чанчуне. А сейчас по дорогам страны движется уже около трех миллионов автомашин китайского производства.

Как свидетеля славных свершений первой китайской пятилетки, меня радует, что в последние годы вновь активизировались связи между нашими странами в экономике, науке, культуре и других областях. Пусть же личные контакты помогают людям убедиться: сам здравый смысл требует, чтобы два великих соседних народа жили в мире и дружбе.

Орел на кактусе

«Такой земли я не видал и не думал, что такие земли бывают». Этими словами когда-то выразил свои первые впечатления о Мексике Владимир Маяковский. Из окна вагона он увидел причудливые контуры кактусов на пыльных холмах, розовевших в свете зари.

Мексика, какой заочно представляешь ее себе, действительно существует. Глубокие каньоны, над которыми парят орлы. В прозрачном воздухе прорисовывается каждая складка, каждый выступ безжизненных, безлюдных гор. Лишь изредка из-за гребня холма покажется фигура всадника. Типичный ландшафт для съемки ковбойских фильмов со стрельбой и погонями!

Ни дерева, ни кустика — только кактусы, поражающие разнообразием и неожиданностью своих форм. Да, не случайно на мексиканском гербе изображен орел, который сидит на кактусе и держит в клюве змею.

Привычный образ страны оказался верным, но не исчерпывающим. Лично меня Мексика, пожалуй, больше всего поразила именно тем, что открылась не-

ожиданно многоликой. Сначала мне довелось увидеть совсем другое ее лицо: зеленое неистовство сельвы — низкорослых тропических лесов.

Эти буйные, непроходимые заросли, словно толстой звериной шкурой, покрывают полуостров Юкатан. Среди них прячутся древние городища народа майя. Их уступчатые пирамиды и каменные храмы с изображениями пернатого змея как бы прорастают сквозь зеленую толщу сельвы.

Железная дорога Чиуауа — Пасифико, идущая по северным штатам, открывает еще одно лицо Мексики. Поезд целый день мчится среди лесистых гор и пенящихся рек.

Кое-где скальные породы выходят на поверхность гранитными кручами, похожими то на храмы ацтеков или майя, то на крепости, возведенные конкистадорами. А золотящиеся рядом стволы сосен напоминают о том, что Мексика в значительной своей части — это лесная страна.

И опять безжизненно серые, будто сложенные из первозданного праха холмы. Самый большой и самый засушливый штат Чиуауа имеет самую протяженную границу с Соединенными Штатами. Оттуда, из-за реки Рио-Гранде, если верить голливудским лентам, бегут из США грабители банков с мешками похищенных долларов.

В действительности же пограничную реку куда чаще тайком пересекают «брасерос» — мексиканские бедняки, вынужденные искать заработка в США.

Когда говорят о проблеме «Север — Юг», имея в виду отношения между индустриальными капиталистическими державами и развивающимися странами, такой географический водораздел во многом условен. Но вот в том, что касается США и Мексики, термин «Север — Юг» действительно точен.

«Бедная Мексика — она так далека от бога и так близка к Соединенным Штатам!» Эта крылатая фраза часто звучит к югу от пограничной реки Рио-Гранде. Северный сосед всегда был для страны самой непосредственной угрозой.

В Мехико — городе, который по численности населения далеко превзошел Лондон, Нью-Йорк и Токио,

много памятников, помогающих понять, как относится ныне народ к событиям своей истории.

На фасаде президентского дворца висит колокол из селения Долорес. Его удары в ночь на 16 сентября 1810 года возвестили о начале борьбы против трехвекового колониального ига Испании. В этот день принято было возлагать венки к Колонне независимости на главной магистрали столицы.

Но не так давно народной святыней, местом церемоний в день национального праздника было решено считать другой монумент — памятник шести мексиканским кадетам. Юные герои погибли в неравной схватке, защищая замок Чепультепек во время американской интервенции 1846—1848 годов. Идея независимости связывается теперь именно с этим событием.

Мексика вступила в 80-е годы как страна с семидесятимиллионным населением. По числу жителей она лишь втрое уступает Соединенным Штатам. Но ее возросшая способность противостоять козням северного соседа объясняется не только этим.

Мексика выдвинулась на четвертое место в мире по добыче нефти, уступая теперь лишь Советскому Союзу, Соединенным Штатам и Саудовской Аравии. Еще в середине 70-х годов она занимала среди нефтедобывающих государств пятнадцатое место. И вот к началу нынешнего десятилетия разведанные запасы мексиканской нефти увеличились в десять раз, а добыча — втрое, превысив 120 миллионов тонн в год.

Мексиканская нефть стала основой государственного сектора экономики. В столице об этом напоминает каменный столб с барельефами нефтяников, рядом с которым бьет многоярусный фонтан. Монумент установлен в честь декрета о национализации нефтяной промышленности, который президент Ласаро Карденас подписал еще 18 марта 1938 года. Это был смелый вызов Вашингтону и Лондону: американский концерн «Стандарт ойл» и англо-голландский «Ройял датч-Шелл» лишились возможности быть безраздельными хозяевами мексиканских месторождений.

Однако в полной мере значение декрета о национализации сказалось лишь теперь, когда большая

нефть Мексики стала реальностью. Отечественная нефтяная промышленность смогла уверенно встать на ноги. Государственная компания «Пемекс» занимается не только разведкой и добычей нефти, но также ее транспортировкой и переработкой. Она прокладывает нефтепроводы, имеет танкерный флот, располагает нефтеперегонными заводами, парком бензовозов и сетью автозаправочных станций. Ежегодно четверть всех доходов от нефти отчисляется для финансирования компании «Пемекс», а остальная сумма поступает в государственный бюджет.

«Нефть для нашей страны — это великий шанс; но это — и великий риск», — говорят мексиканцы. Что же омрачает их оптимизм? Опять-таки тень северного соседа. Вашингтон считает нефтяные месторождения Мексики своим стратегическим резервом, пытается диктовать ей, какими темпами эту нефть добывать, куда и по каким ценам экспортировать.

Как только полуостров Юкатан раскрыл людям богатства своих недр, Вашингтон взял курс на то, чтобы увеличить зависимость Мексики от США путем односторонней ориентации ее нефтяного экспорта на американский рынок. После утраты былых позиций в Иране Соединенные Штаты стали домогаться доступа к мексиканской нефти, чтобы за счет ее сократить закупки на Ближнем Востоке.

Мексиканское правительство еще в середине 70-х годов сформулировало принципы, предназначенные не допустить чрезмерной зависимости от экспорта нефти в США. Было решено, во-первых, продавать за рубеж не больше нефти, чем ее потребляется внутри страны, а во-вторых, установить, что ни один покупатель не может претендовать больше, чем на половину всего экспорта.

Надежная основа государственного сектора, рычаг для модернизации других отраслей промышленности, залог того, что страна обретет наконец подлинную экономическую независимость, — так привыкли мексиканцы характеризовать роль отечественной нефтяной промышленности. Благодаря экспорту нефти мексиканская экономика в течение четырех лет (1978—

1981) действительно развивалась бурными темпами: ее реальный рост составлял 8 процентов в год.

Это позволило Мексике опередить по своему промышленному потенциалу все страны Латинской Америки, кроме Бразилии, все страны Африки, кроме ЮАР, все несоциалистические страны Азии, кроме Японии.

Полагая, что выручка от продажи «черного золота» будет расти и впредь, правительство приступило к осуществлению широких планов индустриализации. Было, в частности, намечено расширить к 1990 году производственные мощности по переработке нефти с 9 до 23 миллионов тонн; модернизировать черную металлургию, чтобы за этот же срок поднять выплавку стали с 7 до 24 миллионов тонн; а также начать создание новых индустриально-портовых комплексов: двух — у Мексиканского залива и двух — на Тихоокеанском побережье, чтобы рассредоточить производственный потенциал страны.

Все эти программы требовали огромных закупок иностранной техники и технологии. Компания «Пемекс» стала, к примеру, одним из крупнейших импортеров оборудования по своему профилю. И уж тут американские нефтяные концерны постарались отыграть за то, что не смогли нажиться на богатствах полуострова Юкатан более непосредственным способом.

Мексике пришлось занимать деньги у иностранных банков. А потом просить новых займов, чтобы выплачивать проценты по старым. Долги росли, как снежный ком. И оставалось лишь уповать, что нефть будет и впредь расти в цене. Но случилось иначе.

После четырех лет бурного роста спрос на нефть стал падать. Пришлось приостанавливать или сокращать начатые экономические и социальные программы. И тут правительство оказалось как бы жертвой собственных успехов. Нелегко свертывать строительство заводов, дорог, школ, если почти половина трудоспособного населения Мексики не имеет постоянной работы.

Еще болезненнее урезать правительственные субсидии, составляющие пятую часть расходов мексикан-

ского бюджета. Американцы, приезжающие на субботу и воскресенье из Калифорнии и Техаса, не гнушаются закупать в Мексике недельный запас хлеба, залить лишнюю канистру бензина. Цены на товары первой необходимости, плата за коммунальные услуги удерживались на стабильном уровне благодаря правительственным субсидиям, отмена которых особенно ощутима для нуждающихся семей.

Чем же объяснить произошедшие перемены? Как и почему огромное богатство, подаренное природой, стало оборачиваться долговой кабалой?

Пример Мексики свидетельствует, что экономика развивающейся страны остается весьма уязвимой извне, даже когда иностранный капитал вроде бы лишен права безраздельно хозяйничать в ней. Мексиканский нефтяной бум совпал с очередным спадом в мировой капиталистической экономике.

Последствия этого спада, а также антикризисных мер, принятых ведущими западными державами, нанесли Мексике двойной удар. Во-первых, из-за падения спроса на топливо перестали расти и даже снизились цены на нефть. А во-вторых, почти одновременно с этим резко повысились банковские учетные ставки, возросли проценты по займам.

Мексика планировала ежегодно получать от продажи нефти примерно по 20 миллиардов долларов, а выручает лишь по 13—14 миллиардов. Снижение доходов от главной статьи экспорта заставило мексиканское правительство брать новые и новые займы. Но чем больше денег требовалось казне, тем дороже они становились, тем выше становились ставки банковского кредита.

К сочетанию этих двух неблагоприятных факторов добавился третий. Из-за различных темпов инфляции в Мексике и США песо обесцениваются быстрее, чем доллары. Это создавало почву для валютных спекуляций. Внедрившиеся в Мексике транснациональные корпорации, а также местные промышленники и банкиры принялись обращать свои прибыли в доллары и перечислять их за границу.

Нынешние трудности мексиканской экономики весьма типичны для развивающихся стран Азии, Аф-

рики, Латинской Америки. Их внешняя задолженность продолжает стремительно расти. Выплата одних лишь процентов по этому гигантскому долгу почти целиком поглощает доходы развивающихся стран от экспорта.

Пример Мексики, где нефтяное богатство, сначала двинув страну вперед, затем обернулось бременем долгов, наглядно показывает, сколь живучи скрытые формы эксплуатации и грабежа, унаследованные империализмом от колониальных времен, сколь необходим новый международный экономический порядок.

Самые большие долги в Латинской Америке имеют ныне Бразилия, Мексика, Аргентина, Венесуэла. Как видно, наиболее крупными должниками международного финансового капитала становятся страны отнюдь не самые бедные, а наоборот, щедро наделенные природными ресурсами. Парадокс? Нет, скорее закономерность. Империалисты предпочитают грабить тех, у кого есть что взять.

Мексика в этом смысле находится в особенно уязвимом положении. Общая граница с Соединенными Штатами протяженностью в 3000 километров сделала ее излюбленным объектом экспансии со стороны северного соседа. Мексиканская экономика находится в глубокой структурной зависимости от американского капитала. И нефтяной бум не смог положить ей конец.

С начала 80-х годов Мексика стала третьим после Канады и Японии торговым партнером США. В Вашингтоне это приветствуют как показатель «особых отношений». Мексиканцы же видят в торговле с северным соседом отношения всадника и лошади. Ведь американцы продают свое оборудование и технологию по монопольным ценам, а сырьевые товары скупают по заниженным.

США все еще в состоянии злоупотреблять своим положением крупнейшего покупателя мексиканских нефти, газа, сельскохозяйственных продуктов; основного источника капиталов для модернизации мексиканской экономики; наконец, своеобразной ролью резервуара для мексиканской рабочей силы, которая не может найти себе применения на родине. То один, то

другой из этих рычагов попеременно используется для нажима.

Одним из средств шантажа, к которым любит прибегать северный сосед, остается и проблема «брасерос». Безработица вынуждает миллионы мексиканцев нелегально пересекать границу и искать заработка в США. Именно нелегальное, а стало быть, бесправное положение мексиканских батраков делает их особенно удобным объектом для нещадной эксплуатации. Тем не менее Вашингтон то и дело грозит закрыть границу. Тогда, мол, в Мексике резко возрастет число безработных, множество семей лишится денежных переводов из США.

Мексиканское правительство настаивает, чтобы «брасерос» получили какой-то законный статус. Тогда на них распространялись бы трудовое законодательство, система социального страхования. Но Соединенные Штаты блокируют эти просьбы.

Они хотят связать проблему «брасерос» с идеей «североамериканского общего рынка». Пусть, мол, Мексика согласится быть членом такого объединения наряду с США и Канадой. Тогда вопрос о беспрепятственном перемещении рабочей силы решится сам собой. Но мексиканцы понимают: пойти на это значило бы отдать родину на съедение монополистическим акулам.

У Мексики сейчас больше возможностей для того, чтобы сопротивляться американскому диктату, проводить независимый курс и в экономических и в политических отношениях с другими государствами. И курс этот во многом противоречит империалистическим вождениям США в западном полушарии.

Именно история взаимоотношений с северным соседом, многочисленные военные интервенции США в Латинской Америке утвердили в качестве основы мексиканской внешней политики приверженность принципам невмешательства и самоопределения. И это предопределяет ее позицию по многим региональным и глобальным проблемам.

Мексика была первой страной западного полушария, которая еще в 1924 году признала Советскую Россию и установила с ней дипломатические отноше-

ния. В предвоенный период она оказывала активную поддержку республиканской Испании.

В 60-х годах она была единственной страной Латинской Америки, которая отказалась разорвать дипломатические отношения с Кубой и участвовать в санкциях против нее.

Мексика одной из первых признала сандинистское правительство в Никарагуа и предупредила Вашингтон, что какая-либо военная акция против этой страны была бы «величайшей исторической ошибкой».

Активный поборник нового международного экономического порядка, Мексика все чаще становится выразителем интересов других стран Латинской Америки. И это помогает ей противодействовать американскому диктату. В условиях, когда администрация Рейгана задалась целью восстановить главенствующую роль США в западном полушарии, когда Вашингтон развернул истерическую кампанию угроз в адрес Кубы, Никарагуа, патриотов Сальвадора, независимая внешняя политика Мексики служит существенной помехой для гегемонистских устремлений США.

Да, Мексика не просто одна из трех десятков латиноамериканских государств. Будучи уже по своему географическому положению барьером между Соединенными Штатами и Латинской Америкой, заняв наряду с Бразилией ведущее место в регионе по своему экономическому потенциалу, Мексика становится важным действующим лицом на мировой арене.

...Начинаясь недалеко от Памятника юным героям, главная магистраль мексиканской столицы заканчивается Площадью трех культур. Тут соседствуют друг с другом основания ацтекских пирамид, сложенный из их обломков католический собор и высотное здание министерства иностранных дел. Когда-то здесь, на торжище Тлателолко, сошлись в последней битве конкистадоры Кортеса и воины ацтекского вождя Куатемока. «Это не было ни победой, ни поражением. Это было рождение в муках новой нации — мексиканского народа» — гласит надпись на мемориальной доске.

Камни Тлателолко, как и других исторических памятников страны, хранят образ пернатого змея. Древние обитатели Мексики считали это священное суще-

ство символом того, что человек должен стремиться ввысь, к совершенству и свободе, что рожденный ползать может обрести способность летать. В этой легенде видится образ народа, который вынес трехвековое колониальное иго, изведal интервенции из-за Рио-Гранде и теперь, наконец, расправляет крылья.

Красное и черное

Из Манагуа на север по Панамериканскому шоссе движется колонна грузовиков. На борту каждого из них красно-черное полотнище с надписью: «Уборка кофе — фронт борьбы против контрреволюции и империализма». В машинах старшекласники со своими преподавателями. Но это не школьная экскурсия. Это трудовой батальон, который едет «на север, в горы», чтобы участвовать в страде.

Чем ближе граница с Гондурасом, чем теснее обступают дорогу зеленые холмы, тем чаще в картины мирного труда вкрапливаются приметы войны. С золотистыми горами кукурузных початков соседствуют составленные в козлы карабины. Возле каждого моста дежурят вооруженные патрули.

— Свобода или смерть! — кричит с грузовика юный запевала, взмахивая гитарой. Подхватывая эти слова, люди у дороги поднимают над головами винтовки и мачете.

Шоссе начинает петлять. За очередным поворотом бросается в глаза щит. На нем изображена колонна вооруженных всадников, а ниже написаны слова: «Вы въезжаете в горы Сеговии, где когда-то сражался Сандино».

Да, эти лесистые взгорья на северо-западе страны были оплотом «генерала свободных людей», как называл Сандино французский писатель Барбюс. Когда в 1927 году морская пехота США высадилась в порту Коринто, чтобы «защитить жизнь и имущество американских граждан в Никарагуа» (мотивировка вторжения США на Гренаду отнюдь не блещет оригинальностью), Аугусто Сандино возглавил вооруженную борь-

бу против интервентов. Сотни патриотов уходили «на север, в горы», чтобы встать под его красно-черное знамя.

Семь лет повстанческая армия героически сражалась против превосходящих сил оккупантов. Она согласилась прекратить боевые действия лишь после того, как морская пехота США убралась восвояси. Но Вашингтон успел выпестовать себе в Никарагуа послушное орудие — «национальную гвардию». В 1934 году по приказу ее начальника, будущего диктатора Сомосы, легендарный генерал был схвачен и казнен.

В начале 60-х годов новое поколение никарагуанских революционеров присвоило имя героя созданной ими военно-политической организации — Сандинистскому фронту национального освобождения (СФНО). Основатель фронта Карлос ФONSEКА погиб от пуль карателей в 1976 году. У вечного огня над его могилой в центре Манагуа развеваются красно-черные флаги СФНО и сине-бело-синие флаги республики.

Двухцветное знамя революции по-прежнему символизирует для никарагуанцев девиз Сандино «Свобода или смерть!». Но если Сандино и ФONSEКА отдали свои жизни за то, чтобы Никарагуа стала свободной, то теперь их священная клятва воплощает решимость народа защитить революционные завоевания. На стенах домов то и дело видишь плакат — на красно-черном фоне белеют слова: «Враг не пройдет!» А под ними — три поднятые руки, одна из которых держит винтовку, вторая — мачете, а третья — гитару.

Снова порыв молодых сердец влечет патриотов «на север, в горы». Никарагуанцам приходится отстаивать мир и суверенитет с оружием в руках, давать отпор контрреволюционным бандам. Наемникам Вашингтона не удалось запугать народ, тем более спровоцировать в стране гражданскую войну. Они посеяли не страх, а ненависть, не раскол, а тягу к единству.

После того, как в деревне Сан-Франциско дель Норте, лежащей в семи километрах от границы, бандиты зверски убили 14 крестьян, в пограничных департаментах было решено создать вооруженные отряды самообороны. Затем подразделения территориаль-

ной народной милиции были сформированы во всех населенных пунктах страны, а также на промышленных предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях. Осуществив лозунг «Все оружие — в руки народа!», правительство национального возрождения наглядно продемонстрировало, что революционная власть твердо опирается на поддержку масс.

Когда расчеты создать в Никарагуа «внутренний фронт» провалились, Вашингтон сделал ставку на экономическую блокаду. Были заморожены кредиты международных финансовых организаций, прекращен импорт в США никарагуанского сахара. Различные виды нажима, как и диверсионные акты, вроде поджога нефтехранилищ в порту Коринто, имеют целью дестабилизировать экономику республики.

Этим же объясняется и повышенная активность контрреволюционных банд в осенне-зимний период. Основными источниками иностранной валюты для Никарагуа служат кофе, хлопок, сахар и табак. Сбор основного экспортного товара — кофе идет с ноября по февраль в горном массиве северо-западной части страны, где рельеф местности благоприятствует действиям «контрас». Терроризировать 50 тысяч труженников кофейных плантаций и 20 тысяч добровольцев, которые приезжают помочь им в период уборки, — такова цель бандитских рейдов.

Вдоль крутого склона, из темно-бурой взрыхленной земли рядами поднимаются не то кусты, не то дерева в рост человека, ветви которых густо обсыпаны ягодами, похожими на кизил. Издали кажется, что среди листьев краснеют капельки крови.

Снизу, из густой зелени, доносится пение. Там трудятся старшекласники одной из школ Манагуа. На уборку кофе приехали впервые. Работать будут месяц, без выходных, с шести утра до трех дня.

— Все бы ничего, да уж больно донимают «контрас», — смеются девушки. — Мы здесь так называем москитов. Зато от бандитов у нас есть надежная защита! — Сборщицы показывают на рослых парней с автоматами, которые ссыпают красные ягоды из плоских корзин в холщовые мешки и таскают их вверх по склону. Рядом несет службу батальон резерва,

сформированный в университете города Леон. И такое соседство, судя по всему, радует как школьников, так и студентов.

Но молодежь, которая едет «на север, в горы», знает, что ее ждут не только вечера с песнями под гитару, что кофейные листья порой действительно брызгают кровью. Батальон резерва, сформированный из школьников выпускных классов, был направлен охранять плантации в долине реки Рио-Бланко. Возле поселка Сан-Хосе де лас Мулас (департамент Хинотега) одна из рот попала в засаду, оказалась под перекрестным огнем. Семнадцать юношей погибли в первом же для них бою. Самому младшему из них — Мигелю Кастильо — было 16 лет.

— Когда мой сын записывался добровольцем, он знал, что значат слова «Свобода или смерть!». Его старший брат был убит во время общенационального восстания 1979 года. Я отдала революции двух сыновей и готова проводить третьего. Да и мои натруженные руки еще могут держать винтовку! — сказала Эстер Кастильо, провожая гроб сына, накрытый красно-черным флагом.

Пограничный пункт Эль-Эспино. Панамериканское шоссе пересекает здесь границу между Никарагуа и Гондурасом. Крутой лесистый склон за поворотом, где временами вспыхивают стеклышки биноклей, уже на чужой стороне. В Эль-Эспино проходят таможенный досмотр, заправляются горячим грузовики, следующие транзитом в Коста-Рику, Панаму или в противоположном направлении. Теперь тут на каждом шагу воронки от мин. Бетонный козырек таможни расколот взрывами, телефонный узел и медпункт сожжены.

Крупная банда сомосовцев пыталась проникнуть отсюда в глубь страны под прикрытием минометного огня. Из-за холма, перед которым мы стоим, вели обстрел 120-миллиметровые минометы. Около четырехсот местных жителей пришлось эвакуировать в поселок Сомото и разместить в здании начальной школы.

На границе Никарагуа и Гондураса есть горные участки, которые не в состоянии контролировать ни одна из сторон. Но кто поверит, будто контрольно-пропускной пункт на международной магистрали мог

быть атакован без ведома и содействия гондурасских властей?!

Судя по численности задействованных формирований, подобная операция была предназначена не только помешать уборке кофе, но и осуществить давний замысел врагов революции — захватить какой-нибудь крупный пункт и провозгласить там «временное правительство». А оно тут же обратилось бы за признанием и помощью к США и соседним проамериканским режимам.

Ради этого контрреволюционеры уже не раз пытались овладеть городом Халапа. Он расположен на участке никарагуанской земли, который вклинивается в территорию Гондураса, так что проходящая поблизости граница огибает город с трех сторон. Начальник отдела внешних сношений министерства обороны капитан Роберто Санчес дает эти пояснения, знакомя нас с оперативной обстановкой и маршрутом поездки по пограничным районам. Уже потом от зарубежных коллег я узнал, что именно в Халапе мой собеседник был ранен, когда сопровождал большую группу иностранных журналистов, в том числе американских.

— Мы ехали на девяти автомашинах по грунтовой дороге, когда вокруг загремели взрывы, — рассказывает корреспондентка газеты «Вашингтон пост» Карен Янг. — Наш конвой из двадцати автоматчиков сумел подавить пулеметный огонь с соседних холмов, потеряв двух человек убитыми и шесть ранеными. Но минометы били откуда-то издалека, видимо, с гондурасской территории, и нам пришлось долго лежать у дороги, уткнувшись во вспаханную землю...

— Никарагуанской революции, — напомнил нам капитан Роберто Санчес, — угрожают три противника. Во-первых, это сомосовские недобитки, вооруженные и обученные Пентагоном и ЦРУ. Во-вторых, это войска соседних реакционных режимов, пытающихся возродить пресловутый ЦАСО — Центральноамериканский совет обороны. И, наконец, в-третьих, это янки.

У нас достаточно силы, чтобы блокировать действия контрреволюционных банд. С этой задачей, как правило, справляются даже не регулярные части, а батальоны резерва при поддержке народной милиции.

У нас хватит сил, чтобы отбить удар Гондураса и даже всех стран ЦАСО. Но нельзя забывать, что подобный конфликт может быть использован как повод для прямой интервенции Соединенных Штатов.

Вашингтон, разумеется, был бы не прочь повторить в Никарагуа то, что было сделано на Гренаде. Все упирается в вопрос: какой ценой и под каким предлогом? Поэтому мы обязаны всерьез учитывать возможность самого худшего. И чем лучше мы подготовимся к длительной общенародной партизанской войне, тем труднее будет Вашингтону решиться на вторжение...

В тропиках солнце не садится, а словно падает за горизонт, увлекая за собой яркую, но короткую зарю. К семи вечера в Манагуа уже совсем темно. Но, возвращаясь из поездок даже за полночь, мы всякий раз убеждались, что город не спит. На перекрестках, а то и просто через каждые 50—100 метров улицы нам встречались группы людей с карманными фонариками. Оказалось, что во всех городах и селах Никарагуа с 11 вечера до 5 утра организовано двухсменное дежурство дружин революционной бдительности.

В один из вечеров мы отправились познакомиться с этой своеобразной формой участия населения в охране общественного порядка в Сьюдад-Сандино — предместье столицы, некогда известное преступностью и другими пороками социального дна.

Спутники рассказали, что из 600 тысяч жителей Манагуа в дружинах революционной бдительности участвуют около 100 тысяч человек. Поначалу мы усомнились: правильно ли поняли число? Но оказалось, что примерно такая же пропорция характерна для страны в целом. В охране порядка участвуют представители практически каждой семьи. А трехчасовое ночное дежурство дважды в месяц никто не считает обременительной нагрузкой. Дружинники не имеют оружия. Но их посты расположены так близко друг от друга, что с помощью условных свистков они могут сигнализировать народной милиции обо всем подозрительном и вызывать на помощь дежурных патрулей.

— Дружины революционной бдительности оказались не только действенной формой поддержания общественного порядка, но и серьезным подспорьем в борьбе с вражеской агентурой. Провести какое-то подпольное сборище стало куда труднее,— говорит начальник политуправления министерства внутренних дел Омар Кабесас.— Примечательно и то, что, хотя людям роздана уйма оружия, нет случаев злоупотребления им. Число уголовных преступлений резко упало.

Мобилизация всех сил народа против происков «контрас», подготовка страны на случай прямой военной интервенции США повысили роль комитетов защиты сандинистской революции, по существу, выполняющих роль местных ревкомов. Именно они руководят организацией дружин революционной бдительности, формированием отрядов территориальной народной милиции, записью добровольцев в батальоны резерва, а с недавних пор — и регистрацией призывников на основании закона о патриотической военной службе. На них же возложена организация гражданской обороны на местах, в частности создание аварийных запасов горючего, продовольствия, медикаментов.

Впрочем, подготовка эта ведется на всех уровнях, начиная от правительственных учреждений. Как рассказали нам в министерстве просвещения, 120 тысяч школьников и 30 тысяч студентов ежегодно проводят часть каникул на курсах по гражданской обороне. Замысел состоит в том, чтобы каждый из них смог потом передать основные знания по этому предмету своим родственникам по месту жительства.

Министр здравоохранения Леа Гидо рассказала, что перед свержением Сомосы она возглавляла женскую организацию, которой было поручено создать сеть подпольных медпунктов для раненых революционеров. Этот опыт пригодился, когда перед работниками здравоохранения встала задача: подготовить систему медицинской помощи на случай длительной войны против интервентов. В течение нескольких месяцев врачи и медсестры руководили формированием и обучением бригад первой помощи на предприятиях, в учреждениях, населенных пунктах. В них добровольно записались около 30 тысяч женщин.

Коллеги из газеты «Баррикада» показали нам блиндажи, где при бомбежке или обстреле могут укрыться сотрудники редакции, траншеи, открытые для круговой обороны, продемонстрировали действия пожарных дружин и медицинских постов.

— «Необъявленная война» наносит экономике Никарагуа двойкий ущерб,— говорил нам член Национального руководства СФНО Хаиме Уилок.— Во-первых, это прямые потери от боевых действий в пограничных районах и диверсий против важных народнохозяйственных объектов в тылу. Во-вторых, около двадцати процентов экономически активного населения оторвано от производства, участвуя в борьбе против контрреволюционных банд или в подготовке к отражению иностранной интервенции. Однако эти потери в известном смысле окупаются. Военная угроза повысила сознательность и организованность народа. Активизировалась деятельность общественных и массовых организаций. Повысился авторитет Сандинистского фронта национального освобождения как ведущей силы страны.

Мы стремимся лишить Белый дом любого предложения, которым можно было бы мотивировать вторжение в Никарагуа,— говорил Хаиме Уилок.— Нас обвиняют, будто мы экспортируем революцию и угрожаем соседним странам. Мы же предлагаем прекратить наращивание вооружений в Центральной Америке и договориться о выводе из стран региона всех иностранных военных советников. Президент США клеветает, будто сандинисты подавляют свободное волеизъявление народа. А мы, несмотря на чрезвычайное положение, провели в 1985 году всеобщие выборы с участием различных политических партий. В Вашингтоне твердят о тоталитарном режиме, о нарушении прав человека. А мы объявили частичную амнистию для тех, кто оказался по другую сторону баррикад, мы даем возможность оппозиции свободно высказывать свои взгляды на страницах газеты «Пrensa». Мы вырываем из рук Рейгана один его аргумент за другим. И в то же время меры, на которые мы идем во внутренней и внешней политике, способствуют развитию и углублению революционного процесса в Никарагуа.

Революция — всегда великая ломка, великое обновление. Она врывается в устоявшуюся жизнь водопадом новых явлений, взглядов, мерок. Она преобразует даже человеческую речь, вводя в обиход множество рожденных ею слов и понятий. Мы волей-неволей думали об этом, оказавшись в переполненном зале, где «маэстро популар», то есть буквально «народные учителя», встречались с бывшими «бригадистами». Понять значение этих двух терминов нам помог лишь третий: «общенациональный поход за грамотность».

Еще до прихода к власти сандинисты провозгласили одной из целей революции освобождение народа от цепей невежества. В первые же дни после свержения Сомосы правительство национального возрождения приступило к подготовке общенационального похода за грамотность.

Ставилась задача не только научить трудящиеся массы читать и писать, но и приобщить их к участию в революционном процессе с более высоким уровнем политического сознания. Если 1979 год вошел в революционный календарь как Год освобождения, то 1980-й был провозглашен Годом грамотности.

При подготовке похода умышленно использовалась военная терминология периода повстанческого движения. Страна была поделена на шесть фронтов. Около ста тысяч юношей и девушек стали «бригадистами», то есть вступили добровольцами в бригады Народной армии грамотности.

23 марта участники похода дали торжественную клятву у могилы Карлоса Фонсеки, основателя Сандинистского фронта национального освобождения, и прямо с митинга разъехались во все концы страны. Полгода спустя, 23 августа, они вновь собрались на площади в центре Манагуа, чтобы отпраздновать победу.

Благодаря их самоотверженным усилиям 406 тысяч никарагуанцев научились читать и писать. Доля неграмотных сократилась с 50 до 12 процентов населения. Если не считать Кубы, это лучший показатель для Латинской Америки. За столь выдающиеся достижения Республика Никарагуа была удостоена премии ЮНЕСКО.

Победа, одержанная участниками похода, не ограничивалась областью культуры. «Бригадисты» умело сочетали грамоту с политграмотой. Учебные тексты, методика занятий были разработаны с таким расчетом, чтобы донести до самых захолустных уголков страны основные знания о сандинистской революции — ее истоках, целях, текущих задачах. Неграмотных учили не только читать и писать. Их учили правильно понимать причины собственной бедности и отсталости, видеть пути преодоления этих невзгод.

Находясь в сельской глубинке, городские юноши и девушки попутно занимались решением и других важных для республики задач. Они, например, собрали на местах подробные сведения о структуре землевладения и землепользования. Этот материал представил большую ценность при подготовке закона об аграрной реформе. В никарагуанской деревне, где практически отсутствовало медицинское обслуживание, «бригадисты» положили начало борьбе против малярии, работе по предупреждению эпидемических заболеваний.

В Манагуа есть Музей ликбеза. На стенах одного из его залов развешаны фотографии шестидесяти юношей и девушек, которые пожертвовали своими жизнями во время общенационального похода за грамотность. Именно «бригадисты» первыми подверглись нападению контрреволюционных банд. Именно они открыли счет жертв «необъявленной войны».

Выросшие в городах юноши и девушки оказались в тяжелейших, совершенно непривычных для них условиях. Это было поистине сражение, участники которого гибли не только от бандитских пуль, но и от тропических болезней. Но общенациональный поход за грамотность в равной мере послужил школой жизни, школой революции и для тех, кто учился, и для тех, кто учил.

Полгода спустя «бригадисты» вернулись домой другими людьми — возмужавшими, умудренными опытом. Они воочию увидели суровую действительность своей страны, нужду и невежество, на которые было обречено большинство никарагуанцев. Это еще больше укрепило, поставило на реальную почву их благородное стремление посвятить свои силы и знания

народному благу. Поход был словно горном, в котором выковалось новое поколение революционных борцов. Именно в этом сражении родился Сандинистский союз молодежи.

При наступлении на неграмотность были заблаговременно приняты меры к тому, чтобы дело это воспринималось не как кратковременная кампания, а как начало непрерывного процесса просвещения народа. Группы ликбеза были организованы с таким расчетом, чтобы после завершения похода сохранить их как постоянно действующую сеть вечерних общеобразовательных кружков для взрослых.

«Бригадистам» было поручено выявлять наиболее способных учеников, выдвигать их сперва на роль старост групп, а потом готовить из них ассистентов, которые помогали бы вести занятия по закреплению пройденного материала. Лучшие из лучших получали рекомендации на краткосрочные педагогические курсы. Так сложился костяк «народных учителей», на плечи которых легло продолжение дела, начатого «бригадистами».

В Никарагуа ныне насчитывается около двадцати тысяч «народных учителей» — почти столько же, сколько профессиональных преподавателей в системе народного просвещения. Они ведут занятия в вечерних кружках для взрослых. Благодаря этому число неграмотных в республике ежегодно снижается еще на 75 тысяч человек. А для тех, кто уже научился читать и писать, обучение строится с таким расчетом, чтобы за пять лет пройти полную программу средней школы.

Пять вечеров в неделю «маэстро популар» учат других, а по субботам и воскресеньям учатся сами. Для них в эти дни по радио передаются лекции, преподаватели местных школ ведут с ними методические семинары. Общеобразовательные занятия в кружках для взрослых тесно увязываются с политическим просвещением, с пропагандой передовой агротехники, мер по профилактике инфекционных заболеваний, а в последнее время — основ военного дела.

Эту связь с актуальными проблемами дня мы отчетливо ощутили, присутствуя на конференции «на-

родных учителей». Представитель местного комитета защиты Сандинистской революции напомнил, что из 2,8 миллиона никарагуанцев различными видами обучения ныне охвачено около 1 миллиона человек. Докладчик охарактеризовал военно-политическую обстановку, сказал, что за один лишь год в боях с врагами революции погибли 32 «народных учителя». Но, подчеркнул он, это не должно породить настроений, что, когда пришла пора брать в руки винтовку, ходить на уроки, мол, ни к чему. Нужно умело сочетать работу общеобразовательных кружков для взрослых с другими неотложными кампаниями — с боевой подготовкой в отрядах территориальной народной милиции, с учениями по гражданской обороне, наконец, с формированием трудовых батальонов.

Поселок Ла Конча выглядит как в дни народных праздников. По ухабистым проселочным дорогам к нему с рассвета движутся вереницы переполненных людьми грузовиков и повозок, колонны ополченцев.

Принарядившиеся крестьяне толпятся на площади перед собором. В центре ее сооружен дощатый помост, украшенный ветками апельсиновых деревьев с оранжевыми плодами. Девушки с цветами в волосах перешучиваются с юными ополченцами. Звякают бубенчики на лотках торговцев сладями. Перекликаются гитары. Тут и там вспыхивают песни, то тесня одна другую, то сливаясь в единый хор. И по традиции здешних празднеств оглушительно взрываются петарды, добавляя хлопот вооруженным патрулям, бдительно несущим службу безопасности.

С тех пор как в Никарагуа введено чрезвычайное положение, уличные манифестации приходится ограничивать. Большие скопления людей могут быть использованы контрреволюционерами для враждебных вылазок, террористических актов. Но сегодня случай особый. В Ла Конча назначена торжественная церемония: раздача титулов на владение землей в соответствии с законом об аграрной реформе.

Итак, в Ла Конча раздают титулы. Словосочетание, родившееся в феодальные времена, обрело новый смысл. Когда-то, пожалованный придворному титул

свидетельствовал, что король одарил его поместьем. Теперь революционная власть раздает титулы крестьянам, провозглашает земледельцев землевладельцами. Такие документы получают сегодня в Ла Конча сто шесть бедняцких дворов. Им раздают земли сбежавших сомосовцев, а также местных помещиков, которые уклоняются от их возделывания.

Закону об аграрной реформе предшествовали два других важных события в летописи революции. Летом 1979 года, сразу же после свержения Сомосы, была конфискована собственность диктатора и его родственников. Этот шаг заложил основу для глубоких преобразований в сельскохозяйственном производстве и экономике Никарагуа вообще. А проведенный в 1980 году общенациональный поход за грамотность помог приобщить крестьянскую бедноту к сознательному участию в революционном процессе.

Структура сельского хозяйства, которую унаследовала революция, сложилась в середине XIX века. В Никарагуа капитализм получил развитие не в промышленном, а в сельскохозяйственном производстве. Сначала это были кофейные плантации, продукция которых предназначалась для Европы, и в частности для Англии. После второй мировой войны монополии США стали добиваться увеличения сборов хлопка в ряде стран Латинской Америки, в частности в Никарагуа.

Расширение кофейных и создание хлопковых плантаций придало сельскому хозяйству Никарагуа капиталистический характер. Оно сопровождалось концентрацией земельной собственности на плодородных равнинах, прилегающих к тихоокеанскому побережью.

Вытесненная оттуда в гористые районы центральной части страны сельская беднота вела, по существу, натуральное хозяйство. На своих мелких клочках земли крестьяне самым примитивным способом выращивали кукурузу на пропитание, а в страду нанимались на плантации убирать кофе, хлопок, сахарный тростник и табак.

Ко времени победы революции в Никарагуа возделывалось около 5 миллионов гектаров земли. Из них 2 миллиона принадлежало крупным помещикам (в

том числе Сомосе и его родне — более 1 миллиона гектаров). А на долю 120 тысяч мелких крестьянских хозяйств приходилось меньше чем по гектару на двор.

По иронии истории именно алчность клана Сомосы, его стремление превратить Никарагуа в семейное поместье облегчили сандинистам создание государственного сектора, располагающего командными высотами в экономике.

После бегства диктатора в собственность государства перешло 23 процента обрабатываемых площадей, причем главным образом плантации экспортных культур, на которых производится половина сахара и табака, треть хлопка и почти четверть кофе. Были национализированы и ключевые предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Ведь Сомоса держал в своих руках все скотобойни, половину сахарных и хлопкоочистительных заводов, две трети табачных фабрик.

В отличие от других стран Центральной Америки иностранные монополии предпочитали здесь не хозяйничать непосредственно на плантациях, а держать под контролем их финансирование и экспорт продукции, используя Сомосу как посредника. Поэтому, когда за конфискацией собственности диктатора последовала национализация банков и внешней торговли, это еще больше укрепило позиции государства в экономике, его способность воздействовать на частный сектор.

— Враги никарагуанской революции на все лады твердят, будто сандинисты национализировали всю частную собственность. Но это клевета. В Никарагуа сейчас больше частных предприятий, чем в Мексике, — говорит член Национального руководства СФНО Томас Борхе. — В руках государства находится примерно треть промышленного производства. Такова же доля сектора народной собственности (госхозов и кооперативов) в сельском хозяйстве. Так что курс на развитие смешанной экономики проводится в республике не на словах, а на деле. При этом, конечно, правительство стремится максимально использовать возможности частного сектора в общенародных интересах.

Такая экономическая политика, а также особенности сельского хозяйства Никарагуа нашли отражение

и в законе об аграрной реформе. Своеобразие его состоит в том, что он не устанавливает предельного размера земельной собственности. Подлежат экспроприации лишь имения, владельцы которых после победы революции либо покинули страну, либо по каким-то иным причинам не возделывали принадлежавшую им землю.

Но реформа не касается тех землевладельцев, даже крупных, которые эффективно ведут хозяйство, исправно вносят налоги и соблюдают законы об оплате наемного труда (на плантациях же у них трудятся теперь не бесправные батраки, а члены профсоюза сельскохозяйственных рабочих, которые при поддержке революционной власти могут постоять за себя).

Этот гибкий подход позволил сузить фронт противников революционных преобразований, избежать даже временного спада в производстве продовольственных и экспортных культур.

Между тем в аграрных отношениях произошли глубокие перемены. Доля частных поместий площадью свыше 350 гектаров сократилась с 40 до 12 процентов. Конфискованные у Сомосы крупные плантации с современными методами обработки, как правило, преобразованы в госхозы, ибо дробить их было бы экономически нецелесообразно. А земли, экспроприированные по закону об аграрной реформе, в первую очередь передаются беднякам, объединившимся в производственные кооперативы.

Поселок Ла Конча находится в густонаселенной части страны, прилегающей к озеру Никарагуа. Здесь много мелких кофейных плантаций и еще больше крестьянских хозяйств, вовсе не имеющих земли. Аграрный вопрос в этих местах особенно волнует людей. Так что на раздачу титулов жители окрестных селений съехались действительно как на народный праздник.

Вместе с руководителями окружного комитета СФНО на помост поднимаются четыре пожилые женщины. Это матери местных активистов, погибших от бандитских пуль. По традиции им отводится самая почетная роль на торжественных церемониях. И вот сегодня именно они вручают производственным коопе-

ративам и единоличникам документы на владение землей.

Последним титул получает Виктор Серда Фернандес. Ему досталось пять гектаров земли, принадлежавшей сомосовскому полковнику, который сбежал в Соединенные Штаты. Виктору 32 года. Он только что вернулся из батальона резерва. Полгода воевал «на севере, в горах». Виктор до сих пор ходит в маскировочном комбинезоне. Как инструктор по боевой подготовке учит местных ополченцев стрелять из карабина, с которым не расстается ни в поле, ни на митинге. Читать и писать научился лишь во время общенационального похода за грамотность.

Гордо раскрыв коленкорovou обложку, крестьянин торжественно декламирует: «Титул об аграрной реформе. На основании декрета № 782 правительства национального возрождения Республики Никарагуа от 19 июля 1981 года все права на владение участком земли в обозначенных ниже границах предоставляются Виктору Серда Фернандесу, проживающему в деревне Сабанито департамента Карасо».

Революция вырвала этого никарагуанского крестьянина из цепей невежества, наделила его землей, дала оружие, чтобы ее защищать. Виктор подходит к краю помоста. Взмахнув титулом, бросает в толпу чеканные, как клятва, слова: «Бороться до победы! Враг не пройдет!»

И тысячи людей, поднимая над головами винтовки, мачете и гитары, дружно подхватывают: «Нет! Нет! Нет — не пройдет!»

Послесловие

Автор этой книги — политический обозреватель газеты «Правда», видный советский журналист, писатель, имя которого хорошо известно читателям в нашей стране и за рубежом.

Всеволод Владимирович Овчинников родился 17 ноября 1926 года в Ленинграде, в семье архитектора. Там же учился в средней школе. Во время блокады был эвакуирован в Сибирь, где подростком начал трудовую жизнь. 17-летнего его призывают на службу в армию. Он готовится стать военным моряком, инженером. Но с воцарением на Земле мира волею судьбы оказывается студентом Института иностранных языков.

В 1951-м Всеволода Овчинникова, дипломированного переводчика с китайского и английского, зачисляет в свой штат редакция «Правды». Два года работает он в отделе социалистических стран, постигая «азы» и одновременно «высшую математику» газетного дела. А в пятьдесят третьем утверждается корреспондентом «Правды» в Китайской Народной Республике. Семь лет длится эта его первая зарубежная командировка, в течение которой оттачивается перо журналиста «божьей, как говорили в старину, милостью», обогащается красками палитра слова, слога, образа. Выходит в свет первая книга очерков Всеволода Овчинникова.

Возвратившись на Родину, он работает в редакции и интенсивно изучает японский, знакомится с историей, с проблемами Страны восходящего солнца. И в 1962-м едет туда корреспондентом «Правды». Эта его командировка продолжается шесть лет. Результатом ее, кроме регулярно публиковавшихся на страницах газеты очерков, корреспонденций, заметок, была книга «Ветка сакуры (Рассказ о том, что за люди японцы)». Она отмечена как явление в нашей журналистике. Талант ее автора раскрылся в ней с яркостью цветения удивительного и скромного растения — японской вишни — сакуры, избранного японским народом наряду с солнцем своим символом. Это сколь художественное, столь исследовательское произведение первооткрывает

советскому читателю многие стороны жизни, быта и сознания мало знакомого нам народа, приобщая нас к некоторым тайнам его обычаев и нравов, древнейшей его цивилизации.

С 1974 года по 1978 год Всеволод Овчинников был корреспондентом «Правды» в Великобритании. Творческим отчетом за этот период его журналистской деятельности стала книга «Корни дуба (Впечатления и размышления об Англии и англичанах)». В ней, выражаясь фигурально, востоковед предстал перед читателем в отлично скроенной паре из «английского сукна».

«Ветка сакуры» и «Корни дуба» были изданы в Японии и Англии, то есть в странах, которым они посвящены, а также печатались в Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии и опубликованы в переводе на азербайджанский, латышский, литовский, молдавский языки.

В 1984 году у Всеволода Овчинникова вышла книга «Горячий пепел (Хроника тайной гонки за обладание атомным оружием)». Мастерски построив сюжет, автор придал документальному повествованию форму захватывающего политического детектива. При этом он продемонстрировал искусство простыми средствами доходчиво объяснить сложную материю, расцветить художественным образом, казалось бы, самые прозаические места и поднялся до высоких публицистических обобщений.

За диологию «Сакура и дуб» и повесть «Горячий пепел» Всеволод Овчинников в 1985 году удостоен Государственной премии СССР.

Дополненный вариант повести «Горячий пепел» составляет первую часть настоящей книги. Три последующие ее части: «Восхождение на Фудзи» — репортажи из Японии, «Город у моста» — репортажи из Англии и «Стихия гонки» — репортажи из США, Ирландии, Индии, Индонезии, Китая и Никарагуа — составлены на основе публицистических материалов автора, публиковавшихся в «Правде».

Хронологически новая книга Всеволода Овчинникова охватывает без малого полувековой период. Тут события военных и послевоенных лет, шестидесятых и восьмидесятых годов. Но она каждой своей строкой современна, дышит в полную грудь воздухом нынешнего дня, анализирует его животрепещущие проблемы, зовет людей в светлое и мирное завтра.

У ее автора сильный голос.

Василий Журавский.

Содержание

Часть первая

ГОРЯЧИЙ ПЕПЕЛ

Хроника тайной гонки за обладание атомным оружием

День совпадений	6
Тревожные сигналы	9
Письмо Эйнштейна	13
Лейтенант Аллье	18
Комитет Томсона	21
Угольщик «Брумпарк»	23
«Урановое общество»	25
«Тьюб эллойс»	29
16-й пункт доклада	31
Диверсия на «Норск-гидро»	34
Эхо Сталинграда	38
Похоронный звон Квебека	41
«Манхэттенский проект»	44
Грозс и Оппенгеймер	46
Оппенгеймер и Паш	50
Совещание в Суйкося	54
Проект «Ни»	56
509-й авиаполк	60
Хлопоты Нильса Бора	61
Миссия «Алсос»	65
Находка в Страсбурге	69
Оружие отчаяния	72
Операция «Сорока»	75
Сайпан как мишень	78
Ставка на самоубийц	82
Начало конца	84
Операция «Обман»	90
Из Пенемюнде в Пентагон	93
Ученые против генералов	97
Крейсер «Индианаполис»	100
Долина смерти	103
Аламогордо и Потсдам	106
Просвет в облаках	110
Экипаж «Энолы Гей»	112

Обезглавленный Христос	115
Для следующей войны	118
Первый очевидец	120
Похищение улик	123
Охотники за трупами	126
Двадцать целей	129
«План Баруха»	133
Битая карта	136
Теллер и «супербомба»	141
Обвиняемый Оппенгеймер	145
Радист Кубояма	148
Бикини и Дьенбьенфу	150
Тени на мосту	152
Огненная река	155

Часть вторая

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ФУДЗИ

Репортажи из Японии

Восхождение на Фудзи	160
Заклученный тюрьмы Абасири	168
Гимн солидарности	176
Они знали Зорге	182
Обвиняемые по делу Первомай	190
Черные корабли	194
Судьба Микурадзимы	197
Восемь углов под одной крышей	203
Учителя верны клятве	207
Стихия и труд	210
Устойчивость велосипеда	218
Наняты пожизненно	224
Забытая заповедь	229
Лишние люди	234
Итай-итай	239
Полтораэтажный Токио	244
Полюсы вольтовой дуги	249
Торговцы дурманом	254
Власть теней	259
Желтая кровь	263
Полторы тысячи дней	266
Сражение в Фукусима	272
Девичьи руки	276
«Образец» с изнанки	279
Дыхание весны	283
У берегов лебединого озера	288
Сто восьмой удар колокола	290

Часть третья

ГОРОД У МОСТА

Репортажи из Англии

Город у моста	300
Бездомные люди и безлюдные дома	310
Свет в чужом окне	314
Сливки Эскота	319
Социальный фильтр	323
Торговля смертью	329
Дорогая цена	335
«Черное золото» в желтых слитках	340
Чертополох и роза	344
Ольстерский нарыв	349
Полигон для карателей	358
Свобода ненавидеть	363
Деннис и Эльза	369
Право на расправу	374
Магна карта и мультикартотеска	378
Консерваторы в роли реформаторов	382
Дом на Пэрсии-сёркус	386
«Руки прочь от России!»	390
Девять дней мая	398
Колокола Ковентри	405
Скалы острова Джерси	408

Часть четвертая

СТИХИЯ ГОНКИ

Репортажи из разных стран

Стихия гонки	416
Многострадальный остров	435
Дороги Индии	444
Перья Гаруды	450
Тридцать лет спустя	457
Орел на кактусе	465
Красное и черное	474

Овчинников В. В.

О-35 Горячий пепел.— М.: Правда, 1987.— 496 с.

«Горячий пепел» — это сборник публицистических произведений советского журналиста и писателя, лауреата Государственной премии СССР Всеволода Овчинникова, автора популярных книг «Ветка сакуры» и «Корни дуба».

Сборник состоит из четырех частей. Его открывает документальная повесть «Горячий пепел», представляющая собой сочетание исторической хроники и политического детектива. Она рассказывает о драматических эпизодах тайной гонки за обладание атомным оружием в годы второй мировой войны.

Вторую часть сборника — «Восхождение на Фудзи» составляют репортажи из Японии, третью — «Город у моста» — репортажи из Англии, четвертую — «Стихия гонки» — репортажи из США, Индии, Никарагуа и других стран.

Собранные в книге материалы дают представление о творческом пути автора за 35 лет работы в «Правде».

О $\frac{4502010000-68}{080(02)-87}$ 68—87

ББК 66.2(О)

Всеволод Владимирович Овчинников
ГОРЯЧИЙ ПЕПЕЛ

Документальная повесть
Репортажи и очерки

Ответственный редактор
В. А. Журавский

Редактор
В. Т. Фомичев

Оформление художника
А. И. Сперанского

Художественный редактор
В. В. Масленников

Технический редактор
К. И. Заботина

ИБ 68

Подписано к печати с готовых матриц 23.01.87.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,25. Уч.-изд. л. 25,08.
Тираж 500 000 экз. (3-й завод: 300 001—500 000 экз.).
Заказ № 907 Цена 1 руб.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, А-137, Москва, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии изд-ва Ворошиловградского
обкома КП Украины. 348022, г. Ворошиловград,
ул. Лермонтова, д 16.

1 руб.

Всеволод Владимирович Овчинников вот уже тридцать пять лет непрерывно трудится в газете «Правда». Он не только журналист-международник, но и писатель, автор пятнадцати книг. Большой популярностью пользуются его художественно - публицистические произведения «Ветка сакуры», «Корни дуба», «Горячий пепел», удостоенные в 1985 году Государственной премии СССР.